F 63
131

Ф. 63.
131.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

ПОЛИТИКИ

Л. З. СЛОНИМСКАГО.

„Patet omnibus veritas, nondum est occupata: multum ex illa etiam futuris relictum est".

Seneca, Epist. XXXIII.

Законы исторіи.—Политическія метаморфозы.—Право и безправіе войны.—Западно-европейскіе парламенты и парламентаризмъ.—Государственный соціализмъ, какъ политическая система.—Политическія партіи: 1) метаморфозы либерализма; 2) славянофилы и свободники.—Практика международной политики: 1) старые политическіе грѣхи; 2) балканскія дѣла; 3) внѣшніе союзы и газетная политика.—Приложенія: 1) о курсѣ проф. Мартенса; 2) по поводу полемики о войнѣ; 3) о книгахъ проф. Градовскаго и Гнейста.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1889.

131

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

ПОЛИТИКИ

Л. З. СЛОНИМСКАГО.

„Patet omnibus veritas, nondum est occupata: multum ex illa etiam futuris relictum est".

Seneca, Epist. XXXIII.

Законы исторіи.—Политическія метаморфозы.—Право и безправіе войны.—Западно-европейскіе парламенты и парламентаризмъ.—Государственный соціализмъ, какъ политическая система.—Политическія партіи: 1) метаморфозы либерализма; 2) славянофилы и свободники.—Практика международной политики: 1) старые политическіе грѣхи; 2) балканскія дѣла; 3) внѣшніе союзы и газетная политика.—Приложенія: 1) о курсѣ проф. Мартенса; 2) по поводу полемики о войнѣ; 3) о книгахъ проф. Градовскаго и Гнейста.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1889.

(1582)

2007058730

Посвящается

Фаинѣ Афанасьевнѣ

Слонимской.

ОТЪ АВТОРА.

Выступить передъ публикою съ отдѣльною книгою — это совершенно не то, что печатать статьи въ журналахъ, хотя-бы въ самыхъ авторитетныхъ и распространенныхъ. Мы не рѣшились бы издать простое собраніе своихъ журнальныхъ работъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ болѣе извѣстные или болѣе заслуженные писатели; мы имѣли въ виду предложить читателямъ цѣльный, систематическій трудъ, въ которомъ обстоятельно разобраны были бы главнѣйшіе общіе вопросы политики.

Отдѣльныя части настоящей книги, напечатанныя въ разное время въ „Вѣстникѣ Европы“, написаны были по извѣстному плану, въ разсчетѣ на позднѣйшее объединеніе ихъ. Матеріалъ отчасти переработанъ нами, дополненъ и приведенъ въ систему; добавлены литературныя и библіографическія указанія, могущія облегчить провѣрку излагаемыхъ фактовъ и воззрѣній. Многое, вѣроятно, покажется недостаточно убѣдительнымъ и не обставленнымъ надлежащими доказательствами; но—quod potui, feci.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Отъ автора I

Законы исторіи.

I. Историческіе факты и ихъ особенности. — Существуютъ-ли историческіе законы и чѣмъ отличаются они отъ законовъ естественныхъ?—Смѣшеніе фактовъ съ законами.—Необходимая условность всякаго научнаго закона, какъ естественнаго, такъ и соціальнаго.—Борьба за существованіе въ исторіи.—Мнимые историческіе законы и ихъ значеніе . . . . 1—14

II. Ложныя аналогіи и произвольныя соціологическія обобщенія.—Значеніе личностей въ исторіи . . . . 14—22

III. Взглядъ на историческія судьбы народовъ.—Законы инерціи и метаморфозъ . . . . . 22—25

Политическія метаморфозы.

IV. Метаморфозы первоначальной политической власти. — Преданія о Юрикѣ и Дейокѣ. — Безсознательныя перемѣны въ положеніи народовъ и правителей. — Короли у дикихъ племенъ.—Обобщенія Спенсера. . 26—34

V. Судебныя и военныя функціи королей.— Короли и императоры въ древнемъ Римѣ. — Метаморфозы въ значеніи политическихъ терминовъ . . . . . 35—40

VI. Образованіе западно-европейскихъ монархій.—Превращеніе государствъ въ частныя владѣнія правителей. — Вотчинный характеръ власти въ древней Россіи . . . . . 41—47

VII. Общія причины политическихъ метаморфозъ. — Печальное состояніе народовъ въ эпоху блеска и процвѣтанія феодальной монархіи въ западной Европѣ. —Ложные взгляды на государство и на правителей. 47—52

СТРАН.

VIII. Обратная метаморфоза монархической власти въ Европѣ.—Королевская власть въ Англіи.—Остатки прежнихъ воззрѣній, въ видѣ международныхъ брачныхъ проектовъ. — Западно-европейскія монархіи прежде и теперь . . . . . 52—60

Право и безправіе войны.

IX. Метаморфозы права войны. — Войны между племенами, между государствами и между народами,—пріобрѣтательныя, фантастическія и мнимо-національныя. Идея права въ примѣненіи къ военной борьбѣ. —Проектъ „вѣчнаго мира" Канта . . . . . 61—67

X. Реальный смыслъ войны. — Перспективы будущихъ столкновеній.—Проекты постояннаго третейскаго судилища.—Напрасныя иллюзіи.—Поворотъ во взглядахъ на войну . . . . . 68—75

XI. Современное значеніе войнъ. — Увлеченія и недомолвки военныхъ писателей.—Оправдательныя теоріи ученыхъ юристовъ. — Теоретики „соціальнаго подбора" и кулачнаго права. . . . . 75—83

XII. Итоги послѣднихъ войнъ.—Ложныя ожиданія побѣдителей. — Безцѣльность завоеваній среди культурныхъ народовъ.—Слѣпое взаимное соперничество и его послѣдствія.—Колоніальныя предпріятія. . . . 83—90

XIII. Общій международный кризисъ. — Два вопроса: западный и восточный.—Политическая рутина.—Мнимая поэзія войны.—Измѣнившійся характеръ военныхъ дѣйствій . . . . . 90—95

XIV. Отсутствіе цѣлей и мотивовъ для наступательныхъ войнъ между культурными націями.—Всеобщія стремленія къ оборонѣ при отсутствіи нападающихъ.—Случаи внезапной паники; ложный патріотизмъ и дипломатія.—Три періода въ исторіи права войны . . 95—99

XV. Историческія метаморфозы военной повинности. — Превращеніе королевскихъ армій въ національныя. — Всеобщая воинская повинность и ея вліяніе на народную жизнь въ западной Европѣ . . . . . 99—108

XVI. Ненависть политическихъ программъ.—Ложныя представленія и иллюзіи относительно войны.—Побѣда, какъ признакъ могущества. — Сравненіе войны съ очистительною грозою. — Воспитательное значеніе войны.—Военные подвиги и ихъ невоенные хвалители. . . . . 108—113

СТРАН.

XVII. Шансы франко-германской войны.—Идея возмездія и доводы ея проповѣдниковъ.—Военныя силы нынѣшней Франціи.—Печальныя перспективы. . . . 113—121

Западно-европейскіе парламенты и парламентаризмъ.

XVIII. Новѣйшія перемѣны въ положеніи и роли парламентовъ.—Печать и общественное мнѣніе. . . . . 122—126

XIX. Критика парламентаризма въ литературѣ.—Возраженія Лавеле и Адольфа Пренса противъ господства демократіи . . . . . 126—137

XX [1]). Парламентскіе порядки во Франціи, по замѣчаніямъ Жюля Симона . . . . . 137—154

XXI. Нападки Герберта Спенсера на чрезмѣрное могущество парламентовъ и на систему государственнаго вмѣшательства. — Несостоятельность его критики англійскаго парламентаризма . . . . . 154—166

XXII. Вопросъ о сравнительной прочности правительствъ и ихъ программъ.—Три признака прочности управленія.—Разсужденія Мэна объ опасностяхъ и недугахъ демократіи . . . . . 167—188

XXIII. Узко-промышленный взглядъ на государственное управленіе.—Своеобразная теорія Молинари.—Смѣшеніе промышленныхъ разсчетовъ съ политическими интересами . . . . . 188—192

XXIV. Особенности и послѣдствія всеобщаго голосованія. — Господство числа и невѣрное представительство. — Недостатки избирательныхъ системъ. . . . . 193—198

XXV. Расширеніе предѣловъ государственной и парламентской дѣятельности.—Обиліе и сложность парламентскихъ функцій.—Чрезмѣрная централизація народнаго представительства . . . . . 198—203

Государственный соціализмъ и его политическое значеніе.

XXVI. Измѣнившееся положеніе народныхъ массъ въ западно-европейскихъ монархіяхъ. — Попытки реакціонныхъ элементовъ сблизиться съ рабочимъ классомъ для совмѣстной борьбы съ господствующею промышленною буржуазіею.—Шансы государственнаго соціализма въ разныхъ странахъ. . . . . 204—209

XXVII. Неточныя представленія о соціализмѣ.—Дѣйствительная сущность западно-европейскаго соціализма, какъ

[1]) Въ текстѣ по ошибкѣ напечатано: XXI.

СТРАН.

экономической системы. — Борьба противъ односторонняго индивидуализма.—Соціализмъ христіанскій, революціонный и государственный . . . . . 209—214

XXVIII. Успѣхи государственнаго соціализма въ Пруссіи и ихъ причины.—Взгляды Родбертуса.—Смѣсь охранительныхъ землевладѣльческихъ тенденцій съ экономическимъ радикализмомъ.—Теорія правительственнаго всевластія.—Воззрѣнія Лассаля.—Спеціально-патріотическій оттѣнокъ нѣмецкаго государственнаго соціализма . . . . . 215—223

XXIX. Государственный соціализмъ, какъ оффиціальная доктрина въ Германіи.—Такъ называемыя соціальныя реформы князя Бисмарка.—Политическая подкладка законовъ въ пользу рабочаго класса.—Теоретическія недоразумѣнія. — Софизмы Адольфа Вагнера и его единомышленниковъ. . . . . 223—229

XXX. Экономическій консерватизмъ французской либеральной школы.—Леонъ Сэй и Эмиль Лавеле.—Односторонній принципъ невмѣшательства и его политическія послѣдствія . . . . . 229—233

XXXI. Соціально-политическіе вопросы въ Англіи.—Практическая цѣлесообразность, какъ руководящее начало въ области законодательства. — Мнѣніе Гошена. — Условія государственнаго вмѣшательства на практикѣ. . . . . 233—238

Политическія партіи.

I. Метаморфозы либерализма въ Европѣ.

XXXII. Принципъ „laissez faire, laissez passer“ и вызываемыя имъ недоразумѣнія.—Историческій смыслъ его въ западной Европѣ.—Три фазиса въ исторіи либеральныхъ идей и учрежденій.—Перерожденіе и извращеніе либерализма, послѣ достиженія его первоначальныхъ цѣлей . . . . . 239—243

XXXIII. Чисто-народный, освободительный характеръ либерализма при старомъ режимѣ во Франціи и въ другихъ странахъ.—Кто былъ тогда либераломъ.—Освобожденіе крестьянъ на западѣ.—Невѣрные взгляды на либерализмъ . . . . . 243—246

XXXIV. Превращеніе либераловъ въ консерваторовъ и появленіе новыхъ освободительныхъ партій, подъ другими названіями. — Охранительныя стремленія подъ

СТРАН.

старымъ либеральнымъ знаменемъ. — Историческая миссія либерализма.—Свободники и народники . . 247—251

II. Славянофилы и свободники.

XXXV. Неясность политическихъ партій и оттѣнковъ въ русской печати.—Неизбѣжныя ошибки и недоразумѣнія.—Взгляды проф. Ламанскаго и его единомышленниковъ.—Совпаденіе нѣкоторыхъ сторонъ славянофильства съ идеями свободниковъ.—Мнимо-патріотическій туманъ.—Элементарныя партійныя дѣленія. 252—261

Практика международной политики.

I. Старые политическіе грѣхи.

XXXVI. Условія національной политики и отсутствіе ихъ въ прежнее время.—Русская дипломатія при императорѣ Александрѣ I.—Фантастическій элементъ въ политикѣ.—Внѣшняя политика Николаевской эпохи.—Печальные результаты прошлаго . . . . . 262—273

XXXVII. Прежняя русская политика, по матеріаламъ проф. Мартенса.—Заботы о внутреннихъ дѣлахъ Пруссіи, о стѣсненіи ея печати и политической жизни.—Придавленность прусскаго правительства относительно Россіи.—Попятныя чувства нѣмецкаго общества . . 273—282

XXXVIII. Политическія реформы въ Пруссіи и отношеніе къ нимъ русской дипломатіи.—Тщетныя попытки и усилія короля.—Ненужная опека надъ чужими дѣлами. 282—287

XXXIX. Отсутствіе созпательныхъ цѣлей и разсчетовъ въ политикѣ прежняго времени. — Преобладаніе личныхъ чувствъ надъ интересами государственными и народными. — Мысль объ отдачѣ Польши пруссакамъ. — Самоотверженныя рѣшенія и дѣйствія.—Дипломатическая борьба противъ національнаго движенія въ Пруссіи. — Политика во время крымской войны. — Причины дипломатическаго безсилія и позднѣйшихъ разочарованій.—Общій характеръ нашихъ внѣшнихъ предпріятій въ прошломъ. . . . . 287—303

II. Балканскія дѣла и болгарскій кризисъ.

XL. Неудачи въ восточномъ вопросѣ. — Ошибки и противорѣчія въ болгарской политикѣ. — Наблюденія и замѣтки Лавеле.—Австрійская оккупація Босніи . . 304—317

XLI. Замѣчанія Лавеле о положеніи дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи.—Идея балканской федераціи въ теоріи и на практикѣ . . . . . 317—329

СТРАН.

XLII. Дальнѣйшіе отзывы иностранцевъ о болгарскихъ дѣлахъ.—Католическая пропаганда въ Болгаріи . . . 329—336

XLIII. Роль русскихъ дѣятелей въ Болгаріи. — Болгарскія дѣла и событія по изложенію г. Матвѣева.—Неустойчивость политики и отсутствіе точной программы.—Воспоминанія генерала Соболева и возраженія генерала Эрнрота . . . . . 336—353

III. Внѣшніе союзы и газетная политика.

XLIV. Идея франко-русскаго союза.—Военно-политическія иллюзіи.—Увлеченія газетныхъ политиковъ . . . . 353—372

Приложенія.

I. О курсѣ международнаго права, проф. Мартенса . . . . . 373—379

II. По поводу полемики о войнѣ. . . . . 379—381

III. О книгахъ проф. Градовскаго и Гнейста . . 381—389

ЗАКОНЫ ИСТОРІИ.

I.

Историческіе факты и ихъ особенности.—Существуютъ ли историческіе законы и чѣмъ отличаются они отъ законовъ естественныхъ?—Смѣшеніе фактовъ съ законами.—Необходимая условность всякаго научнаго закона, какъ естественнаго, такъ и соціальнаго.—Борьба за существованіе въ исторіи.—Мнимые историческіе законы и ихъ значеніе.

„Исторія, какъ наука въ истинномъ смыслѣ этого слова, есть нелѣпое понятіе“, — говоритъ Стэнли Джевонсъ, авторъ обширнаго трактата о научной логикѣ. — „Всегда есть нѣсколько великихъ руководителей, людей съ исключительнымъ геніемъ или счастьемъ, безотчетныя мнѣнія и распоряженія которыхъ заправляютъ всею націею. Отъ времени до времени возникаютъ критическія положенія, сраженія, щекотливые переговоры, внутренніе перевороты, въ которыхъ малѣйшія случайности могутъ измѣнить ходъ событій; нѣсколько оскорбительныхъ словъ въ депешѣ могутъ возмутить національную гордость; случайный выстрѣлъ можетъ вызвать столкновеніе, дѣйствія котораго могутъ продолжаться столѣтія. Говорятъ, что исторія Европы зависѣла одно мгновеніе отъ того, замѣтитъ ли или не замѣтитъ часовой на кораблѣ Нельсона корабль экспедиціи Наполеона въ Египетъ, проходившій невдалекѣ. Такимъ образомъ, въ человѣческихъ дѣлахъ малѣйшія причины

могутъ производить величайшія дѣйствія, и о дѣйствительномъ примѣненіи научнаго метода не можетъ быть и рѣчи“ [1]).

Подобныя сужденія объ исторіи встрѣчаются очень часто въ литературѣ. Историческіе факты представляютъ, повидимому, безпорядочную груду матеріала, въ которомъ нельзя найти ни руководящей идеи, ни послѣдовательной логической связи; нѣтъ возможности извлечь какіе-либо общіе законы изъ хаоса смѣняющихся явленій, порождаемыхъ случаемъ и произволомъ. „Обстоятельства, которыя вліяютъ на состояніе и развитіе общества,—какъ замѣчаетъ Милль,—чрезвычайно разнообразны и постоянно измѣняются, и хотя всѣ эти перемѣны имѣютъ свои причины и, слѣдовательно, свои законы, но многочисленность ихъ такова, что исключаетъ всякую возможность вычисленія. Мы не можемъ поэтому надѣяться на то, чтобы даже при самомъ точномъ знаніи законовъ, управляющихъ человѣческими обществами, мы когда-либо были въ состояніи *предсказывать исторію общества на тысячи лѣтъ впередъ*, подобно тому, какъ это дѣлаютъ астрономы относительно небесныхъ явленій. Но различіе достовѣрности зависитъ не отъ самихъ законовъ, а отъ тѣхъ данныхъ, къ которымъ эти законы должны прилагаться“ (Логика, кн. VI, гл. VI, § 2).

Публицисты и историки не могутъ однако отказаться отъ попытокъ предвидѣнія будущаго на основаніи данныхъ настоящаго и прошедшаго. „Savoir c'est prévoir“ — это положеніе давно уже считается аксіомою для всякой вообще науки, и честолюбивая мечта соціальныхъ философовъ — сдѣлать эту аксіому примѣнимою къ изслѣдованію историческихъ судебъ человѣчества — не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго или неосновательнаго. Что̀ можетъ быть заманчивѣе перспективы, которую столь робко открываетъ передъ нами Милль въ приведенныхъ выше словахъ? Если не съ полною точностью и не на тысячи лѣтъ, а только приблизительно и на болѣе краткіе періоды оказалось бы возможнымъ научное предсказаніе, то и это было бы величайшимъ и плодотворнѣйшимъ открытіемъ, какого могъ бы достигнуть человѣческій умъ для пользы чело-

[1]) Основы науки, пер. Антоновича. Спб., 1881, стр. 707.

вѣческаго рода. Люди знали бы, куда идутъ и что ихъ ожидаетъ впереди; они могли бы принимать заранѣе свои мѣры и спокойно встрѣчали бы будущее, безъ колебаній и сомнѣній. Не приходилось бы блуждать ощупью, на-угадъ, въ роковой полутьмѣ; не было бы повода опасаться, что путь избранъ нами невѣрно, что, думая достигнуть желанной пристани, мы направляемся къ пропасти, что, стремясь къ хорошей цѣли, мы дѣлаемъ, быть можетъ, великое зло. Предъ нами прояснилась бы дорога, какъ бы извилиста и трудна она ни была; мы имѣли бы ученыхъ путеводителей, которые предупреждали бы насъ относительно предстоящихъ невзгодъ и замѣшательствъ. И все это только безпредметный миражъ, напрасно смущающій воображеніе соціологовъ!

То, что недоступно наукѣ, смѣло рѣшается практикою общественнаго мнѣнія и политической журналистики. „Законы исторіи“, которыхъ не нашелъ еще ни одинъ философъ, устанавливаются сплошь и рядомъ, безъ всякаго труда, газетными и государственными дѣятелями; а сознаніе того, что данный законъ существуетъ, приводитъ невольно къ дѣйствительному его примѣненію, въ силу обязательнаго смысла самаго слова „законъ“. Франко-прусская война 1870 года произошла отчасти потому, что въ обоихъ государствахъ господствовало убѣжденіе въ исторической неизбѣжности борьбы. Всѣмъ казалось, что война должна разыграться во всякомъ случаѣ, независимо отъ миролюбивыхъ стремленій народовъ и дипломатовъ Европы, — ибо надъ двумя сосѣдними націями тяготѣлъ непреложный „историческій законъ“, требовавшій крови во что бы то ни стало. Правители обѣихъ странъ были одинаково проникнуты этимъ пагубнымъ сознаніемъ, которое и толкнуло милліоны людей въ колоссальную безсмысленную рѣзню. Теперь распространяется въ печати и въ обществѣ другая, еще болѣе убійственная идея—о предстоящей будто бы борьбѣ германской расы съ славянскою и именно съ Россіею, причемъ ссылаются опять-таки на небывалый „законъ“ или „ходъ исторіи“.

Обычныя понятія объ историческихъ законахъ, управляющихъ жизнью человѣческихъ обществъ, основаны отчасти на невѣрномъ пониманіи научныхъ законовъ вообще. „Исторія, —

говоритъ, между прочимъ, г. Карѣевъ въ спеціальной книгѣ по философіи исторіи,—есть процессъ, состоящій изъ послѣдовательной смѣны явленій, которыя даются намъ лишь одинъ разъ въ данной совокупности; историческіе факты не повторяются, они вполнѣ индивидуальны". Чтобы открыть какой-либо научный законъ въ смыслѣ постоянной и необходимой связи явленій, нужно имѣть, прежде всего, рядъ повторяющихся въ неизмѣнномъ порядкѣ фактовъ. „Нельзя найти никакихъ опредѣленныхъ пространственныхъ отношеній для извилистаго теченія рѣки, для линіи, нацарапанной ребенкомъ на грифельной доскѣ, для безцѣльнаго блужданія рыбы въ водѣ въ разныхъ направленіяхъ, для протоптанныхъ въ лѣсу тропинокъ, для рысканья лягавой собаки на охотѣ, и т. п... Движеніе человѣчества — не стройные марши войска на ученьи, а *уличная толкотня*, то *va-et-vient*, въ которомъ каждый спѣшитъ по своему дѣлу или просто безцѣльно шатается, не подчиняясь одной общей причинѣ... Всѣ атомы увлекаютъ тѣло по одному направленію; люди, такъ сказать, тащутъ исторію въ разныя стороны, и ходъ ея зависитъ отъ того, въ какую сторону склоняетъ ее большинство... Исторія—это живая ткань линій, неправильныхъ и извилистыхъ, переплетающихся самымъ разнообразнымъ и неожиданнымъ образомъ, то спутывающихся до безконечности, то слагающихся въ нѣсколько отграниченныхъ системъ, то сближающихся, то удаляющихся,—ткань, полная узловъ, причудливыхъ узоровъ, невообразимой путаницы и невѣроятнаго хаоса. Изученіе ея во всѣхъ мелочахъ даже немыслимо: это значило бы возсоздать всю дѣятельность всѣхъ людей со всѣми ихъ причинами и слѣдствіями. Историку приходится поэтому ограничиться господствующими линіями, существенными направленіями, наиболѣе важными узлами, подобно тому, какъ географъ изучаетъ не всѣ неровности земной поверхности, а только тѣ, которыя имѣютъ извѣстные размѣры". При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо историческихъ законахъ; ихъ надо „отнести къ области химеръ въ родѣ философскаго камня", и самое выраженіе *историческіе законы* должно быть разъ навсегда оставлено. Никакого общаго плана не существуетъ въ ходѣ исторіи;

всемірная исторія есть „не что иное какъ *хаотическое сцѣпленіе случайностей*, происходящее во времени“ [1]). Хаосъ историческихъ фактовъ не можетъ быть приведенъ къ законамъ, по безконечному разнообразію и сложности явленій въ ихъ конкретной индивидуальной формѣ.

Но картина историческаго хаоса, приведенная выше, можетъ быть повторена буквально по отношенію ко всей вообще внѣшней природѣ. Естествоиспытатель можетъ сказать: „нѣтъ никакой возможности найти какую-нибудь систему въ смѣнѣ окружающихъ насъ явленій; предметы двигаются одновременно въ разныхъ направленіяхъ, соединяясь и перепутываясь между собою въ невѣроятномъ количествѣ комбинацій; вѣтры и дожди, бури и молніи не поддаются никакимъ вычисленіямъ, а на небѣ милліоны звѣздъ движутся въ ужасающемъ разнообразіи, безъ всякаго плана и смысла. Каждый фактъ природы, всякое движеніе матеріи имѣетъ свои индивидуальныя особенности, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни опредѣлить. Почему такой-то вулканъ, молчавшій цѣлыя столѣтія, излилъ свою лаву именно теперь, а не въ другое время? Почему землетрясеніе опустошило мѣстность, гдѣ раньше подобныхъ катастрофъ никогда не бывало? Умъ человѣческій теряется среди этого хаоса; отыскивать какіе-нибудь законы въ ходѣ природы — значитъ преслѣдовать пустую химеру, въ родѣ философскаго камня“. Естествоиспытатель, разсуждающій такимъ образомъ, былъ бы настолько же правъ, какъ и философъ исторіи, останавливающійся передъ безъисходнымъ калейдоскопомъ смѣняющихся историческихъ событій.

Въ чемъ же разница между изслѣдователями природныхъ и человѣческихъ дѣлъ, и почему для первыхъ существуютъ научные законы, а для послѣднихъ — нѣтъ? Причина очень простая: ни одинъ физикъ не станетъ задаваться мыслью отыскивать законный порядокъ въ массѣ дѣйствительно случающихся фактовъ движенія тѣлъ; ни одинъ химикъ не считаетъ долгомъ слѣдить за всѣми происходящими въ природѣ случаями

[1]) „Основные вопросы философіи исторіи“, проф. *Н. П. Карѣева*. Спб., 1883, т. I, стр. 140, 153 и слѣд., стр. 198. Ср. мою статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1883 г., ноябрь, стр. 253—282.

соединенія и разложенія веществъ; ни одинъ вообще естествоиспытатель не занимается описываніемъ отдѣльныхъ явленій въ ихъ индивидуально-конкретной обстановкѣ. Неосновательно было бы думать, что при изученіи природы мы имѣемъ дѣло съ рядами повторяющихся въ неизмѣнной связи однородныхъ фактовъ, чего не представляетъ будто бы содержаніе исторіи. Ни одинъ частный случай движенія не похожъ на другой; каждый имѣетъ свои спеціальныя условія и причины. Если тѣмъ не менѣе открыты законы паденія тѣлъ, то только потому, что физика сводитъ все разнообразіе явленій къ извѣстнымъ основнымъ элементамъ, отдѣляетъ постоянные признаки отъ побочныхъ и случайныхъ, опредѣляетъ черты сходства и различія и устанавливаетъ такимъ образомъ общую формулу, объясняющую всѣ частные случаи. Такъ же точно долженъ поступать изслѣдователь человѣческихъ судебъ въ исторіи: вмѣсто того, чтобы довольствоваться собираніемъ и изложеніемъ дѣйствительно случившихся фактовъ, онъ долженъ подвергнуть анализу однородныя группы явленій и свести ихъ къ первоначальнымъ источникамъ и причинамъ. Тогда и историческіе законы окажутся не пустою химерою, хотя и будутъ имѣть только производное значеніе, вытекая изъ свойствъ человѣческой природы и изъ условій существованія народовъ [1]).

Всякій законъ явленій выражается въ видѣ условной формулы: если даны такія-то условія, произойдетъ такой-то результатъ. Поэтому и предсказанія въ положительныхъ наукахъ имѣютъ только условное значеніе; можно съ точностью предвидѣть появленіе кометы, предположивъ, что условія и скорость ея хода остаются тѣ же, — но нельзя утверждать категорически, что никакія пертурбаціи не измѣнятъ ея направленія. Тѣло падаетъ съ такою-то быстротою, *если* его ничто не задерживаетъ; но оно будетъ двигаться медленнѣе, встрѣчая на своемъ пути сопротивленіе, или можетъ совсѣмъ остановиться, наткнувшись на какую-нибудь преграду. Въ этомъ смыслѣ не

[1]) Къ такому выводу приходитъ и г. Карѣевъ въ вышеупомянутомъ трудѣ; но онъ отрицаетъ существованіе историческихъ законовъ и ставитъ на ихъ мѣсто законы соціологіи, употребляя лишь въ сущности другое названіе для обозначенія того же самаго предмета.

существуетъ никакихъ безусловныхъ законовъ, которые дѣйствовали бы всегда и вездѣ одинаково. Такихъ законовъ не знаетъ ни одна изъ точныхъ наукъ. Мы предсказываемъ результатъ только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду извѣстныя условія, безъ которыхъ онъ не возникнетъ; но никогда мы не можемъ предсказать явленіе само по себѣ, помимо связанныхъ съ нимъ предшествующихъ или сопровождающихъ обстоятельствъ. Мы можемъ сказать, что произойдетъ взрывъ, *если* въ порохъ брошена будетъ искра; но произойдетъ ли взрывъ вообще и попадетъ ли искра въ порохъ—этого опредѣлить нельзя. Склады пороха могутъ существовать цѣлые годы и даже вѣка, безъ всякихъ приключеній, но рука ребенка можетъ произвести взрывъ въ каждую данную минуту. Какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ соціальныхъ, законы явленій и основанныя на нихъ предсказанія имѣютъ лишь условный смыслъ; никакой логической разницы не оказывается въ этомъ отношеніи между естествознаніемъ и историческою соціологіею. Законы исторіи—еслибы они были установлены—являлись бы въ той же формѣ, какъ и законы природы, въ сопровожденіи неизбѣжныхъ „*если*“. Государственная власть получаетъ сосредоточенную монархическую организацію, если народъ поглощенъ заботами о внѣшней борьбѣ; это былъ бы общій историческій законъ, еслибы онъ вытекалъ изъ анализа историческихъ фактовъ. Но ненаучно было бы утверждать, что извѣстныя формы государственнаго устройства возникаютъ въ такомъ-то послѣдовательномъ порядкѣ, независимо отъ условій, съ которыми они неразрывно связаны; самыя эти условія могутъ допускать измѣненія, насколько они не коренятся въ основныхъ свойствахъ и слабостяхъ человѣческой природы.

Обобщенія, выведенныя изъ образа дѣйствій людей въ исторіи, могутъ имѣть также характеръ принциповъ, не обусловленныхъ ничѣмъ спеціально; но въ подобныхъ случаяхъ всегда подразумѣвается какой-нибудь мотивъ, служащій необходимымъ условіемъ примѣненія даннаго правила. Такого рода положенія встрѣчаются еще у Вико. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующіе тезисы: „Формы правленія должны соотвѣтствовать характеру управляемыхъ“ (ибо „публичною школою для правителей слу-

житъ нравственное состояніе народовъ"). „Слабѣйшіе желаютъ законовъ; сильнѣйшіе возстаютъ противъ нихъ; честолюбивѣйшіе требуютъ законовъ, чтобы расположить народъ къ себѣ; правители защищаютъ законы, чтобы сравнить сильныхъ съ слабыми" (здѣсь предполагается, что всѣ руководствуются исключительно личнымъ интересомъ). Вико формулируетъ также ходъ развитія человѣческихъ обществъ, предполагая естественное увеличеніе потребностей и знаній: „Первоначально были лѣса, потомъ хижины, далѣе деревни, затѣмъ города и наконецъ академіи. Люди чувствуютъ сначала необходимое, потомъ думаютъ о полезномъ, далѣе—объ удобномъ, послѣ переходятъ къ пріятному, стремятся къ роскоши и наконецъ падаютъ отъ безсмысленнаго злоупотребленія внѣшнимъ міромъ" [1]). Конечно, это только наброски историческихъ обобщеній, но и они доказываютъ, что Вико хорошо понималъ свойство тѣхъ выводовъ, которые должна намъ дать исторія.

Факты, болѣе или менѣе распространенные и повторяющіеся, принимаются часто за законы; эта ошибка принадлежитъ къ числу самыхъ грубыхъ и опасныхъ. Нѣкоторыя государства ведутъ между собою войны и жестоко поступаютъ съ низшими или слабыми расами, съ которыми входятъ въ столкновеніе; отсюда выводятъ неумолимый „законъ борьбы за существованіе". „Никакая власть въ мірѣ,—говоритъ извѣстный Эдуардъ фонъ-Гартманъ,—не въ состояніи задержать истребленіе низшихъ человѣческихъ расъ. Подобно тому, какъ собакѣ, которой нужно отрѣзать хвостъ, мало помогло бы постепенное отрѣзываніе его по кусочку, такъ же точно мало человѣчности заключается въ стремленіи искусственно продлить жизнь вымирающихъ племенъ. Чѣмъ скорѣе завершится истребленіе этихъ дикихъ народовъ, неспособныхъ къ соперничеству съ бѣлою расою, и чѣмъ быстрѣе пойдетъ занятіе всей земли исключительно лишь наиболѣе развитыми нынѣ націями, тѣмъ скорѣе возгорится въ громадныхъ размѣрахъ борьба различныхъ племенъ въ средѣ передовой расы и тѣмъ ранѣе повторится кар-

[1]) Подробное изложеніе теоріи Вико см. въ „Опытѣ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи", М. Стасюлевича (Спб., 1866), стр. 52—147.

тина поглощенія низшей расы высшею между народами и національностями. Но эта борьба за существованіе, при равносильности противниковъ, будетъ гораздо страшнѣе, ожесточеннѣе, упорнѣе и самоотверженнѣе, чѣмъ между расами; и вообще борьба за существованіе будетъ тѣмъ отчаяннѣе, безпощаднѣе и въ тоже время тѣмъ полезнѣе (!) для дальнѣйшаго развитія вида, чѣмъ ближе стоятъ другъ къ другу соперничающіе между собою виды и разновидности" [1]).

Такъ пишетъ философъ „безсознательнаго", выдавая поверхностныя обобщенія за законы. Болѣе серьезный анализъ показалъ бы ему, что воинственность, ведущая къ кровавой борьбѣ, зависитъ отъ традиціонной организаціи государствъ, отъ господства въ нихъ спеціальнаго военнаго класса, отъ извѣстнаго направленія честолюбія правителей и отъ пассивной довѣрчивости народовъ. Поэтому утвержденіе Гартмана могло бы считаться научнымъ, еслибы оно было высказано такъ: пока существуютъ такія-то условія и пока преобладающіе въ обществѣ честолюбивые элементы не встрѣчаютъ надлежащаго противовѣса, до тѣхъ поръ неизбѣжны войны между народами. Ссылка на „борьбу за существованіе", какъ на общій законъ природы, принимаетъ нерѣдко крайне нелѣпый смыслъ, котораго никакъ не могъ предвидѣть великій творецъ дарвинизма. Есть писатели, которые серьезно видятъ въ „законѣ борьбы" не простое обобщеніе однородныхъ фактовъ, а какой-то принудительный принципъ, которому должно подчиняться человѣчество. Между тѣмъ борьба за существованіе, вызываемая потребностями и инстинктами живыхъ существъ, можетъ проявляться сильнѣе или слабѣе, переходя отъ грубыхъ формъ взаимнаго истребленія къ самымъ утонченнымъ видамъ мирнаго соперничества; борьба можетъ наконецъ затихать совершенно, когда исчезаютъ и парализируются ея мотивы подъ вліяніемъ матеріальныхъ или нравственныхъ причинъ. Люди и народы, не чувствующіе земельной тѣсноты и имѣющіе возможность существовать мирнымъ трудомъ, не стали бы вести взаимную борьбу, еслибы ихъ не

[1]) Philosophie des Unbewussten, стр. 332—3 (Berlin, 1874).

толкали на этотъ путь постороннія, искусственныя пружины, на которыя мы намекнули выше. Измѣните эти пружины или направьте ихъ въ другую сторону, — и войны мало-по-малу выйдутъ изъ употребленія между цивилизованными націями. Борьба за существованіе, которую Гартманъ, Беджготъ и многіе другіе считаютъ естественнымъ источникомъ войнъ, не имѣетъ вообще никакого отношенія къ большинству международныхъ столкновеній и предпріятій. Никто не скажетъ, что русскія войска направлялись въ Италію и боролись съ французами временъ Наполеона I ради „борьбы за существованіе“; Франція при второй имперіи не имѣла также никакой нужды предпринимать крымскую кампанію или мексиканскую экспедицію. Войны велись между народами, отдаленными другъ отъ друга и не имѣвшими никакихъ реальныхъ поводовъ сталкиваться между собою,—какъ, напримѣръ, между Франціею и Россіею; а близкіе сосѣди, оба вооруженные съ головы до ногъ и, казалось бы, всегда могущіе найти почву для спора, живутъ спокойно въ мирѣ въ продолженіе многихъ десятилѣтій,—какъ это имѣетъ мѣсто между русскими и нѣмцами. Причемъ же тутъ „борьба за существованіе“? Очевидно, не она выражается въ кровавыхъ столкновеніяхъ между народами современной Европы, а нѣчто совсѣмъ другое.

Мысль объ естественной и потому неминуемой борьбѣ націй связывается обыкновенно съ новѣйшими войнами Германіи, приведшими къ ея торжеству и объединенію. Но при болѣе внимательномъ анализѣ отношеній и событій нельзя не убѣдиться, что германское объединеніе могло совершиться безъ особенныхъ жертвъ, подъ напоромъ общихъ національныхъ стремленій, выразившихся еще въ 1848 году въ добровольномъ поднесеніи прусскому королю титула нѣмецкаго императора по рѣшенію союзнаго парламента во Франкфуртѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не пожелалъ принять титулъ изъ рукъ представителей народа, и дѣло объединенія, отсроченное на долгое время, пошло впослѣдствіи совсѣмъ другимъ, ненужнымъ путемъ, стоившимъ полумилліона человѣческихъ жизней и удовлетворившимъ пустое тщеславіе уцѣлѣвшихъ побѣдителей. Французскій народъ, довольный и зажиточный у себя дома,

не могъ ни въ чемъ ни завидовать нѣмцамъ, ни бояться ихъ, ни даже интересоваться ими серьезно; а война разыгралась потому, что Наполеонъ III нуждался во внѣшнихъ успѣхахъ и побѣдахъ для поддержанія своего шаткаго трона. Это была „борьба за существованіе“ развѣ только лично для французскаго правителя, а никакъ не для народа, который и до, и послѣ войны оставался одинаково равнодушнымъ къ внутреннимъ дѣламъ другихъ государствъ. Ошибочно также мнѣніе, что военное торжество одной націи надъ другою ведетъ къ усовершенствованію человѣческой породы и къ преобладанію лучшаго типа. Психологія и исторія выдвигаютъ фактъ противоположный: побѣды портятъ торжествующихъ, усиливаютъ ихъ худшіе инстинкты, понижаютъ умственный уровень и создаютъ атмосферу застоя, самодовольства и хвастливости,—тогда какъ побѣжденные работаютъ надъ собой съ новою энергіею, излечиваются отъ своихъ недуговъ и совершенствуются во всѣхъ отношеніяхъ, пользуясь уроками горькаго опыта. Россія извлекла неизмѣримо болѣе пользы изъ севастопольскихъ пораженій, чѣмъ изъ побѣдъ 1877—78 годовъ. Таковъ „законъ борьбы за существованіе“ и улучшенія вида, въ примѣненіи къ войнамъ просвѣщенныхъ народовъ.

Главный признакъ ненаучности положенія, выдаваемаго за законъ, заключается въ безусловной категоричности, которая прямо противорѣчитъ основаніямъ научной логики. Нѣтъ закона безъ опредѣленныхъ или предполагаемыхъ „если“, болѣе или менѣе многочисленныхъ; отсутствіе этихъ „если“ въ данномъ случаѣ устраняетъ дѣйствіе закона. Какъ естествоиспытатель не можетъ сказать: „произойдетъ то-то“, безъ указанія необходимыхъ условій явленія, такъ и соціологъ не можетъ устанавливать общія историческія формулы, безъ выясненія логической связи ихъ съ коренными элементами соціальной жизни. Вотъ почему должны быть отвергаемы попытки, направленныя къ созданію „законовъ исторіи“ въ видѣ послѣдовательнаго порядка или плана, по которому совершаются переходы явленій отъ одной ступени къ другой. Всѣ эти схемы несостоятельны не потому, что не сходятся съ фактами, а потому, что по сущности своей онѣ предполагаютъ всеобщее дѣйствіе за-

кона, свободное отъ власти условій. По Гердеру, напримѣръ, цивилизація шествуетъ въ исторіи вслѣдъ за движеніемъ солнца, съ востока на западъ, и хотя бы этотъ фактъ вполнѣ совпадалъ съ дѣйствительностью, онъ все-таки будетъ только эмпирическимъ обобщеніемъ, а не закономъ, пока не выяснены его условія и причины. Огюстъ Контъ связываетъ свой „основной законъ“ съ естественнымъ ходомъ развитія человѣческаго ума; его три ступени—теологическая, метафизическая и позитивная,—имѣютъ, повидимому, теоретическую основу, но нельзя было строить на нихъ весь ходъ исторіи, такъ какъ судьбы человѣчества опредѣляются далеко не одними умственными состояніями передовыхъ классовъ общества. Что на первой ступени господствуетъ военный духъ рядомъ съ религіознымъ, на второй—метафизика соединяется съ преобладаніемъ законниковъ, а на третьей—положительная наука съ духомъ промышленности,—это уже положенія, явно произвольныя, лишенныя даже характера эмпирическихъ обобщеній. Контъ принимаетъ во вниманіе только пять народовъ европейскаго запада, во главѣ которыхъ онъ ставитъ Францію; прочія государства, въ томъ числѣ и Россія, оставляются какъ бы за штатомъ [1]). Нечего и говорить о массѣ второстепенныхъ авторовъ, изъ которыхъ каждый предлагаетъ свои собственные исторические законы.

„Что научный законъ можетъ имѣть только строго условное значеніе и что, слѣдовательно, можно предвидѣть только результаты извѣстныхъ условій, а не самыя эти условія, — это постоянно упускается изъ виду въ примѣненіи къ историческимъ и соціологическимъ теоріямъ.

Это важное заблужденіе дѣйствуетъ крайне вредно въ практическомъ отношеніи. Оно дѣлаетъ изъ исторіи какое-то миѳическое лицо, шествующее своими особыми путями, независимо отъ дѣйствій и бездѣйствія людей; оно взваливаетъ на этотъ миѳическій образъ грѣхи человѣческихъ обществъ и слабости ихъ руководителей; оно заставляетъ видѣть нѣчто непреложное въ безсознательныхъ продуктахъ человѣческихъ

[1]) Cours de philosophie positive, т. VI, p. 534 и сл. (изд. 1869).

ошибокъ, увлеченій, страстей и недоразумѣній; оно, наконецъ, контрабандою вводитъ въ науку обыденное понятіе о судьбѣ, вмѣстѣ съ пассивнымъ „авось“. Личная и общественная энергія не можетъ не слабѣть и не склоняться къ фатализму вслѣдствіе ошибочнаго убѣжденія, что неизмѣнные законы исторіи работаютъ за насъ и независимо отъ насъ.

Историческіе законы могутъ быть выдвигаемы съ пользою и даже съ блестящимъ успѣхомъ для цѣлей чисто-практическихъ, такъ какъ они обладаютъ громадною силою убѣдительности въ глазахъ публики и общественнаго мнѣнія. Этимъ орудіемъ пользовался, между прочимъ, Лассаль, когда онъ связывалъ свою программу съ научными законами исторіи, когда онъ доказывалъ, напримѣръ, необходимую историческую послѣдовательность господства рыцарства, буржуазіи и рабочаго класса, и когда такимъ образомъ выводилъ будущее рабочее царство изъ непреложныхъ законовъ историческаго развитія. Еслибы Лассаль говорилъ: „прежде господствовало военное сословіе рыцарства; затѣмъ, послѣ упорной борьбы, оно уступило преобладаніе мирному классу капитала—буржуазіи, а теперь настала пора, чтобы, согласно справедливости, господство перешло къ наиболѣе многочисленному классу тружениковъ, выносившихъ на своихъ плечахъ и рыцарство, и буржуазію“, — еслибы Лассаль говорилъ лишь въ такомъ родѣ, ссылаясь на требованія человѣческой правды, то его слова были бы обыкновенною проповѣдью и ничѣмъ больше; тогда какъ возведеніемъ послѣдовательнаго перехода власти отъ одного класса къ другому на степень неизбѣжнаго закона исторіи, онъ придалъ своей аргументаціи блескъ и стройность чего-то дѣйствительно непреложнаго, безспорнаго и непоколебимаго. Но самъ по себѣ этотъ „законъ“ имѣетъ такое же научное значеніе, какъ и всякая иная формула, построенная по извѣстнымъ тремъ ступенямъ Гегеля и получающая какое угодно содержаніе, смотря по тому, что именно берется за исходную точку. По этой формулѣ можно бы вывести множество самыхъ разнообразныхъ положеній; можно бы сказать: „прежде господствовала грубая сила меча; теперь преобладаетъ общая принудительная законность, а въ будущемъ предстоитъ пре-

обладаніе высшей нравственности и справедливости"; или: „въ началѣ люди жили отдѣльными общинами, семейными и родовыми; затѣмъ они соединяются въ государства, которыя, въ свою очередь, должны быть объединены человѣчествомъ"; или еще: „прежде были устранены войны между отдѣльными лицами; потомъ уничтожено право частныхъ войнъ между общинами и племенами; а въ будущемъ исчезнетъ право войны между народами и государствами", и т. д. Всѣ эти заключенія выражаютъ собою извѣстныя пожеланія, стремленія и надежды, вытекающія естественно изъ опыта прошедшаго и настоящаго; они поддаются заманчивой тройственной формулировкѣ, только вслѣдствіе умолчанія о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ возможность или невозможность ихъ осуществленія; но изъ подобныхъ пожеланій извлекать обязательные законы можно никакъ не въ отвлеченно-научномъ, а въ практическомъ смыслѣ, для сообщенія болѣе убѣдительнаго авторитета заявленнымъ требованіямъ и стремленіямъ Такъ называемые законы исторіи должны служить къ пробужденію общества, а не къ его усыпленію, къ оживленію энергіи, а не къ подрыву ея, ибо въ своей обычной безусловной формѣ они суть только орудія умственной борьбы, а не дѣйствительныя научныя истины" [1]).

II.

Ложныя аналогіи и произвольныя соціологическія обобщенія.—Значеніе личностей въ исторіи.

Много путаницы внесено было въ соціальныя науки, благодаря нелѣпымъ аналогіямъ, проводимымъ между человѣческими обществами и отдѣльными организмами. Придетъ ли кому въ голову создавать особый цѣльный организмъ изъ стада животныхъ, изъ группы перелетныхъ птицъ или даже изъ обширнаго муравейника? А объ обществахъ людей солидные ученые трак-

[1]) См. мою статью: „Политико-экономическія школы", стр. 141 –2 („Слово", 1880, янв.).

туютъ какъ объ особыхъ тѣлахъ, съ различными функціями и органами. Наиболѣе авторитетный изъ новѣйшихъ изслѣдователей соціальныхъ явленій, Гербертъ Спенсеръ, придерживается подобныхъ аналогій; онъ видитъ въ обществѣ организмъ, развивающійся по общимъ біологическимъ началамъ, путемъ процесса интеграціи и дифференціаціи: изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ частей образуется цѣлое, въ которомъ постепенно выдѣляются особые органы для различныхъ функцій, все болѣе усложняющихся и совершенствующихся. Образованіе и развитіе государствъ, выдѣленіе въ нихъ органовъ власти, разграниченіе общественныхъ классовъ и сословій,—все это представляется столь же естественнымъ и необходимымъ процессомъ, какъ и развитіе и совершенствованіе органической жизни въ природѣ. Органы атрофируются, когда они перестаютъ исполнять свою прежнюю функцію, переходящую къ другимъ, болѣе сложнымъ, органамъ; такова, напримѣръ, участь королевской власти въ Англіи. Слѣдуя теоріи развитія или „эволюціи“, можно дойти до признанія неизбѣжности и разумности всего совершающагося въ исторіи; всякая общественная форма получаетъ свое законное мѣсто въ ряду послѣдовательныхъ фазисовъ соціальнаго развитія. Когда въ народѣ общіе интересы уходятъ отъ массы и замыкаются въ сферу одного верхняго класса управляющихъ, когда между властью и обществомъ проводится точное разграниченіе и все болѣе умножается чиновничество различныхъ разрядовъ и наименованій,—то это будетъ обычный процессъ „дифференцированія“, одинаково обязательный для всѣхъ человѣческихъ обществъ. Возможно ли согласиться съ такимъ фатальнымъ взглядомъ? Мы видимъ, что народы повсемѣстно стремятся не къ усложненію, а къ упрощенію своего политическаго и соціальнаго устройства. Многія „функціи“ создавались искусственно, и исполнявшіе ихъ органы были вовсе не органами, а паразитами, нароставшими въ изобиліи на почвѣ невѣжества и разъединенности массъ. Средневѣковая Европа оставила не мало такихъ наростовъ, не устраненныхъ еще понынѣ. Въ современныхъ государствахъ и народахъ постепенно сближается то, что прежде раздѣлялось; управленіе становится дѣломъ не одного класса, а цѣлаго общества, въ

лицѣ его представителей; многочисленныя учрежденія прежняго времени уничтожаются, какъ излишнія и даже вредныя; духъ автономіи возрождается въ общинахъ и областяхъ. Сознательный періодъ исторіи представляетъ скорѣе процессъ упрощенія, чѣмъ дифференцированія. Тоже самое замѣчается въ жизни экономической: капиталъ и трудъ сливаются въ формѣ новѣйшихъ рабочихъ союзовъ, поземельная собственность и земледѣліе соединяются вмѣстѣ въ видѣ самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія. Идеаломъ считается такой порядокъ вещей, когда трудъ рабочаго не будетъ отдѣляться отъ функціи полученія прибыли, когда трудящіеся будутъ въ тоже время хозяевами предпріятій и когда земледѣльцы будутъ въ то же время собственниками. Теорія „эволюціи“ нуждается, очевидно, въ существенной поправкѣ, по отношенію къ человѣческимъ обществамъ.

Сравненія, основанныя на сходствѣ нѣкоторыхъ общихъ признаковъ, превращаются у многихъ писателей въ дѣйствительное тождество и даютъ имъ работамъ чисто-фантастическое направленіе. Въ „соціальномъ тѣлѣ“ отыскиваются органы и отправленія животнаго — нервная система, кровообращеніе и т. п.; жизнь этого громаднаго тѣла обязательно проходитъ извѣстныя ступени развитія, которыхъ „нельзя ни устранить, ни обойти“ (какъ выражается Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“). Исторія обществъ распредѣляется по возрастамъ, причемъ каждый теоретикъ смотритъ на современную ему эпоху, какъ на состояніе зрѣлости, въ противоположность древней юности и будущему старчеству. Есть и такіе ученые, которые, признавая общество организмомъ, надѣляютъ его способностью вѣчной жизни и вѣчнаго развитія. Другіе примѣшиваютъ къ органическимъ воззрѣніямъ какой-то туманный идеализмъ и навязываютъ человѣчеству свои личныя мечтанія, не стѣсняясь удлинять или укорачивать историческіе періоды по произволу. Любопытный образчикъ такого рода „философіи“ представляетъ книга Луи Банлева „о законахъ исторіи“. Авторъ ставитъ отдѣльно три идеала—красоты, добра и истины (точно они не могутъ существовать рядомъ), и по нимъ характеризуетъ три періода исторіи—юности съ ея чувствительностью, зрѣлости съ

ея волею и старости съ ея разумомъ. Мы живемъ, конечно, въ третьемъ періодѣ, при господствѣ разума и истины. Идеалы красоты и добра оставлены нами далеко позади — первый въ Греціи, а второй въ Римѣ; впрочемъ, наиболѣе совершенная форма второго идеала сохранена нами въ видѣ христіанства. Азіатскіе народы исключаются, по обыкновенію, изъ общей схемы [1]). Метафизическія формулы переплетаются здѣсь съ аналогіями изъ сферы естественныхъ наукъ, и прежняя схоластика перешла только на новую почву.

Капитальнѣйшій вопросъ соціальной философіи — о роли личностей въ исторіи—отчасти затемняется обычнымъ стремленіемъ уловить общій смыслъ и ходъ явленій, безъ точнаго анализа фактовъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что приписывать крупные историческіе факты дѣйствіямъ отдѣльныхъ личностей значило бы слишкомъ мелко смотрѣть на исторію, ибо великія послѣдствія не могутъ вытекать изъ маленькихъ причинъ; но въ этомъ случаѣ допускается нерѣдко весьма значительное смѣшеніе понятій. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ современной „исторической науки“, Бурдо, смѣется надъ ироническими словами Мишле, что „царствованіе Людовика XIV раздѣляется на двѣ части — до появленія у него фистулы и послѣ фистулы“ и что „такъ же точно мѣняется Франциск I —до нарыва и послѣ нарыва“; между тѣмъ, этой рѣзкой и эффектной фразою историкъ очевидно хотѣлъ лишь сказать, что при тогдашнемъ политическомъ строѣ Франціи самыя ничтожныя обстоятельства могли серьезно вліять на настроеніе правительства и косвенно на его политику, а Бурдо упрекаетъ Мишле за легковѣрное раздуваніе мелочей. Паскаль выразилъ мысль, что многое измѣнилось бы въ исторіи, „еслибы носъ Клеопатры былъ немножко короче“: Антоній не увлекся бы курносою царицею, не поссорился бы изъ-за нея съ Августомъ и не былъ бы побѣжденъ своимъ соперникомъ. Бурдо серьезно возражаетъ Паскалю, доказывая, что имперія была бы во всякомъ случаѣ основана даже при торжествѣ Антонія; онъ не замѣчаетъ, что и съ этимъ ограниченіемъ отвергаемая имъ

[1]) Les lois de l'histoire, par Louis Benloew. Paris, 1881, pp. 22—28, 97 и др.

идея о великихъ послѣдствіяхъ малыхъ причинъ сохраняетъ въ данномъ примѣрѣ свою полную силу. Кромвелль, готовившійся отплыть въ Америку, былъ удержанъ въ Англіи по приказу Карла I; безъ этого случайнаго обстоятельства будущій вождь революціи и „протекторъ“ остался бы простымъ гражданиномъ американскихъ колоній, и исторія Англіи пошла бы тогда нѣсколько иначе. По мнѣнію Бурдо, революція все-таки произошла бы, хотя и въ другомъ видѣ и съ другими подробностями; но это предположеніе не ослабляетъ однако теоріи, признающей важность маленькихъ причинъ въ исторіи, такъ какъ и авторъ не отрицаетъ, что событія были бы совсѣмъ иныя, еслибы Кромвелю удалось своевременно покинуть Англію [1]). Подобный характеръ имѣютъ всѣ обычные доводы противъ значенія личнаго элемента и мелкихъ причинъ (которыя неправильно принято называть случайными, чѣмъ спутываются лишь понятія). Прежде всего, виновниками великихъ событій могутъ оказаться отдѣльныя лица только потому, что они имѣютъ въ своемъ распоряженіи сложный механизмъ власти или обладаютъ способностью увлекать за собою народы силою своего таланта, энергіи или ловкости; сами по себѣ, безъ власти и безъ подчиненія толпы, они ничего не въ состояніи были бы сдѣлать, какъ не можетъ произойти пожаръ безъ горючихъ матеріаловъ или взрывъ—безъ взрывчатыхъ веществъ.

Существуютъ три разряда историческихъ дѣятелей, имѣющихъ возможность вліять на исторію: во-первыхъ, великіе люди—или, вѣрнѣе, великіе характеры—въ собственномъ смыслѣ этого слова; во-вторыхъ, лица, облеченныя властью, и, въ-третьихъ, честолюбивые искатели власти, эксплуататоры народныхъ инстинктовъ, слабостей и увлеченій. Сомнѣваться въ первенствующемъ вліяніи такихъ лицъ на внѣшнія событія и перемѣны въ жизни государствъ, въ виду слишкомъ крупной важности обсуждаемыхъ историческихъ явленій—это все равно, что отрицать возможность совершенія огромнаго пожара или взрыва при помощи ничтожной искры, въ виду кажущагося

---

[1]) *L'histoire et les historiens.* Essai critique sur l'histoire, considérée comme science positive, par *Louis Bourdeau.* Paris, 1888.

несоотвѣтствія между причиною и послѣдствіемъ. Историкъ можетъ задаваться болѣе отдаленнымъ вопросомъ о причинахъ и условіяхъ такого рѣшающаго вліянія личностей на общенародные интересы; но онъ не въ правѣ игнорировать факты и доказывать намъ, вопреки очевидности, что, напримѣръ, Петербургъ былъ бы столицею Россіи безъ императора Петра Великаго.

Теорія, отрицающая значеніе личностей въ исторіи, кажется на первый взглядъ глубокомысленной и весьма демократичною; но въ сущности она только крайне поверхностна. Кто поклоняется героямъ, кто выдвигаетъ и возвеличиваетъ ихъ, какъ не толпа? Если толпа слѣпо отдаетъ себя во власть великихъ честолюбцевъ и фактически отрекается въ ихъ пользу отъ своихъ правъ и интересовъ, то чѣмъ виноваты историки, добросовѣстно слѣдующіе за толпою и за ея всесильными избранниками? Развѣ историки прибавили что-нибудь къ факту возвышенія и владычества Наполеона I надъ значительною частью Европы? Для того, чтобы исключительныя личности не останавливали на себѣ преимущественнаго вниманія историковъ, необходимо прежде всего, чтобы эти историческіе дѣятели не занимали подавляющаго мѣста въ дѣйствительномъ ходѣ событій. Если въ центрѣ политическихъ дѣлъ и предпріятій стоитъ отдѣльное лицо, имѣющее возможность распоряжаться судьбою народовъ, то историки поневолѣ должны заниматься подробнымъ изложеніемъ и оцѣнкою дѣйствій этой центральной фигуры, характеристикою ея качествъ, ея происхожденія и связей съ окружающими элементами политическаго строя. Если слава несправедливо поглощается однимъ человѣкомъ и оставляетъ въ сторонѣ его многочисленныхъ сотрудниковъ, то это зависитъ всецѣло отъ обычныхъ слабостей и увлеченій толпы, окружающей своихъ любимцевъ ореоломъ легендарнаго величія и могущества. Историки могутъ устранять легенды, отдѣлять сомнительные факты отъ достовѣрныхъ, анализировать дѣйствительную роль различныхъ дѣятелей и возстановлять правду тамъ, гдѣ она затемнена искусственно; но они не могутъ по-своему передѣлывать исторію, закрывать глаза на существовавшее фактически всеобщее подчиненіе данному герою и игнорировать его лич-

ный руководящій починъ въ событіяхъ изображаемой эпохи. Что̀ поможетъ намъ принципіальное уваженіе къ толпѣ и къ народнымъ массамъ, когда мы видимъ, что эти массы пассивно идутъ куда угодно вождю? Предположеніе, что смѣлый предводитель самъ направляется народомъ и повинуется лишь его напору, оказывается въ большинствѣ случаевъ совершенно голословнымъ и произвольнымъ. Смѣшно было бы утверждать, что грандіозный походъ въ Россію, въ 1812 году, былъ сознательнымъ дѣломъ французской націи или присоединившихся къ ней государствъ, а не личнымъ предпріятіемъ Наполеона. Еще болѣе произвольно и ошибочно другое предположеніе,—что не будь данной исторической личности, появились бы равносильные дѣятели, которые исполнили бы то же назначеніе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Гошъ, Клеберъ или Дезе могли бы замѣнить Бонапарта какъ полководца; но нѣтъ никакого основанія думать, что эти республиканскіе генералы способны были бы сдѣлаться узурпаторами и основателями новой династіи: Франція, вѣроятно, успокоилась бы послѣ своихъ блестящихъ удачъ, не имѣла бы ряда династическихъ войнъ, и новѣйшая исторія Европы получила бы, быть можетъ, совсѣмъ иное направленіе.

Относительно великихъ людей дѣлается обыкновенно двоякаго рода ошибка: современники преувеличиваютъ ихъ реальную силу и приписываютъ имъ множество вещей, въ которыхъ они неповинны, а потомство готово усомниться въ значеніи и даже въ самомъ существованіи ихъ. На нашихъ глазахъ дѣйствуетъ князь Бисмаркъ: его имя связывается со всѣми крупными и мелкими перемѣнами въ международныхъ отношеніяхъ; война и миръ, по общему мнѣнію, находятся въ его рукахъ; онъ не только заправляетъ дѣлами Германіи и ея союзниковъ, но является душою и центромъ всей вообще европейской политики, какъ свидѣтельствуютъ о томъ ежедневно сотни и тысячи газетъ всего міра. Никто не скажетъ, что личность Бисмарка безразлична для новѣйшей исторіи, что безъ него совершились бы тѣ же событія, что его роль могъ бы успѣшно сыграть кто-либо другой изъ современныхъ нѣмецкихъ дипломатовъ. Но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ можетъ высту-

пить историкъ, который возьмется доказать, что современники знаменитаго канцлера жестоко заблуждались, что онъ не могъ вовсе оказывать рѣшающее вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ и что истинныхъ руководителей германскаго объединенія нужно искать въ толпѣ второстепенныхъ дѣятелей, въ массѣ нѣмецкаго общества и народа. Кто будетъ вѣрнѣе смотрѣть на настоящее положеніе вещей—современники и, такъ сказать, очевидцы происходившаго, или же позднѣйшіе отрицатели личной роли князя Бисмарка? Нынѣшнія представленія о всемогуществѣ и повсемѣстномъ таинственномъ вмѣшательствѣ германскаго канцлера имѣютъ въ себѣ много наивнаго и явно преувеличеннаго; но еще болѣе наивно было бы утверждать, что политическія задачи, выдвинутыя національною жизнью Германіи, разрѣшились бы одинаковымъ образомъ безъ участія Бисмарка и Мольтке, подъ руководствомъ какого нибудь Мантейфеля или графа Арнима. Разница въ способахъ дѣйствія была бы настолько значительна, что цѣль могла бы остаться недостигнутою и самыя средства для достиженія единства могли быть совершенно иныя, и Европа была бы избавлена отъ нѣсколькихъ кровопролитныхъ войнъ и отъ тягостныхъ кризисовъ, вызванныхъ хроническимъ состояніемъ вооруженнаго мира. Программа Бисмарка была несомнѣнно личнымъ его дѣломъ, за которое онъ долженъ былъ долго и упорно бороться не только съ общественнымъ мнѣніемъ Германіи, но и съ вліятельными придворными кружками и съ колебаніями самого императора Вильгельма I; въ періодъ конфликта съ парламентомъ до войны съ Австріею онъ былъ самою непопулярною личностью, предметомъ общей вражды въ народѣ, и только побѣда при Садовой сдѣлала его героемъ и любимцемъ толпы. Всѣмъ памятно еще, при какомъ подавленномъ и тяжеломъ настроеніи нѣмцевъ и самихъ пруссаковъ началась австро-прусская кампанія 1866 года, задуманная ненавистнымъ „юнкерскимъ“ дипломатомъ. Эти свѣжіе еще факты недавняго прошлаго служатъ наглядными и убѣдительнымъ примѣромъ подавляющаго дѣйствія выдающихся личностей на политическую жизнь народовъ. Что никакая толпа посредственностей не замѣнитъ одного талантливаго предводителя и что великіе люди не всегда являются въ

нужный моментъ, когда того требуетъ критическое положеніе страны, это можно ясно видѣть изъ состоянія нынѣшней французской республики, со времени смерти Гамбетты. Потребность въ сильномъ политическомъ дѣятелѣ, могущемъ сосредоточить около себя господствующую республиканскую партію, никогда еще не чувствовалась такъ замѣтно, какъ въ настоящее время, и отвѣтомъ на этотъ запросъ является лишь пародія на великаго человѣка, шумная и безцеремонно-честолюбивая личность отставного генерала, за котораго однако усердно ухватились всѣ партіи, отъ крайнихъ радикаловъ до монархистовъ и реакціонеровъ. Если толпѣ удастся поставить генерала Буланже во главѣ правительства, то историки, по необходимости, займутся имъ въ своихъ будущихъ сочиненіяхъ, хотя бы они вполнѣ сознавали его ничтожество. Справедливо ли будетъ нападать на историковъ за то, что они должны удѣлять свое вниманіе подобнымъ героямъ, которымъ ослѣпленная толпа столь легковѣрно ввѣряетъ свою политическую судьбу? Не защищать толпу отъ пренебреженія историковъ приходится безпристрастному наблюдателю, а только отыскивать и объяснять причины, побуждающія людей увлекаться отдѣльными личностями въ ущербъ разумнымъ интересамъ и правамъ населенія.

III.

Взглядъ на историческія судьбы народовъ.—Законы инерціи и метаморфозъ.

Политическое творчество свойственно народамъ въ видѣ рѣдкихъ мимолетныхъ порывовъ, за которыми слѣдуетъ пассивное подчиненіе завѣтамъ и продуктамъ прошлаго. Люди, общества и народы рѣдко создаютъ свои учрежденія сознательно, и то, что сдѣлано въ одинъ моментъ необдуманнаго порыва, закрѣпляется на цѣлые вѣка силою традиціонной привычки и безсознательнаго уваженія ко всему существующему. Политическая жизнь, какъ высшая и не всѣмъ доступная область человѣческихъ интересовъ, можетъ только изрѣдка, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, сосредоточивать на себѣ

страстное вниманіе народа, поглощеннаго въ обыкновенное время заботами о будничныхъ житейскихъ дѣлахъ и о матеріальныхъ средствахъ къ существованію. Нужны исключительныя событія, сильныя внѣшнія потрясенія и лихорадочное возбужденіе значительной части общества, чтобы заставить людей уклониться отъ протореннаго пути и подняться до самостоятельнаго новаго рѣшенія политическихъ задачъ, рѣшенныхъ предками болѣе или менѣе неудачно.

Относительная свобода дѣйствій присуща человѣческимъ обществамъ только въ началѣ политической жизни, когда есть еще возможность выбора между различными способами общественнаго устройства. Путь, разъ избранный, становится фактически обязательнымъ для потомковъ. Одно поколѣніе людей рѣшаетъ судьбу всѣхъ послѣдующихъ, дѣлая за нихъ свой выборъ и устанавливая разъ на всегда фундаментъ для будущихъ общественныхъ формъ. Потребности и желанія одного поколѣнія создаютъ законъ для цѣлаго ряда другихъ поколѣній, обладающихъ несравненно бо́льшимъ запасомъ знаній, болѣе развитыми потребностями, чувствами и интересами.

Грубые инстинкты и смутныя понятія отдаленныхъ предковъ господствуютъ надъ жизнью просвѣщенныхъ обществъ, въ видѣ старинныхъ учрежденій и началъ, унаслѣдованныхъ отъ первобытныхъ временъ политическаго творчества. Люди сживаются съ обстановкою, среди которой выросли, и теряютъ даже способность относиться къ ней критически; а одинокіе независимые умы держатся въ сторонѣ отъ жизни или убѣждаются на дѣлѣ въ невозможности направить общество на новый путь, при помощи доводовъ разума и при отсутствіи другихъ болѣе осязательныхъ побужденій.

Если по какимъ-нибудь причинамъ старый порядокъ жизни рушился и зданія, построенныя предками, совершенно развалились, то общество естественно вступаетъ въ періодъ временнаго сознательнаго творчества и получаетъ нѣкоторую долю первоначальной свободы дѣйствій. Но умы и характеры людей, воспитанные въ традиціонныхъ понятіяхъ, невольно склоняются на сторону привычнаго строя, довольствуясь лишь его наруж-

нымъ обновленіемъ и улучшеніемъ. Этотъ родъ политическаго созиданія—второстепенный, производный, не оригинальный.

Часто необходимость творческой работы застаетъ общество неподготовленнымъ къ дѣлу, вслѣдствіе долгой исторической спячки: тогда происходитъ внутреннее замѣшательство, люди теряются, и этою растерянностью пользуются худшіе, наиболѣе энергическіе и наименѣе разборчивые въ средствахъ общественные элементы, для своихъ особыхъ честолюбивыхъ цѣлей и разсчетовъ. Изъ одного зла общество попадаетъ въ другое, и человѣчество еще болѣе разочаровывается въ своей способности обновлять политическія формы, сообразно своему умственному и нравственному развитію. Является наклонность предпочитать старое извѣстное зло новому невѣдомому еще благу, и прочность существующаго порядка, хотя бы и нелогичнаго, поддерживается уже сознательно нѣкоторою частью мыслящаго общества.

Между отдѣльными „свѣтлыми промежутками“ въ жизни народовъ, лежатъ громадныя пространства безсознательнаго движенія, направляющагося безъ всякаго плана и цѣли по протоптанной дорогѣ, подъ руководствомъ инстинктовъ силы и страха, вѣры и привычки. Черезъ эти долгіе періоды проносятся разъ созданныя политическія формы, въ различныхъ и нерѣдко сложныхъ измѣненіяхъ, отъ одного творческаго момента до другого. Политическая жизнь какъ бы погасла для народныхъ массъ и стала достояніемъ немногихъ. Сфера общихъ интересовъ, касающаяся всѣхъ и каждаго, не заботитъ никого въ отдѣльности, и потому она, какъ область безхозяйная, дѣлается предметомъ свободнаго завладѣнія и захвата, подобно „вещамъ ничьимъ“, достающимся первому находчику. Верхніе классы общества, группирующіеся около традиціонныхъ вождей, могутъ какъ угодно возвеличивать ихъ и себя: не имѣя надъ собою ничего, кромѣ звѣзднаго неба, и видя подъ собою лишь покорныя стада рабовъ, они могутъ давать себѣ самыя щедрыя отличія и самыя обширныя полномочія. Такъ идетъ исторія до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ роковое пробужденіе отъ могучаго внѣшняго толчка или отъ внутренней неурядицы.

Учрежденія и политическія понятія, разъ установленныя,

существуютъ и укрѣпляются въ обществѣ, не потому, что они необходимы или полезны, а потому, что никто не имѣетъ непосредственнаго интереса добиваться ихъ устраненія, и напротивъ, есть элементы, заинтересованные въ ихъ существованіи.

Причины, породившія извѣстное явленіе, могли давно исчезнуть, мотивы и цѣли его могли утратить свой смыслъ, а самое явленіе остается въ полной силѣ, порождая около себя соотвѣтственную атмосферу личныхъ интересовъ и чувствъ, отодвигающихъ далеко на задній планъ потребности общаго блага. Многое развивается и крѣпнетъ такимъ образомъ безъ всякаго внутренняго основанія, единственно вслѣдствіе отсутствія достаточнаго противодѣйствія со стороны общества и вслѣдствіе укореняющейся затѣмъ привычки къ данному роду фактовъ. Поэтому долговѣчность и живучесть какого-нибудь явленія не можетъ считаться доказательствомъ его разумности, цѣлесообразности или неизбѣжности.

Такъ какъ одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ, то преобладаніе верхнихъ общественныхъ слоевъ въ сферѣ политической жизни выдвигаетъ вездѣ одинъ и тотъ же типъ соціальнаго устройства, съ незначительными мѣстными видоизмѣненіями и отступленіями. Отсюда распространенность и повсемѣстность извѣстныхъ формъ и институтовъ, независимо отъ дѣйствительной пригодности ихъ для достиженія цѣлей общежитія.

Законъ инерціи, въ силу котораго политическія судьбы народа идутъ по принятому разъ направленію, составляетъ общее правило для періодовъ безсознательной исторіи. Другой общій законъ, который можно назвать *закономъ метаморфозъ*, объясняетъ способъ постепеннаго развитія, измѣненія и перерожденія формъ, установленныхъ въ періоды политическаго творчества.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ.

IV.

Метаморфозы первоначальной политической власти.—Преданія о Юрикѣ и Дейокѣ. — Безсознательныя перемѣны въ положеніи народовъ и правителей.—Короли у дикихъ племенъ.—Обобщенія Спенсера.

Внутренняя исторія народная представляетъ какъ-бы изнанку внѣшней, политической; она имѣетъ свой особый ходъ, часто противоположный тому, который видится историку на поверхности. Наружное движеніе впередъ можетъ сопровождаться обратнымъ теченіемъ въ глубинахъ народныхъ; процвѣтаніе господствующихъ элементовъ общества, ихъ шумные успѣхи, политическіе и культурные, скрываютъ нерѣдко отъ взоровъ наблюдателя полный упадокъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ большинства населенія. Въ то время какъ вся передняя часть исторической сцены занята горстью предпріимчивыхъ героевъ съ ихъ дружинами, народы оставались гдѣ-то въ туманѣ, на заднемъ дворѣ исторіи, подвергаясь періодическимъ набѣгамъ и вымогательствамъ. Нѣтъ задачи болѣе благодарной для историка и публициста, какъ прослѣдить эту печальную цѣпь закулисныхъ историческихъ картинъ, на темномъ фонѣ которыхъ столь ярко обрисовывается блескъ предводителей, слава ихъ подвиговъ и похожденій.

Любопытное народное сказаніе сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего сѣвера. Оно въ немногихъ словахъ изоб-

ражаетъ первоначальную исторію политической власти, съ точки зрѣнія темныхъ народныхъ массъ.

„Въ старину,—гласитъ сказаніе,—князьки мѣстами жили. Кто гдѣ расширился и овладѣвалъ мѣстомъ, тутъ и жилъ. И пріѣхалъ Юрикъ-новоселъ изъ сѣверной стороны, изъ дальней окраины, и распоселился жить въ Ладогѣ. Но тутъ ему мѣсто не по люби, и пріѣзжаетъ онъ въ Новгородъ Великій, и не съ голыми руками, и въ союзъ вступаетъ. И живетъ онъ день ко дню, недѣля къ недѣлѣ, и годъ къ году,—и залюбили его новгородцы, что человѣкъ онъ веселаго нраву и хорошаго разуму и повышаетъ себя житьемъ-богатствомъ, а тутъ и побаиваться стали. Вотъ зазвонили въ колоколъ,—и выступаетъ этотъ Юрикъ-новоселъ: „что говоритъ, честное общество, возьмите меня въ совѣтъ къ себѣ, и будь я надъ вами, какъ домовой хозяинъ. Только можете-ли вы за нарядъ платить мнѣ половину бѣлочьяго хвоста?“ Смѣтили и погадали граждане-новгородцы и сказали: „можемъ, и платить будемъ половину бѣлочьяго хвоста“. И мало-по-малу платили они, и имъ не въ обиду это. Вотъ опять зазвенѣлъ колоколъ, и на сходку собрались, и говоритъ Юрикъ: „А что, честное общество—новгородцы, можете ли вы платить мнѣ и весь бѣлочій хвостъ?“ Подумали-погадали и опять сказали: „можемъ“, и платить стали. Прошло немного, опять въ совѣтъ собрались: „а что, честное общество, можете ли половину бѣлочьей шкуры платить?“ И отвѣтъ держатъ: „можемъ“. Еще немного прошло,—и въ совѣтѣ опять спрашиваетъ Юрикъ: „а что, честное общество, можете-ли вы платить мнѣ и всю бѣлочью шкуру?“ Порѣшили платить и всю бѣлочью шкуру, и платили долго. Видитъ Юрикъ, что платятъ, собралъ всѣхъ на сходку и говоритъ: „За бѣлочью шкуру хочу я наложить на васъ малыя деньги,—можете ли поднять мнѣ?“ И малыя деньги они подняли,—и понынѣ помнятъ этого домового хозяина и въ сѣверной окраинѣ, и въ Олопецкомъ краѣ и въ Новѣгородѣ. И послѣ этого Юрика пуще и пуще повышали дань, съ алтына на четвертину, а съ четвертины на полтину, а съ полтины на рубль, и такъ до Петра I, а послѣ Петра платили и съ

живой души и съ мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять“ [1]).

Подобнаго-же рода преданіе разсказано у Геродота. „Между мидянами, — говоритъ Геродотъ,—находился умный человѣкъ, по имени Дейокъ. Мидяне жили въ разрозненныхъ селеніяхъ. Дейокъ, который и ранѣе былъ уважаемъ въ своемъ селеніи, старался всегда поддерживать справедливость и дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что много беззаконія господствовало тогда во всей Мидіи. Мидяне изъ того-же села оцѣнили характеръ человѣка и избрали его судьею; а онъ былъ справедливъ и прямодушенъ, и этимъ способомъ дѣйствій пріобрѣлъ немалую похвалу отъ своихъ сограждан (односельцевъ), такъ что люди, жившіе въ другихъ селеніяхъ, узнавъ, что Дейокъ—единственный человѣкъ, разрѣшающій дѣла по праву, стали охотно обращаться къ нему, чтобы онъ судилъ ихъ. Число людей, приходившихъ къ нему для суда, все болѣе увеличивалось, ибо они видѣли, что рѣшенія давались правильныя; а Дейокъ убѣдился, что всѣ на него надѣются, и потому не хотѣлъ болѣе творить судъ и расправу, говоря, что ему это не приноситъ никакой пользы, и что онъ не можетъ оставлять свои собственныя дѣла для суда надъ чужими въ теченіе цѣлаго дня. Между тѣмъ, беззаконія и грабежи происходили въ селеніяхъ гораздо чаще прежняго. Мидяне собрались и совѣщались между собою о томъ, что предпринять. Друзья Дейока говорили такъ: „мы болѣе не въ состояніи жить въ странѣ, оставаясь въ такомъ положеніи; мы желаемъ поэтому выбрать себѣ короля; тогда въ странѣ водворится законный порядокъ, и мы займемся спокойно своими дѣлами“. Такими разсужденіями они убѣдили прочихъ выбрать себѣ короля; а когда былъ поставленъ вопросъ, кого именно выбрать, то предложили Дейока, и каждый его хвалилъ, послѣ чего онъ былъ провозглашенъ королемъ единогласно. Тогда онъ потребовалъ, чтобы ему построили соотвѣтственное королевскому сану жилище и чтобы дали ему вооруженную стражу. Это исполнили

[1]) „Древняя и новая Россія“, 1879, № 9: „Сѣверныя народныя сказанія о древне-русскихъ князьяхъ и царяхъ“, *Е. Барсова* (записаны въ Новгородской и Олонецкой губерніяхъ).

мидяне; они воздвигли ему большой и крѣпкій дворецъ на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ указалъ, и предоставили ему выбрать отрядъ тѣлохранителей изъ всѣхъ мидянъ. Потомъ, достигнувъ власти, онъ заставилъ мидянъ построить городъ и обратить на это дѣло всѣ заботы. И въ этомъ подчинились ему мидяне, и построена была большая и сильная крѣпость, называемая нынѣ Экбатана, съ семью окружными стѣнами, внутри которыхъ помѣщался замокъ короля съ его казнохранилищемъ. Окончивъ постройку крѣпости для своего жилища, Дейокъ постановилъ, что никто не допускается къ королю:— все должно дѣлаться черезъ посланцевъ, и король остается невидимымъ для всѣхъ. Онъ окружилъ себя такимъ блескомъ потому, что его товарищи, выросшіе вмѣстѣ съ нимъ и не уступавшіе ему ни по происхожденію, ни по храбрости, могли бы раздражаться при видѣ его; теперь же онъ долженъ былъ казаться имъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, сдѣлавшись недоступнымъ для ихъ глазъ“ [2]). Такимъ образомъ, праведный сельскій судья превратился въ короля и передалъ свою власть потомкамъ, которые были плохими судьями. Начавъ свою карьеру общественною службою, Дейокъ кончилъ подчиненіемъ всего общества своимъ личнымъ видамъ честолюбія и корысти. Мидяне могли имѣть въ виду сознательную общенародную цѣль, призывая Дейока въ качествѣ судьи и миротворца; но дальнѣйшія перемѣны и событія вызывались уже спеціальными интересами и свойствами тѣхъ дѣятелей, которымъ дана была власть для устраненія неурядицъ въ странѣ. Такъ-же точно легенда о призваніи Рюрика соединяется съ идеею водворенія порядка; но, по народному преданію, водвореніе Юрика-новосела сопровождается еще инымъ, болѣе реальнымъ мотивомъ, который выраженъ въ словахъ: „а тутъ и побаиваться стали“. Добродушное поведеніе новгородцевъ въ этомъ случаѣ характеризуется пословицею, приводимою Карамзинымъ: „такали, такали новгородцы, да и протакали“ (свою вольность). Пассивная довѣрчивость населенія вездѣ служила удобною почвою для смѣлыхъ искателей власти, превращавшихся постепенно

[1]) Геродотъ, кн. I, гл. 96—102.

въ полноправныхъ правителей. Эти превращенія совершаются повсюду одинаковымъ образомъ, при содѣйствіи элементовъ, заинтересованныхъ въ дѣлежѣ добычи.

Народы управляются, въ теченіе многихъ поколѣній, родовыми старѣйшинами, временными или пожизненными начальниками общинъ, и наконецъ военными вождями, избираемыми на время войны. Столкновенія между членами сосѣднихъ общинъ привели къ необходимости внѣ-общинной судебной власти; споры между самими общинами и племенами выдвигали полководцевъ. Значеніе вождей возрастало вмѣстѣ съ образованіемъ союзовъ между родственными общинами; общественныя дѣла все болѣе удалялись отъ гражданъ отдѣльныхъ селеній и становились какъ бы частнымъ достояніемъ вождей. Политическія полномочія дѣлаются мало-по-малу предметомъ собственности. То, что нѣкогда было средствомъ, превращается въ цѣль; интересы общежитія поглощаются порядкомъ, предназначеннымъ для ихъ удовлетворенія и защиты.

Эта коренная перемѣна приводила часто къ уродливымъ отношеніямъ и обычаямъ, непонятнымъ для постороннихъ наблюдателей. Во многихъ странахъ Азіи и Африки бывшіе старѣйшины или ихъ потомки оказываются уже не правителями, а владѣльцами человѣческаго стада. У племени ніамъніамъ въ центральной Африкѣ „король“, отъ времени до времени, бросается на кого-либо изъ своихъ подданныхъ и рубитъ ему голову топоромъ, чтобы подтвердить свое право распоряжаться своею собственностью. У ашантіевъ „король окруженъ мальчиками, которые имѣютъ право отбирать у населенія все, что имъ понравится; всякій плевокъ короля тщательно вытирается ими и покрывается пескомъ, а когда король чихнетъ, всѣ присутствующіе мгновенно принимаютъ молитвенную позу“. Въ долинѣ Нигера, у племени катунга, когда король даетъ аудіенцію, евнухи, придворные и всѣ окружающіе ложатся на землю и усердно барахтаются головами въ пыли; чѣмъ сильнѣе окажется кто запачканнымъ, тѣмъ болѣе гордится онъ предъ соперниками. Въ странѣ Мтезы, близъ озеръ верхняго Нила, всякое нарушеніе придворнаго церемоніала немедленно наказывается смертью; люди при-

ближаются къ королю не иначе, какъ ползая на четверенькахъ, и рѣшеніе его, каково бы оно ни было, принимается виновнымъ съ криками радости и съ восторженными движеніями тѣла на землѣ; молодыя дѣвушки благоговѣйно предлагаются королю родителями для его гарема, гдѣ одалискамъ грозитъ смертная казнь за неумѣніе нравиться повелителю. Въ сіамскомъ королевствѣ каждый называетъ себя ругательными или уменьшительными именами, обращаясь къ человѣку, высшему по положенію: „я собака, я животное“,—это обычныя формулы въ разговорахъ между подчиненными и начальствомъ. У нѣкоторыхъ племенъ принято прятать драгоцѣнности при приближеніи короля, такъ какъ послѣдній можетъ присвоить ихъ себѣ [1]). Очевидно, фактическая власть, которою пользовались вожди и старѣйшины, послужила источникомъ злоупотребленій и произвола, а эти злоупотребленія были современемъ возведены въ общее правило и заставили людей забыть ту цѣль, для которой назначались предводители.

Слѣды прежнихъ отношеній къ общественнымъ дѣламъ обнаруживаются еще въ болѣе важныхъ вопросахъ о войнѣ или мирѣ. У тѣхъ же ашантіевъ, которые отличаются такимъ низкопоклонствомъ относительно вождей, существуютъ совѣщательныя собранія для обсужденія общихъ дѣлъ, при участіи представителей племени. У кафровъ король, облеченный верховною властью, не принимаетъ никакихъ серьезныхъ рѣшеній безъ созыва народнаго собранія; на этихъ сходкахъ люди не стѣсняются говорить совершенно свободно, и король обязанъ выслушивать всякія мнѣнія, какъ бы непріятны они ни были ему лично. У мандинговъ король всегда обращается къ совѣту стариковъ и начальниковъ, прежде чѣмъ заключить миръ или рѣшить какое-либо важное дѣло; этотъ обычай сохранился въ большей части Африки. Старинныя права общинъ перепутываются съ продуктами новаго рабства, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. При выборѣ или утвержденіи короля у племени бамбарасовъ представители народа напоминаютъ новому

[1]) Charles *Letourneau*, La Sociologie d'après l'ethnographie (Paris, 1880), стр. 439—460.

вождю его полномочія и обязанности въ слѣдующихъ словахъ: „прежде чѣмъ принять власть, ты долженъ знать четыре вещи: —во-первыхъ, что ты нашъ повелитель и что наши головы принадлежатъ тебѣ; во-вторыхъ, что ты долженъ обращаться съ нами, какъ обращались съ нами твои предшественники; въ-третьихъ, что ты долженъ заставить уважать законы и заботиться о народѣ; въ-четвертыхъ, что ты долженъ заслужить честь, выпавшую на твою долю, и отличиться на войнѣ". Простодушные дикари не видятъ противорѣчія между отдачею своихъ головъ въ распоряженіе вождя и требованіемъ отъ него заботливости о соблюденіи общихъ интересовъ и законовъ; это противорѣчіе можетъ долго оставаться въ скрытомъ состояніи, пока не явятся благопріятныя обстоятельства для превращенія фразы о головахъ въ печальную дѣйствительность.

Само собою разумѣется, что примѣнять къ быту дикихъ народовъ европейскія понятія и названія было бы крайне ошибочно; слово „король" или „монархія" довольно преждевременно, когда рѣчь идетъ о первобытномъ политическомъ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Въ этомъ отношеніи сильно грѣшатъ европейскіе путешественники и этнографы; они постоянно провозглашаютъ „королями" простыхъ старѣйшинъ и предводителей, весьма далекихъ еще отъ мысли о наслѣдственной власти. Много ошибокъ въ этомъ родѣ содержится въ книгѣ Летурно, упомянутой нами выше; авторъ повсюду ищетъ и находитъ монархію, феодализмъ, вассаловъ и сюзереновъ, хотя эти названія вовсе не соотвѣтствуютъ условіямъ жизни описываемыхъ племенъ. Столь же произвольны взгляды Спенсера, основанные на предположеніи цѣлесообразности въ ходѣ развитія народовъ. Идея „развитія" даетъ невѣрное освѣщеніе фактамъ, въ которыхъ нѣтъ ни разумной цѣли, ни сознательной общественной основы, — фактамъ, возникшимъ путемъ извращенія, насильственнаго или добровольнаго.

Спенсеръ отыскиваетъ правильную послѣдовательность тамъ, гдѣ ея нѣтъ; онъ предполагаетъ теоретическій смыслъ въ явленіяхъ, порождаемыхъ массою произвольныхъ и случайныхъ вліяній. „Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—что въ началѣ власть старѣйшины есть въ извѣстныхъ отношеніяхъ власть личная:

его большая сила, мужество или знанія даютъ возможность поддерживать свою индивидуальную волю. Но очевидность убѣждаетъ насъ, что его индивидуальная воля является лишь маловажнымъ факторомъ и что власть, которою онъ пользуется, пропорціональна тому, въ какой мѣрѣ находятъ въ ней свое выраженіе желанія остального народа". Скорѣе можно сказать наоборотъ: воля старѣйшины въ началѣ выражаетъ собою волю цѣлаго племени, а потомъ подавляетъ эту общую волю и замѣняетъ ее личнымъ владычествомъ. По мнѣнію Спенсера, главную роль въ устройствѣ общежитія играютъ традиціонные обычаи, переходящіе отъ поколѣнія къ поколѣнію; настоящее подчиняется прошедшему, живые управляются мертвыми. „Правительственное чувство населенія есть накопленное и организованное чувство прошлаго... Правитель, являющійся отчасти органомъ окружающихъ его воль, еще въ большей мѣрѣ есть органъ воль отошедшихъ, и его собственная воля, сильно сдерживаемая первыми, еще въ бо́льшей степени сдерживается послѣдними... Правитель—это агентъ, черезъ котораго чувства мертвыхъ контролируютъ дѣйствія живыхъ" [1]). Между тѣмъ, старѣйшины стоятъ ничуть не ближе къ прошлому, чѣмъ остальное населеніе, и завѣты предковъ для нихъ не болѣе священны, чѣмъ для большинства: часто воля мертвыхъ служитъ лишь удобнымъ прикрытіемъ для перемѣнъ, желательныхъ правителямъ. Оптимизмъ Спенсера сказывается во многихъ отдѣльныхъ его замѣчаніяхъ и выводахъ. „Крѣпостное состояніе,—по его словамъ,—возникаетъ вмѣстѣ съ завоеваніемъ и присоединеніемъ цѣлыхъ областей"; но каждый знаетъ, что крѣпостное право устанавливалось также помимо всякихъ завоеваній, въ средѣ однороднаго населенія, и что наши помѣщики не были побѣдителями по отношенію къ крестьянству. „Очевидно,—замѣчаетъ Спенсеръ,—что на низшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія, когда связь слишкомъ незначительна, а потребность въ сплоченіи громадна, принципъ наслѣдственности необходимо получаетъ преобладаніе надъ принципомъ способ-

[1]) Гербертъ Спенсеръ, „Развитіе политическихъ учрежденій", русск. перев., стр. 103—6.

ности, особенно по отношенію къ политическому главенству". Извѣстно однако, что наслѣдственная власть и опредѣленный порядокъ ея преемства вырабатываются уже въ позднѣйшее время, а вовсе не „на низшихъ ступеняхъ" общественнаго быта; въ азіатскихъ монархіяхъ понынѣ еще не утвердилась передача престоловъ по наслѣдству, и смѣна правителей не обходится безъ сильныхъ споровъ, иногда убійствъ и междоусобій. „Обыкновенно,—говоритъ еще Спенсеръ,—въ обществахъ, гдѣ ниспровергается король, возбудившій неудовольствіе, на его мѣсто избирается другой король; это объясняется тѣмъ, что общественное чувство въ среднемъ выводѣ не только не тяготится самодержавіемъ, а напротивъ, желаетъ его, создаетъ абсолютныхъ правителей и даетъ имъ ту власть, которою они располагаютъ"; при этомъ упущено только изъ виду, что общественное чувство можетъ вовсе не существовать въ организованномъ видѣ, оставаясь пассивнымъ и подавленнымъ даже при выборѣ новыхъ королей. Одностороннимъ слѣдуетъ признать и то мнѣніе Спенсера, что „подчиненность народовъ деспотизму правителей значительно содѣйствовала движенію цивилизаціи впередъ", такъ какъ „въ борьбѣ обществъ за существованіе побѣждали тѣ, которые при равенствѣ другихъ условій больше подчинялись вождямъ и королямъ" [1]). Турки мало помогли успѣхамъ цивилизаціи, такъ же точно какъ и персы, и китайцы, несмотря на деспотизмъ ихъ правительствъ; древнія деспотіи разгромлены были войсками республикъ Греціи и Рима, и классическій міръ достигъ своего высшаго развитія подъ властью народа, который не имѣлъ королей. Крѣпкая форма сама по себѣ не служитъ еще гарантіею силы и жизненности содержанія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 70, 110, 130, 151—2 и др.

V.

Судебныя и военныя функціи королей. — Короли и императоры въ древнемъ Римѣ. — Метаморфозы въ значеніи политическихъ терминовъ.

Королевская власть образовалась изъ двоякаго рода функцій—военной и судебной. Эти двѣ категоріи общественнаго служенія съ самыхъ раннихъ временъ соединяются съ званіемъ короля. Въ древности всѣ короли были полководцами или судьями; законодательство въ настоящемъ смыслѣ этого слова не входило въ обычный кругъ ихъ могущества. Сильнѣйшіе цари Востока оставляли неприкосновеннымъ внутренній бытъ народа, съ его правовыми воззрѣніями и обычаями. Много монархій пронеслось надъ старинными народными учрежденіями Индіи, не коснувшись ихъ; только просвѣщенное владычество англичанъ подорвало ихъ въ корнѣ. Судебныя и военныя занятія исчерпывали собою полномочія древнихъ королей.

Что основателями династій были большею частью полководцы, располагавшіе преданнымъ войскомъ,—это фактъ, настолько извѣстный и понятный, что распространяться о немъ нѣтъ надобности. Гораздо интереснѣе вопросъ о королях-судьяхъ.

Типъ королей-судей преобладаетъ въ мирныхъ обществахъ или въ періоды сравнительнаго мира. Король или подобное лицо,—говоритъ сэръ Генри Мэнъ,—занимаетъ всегда положеніе судьи въ раннихъ политическихъ организаціяхъ. Въ древнѣйшихъ индійскихъ преданіяхъ король изображается сидящимъ на тронѣ юстиціи, передъ книгою закона, съ учеными браминами по сторонамъ. Эти традиціи живутъ въ Индіи до сихъ поръ; онѣ существуютъ также въ старыхъ законахъ Ирландіи. Великіе „брегоны“, объявлявшіе право въ древней Ирландіи, были королями или сыновьями королей; они напоминаютъ индійскихъ браминовъ, по духовному авторитету. Будучи необходимо судьею, король долженъ имѣть при себѣ законника, въ качествѣ засѣдателя. У другихъ народовъ роль королей-старѣйшинъ обставлена нѣсколько иначе. Короли, опи-

санные Гомеромъ, суть прежде всего полководцы; они также —судьи, но безъ помощниковъ, и произносятъ приговоры по непосредственному личному вдохновенію свыше. Позднѣе, вдохновеніе получается отъ законника или отъ книги законовъ, но и ранѣе королевскія рѣшенія основывались на существующихъ въ народѣ обычаяхъ и понятіяхъ. У древнихъ евреевъ короли были судьями по преимуществу. Евреи требовали себѣ „короля, который бы ихъ судилъ и шелъ бы впереди ихъ, когда они идутъ на войну". Судебныя функціи, отошедшія у нихъ на задній планъ въ эпоху войнъ, выдвигаются вновь въ лицѣ Соломона.

Первобытное представленіе о короляхъ-судьяхъ не исчезаетъ даже при существованіи особыхъ независимыхъ судовъ; всегда сохраняется еще убѣжденіе, что королю принадлежитъ дополнительная юрисдикція, исправляющая и контролирующая судебную практику. Короли-судьи, какъ объясняетъ Мэнъ, представляли важное удобство для тяжущихся; они разъѣзжали по странѣ, отъ одного поселенія до другого, повсюду разрѣшая споры одновременно съ собираніемъ дани. Древніе короли рѣдко сидѣли на мѣстѣ; они постоянно были въ разъѣздахъ, вслѣдствіе своихъ судебныхъ обязанностей, требовавшихъ ихъ присутствія поочередно въ различныхъ пунктахъ страны. Короли были вообще странствующими лицами; постоянныя передвиженія были для нихъ обязательны, если они хотѣли избѣгнуть судьбы „праздныхъ королей" у франковъ. Мэнъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія о переѣздахъ короля Іоанна, за время съ 1200 до 1216 года; этотъ король, имѣющій репутацію изнѣженнаго правителя, бывалъ въ теченіе одного мѣсяца въ шестнадцати городахъ и мѣстечкахъ Англіи, совершая свои путешествія верхомъ по странѣ, лишенной удобныхъ дорогъ. Такая кочевая жизнь продолжалась непрерывно во все его царствованіе, хотя онъ далеко не былъ образцомъ добросовѣстности въ дѣлѣ отправленія правосудія. Ни одинъ торговый агентъ не разъѣзжаетъ такъ много и неустанно по желѣзнымъ дорогамъ, какъ эти старинные короли, не имѣвшіе въ своемъ распоряженіи правильныхъ путей сообщенія. Впослѣдствіи, вмѣсто самихъ королей, страну объѣзжали ихъ „посланные";

такимъ образомъ, произошли періодическіе разъѣзды судей по округамъ для разбора мѣстныхъ судебныхъ дѣлъ. Въ одной изъ статей „великой хартіи“ 1215 года постановлено, что „судъ общихъ тяжбъ“, которому подсудны всѣ важнѣйшіе гражданскіе споры, не долженъ болѣе слѣдовать за королемъ; съ тѣхъ поръ этотъ судъ засѣдалъ неизмѣнно въ Вестминстерскомъ дворцѣ, вплоть до послѣдней судебной реформы. Отправленіе правосудія не только отдѣлилось отъ королевской власти, но считалось оплотомъ противъ чрезмѣрныхъ ея притязаній, а между тѣмъ, судъ отправлялся еще отъ имени короля [1])

Когда высшая судебная власть соединялась въ одномъ лицѣ съ должностью военачальника, то почва для монархіи могла считаться вполнѣ подготовленною. Спартанскіе цари начальствовали неограниченно только надъ войскомъ; они каждый мѣсяцъ присягали, что будутъ соблюдать законы отечества: они еще носили на себѣ слѣды должностныхъ лицъ или старѣйшинъ прежняго времени. Будучи президентами сената, они фактически подчинялись всемогущимъ „эфорамъ“, выборнымъ представителямъ народа; были даже примѣры, что за дурное исполненіе своихъ обязанностей короли присуждались къ тяжелымъ штрафамъ, по приговору сената. Въ Эпирѣ, по словамъ Плутарха, существовалъ издавна обычай взаимной клятвы между королемъ и народомъ; король присягалъ, что будетъ управлять согласно законамъ страны, а подданные въ свою очередь обязывались поддерживать его власть. Толпы королей, изображаемыхъ въ „Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“, совсѣмъ не оправдываютъ тѣхъ громкихъ и напыщенныхъ названій, которыя присвоиваются имъ поэзіею Гомера. Короли древняго Рима также не были монархами въ современномъ смыслѣ; это были полководцы, выдвинутые своими военными способностями и частою необходимостью войнъ. Власть римскихъ королей не имѣла ничего общаго ни съ патріархальнымъ началомъ, ни съ деспотіею;

[1]) См. этюдъ Мэна „о королѣ въ его отношеніяхъ къ первоначальной гражданской юстиціи“, въ „Fortnightly Review“, 1881, pp. 603—617. Этотъ интересный этюдъ вошелъ въ книгу „Early law and custom“, переведенную на русскій языкъ подъ редакціею проф. Максима Ковалевскаго („Древній законъ и обычай“, М., 1884).

это была власть военная, выборная, не связанная съ однимъ какимъ-либо семействомъ, безъ всякихъ правъ на имущество гражданъ; даже для внѣшнихъ сношеній выбирался особый представитель народа, причемъ въ договорныхъ актахъ не упоминалось вовсе о королѣ, а только о совѣтѣ старѣйшинъ; но когда война объявлена сенатомъ, на сцену выступаетъ король-полководецъ. Остальныя права королей вытекали изъ потребностей военной организаціи, обнимавшей все мужское населеніе; карательная юстиція имѣла также военный отпечатокъ. Въ качествѣ предводителя войска, король созывалъ вооруженныхъ гражданъ и отъ ихъ имени приносилъ жертвы богамъ; онъ могъ поэтому дѣйствовать по божественнымъ указаніямъ въ предѣлахъ своихъ широкихъ полномочій. Такъ какъ весь народъ находился постоянно на военномъ положеніи, то и достоинство военачальника было постояннымъ, пожизненнымъ,— а пожизненный полководецъ, не имѣющій никого надъ собою, долженъ чувствовать въ себѣ задатки полнаго властелина. Попытка превратить этотъ порядокъ вещей въ окончательную наслѣдственную монархію не имѣла успѣха, и званіе короля сдѣлалось предметомъ ненависти и страха.

Римъ охотно подчинялся, въ случаѣ надобности, неограниченнымъ диктаторамъ; но вѣрнѣйшимъ способомъ погубить человѣка было—приписать ему отдаленную мысль о коронѣ. Народъ восторженно рукоплескалъ Цезарю, когда онъ публично отклонилъ предложеніе Антонія возложить на себя королевскій вѣнецъ. Удивительно,—замѣчаетъ по этому поводу Плутархъ,—что люди, допускавшіе надъ собою самую деспотическую власть, опасались одного титула короля, видя въ немъ гибель для своей свободы. Цезарь могъ бы властвовать долго, еслибы не обнаружилъ намѣренія возстановить королевское достоинство въ той или другой формѣ. Августъ свободно пользовался неограниченною властью, подъ именемъ „императора“ и главы сената. Любопытна судьба этихъ званій, имѣющихъ столь высокій смыслъ въ настоящее время. Въ письмѣ къ Цицерону, Цезарь называетъ его „императоромъ“, ибо Цицеронъ былъ правителемъ провинціи, а всякій самостоятельный начальникъ войска или области имѣлъ право на

этотъ титулъ. Почетное званіе императора давалось также полководцу самимъ войскомъ; тогда оно сохранялось и послѣ сложенія имъ командованія, хотя и безъ всякаго практическаго значенія. Право давать этотъ титулъ осталось за войскомъ и послѣ того, какъ слово „императоръ“ стало означать верховнаго правителя. Слово „princeps“, означавшее должность первоприсутствующаго въ сенатѣ, получило впослѣдствіи новый смыслъ: оно обозначало уже государя и превратилось въ наслѣдственный титулъ членовъ царствующихъ фамилій. Званія „перваго въ сенатѣ“ и „повелителя“ надъ войскомъ соединились вмѣстѣ для обозначенія высшей власти и могущества; имя Цезаря, побѣдившаго свое отечество, сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, верховнымъ титуломъ для правителей, символомъ величія и славы. Власть, возникшая незаконно, путемъ насилія и произвола, принята была за образецъ для позднѣйшихъ законныхъ правительствъ; то, что для современниковъ было захватомъ и преступленіемъ, оказалось для потомковъ предметомъ гордости и подражанія. Катонъ младшій требовалъ суда надъ Помпеемъ за произвольное распоряженіе силами и средствами государства. „Помпей,—говорилъ онъ въ сенатѣ,—беретъ себѣ провинціи въ управленіе и раздаетъ ихъ своимъ друзьямъ. Онъ одолжилъ Цезарю шеститысячную армію безъ спроса и согласія сената. Итакъ, отдѣльныя лица даютъ другъ другу и распредѣляютъ между собою наши войска, наши оружія, нашихъ солдатъ и лошадей. И Помпей при этомъ настолько великодушенъ, что, довольствуясь только званіемъ императора и полководца, онъ охотно отдаетъ наши арміи и провинціи другимъ, а самъ остается въ городѣ для поддержанія постоянныхъ волненій съ цѣлью подготовленія монархіи“. Однако, тотъ же Катонъ принялъ сторону Помпея, когда противъ Рима возсталъ болѣе опасный врагъ сената и республики, Цезарь. Присвоеніе публичныхъ правъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ сдѣлало быстрые успѣхи, но оно никогда не доходило до смѣшенія государственныхъ полномочій съ частными правами правителей, и никому не приходило въ голову смотрѣть на имперію, какъ на вотчину. Имперія оставалась „публичнымъ дѣломъ“—res publica; только управленіе ею ввѣрялось

императорамъ, каждый разъ по особому указу сената, существовавшаго еще только по имени. Власть императоровъ была по прежнему выборная, а для избѣжанія междуцарствія назначался преемникъ при жизни правителя, обыкновенно изъ членовъ его семейства или близкихъ ему лицъ, подъ общимъ именемъ Цезаря. Принципъ семейнаго наслѣдованія не имѣлъ вообще прочнаго примѣненія въ древнихъ монархіяхъ; государство еще не подлежало дѣйствію частнаго права, которое овладѣло имъ только въ теченіе среднихъ вѣковъ [1]).

Основныя политическія учрежденія подвергались метаморфозамъ, въ которыхъ общественные мотивы играли лишь мимолетную, второстепенную роль. Сила, разъ вызванная къ жизни, не зависитъ уже отъ своего первоначальнаго назначенія, — она существуетъ самостоятельно, слѣдуя своимъ собственнымъ инстинктамъ, создавая для себя новыя основанія, взамѣнъ прежнихъ, и выдвигая частныя цѣли, на мѣсто общихъ. Характеръ явленія, мало-по-малу, перерождается до неузнаваемости, логическія причины его исчезаютъ изъ памяти людей, и старыя слова получаютъ совершенно иной смыслъ, который невольно переносится на факты далекаго прошлаго.

Остатки первональныхъ судебныхъ и военныхъ функцій королей выражаются понынѣ въ томъ, что изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія только правосудіе и военное дѣло поставлены въ непосредственную связь съ именемъ монарха, какъ высшаго судьи и полководца. Ни въ дѣлахъ законодательныхъ, ни въ общей администраціи, ни въ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ, роль государя не является столь близкою и явною, какъ въ исполненіи актовъ милосердія и въ заботахъ о военномъ дѣлѣ. Стоя во главѣ арміи и облекаясь въ военный мундиръ даже у самыхъ мирныхъ народовъ, короли отдаютъ лишь дань справедливости главнѣйшему источнику возвышенія своихъ предковъ и предшественниковъ.

---

[1]) О формахъ государственной власти у разныхъ народовъ см. сочиненія: Hippolite *Passy*, Des formes de gouvernement. P. 1876; Alfred *Sudre*, Histoire de la souveraineté; Эд. *Фриманъ*, „Сравнительная политика“ (р. перев.); *Мэнъ*, „Древнѣйшая исторія учрежденій“ (р. перев.) и др.

VI.

Образованіе западно-европейскихъ монархій.—Превращеніе государствъ въ частныя владѣнія правителей.—Вотчинный характеръ власти въ древней Россіи.

Происхожденіе королевской власти „теряется въ туманѣ вѣковъ". Исторія застаетъ ее почти у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ въ болѣе или менѣе установившемся видѣ. Можно думать различно о характерѣ миѳическихъ королей; поэзія украшаетъ ихъ божественными чертами, но эти боги кажутся иногда подозрительными по своей чрезмѣрной многочисленности и по слишкомъ мелкому объему своихъ владѣній. Когда евреи вступили въ землю Ханаанъ, они встрѣтили противъ себя цѣлое сборище королей, счетомъ болѣе тридцати; каждый стоялъ во главѣ своихъ войскъ. Въ эпоху осады Трои, Греція имѣла болѣе пятидесяти главныхъ вождей и сто или двѣсти второстепенныхъ. Весьма вѣроятно, что это были просто старѣйшины или начальники общинъ, разрисованные и возвеличенные позднѣйшею фантазіею поэтовъ. Тотъ длинный путь, которымъ люди дошли до образованія дѣйствительной монархіи, представляется намъ въ болѣе ясныхъ чертахъ, которыя можно возстановить приблизительно, по аналогіи съ позднѣйшими явленіями этого рода. Для нашей цѣли достаточно будетъ намѣтить основные переходные моменты той великой метаморфозы, около которой вертится вся политическая исторія европейскихъ государствъ до новѣйшихъ временъ.

Исходнымъ пунктомъ является положеніе германскихъ и славянскихъ племенъ до образованія ими прочныхъ государствъ. Юлій Цезарь находилъ, что германцы въ мирное время не имѣютъ надъ собою общей власти, а въ отдѣльныхъ областяхъ старѣйшины завѣдуютъ мѣстными дѣлами и разбираютъ судебные споры. Тацитъ говоритъ уже о „корольхъ", которые ставятся рядомъ съ начальниками общинъ; но значеніе этихъ королей видно изъ того, что они или старѣйшины, „смотря по возрасту, происхожденію, военной славѣ и краснорѣчію, выслушиваются народнымъ собраніемъ, болѣе въ силу способ-

ности убѣждать, чѣмъ въ силу права повелѣвать". Начальники общинъ рѣшаютъ маловажныя дѣла, о болѣе важныхъ совѣщаются всѣ; однако, и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ народа, обсуждаются предварительно старѣйшинами. Въ народныхъ собраніяхъ избираются также начальники, которые творятъ судъ и расправу въ округахъ и селахъ (Germania, гл. XI—XII). Подобныя же свѣдѣнія существуютъ относительно славянъ [1]). Византійскіе историки утверждаютъ, что „славяне искони имѣли управленіе народное, о пользахъ и нуждахъ своихъ совѣщались сообща, въ народныхъ собраніяхъ; руководителями ихъ были князья, которыхъ было много, что и давало поводъ къ раздорамъ и несогласіямъ". Этихъ князей историки иногда называли королями, царьками, хотя они несомнѣнно были только старостами, выборными судьями, не имѣвшими самостоятельнаго значенія; каждое село, родъ или племя имѣли своихъ старшинъ, а обиліе ихъ смущало иноземныхъ писателей, которые непремѣнно желали видѣть въ нихъ королей. Такъ и въ настоящее время путешественники принимаютъ вождей дикихъ племенъ за независимыхъ государей. „Проходили долгіе вѣка, — замѣчаетъ г. Забѣлинъ въ своей „Исторіи русской жизни",—поколѣнія выростали и смѣнялись другими, а положеніе дѣлъ оставалось одно и то же. Исторія нисколько не измѣняла своего хода и только въ иное время выдвигала впередъ какого-либо героя-предводителя, котораго римляне и греки по своимъ понятіямъ обыкновенно считали царемъ, а онъ въ сущности, въ кругу своего положенія и своихъ дѣйствій, бывалъ только Богданомъ Хмельницкимъ или Сагайдачнымъ". Главная должность князя-старѣйшины заключалась въ судебной расправѣ; еще гораздо позднѣе народъ, по словамъ лѣтописи, говорилъ: „поищемъ себѣ князя, который судилъ бы по правдѣ, рядилъ бы по ряду". Кто пріобрѣлъ себѣ репутацію умнаго и справедливаго судьи, тотъ имѣлъ наиболѣе шансовъ сдѣлаться начальникомъ племени; при ловкости и честолюбіи избранный воевода легко утверждалъ свою

[1]) Эти свѣдѣнія хорошо сгруппированы у *Забѣлина*, въ „Исторіи русской жизни", ч. I, стр. 410—456. См. также *Вл. Дьячана*, „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ (Варшава, 1882), стр. 22 и слѣд.

власть, принимая разнообразные титулы — жупановъ, князей, бановъ, владыкъ, господарей. Славянскіе вожди имѣли предъ собою готовые образцы у сосѣднихъ нѣмецкихъ племенъ и византійцевъ, а нѣмцы въ свою очередь подражали римлянамъ временъ имперіи.

Сотрудники и помощники королей дѣйствовали въ томъ же духѣ частныхъ интересовъ. Чиновникамъ и слугамъ короля давались государственныя земли во временное пользованіе; но это условное владѣніе становится скоро наслѣдственнымъ, ибо гораздо легче давать, чѣмъ отнимать обратно. Военные командиры, правители областей и городовъ, присваиваютъ себѣ въ собственность свои должности и дѣлаются полными обладателями тѣхъ провинцій, которыя отданы были имъ для управленія. Они перестаютъ отдавать государству собираемые ими налоги и превращаютъ ихъ въ личный свой доходъ; въ ихъ частные сундуки поступаютъ государственныя подати, которыя раньше вносились населеніемъ въ казну. Политическія права и функціи смѣшались съ частнымъ имуществомъ; званія командировъ и чиновниковъ, герцоговъ и графовъ, стали переходить по наслѣдству. Дворцовые мэры превратились въ потомственныхъ опекуновъ королей и предпочли сами занять ихъ мѣсто. Всеобщая система захватовъ утверждена была торжественно въ концѣ IX вѣка, когда Карлъ Лысый призналъ наслѣдственность должностей и бенефицій. Государство было раздѣлено, какъ добыча, между прежними его органами и служителями. Образовалось двадцать-девять большихъ герцогствъ и графствъ, въ видѣ самостоятельныхъ мѣстныхъ правительствъ, отпавшихъ отъ центральной власти. Черезъ сто лѣтъ ихъ было уже пятьдесятъ-пять въ нынѣшней Франціи, и они составляли отдѣльныя маленькія государства, принадлежавшія владѣльцамъ на правѣ собственности. Общественные интересы народовъ потонули въ этомъ хаосѣ личныхъ цѣлей и страстей правящаго класса. Разбирая подобныя явленія, можно говорить только о метаморфозахъ, а никакъ не о цѣлесообразномъ развитіи политическихъ формъ.

Подобнымъ же образомъ, какъ во Франціи, совершилось распаденіе государства и въ Германіи. Различныя области

имперіи управлялись такъ хорошо, что очутились въ положеніи частнаго имущества правителей. При избраніи Рудольфа Габсбурга, Германія была уже раздроблена на 219 самостоятельныхъ владѣній; въ началѣ XVII вѣка ихъ было уже 370. Новое германское устройство 1815 года застало уже только 39 государствъ, изъ которыхъ иныя были въ сущности небольшими помѣстьями. Поглощеніе публичныхъ правъ частными интересами даетъ повсюду сходные результаты.

Отдѣльныя племена имѣли своихъ князей, герцоговъ, которые или возвышаются на степень самостоятельныхъ государей, или подчиняются болѣе могущественной центральной власти; въ томъ и другомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣли внѣшнія связи, сношенія съ правителями сосѣднихъ странъ, союзы и столкновенія съ чужими народами. Для сосѣдей было всегда выгоднѣе имѣть дѣло съ опредѣленною личностью, чѣмъ съ цѣлымъ племенемъ; чтобы пріобрѣсть расположеніе и поддержку выборныхъ вождей чужого племени, имъ предлагалось наслѣдственное владычество,—и такого рода предложенія рѣдко отклонялись. Такъ, франкскіе короли признали за семействомъ Агилольфинговъ исключительное право на управленіе Баваріею, съ титуломъ герцоговъ. Въ балтійскомъ Поморьѣ мѣстные князья получили отъ польскихъ королей вотчинныя права, цѣною подчиненія Польшѣ (въ XII вѣкѣ) [1]). Фридрихъ II Гогенштауфенъ предлагалъ нѣмецкимъ князьямъ признать неограниченную наслѣдственность ихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы и престолъ священной римской имперіи пересталъ быть избирательнымъ; князья не пошли на эту сдѣлку только потому, что не нуждались уже въ формальномъ признаніи своего фактическаго господства.

Государство отдѣляется отъ народной жизни и существуетъ уже независимо отъ ея интересовъ; оно утрачиваетъ характеръ публичнаго права и всецѣло проникается частнымъ, вотчиннымъ духомъ. Новая форма пускаетъ крѣпкіе корни, опи-

[1]) *Maciejowski*, Historya prawodawstw słowiańskich, т. I, стр. 61 и слѣд.; *Wilhelm Sickel*, das Wesen des Volksherzogthums (Hist. Zeitschr., 1884). См. также *Heinrich von Sybel*, Entstehung des germanischen Königthums, Fr. a M. 1871.

раясь на организованную силу, находящуюся въ ея распоряженіи, и на многочисленныя группы, ищущія ея покровительства. Государственная территорія разсматривается какъ помѣстье; она дѣлится между дѣтьми правителя, отчуждается, отдается въ приданое. Расхищеніе государства сановниками возводится въ стройную систему, подъ именемъ феодализма; факты кажутся менѣе грубыми, когда для нихъ установлено особое благозвучное названіе. Метаморфоза завершается лишь послѣ энергической борьбы съ общественнымъ чувствомъ, которое современемъ подавляется и глохнетъ отъ долгаго неупотребленія.

Государства соединялись между собою посредствомъ женитьбы, на правахъ имущества супруговъ; такимъ способомъ особенно расширилась Австрія, что и выражено въ извѣстной поговоркѣ: „tu, felix Austria, nube“ („ты, счастливая Австрія, заключай браки“). Семейные союзы правителей измѣняли судьбы народовъ, безъ всякаго отношенія къ желаніямъ и интересамъ послѣднихъ. Такъ соединилась Венгрія съ Польшею въ XIV столѣтіи; въ свою очередь, дочь короля венгерскаго и польскаго, Ядвига, вышла замужъ за литовскаго великаго князя Ягелло, и принесла ему въ приданое польскую націю. Иногда въ устройствѣ браковъ участвуютъ и народныя собранія, имѣя въ виду политическія цѣли; такъ, малолѣтняя дочь Болеслава Кривоустаго, Агнѣшка, выдана была по постановленію вѣча за русскаго князя, противъ воли матери. Чехія досталась сыну польскаго короля Казиміра, Владиславу, на томъ основаніи, что Казиміръ былъ женатъ на дочери Альбрехта чешскаго. Этотъ Владиславъ, соединивши въ своемъ лицѣ двѣ короны — венгерскую и чешскую (1491—1516), отдалъ свои народы Фердинанду австрійскому въ приданое за своею дочерью, на случай смерти своего сына. Австрійскіе государи старательно снабжали польскихъ королей своими принцессами, въ разсчетѣ на возможность унаслѣдованія польскаго королевства.

Государства и народы служили предметомъ споровъ о наслѣдствѣ. Правила о частной поземельной собственности примѣняются къ владѣнію государствомъ; извѣстный „салическій законъ“,—сборникъ уголовныхъ и гражданскихъ постановленій,

въ которомъ ни слова не говорится о государственныхъ дѣлахъ,—пріобрѣтаетъ важное политическое значеніе, такъ какъ статья о владѣніи землею принята за законъ для перехода королевскаго трона во Франціи. Жестокія войны велись между королями англійскими и французскими для опредѣленія правъ на обладаніе французскимъ народомъ и его территоріею; предполагаемые наслѣдники безпощадно разоряли страну, на которую заявляли притязаніе. Путемъ насильственныхъ и добровольныхъ союзовъ, возникаютъ тѣ обширныя европейскія монархіи, въ которыхъ „солнце никогда не заходитъ“. Какъ темныя народныя массы подчиняются мелкимъ феодаламъ, такъ послѣдніе поглощаются крупными, которые, въ свою очередь, поглощаются королями болѣе сильными по имени и традиціи. Не даромъ существовала пословица: „соломенный властелинъ съѣдаетъ желѣзнаго вассала“ („seigneur de paille mange vassal d'acier“).

Въ Россіи взглядъ на государство, какъ на вотчину, утвердился въ періодъ удѣльныхъ княженій и получилъ болѣе общую форму подъ вліяніемъ монгольскаго ига. „Все, что имѣло видъ свободы и другихъ гражданскихъ правъ,—говоритъ Карамзинъ,—стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами, ибо повелѣвали именемъ царя верховнаго—хана“. Московскіе государи, между прочимъ, собирали съ населенія дань для татаръ, и эти спеціальные сборы естественно перешли потомъ въ казну московскую. По справедливому замѣчанію князя Черкасскаго, „съ паденіемъ ига татарскаго и прекращеніемъ платежа дани, она собственно должна была бы прекратиться; такъ вѣроятно и было бы, еслибы сборщиками до самаго конца оставались татары: изгнавши татаръ, народъ пересталъ бы и платить дань. Но сборщиками были теперь сами государи, и народъ, привыкшій давать имъ ежегодный оброкъ, мало заботился о томъ, выплачиваютъ ли они его Ордѣ или нѣтъ, и по старой привычкѣ продолжалъ платить его даже тогда, когда ханы рѣшительно ничего уже изъ московской казны не получали“ [1]).

[1]) „Русскій Архивъ“, 1880, кн. III (Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія, стр. 54—5).

Ханы приписывали себѣ верховное право собственности на всю русскую землю, въ томъ числѣ на владѣнія князей, общинъ и частныхъ владѣльцевъ; это же представленіе было перенесено впослѣдствіи на московскихъ государей. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется взглядъ на прошлую исторію страны. Лѣтописцы, стоявшіе ближе къ первоначальнымъ понятіямъ, называютъ первыхъ русскихъ князей старѣйшинами; съ теченіемъ времени, — какъ поясняетъ г. Забѣлинъ, — портретъ Рюрика пріобрѣталъ новыя черты; въ XVI вѣкѣ онъ происходитъ уже отъ Августа-кесаря и имѣетъ титулъ государя; въ XVIII вѣкѣ нѣмецкіе ученые, а за ними Карамзинъ, разрисовали его полнымъ феодаломъ, „основателемъ россійской монархіи“. Однако, принципъ частнаго владѣнія государствомъ никогда не доходилъ въ Россіи до тѣхъ крайностей, которыя существовали въ феодальной Европѣ. Русскіе цари, даже такіе, какъ Іоаннъ Грозный, отличали государственныя дѣла отъ частныхъ и сознавали великія задачи управленія; они считали естественнымъ и необходимымъ созывать земскіе соборы въ важныхъ случаяхъ, для рѣшенія общенародныхъ вопросовъ. Петръ Великій „положилъ конецъ вмѣшательству народа въ его собственныя дѣла“, по мѣткому выраженію графа Д. А. Толстого. То, что прежде признавалось нормальнымъ и неизбѣжнымъ условіемъ твердаго государственнаго управленія, стало разсматриваться уже какъ нѣчто незаконное и несовмѣстное съ началомъ единодержавія. Но тотъ же Петръ въ одномъ изъ своихъ регламентовъ заявляетъ, что въ случаѣ несправедливаго обремененія однихъ къ выгодѣ другихъ, „бѣдныхъ плачъ привлечетъ гнѣвъ Божій на все государство“ [1]).

VII.

Общія причины политическихъ метаморфозъ.—Печальное состояніе народовъ въ эпоху блеска и процвѣтанія феодальной монархіи въ западной Европѣ.—Ложные взгляды на государство и на правителей.

Чѣмъ же объяснить переходъ европейскихъ племенъ отъ первобытнаго народнаго управленія къ феодально-вотчинному

[1]) „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи“, etc., графа Дм. Толстого (Спб., 1848), стр. 23 и 47.

порядку вещей? Какъ могли народы отдать себя въ собственность лицамъ, поставленнымъ для ихъ защиты и охраны?

Легкость, съ какою осуществляются подобныя метаморфозы, имѣетъ свои вѣскія причины. Люди стремятся прежде всего къ ближайшимъ, эгоистическимъ цѣлямъ; общее для всѣхъ оказывается часто ничьимъ, безхозяйнымъ, доступнымъ произвольному завладѣнію. Сфера общихъ интересовъ есть какъ бы пустое пространство, въ которомъ всякая сила можетъ дѣйствовать свободно, не встрѣчая реальныхъ преградъ. Народъ легко уступаетъ то, что выходитъ за предѣлы его повседневныхъ житейскихъ заботъ; онъ охотно жертвуетъ отдаленнымъ ради ближайшаго, общимъ — ради частнаго, будущимъ – ради настоящаго. Каждое поколѣніе готово распорядиться участью потомковъ, чтобы обезпечить себѣ временный миръ и спокойствіе; а потомки, быть можетъ, съ благоговѣніемъ примутъ наслѣдіе, въ идеяхъ котораго выросли, не отдавая себѣ яснаго отчета въ его происхожденіи и характерѣ. Такъ возникаютъ и измѣняются учрежденія, въ которыхъ историки и соціологи отыскиваютъ впослѣдствіи глубокіе общенародные мотивы.

Время наибольшаго развитія феодальной монархіи было періодомъ сильнѣйшаго упадка и истощенія народныхъ массъ. „Никогда, насколько помнятъ люди, населеніе не было такъ нищенски бѣдно и несчастно, какъ теперь,—писалъ одинъ изъ современниковъ блистательнаго царствованія Людовика XIV:— поселяне кажутся вышедшими изъ гробовъ скелетами; пища звѣрей служитъ ихъ кормомъ. Половина крестьянъ питается травою, и вдоль проселочныхъ дорогъ лежатъ мертвыя тѣла. Женщины и дѣти умираютъ въ поляхъ, съ полными ртами травы. Остающіеся въ хижинахъ бѣдные сидятъ безъ одежды, безъ бѣлья, безъ ложа, безъ всего. Многія деревни совершенно опустѣли, и волки бродили по домамъ, отыскивая человѣческое мясо; нѣтъ другой пищи для крестьянства, кромѣ желудей и древесной коры“. По признанію министра Кольбера, „бѣдность народа достигла крайней степени; всѣ свѣдѣнія изъ провинцій свидѣтельствуютъ объ этомъ общемъ фактѣ“. Епископъ Фенелонъ писалъ королю-солнцу: „ваши народы умираютъ съ голоду. Обработка земли покинута, города обезлюдились, ремесла

не даютъ пропитанія рабочимъ. Вмѣсто того, чтобы вытягивать деньги изъ этого народа, надо дать ему милостыню и накормить его. Франція есть не что иное какъ обширный госпиталь безъ провизіи и безъ утѣшенія". Но правительству нужны были деньги, деньги и деньги; надо было добывать ихъ такъ или иначе. Людовику XV необходимо было издерживать на свои личныя потребности болѣе ста милліоновъ ливровъ въ годъ; одна маркиза де-Помпадуръ стоила 36 милліоновъ, не считая десятка милліоновъ, розданныхъ ея родственникамъ. Экономный преемникъ этого расточительнаго властелина расходовалъ только 45 милліоновъ на содержаніе двора, сверхъ ста милліоновъ на экстренные расходы. Для Маріи-Антуанеты купленъ былъ казною замокъ Сенъ-Клу за восемь милліоновъ; „это — колечко на палецъ королевы,—замѣчаетъ придворный лѣтописецъ; — король можетъ себѣ позволить подобный подарокъ, имѣя 477 милліоновъ ежегоднаго дохода съ своего королевства". Свита королевы одаряется съ обычною щедростью. Графиня Полиньякъ получаетъ полтора милліона для себя съ дочерью, а для любовника своего — пенсію въ тридцать тысячъ; впослѣдствіи этому почтенному семейству назначена еще пенсія въ 700 тысячъ ливровъ и пожаловано помѣстье, приносящее тридцать тысячъ ежегодной ренты. Принцессѣ Ламбаль выдается сто тысячъ ливровъ жалованья въ годъ. Какимъ-то братьямъ Геменэй, объявленнымъ несостоятельными должниками, выдано изъ казны восемь милліоновъ, въ видѣ королевскаго подарка, и кромѣ того положено уплачивать имъ по 35 тысячъ въ годъ [1]). Сборщикамъ податей приходилось по-неволѣ распродавать съ молотка имущество крестьянъ, отбирать у нихъ рабочій скотъ и земледѣльческія орудія, вынимать двери и окна въ домахъ, для понужденія къ немедленной уплатѣ налоговъ. Люди бросали свои земли и дома, чтобы избавиться отъ непосильныхъ платежей и экзекуцій. Изъ заработковъ поселянина около половины идетъ въ королевскую казну, пятая доля—духовенству и пятая часть—помѣщику; для самого работника не остается почти ничего. Зато богатые приви-

[1]) Villard, Histoire du prolétariat (P. 1882), p. 315 и слѣд.

легированные классы были совершенно свободны отъ податей и повинностей. Дворяне и духовные, числомъ въ триста тысячъ человѣкъ, имѣли въ своихъ рукахъ двѣ третьихъ всего національнаго достоянія и три четверти всего количества доходовъ; только четвертая доля оставалась для 26 милліоновъ жителей, которые уплачивали всѣ налоги и принуждены были держать на своихъ плечахъ все зданіе государства.

Большинство населенія постепенно и систематически разорялось,—сначала подъ руководствомъ самостоятельныхъ феодальныхъ сеньоровъ, а потомъ при участіи тѣхъ же сеньоровъ, превращенныхъ въ гражданскую и военную армію короля. Изрѣдка принимались отдѣльныя мѣры для облегченія народа и для противодѣйствія злоупотребленіямъ администраціи; но исполненіе этихъ мѣръ зависѣло отъ тѣхъ же элементовъ, противъ которыхъ онѣ были направлены. Самая сильная и просвѣщенная воля одного человѣка не могла замѣнить того, чего недоставало старому режиму,—свѣта и воздуха, правды и честности, общественнаго контроля и участія, знанія народныхъ потребностей и способности удовлетворить ихъ.

Монархія возвысилась и укрѣпилась во Франціи потому, что приняла на себя роль защитницы народа отъ гнета феодаловъ; но, разъ утвердившись при помощи народа, она воспользовалась паденіемъ феодализма для своихъ собственныхъ цѣлей и соединила въ грандіозную систему тѣ разрозненныя узурпаціи, противъ которыхъ народъ ждалъ спасенія отъ королей. Присвоеніе публичныхъ правъ въ частную собственность, начатое преемниками мѣстныхъ правителей галло-римской эпохи, было возведено на степень общаго правила. Послѣ того какъ отдѣльныя области превратились въ частныя владѣнія управлявшихъ ими должностныхъ лицъ, цѣлая нація превращается въ такую же частную вотчину. Потребовалась широкая общественная философія XVIII вѣка, чтобы напомнить объ элементарныхъ условіяхъ человѣческаго общежитія и управленія.

Наиболѣе смѣлые публицисты въ западной Европѣ должны были еще въ новѣйшія времена доказывать, что короли—правители, а не владѣльцы государствъ, что они не могутъ продавать и закладывать свои провинціи, а тѣмъ менѣе продавать

своихъ подданныхъ въ чужія войска, какъ это дѣлали мелкіе германскіе государи еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи книга, приписываемая Губерту Ланге и изданная въ концѣ XVI вѣка; по своему характеру и содержанію она можетъ считаться противовѣсомъ знаменитому сочиненію Макіавелли [1]). Насколько крѣпко держалась чисто-владѣльческая точка зрѣнія на государство даже въ эпоху философскаго свободомыслія во Франціи, можно видѣть изъ разсужденій Мерсье де-ла-Ривьера, писавшаго не за долго до революціи. Этотъ писатель выводитъ превосходство монархіи изъ преимуществъ права собственности предъ временнымъ пользованіемъ. „Всякій пожизненный правитель,— по его мнѣнію,—есть только пользовладѣлецъ, а не собственникъ. Онъ имѣетъ интересъ въ томъ, чтобы воспользоваться владѣніемъ для обогащенія себя и своей фамиліи, ибо онъ знаетъ, что наступитъ моментъ, когда онъ не будетъ болѣе располагать общественнымъ достояніемъ. Это относится одинаково къ выборному монарху, какъ и къ республиканскому правителю. Напротивъ, наслѣдственный суверенъ является собственникомъ по отношенію къ своимъ землямъ; онъ самъ, на свой рискъ, завѣдуетъ этими владѣніями; онъ не имѣетъ другого интереса, какъ увеличить доходность ихъ, тогда какъ всякій иной правитель есть только экономъ, дѣйствующій ради цѣлей, которымъ онъ лично чуждъ. Кто получаетъ жалованье или содержаніе, тотъ естественно старается увеличить его, а это дѣлается только на счетъ платящихъ. Между тѣмъ доходы государя возрастаютъ только при увеличеніи благосостоянія подданныхъ. Суверенъ, интересы котораго столь тѣсно связаны съ интересами націи, долженъ неизбѣжно заботиться о доставленіи ей всякаго рода выгодъ. Наилучшее положеніе монарха можетъ быть основано только на наилучшемъ состояніи народа“. По этимъ причинамъ хорошее правительство должно быть непремѣнно наслѣдственнымъ [2]). Вмѣсто того, чтобы

[1]) Hubert Languet, Ueber die gesetzliche Macht der Fürsten etc., Lpz., 1846 (нѣмецкій переводъ 3-й части, по изд. 1589 г., съ обширнымъ введеніемъ).

[2]) Mercier de la Rivière, De l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, 1767, p. 149 (Цит. *Paul Janet*, Histoire de la science politique, v. II, p. 698).

основывать этотъ выводъ на соображеніяхъ прямой общественной пользы, Мерсье де-ла Ривьеръ разсуждаетъ такимъ образомъ, точно дѣло идетъ о торговомъ или хозяйственномъ предпріятіи, гдѣ главное значеніе придается количеству дохода; очевидно, что такъ смотрѣть на управленіе государствомъ—значитъ оскорблять правителей, приписывая имъ мотивы слишкомъ низменные и вовсе не соотвѣтствующіе ихъ высокой политической роли. Денежные разсчеты рѣже всего занимаютъ людей, стоящихъ во главѣ націй; ими могутъ руководить побужденія совершенно иныя — желаніе славы и блеска, надежда на благодарность современниковъ и потомства.

VIII.

Обратная метаморфоза монархической власти въ Европѣ.—Королевская власть въ Англіи.—Остатки прежнихъ воззрѣній, въ видѣ международныхъ брачныхъ проектовъ.—Западно-европейскія монархіи прежде и теперь.

Съ образованіемъ большихъ монархій на развалинахъ феодализма, государственность возносится до заоблачныхъ высотъ, откуда не видно уже будничныхъ дѣлъ и нуждъ населенія; народъ представляется матеріаломъ для внѣшняго величія, пушечнымъ мясомъ, радостно идущимъ на закланіе. Но въ трудные критическіе моменты раздвоеніе между властью и народомъ какъ будто исчезаетъ: правители проникаются сознаніемъ, что, витая въ заоблачныхъ сферахъ могущества, можно очутиться безъ почвы подъ ногами и что толпа рабовъ не служитъ оплотомъ власти.

Общественное чувство никогда не умираетъ вполнѣ; оно перерождается вмѣстѣ съ обстоятельствами, приспособляется къ нимъ и заставляетъ служить себѣ даже тѣхъ, которые повидимому конфисковали его въ свою пользу. Все сильнѣе и настойчивѣе заявляется требованіе о возсоединеніи государства съ народомъ, о сліяніи правительственныхъ цѣлей съ общенародными.

По мѣрѣ умственнаго и политическаго развитія націи, власть постепенно подвергается обратной метаморфозѣ: изъ

круга вотчиннаго владѣнія она переходитъ вновь на почву общественной службы, изъ которой она нѣкогда возникла. Монархическое начало все болѣе очищается отъ прежнихъ воззрѣній и приближается къ типу чисто-національнаго управленія, подъ покровомъ твердыхъ политическихъ традицій. Публичные интересы постепенно выдѣляются изъ области частнаго права и опять завоевываютъ себѣ свое исконное общенародное значеніе. Монархія теряетъ свой владѣльческій обликъ и принимаетъ формы настоящаго правительства, ставящаго себѣ цѣлью добросовѣстное удовлетвореніе потребностей страны, согласно нуждамъ и желаніямъ населенія.

Фридрихъ Великій называлъ себя „первымъ слугою народа"; прусскіе короли стали впереди національнаго движенія въ Германіи, заботились о матеріальномъ и культурномъ ростѣ общества и умѣли окружать себя выдающимися людьми, въ родѣ Штейна, Гумбольдта, Бисмарка. Викторъ Эммануилъ явился исполнителемъ завѣтныхъ идеаловъ Италіи, при помощи такихъ дѣятелей, какъ Кавуръ и Гарибальди. Королева Викторія занимаетъ престолъ цѣлое полустолѣтіе, оставаясь неизмѣнно выше всякихъ партій и внѣ всякихъ кризисовъ; она пережила многихъ знаменитыхъ министровъ, дѣйствовавшихъ отъ ея имени, но выдвинутыхъ народнымъ представительствомъ, начиная съ сэра Роберта Пиля и кончая Биконсфильдомъ. Теорія „крѣпкой" власти, призванной укрощать живыя силы общества, остается теперь достояніемъ небольшой горсти бонапартистовъ, процвѣтающихъ понынѣ въ разныхъ европейскихъ столицахъ [1]) Достоинствомъ власти считается уже не столько прямолинейная крѣпость, сколько цѣлесообразность дѣйствій, благоразуміе и справедливость.

Старыя привилегіи короны примиряются съ древними правами и новыми стремленіями народовъ. Въ Англіи, гдѣ господство принадлежитъ фактически палатѣ общинъ и ея органу —министерству, королева сохраняетъ за собою всѣ права вер-

[1]) Любопытно, что отголоски этого бонапартизма, считающаго обязательнымъ для правительства относиться къ обществу, какъ къ враждебному лагерю, находятъ себѣ мѣсто и въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати, причемъ выдаются однако за нѣчто самобытное.

ховнаго авторитета въ государствѣ; она распоряжается всѣми военными силами, сухопутными и морскими, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, назначаетъ на всѣ должности, военныя и гражданскія, признается главою церкви, замѣщаетъ каѳедры епископовъ и архіепископовъ, даетъ титулы пэровъ и всякія почетныя званія. Отъ одной только заботы свободна королева —отъ распоряженія казенными деньгами. „Англійскій король. —говоритъ Делольмъ,—можетъ собирать войска и снаряжать флоты, но онъ не могъ бы содержать ихъ безъ содѣйствія парламента. Онъ даетъ мѣста и званія, но не можетъ оплачивать ихъ безъ парламента. Онъ можетъ объявить войну, но безъ парламента не имѣетъ возможности вести ее. Королевская власть, лишенная права взимать налоги, при всѣхъ своихъ великихъ полномочіяхъ, представляетъ большое тѣло, не имѣющее въ самомъ себѣ движущаго начала; это вполнѣ снаряженный корабль, у котораго парламентъ можетъ отнять воду, оставивъ его на сушѣ, какъ можетъ и спустить его въ море посредствомъ назначенія субсидій". Другими словами, въ каждомъ данномъ случаѣ требуется дѣйствительное единеніе и согласіе между правительствомъ королевы и выборными отъ народа. Номинально королевѣ приписывается высшее право собственности на всѣ земли, которыми владѣютъ ея подданные, а на практикѣ она не располагаетъ даже своими особыми королевскими помѣстьями. Частныя владѣнія короны довольно обширны; кромѣ Виндзорскаго парка, пространствомъ въ 14 тысячъ акровъ, ей принадлежатъ 70 тысячъ акровъ земли, отдаваемой въ аренду фермерамъ, болѣе 100 тысячъ лѣса, и наконецъ дома и земли въ Лондонѣ. Доходъ съ этихъ имѣній, въ размѣрѣ 470.000 ф. ст., поступаетъ однако не въ кассу королевы, а въ государственное казначейство, которое даетъ взамѣнъ постоянную ежегодную сумму на содержаніе двора, въ силу соглашенія, возобновляемаго при каждомъ восшествіи на престолъ, начиная съ 1688 года. Бюджетъ королевы и ея двора опредѣленъ въ 385.000 ф. ст., такъ что государство даетъ гораздо меньше, чѣмъ получаетъ съ королевскихъ имѣній. „Замѣчательный примѣръ великаго монарха, котораго содержаніе и королевское достоинство поддерживается безъ обло-

женія подданныхъ налогами", восклицаетъ англійскій писатель, у котораго мы заимствуемъ эти данныя. Королевская власть такъ обставлена у англичанъ, что между нею и націею не можетъ быть никакого противорѣчія или столкновенія интересовъ. Монархизмъ ни въ чемъ не теряетъ своего обаянія, если онъ опирается на свободное общественное движеніе самоуправляющагося народа. „Кажущееся удаленіе отъ дѣлъ, по словамъ Бэджгота, устраняетъ отъ королевы всякую профанацію, окружаетъ ее прелестью таинственности и позволяетъ ей пользоваться одновременно любовью всѣхъ партій, служить видимымъ символомъ государственнаго единства" [1]). Феодальныя черты сохранились еще въ Англіи въ ея политическомъ и поземельномъ устройствѣ; но онѣ совсѣмъ не отражаются на отношеніяхъ власти къ странѣ. Англичане твердо держатся правила, которымъ такъ восхищался когда-то графъ Монталамберъ, — что „публичныя дѣла Англіи суть частныя дѣла каждаго англійскаго гражданина". Нигдѣ не высказывается уже принципъ, что публичные интересы суть частныя дѣла управляющихъ ими лицъ. Такъ какъ самый могущественный министръ не можетъ претендовать на непогрѣшимость, то оппозиція противъ мнѣній кабинета столь же законна, какъ и поддержка ихъ. Свободная общественная критика вноситъ духъ жизни въ замкнутую дѣятельность канцелярій, предупреждаетъ односторонность и ошибки, облегчаетъ совѣсть министровъ и вытѣсняетъ собою элементы глухого броженія, столь вредно отзывающагося на внутреннемъ состояніи государствъ.

Современныя западно-европейскія монархіи имѣютъ еще не мало особенностей, вытекающихъ изъ смѣшенія частныхъ отношеній съ публичными; эти особенности проявляются по временамъ и въ международной дипломатіи. Между прочимъ, брачные проекты составляли важную статью въ политикѣ великихъ державъ; изъ простыхъ семейныхъ союзовъ они возведены были на степень политическихъ орудій, о которыхъ государственные люди Европы спорили и разсуждали безъ

[1]) Constitution de l'Angleterre, par De Lolme (P. 1822), v. I, p. 114—120; La constitution anglaise, par W. Bagehot (L., 1869), p. 83; James Caird, The landed interest and supply of food (L. 1878), p. 138.

всякаго вниманія къ личнымъ чувствамъ заинтересованныхъ сторонъ. Нельзя теперь безъ улыбки читать серьезные отчеты о шумныхъ переговорахъ и пререканіяхъ, вызванныхъ такъ-называемымъ „вопросомъ объ испанскихъ бракахъ", въ началѣ сороковыхъ годовъ. Молодая королева Изабелла и ея сестра, донна Фернанда, должны были выбрать себѣ мужей; Франція, въ лицѣ своихъ тогдашнихъ правителей, усиленно занялась сватовствомъ и чуть не поссорилась изъ-за этого съ Англіею. Тьеръ и Гизо не спали ночей, придумывая разныя комбинаціи для успѣшнаго разрѣшенія столь важной политической задачи; въ палатахъ говорились длинныя рѣчи о правахъ претендентовъ на руку и сердце испанскихъ принцессъ, дипломаты переписывались и совѣщались между собою, составлялись проекты соглашеній и взаимныхъ уступокъ, и все это дѣлалось съ озабоченною дѣловитостью, какъ-будто не могло быть сомнѣнія объ обязанности Европы пріискать жениховъ для двухъ прекрасныхъ дамъ. Король Луи-Филиппъ заявилъ, что его сынъ, герцогъ Монпансье, имѣетъ преимущественное право на донну Фернанду, но что онъ великодушно откладываетъ осуществленіе своего права до выхода замужъ королевы Изабеллы и до рожденія у нея дѣтей; если же возникнетъ опасность союза съ иностраннымъ принцемъ, не принадлежащимъ къ дому Бурбоновъ, то Франція тотчасъ освобождается отъ своихъ обязательствъ и немедленно потребуетъ руки королевы или инфанты для герцога Монпансье. Захочетъ ли сама принцесса взять навязываемаго ей претендента, не вздумаетъ ли она воспользоваться своимъ естественнымъ правомъ выбора, принадлежащимъ каждой женщинѣ,—это вовсе не принималось въ разсчетъ серьезными политическими дѣятелями Франціи. Глава англійскаго кабинета, сэръ Робертъ Пиль, высказалъ въ палатѣ общинъ, что „испанская нація, черезъ своихъ законныхъ представителей, имѣетъ исключительное право и власть заключать матримоніальные союзы, какіе она найдетъ удобными", точно замужъ должна выйти сама нація, а не донна Изабелла или Фернанда. Министръ Гизо писалъ французскому посланнику въ Лондонѣ: „съ того момента, какъ я занялся этимъ вопросомъ о замужествѣ королевы Изабеллы, я поставилъ себѣ за

правило соблюдать полную искренность во всемъ, что я сдѣлаю и скажу по этому предмету. Я зналъ предубѣжденія и недовѣріе, которыя встрѣтятъ меня на моемъ пути, и старался сразу отнять у нихъ почву... Принципъ, усвоенный нами и одобренный Англіею, въ качествѣ основы нашей политики (!) по данному вопросу, становится трудно примѣнимымъ на практикѣ... Мы сердечно желаемъ, чтобы дѣло не дошло до предположенной крайности (т.-е. до требованія руки королевы для герцога Монпансье). Мы видимъ только одинъ способъ уладить дѣло, а именно, чтобы Англія дѣятельно соединилась съ нами для исполненія слѣдующаго плана: пустить въ ходъ (remettre à flot) одного изъ потомковъ Филиппа V, все равно какого (!), герцога Севильскаго, или герцога Кадикскаго, или же графа Трапани, и подготовить его бракъ съ королевою Изабеллою, а пока воспрепятствовать союзу инфанты съ принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ или съ другимъ принцемъ не изъ дома Бурбоновъ". Бѣдныя принцессы и жалкая дипломатія! И такими дѣлами занимались великія державы въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, угрожавшимъ даже одно время европейскому миру!

Гизо съ торжествомъ разсказываетъ о своихъ дѣйствіяхъ, послѣ неудачи предложенныхъ имъ примирительныхъ проектовъ. „Я не колебался болѣе,—говоритъ онъ въ своей книгѣ о сэрѣ Робертѣ Пилѣ: – я далъ королю совѣтъ, а послу въ Мадридѣ приказаніе поторопиться немедленнымъ заключеніемъ двойного брака—испанской королевы съ инфантомъ донъ-Францискомъ д'Ассизъ и инфанты Фернанды съ герцогомъ Монпансье. Я глубоко презираю и никогда не пытался практиковать тотъ родъ ловкости, который заставляетъ побѣдителя улыбаться при видѣ удивленія побѣжденнаго; но изъ всѣхъ слабостей въ великихъ дѣлахъ (!) самыми худшими я считаю нерѣшительность и непредусмотрительность", и такъ далѣе, въ такомъ же высокомъ тонѣ [1]).

Какъ сильно измѣнились воззрѣнія за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ, это видно лучше всего изъ обстоятельствъ, ко-

[1]) Sir Robert Peel, par M. Guizot (P. 1858), стр. 309 315.

торыми сопровождалось заключеніе родственныхъ союзовъ между царствующими фамиліями Россіи и Греціи въ 1867 году и Россіи и Англіи въ 1874 году. Вмѣшательство европейской дипломатіи въ подобныя чисто личныя и семейныя связи кажется уже теперь совершенно неумѣстнымъ, а попытка какого-либо кабинета навязать жениха иностранной принцессѣ—попытка, которою такъ гордился Гизо, — представляется почти немыслимою въ настоящее время. Политика европейскихъ монархій движется уже въ болѣе широкихъ общенародныхъ рамкахъ; она не зависитъ отъ соображеній частныхъ, семейныхъ, которыя прежде играли такую видную роль. Англія была враждебна Россіи при лордѣ Биконсфильдѣ, несмотря на родственныя узы государей; Греція дѣйствуетъ самостоятельно, и въ направленіи ея дипломатіи не замѣтно русскаго вліянія. Очевидно, взглядъ на государство теперь уже далеко не тотъ, какой существовалъ въ Европѣ еще въ недавнія времена, при либеральномъ королѣ Луи-Филиппѣ и при такихъ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, какъ Гизо, Тьеръ и сэръ Робертъ Пиль.

Замѣчается ли упадокъ монархическаго начала въ западной Европѣ? Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ можно было отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Государственные люди находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ революціонныхъ движеній и взрывовъ, угрожавшихъ всему политическому строю Запада. Глухая внутренняя борьба не прекращалась въ европейскахъ обществахъ съ начала текущаго столѣтія; министры и дипломаты были всецѣло поглощены заботами объ охранѣ престоловъ и алтарей, среди взволнованныхъ общественныхъ теченій, скрывавшихъ въ себѣ невѣдомыя опасности. „Превратныя“ идеи и „тлетворныя“ вліянія прорывались наружу во множествѣ мелкихъ и крупныхъ событій, бросавшихъ тѣнь на будущее. Могущественные троны колебались отъ неожиданныхъ толчковъ, разносившихся ураганомъ по Европѣ. Въ одинъ лѣтній іюльскій день погибла во Франціи старая королевская власть, казавшаяся еще наканунѣ прочною и крѣпкою, въ лицѣ энергическаго Карла X; такая же судьба постигла и

новое, болѣе либеральное, правительство Луи-Филиппа. Причины этихъ внезапныхъ паденій были не всегда ясны для современниковъ. „Февральская революція,—какъ говоритъ одинъ изъ очевидцевъ и дѣятелей ея, Жюль Симонъ,—возникла изъ недоразумѣнія, существовала недоразумѣніемъ и сама сдѣлалась жертвою недоразумѣнія". Ясно было только одно,—что историческая почва западно-европейскихъ монархій расшатана въ конецъ. Число республиканцевъ возрастало повсюду; къ нимъ принадлежали лучшіе патріоты Италіи. Тайныя общества карбонаріевъ, масоновъ и всякаго рода революціонеровъ получили небывалое развитіе и значеніе, несмотря на жестокія карательныя и предупредительныя мѣры правительствъ. Дѣятельность „короля-бомбы" въ Неаполѣ не могла, конечно, способствовать укрѣпленію монархіи, а вмѣшательство великихъ державъ въ защиту подданныхъ Фердинанда II указывало уже на существованіе серьезнаго кризиса въ области консервативныхъ традицій.

Совершенно въ другомъ видѣ представляется положеніе дѣлъ въ настоящее время. Опасенія монархистовъ и надежды республиканцевъ одинаково не оправдались. Монархія утвердилась тамъ, гдѣ корни ея были наиболѣе подорваны; бывшіе приверженцы республики въ Италіи, какъ Кайроли, Криспи, Запарделли, дѣлаются министрами короля Гумберта, и республиканская партія почти исчезла въ итальянскомъ народѣ. Въ Испаніи спокойно царствовалъ сынъ королевы Изабеллы, потерявшей престолъ въ 1867 году, и бывшіе республиканцы примиряются съ правленіемъ вдовы донъ-Альфонса. Австрійская имперія свободна теперь отъ смутъ, возобновлявшихся въ ней періодически, и императоръ Францъ-Іосифъ, принявшій власть послѣ вынужденнаго отреченія своего дяди, Фердинанда I, успѣшно вывелъ страну изъ того состоянія, когда реакція чередовалась съ революціею. Прежніе противники монархіи являются ея вѣрными слугами; одинъ изъ талантливыхъ руководителей вѣнскаго кабинета, графъ Андраши, имѣлъ за собою такое же революціонное прошлое, какъ и президентъ австрійскаго парламента, Смолка. Чувство „лойяльности" никогда еще не было такъ твердо и единодушно въ Австріи,

какъ нынѣ. Мы не говоримъ уже объ Англіи, гдѣ впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ Георга III, удрученнаго душевною болѣзнью, изгладились окончательно въ правленіе королевы Викторіи.

Кризисъ, который переживали монархіи Запада въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, не коснулся формы монархическаго устройства въ тѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ своевременно совершилась обратная метаморфоза, на которую указано выше. Чѣмъ эластичнѣе политическій строй и чѣмъ легче поддается онъ давленію новыхъ общественныхъ понятій и потребностей, тѣмъ прочнѣе и долговѣчнѣе его традиціонная форма. Форма, застывшая въ принятыхъ разъ очертаніяхъ, не выдержала бы напора измѣнившихся условій, или она задушила бы самую жизнь народную въ своихъ окаменѣлыхъ объятіяхъ.

ПРАВО И БЕЗПРАВІЕ ВОЙНЫ.

IX.

Метаморфозы права войны. — Войны между племенами, между государствами и между народами,—пріобрѣтательныя, фантастическія и мнимо-національныя.—Идея права въ примѣненіи къ военной борьбѣ.—Проектъ „вѣчнаго мира“ Канта.

Обычный спутникъ первоначальнаго развитія политической власти, главный источникъ могущества и величія королей — право войны переживаетъ всѣ метаморфозы государственнаго строя, мѣняя соотвѣтственнымъ образомъ свои основанія, свой смыслъ и назначеніе. Институтъ войны существуетъ послѣ того, какъ исчезли его реальные народные мотивы.

Первоначальная борьба племенъ имѣла характеръ чисто-стихійный; мотивъ ея—занятіе выгодныхъ земель, вытѣсненіе опасныхъ сосѣдей, добываніе необходимыхъ средствъ къ жизни. Вожди и герои являются какъ бы благодѣтелями и кормильцами идущихъ за ними массъ; они воспѣваются и превозносятся народомъ; ихъ военныя заслуги неразрывно связаны съ матеріальными интересами и пріобрѣтеніями. Воинственность обязательна для людей въ этомъ періодѣ; она проникаетъ весь ихъ бытъ, ихъ нравы и идеалы; между военною практикою и господствующими идеями существуетъ полная гармонія.

Народныя пѣсни и легенды носятъ на себѣ отпечатокъ прямодушной жестокости въ ту эпоху, когда считалось постыднымъ „пріобрѣтать трудомъ то, что можно добыть кровью“. „Тысячу франковъ и сарматовъ зарѣзали мы на этотъ разъ, —

говорится въ одной римской солдатской пѣснѣ, — и тысячу, тысячу, тысячу персовъ ищемъ мы теперь". Скандинавскіе барды восторгаются описаніями битвъ, гдѣ „земля содрогалась отъ падающихъ тѣлъ и кровавое море омывало берегъ". Пѣвцы средневѣковаго рыцарства выражаютъ свои чувства въ стихахъ такого рода: „Меня радуетъ, когда съ обѣихъ сторонъ раздаются призывные звуки, слышится ржаніе коней безъ сѣдоковъ, зеленыя насыпи вала густо покрыты бойцами, и иные лежатъ неподвижно, съ смертельною раною въ груди". Описывая пораженіе непріятелей, поэтъ смѣется при видѣ ихъ гибели: „Они толпою бѣжали къ морю, хотя и не чувствовали жажды. Они вошли туда по горло, и однако въ нихъ стрѣляли, какъ въ утокъ. Къ нимъ приплыли въ лодкахъ и стали бить нещадно; вода кругомъ стала красная отъ крови, и слышны были жалобные крики". На эти безчеловѣчныя дѣла призывается наивнымъ образомъ благословеніе Божіе: „Рубите и рѣжьте всѣхъ, чтобы никто не поднялся болѣе. Самъ Богъ впереди насъ и съ нами, хранитъ насъ день и ночь, дѣлаетъ обходы и держитъ караулы: онъ настоящій нашъ начальникъ, капитанъ и генералъ"! [1]) Роль языческаго Марса переносится на Бога любви и всепрощенія; христіанской религіи навязывается служеніе разбойничьимъ инстинктамъ и стремленіямъ. До того была крѣпка увѣренность въ законности и справедливости постоянной войны между племенами! Набѣги въ чужіе края предпринимались не только для опредѣленной внѣшней цѣли, для пріобрѣтенія земель и данниковъ, но и для удовлетворенія внутренней потребности въ кровавыхъ подвигахъ, для поддержанія личнаго или племенного достоинства, для доказательства правъ на общее уваженіе и славу. Успѣшная война была чрезвычайно выгоднымъ предпріятіемъ, почетнымъ способомъ обогащенія для правителей и народовъ (припомнимъ богатую добычу норманновъ въ Англіи и въ другихъ странахъ).

Право войны въ современномъ смыслѣ возникаетъ въ позднѣйшій періодъ, съ образованіемъ прочныхъ государствъ и съ

---

[1]) „Die Poesie des Krieges und die Kriegs-Poesie", von S. Huyssen. Berl., 1893, стр. 43 и слѣд.

установленіемъ мирныхъ международныхъ связей. На первый планъ выступаетъ стремленіе къ могуществу и къ власти, борьба честолюбій и политическое соперничество. Война не вызывается уже реальными условіями и потребностями народной жизни; она превращается въ орудіе искусственныхъ цѣлей, которымъ приносятся въ жертву интересы народовъ. Война перестаетъ служить источникомъ наживы и разоряетъ одинаково побѣдителей и побѣжденныхъ; она вноситъ разстройство въ мирный трудъ земледѣльческихъ и промышленныхъ общинъ, требуетъ тяжелыхъ финансовыхъ усилій и въ самомъ лучшемъ случаѣ ведетъ къ увеличенію внѣшняго блеска и вліянія той или другой династіи, австрійскаго „дома“ или французскаго, Карла V или Людовика XIV. Споры и разногласія королей, интриги министровъ и фаворитокъ порождали столкновенія, мотивы которыхъ были неизвѣстны большинству обыкновенныхъ смертныхъ; военные походы, продолжительныя и далекія кампаніи, встрѣчи и битвы, побѣды и пораженія чередовались съ мирными переговорами, трактатами и союзами, содержаніе которыхъ было также чуждо и непонятно народамъ. Тогда невольно поднимался вопросъ о примѣненіи началъ права и справедливости къ международнымъ дѣламъ, объ ограниченіи ненужныхъ и разорительныхъ войнъ, объ установленіи прочнаго или даже „вѣчнаго мира“; эти цѣли кажутся достижимыми, такъ какъ все зависитъ отъ доброй воли и великодушія монарховъ.

Знаменитый трактатъ Гуго Гроція представляетъ именно попытку сочетать войну съ идеею права [1]). „Не только въ народѣ – говоритъ Гроцій—существуетъ мнѣніе, что война далека отъ всякаго права, но и ученые и разумные люди высказывали сужденія, склоняющіяся къ такому взгляду. Ибо право и оружіе чаще всего противопоставлены одно другому“. Между тѣмъ война есть родъ судебнаго процесса между государствами. „Суды имѣютъ силу противъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя слабѣе; а противъ тѣхъ, которые признаютъ себя равными, возбуждаются войны. Лучшая надежда на войнѣ—за-

[1]) „De jure belli ac pacis“, 1690, Frankf., §§ 3, 18—28, 44 и др.

конность ея причины... Нѣтъ ничего вѣрнѣе той истины, что все становится неизвѣстнымъ, если разъ покинута почва права... Народъ, нарушающій природныя и общенародныя права, подрываетъ основы своей собственной безопасности въ будущемъ... Рѣдко остается невредимымъ тотъ, кто началъ несправедливую войну". Война, по мнѣнію Гроція, предпринимается съ цѣлью мира, и нѣтъ такого разногласія, которое не могло бы повести къ войнѣ. „При шумѣ оружія молчатъ законы, но только обыкновенные, гражданскіе, свойственные мирному времени, а не тѣ другіе, постоянные, обязательные при всякихъ условіяхъ"; но это уваженіе къ праву часто не соблюдается въ дѣйствительности. „Видѣлъ я въ христіанскомъ мірѣ—замѣчаетъ Гуго Гроцій—такой произволъ въ веденіи войны, который даже у варварскихъ народовъ считается постыднымъ: по ничтожнымъ причинамъ и даже безъ всякаго повода берутся за оружіе и, разъ прибѣгнувъ къ мечу, попираютъ всякое человѣческое право, какъ будто дана полная воля всѣмъ злодѣяніямъ". Гроцій находитъ, что „величайшія несправедливости проистекаютъ обыкновенно изъ жажды отличій"; но онъ возлагаетъ много надеждъ на нравственную силу международнаго права, этой „благороднѣйшей части юриспруденціи".

Предположенія Гуго Гроція и его послѣдователей оказались слишкомъ оптимистическими. Честолюбіе, жажда отличій, погоня за славою и могуществомъ, чувства вражды и соперничества,—все это не могло утратить своего господствующаго значенія только отъ того, что ослабѣлъ завоевательный, грабительскій мотивъ военныхъ предпріятій. Точное регулированіе „права войны", на подобіе судебнаго спора или поединка, не было достигнуто и понынѣ: оно не коснулось и не могло коснуться основного вопроса о причинахъ и поводахъ столкновеній, которыя по прежнему возникали и разрѣшались по произволу.

Старый источникъ войнъ изсякъ, и властвующіе военно-политическіе элементы замѣнили его другимъ, болѣе отдаленнымъ отъ потребностей и условій общенародной жизни. Война поддерживала и укрѣпляла внутри положеніе господствующихъ классовъ; она какъ будто служила благороднымъ страстямъ,

давала просторъ широкимъ замысламъ, возвеличивала и разрушала государства, вдохновляла поэтовъ и историковъ. Возможно ли было подойти къ этому грандіозному явленію съ узкою мѣркою права и справедливости? Характеръ военныхъ дѣйствій могъ измѣниться подъ вліяніемъ общаго смягченія нравовъ; но въ вопросахъ о томъ, слѣдуетъ ли воевать, и съ кѣмъ, и ради чего,—совершенно не участвуютъ соображенія права и морали. Иногда принимались въ разсчетъ выгоды и интересы государства; но государство разумѣлось при этомъ въ смыслѣ чего-то отвлеченнаго, отдѣльнаго отъ народа и даже противоположнаго ему. Высшее политическое могущество (конечно, только наружное, кажущееся) могло совпадать съ полнымъ разоренiемъ страны, съ бѣдностью и угнетенностью массъ, съ безсиліемъ и дряблостью всего внутренняго строя, какъ это было во Франціи при Людовикѣ XIV. Внѣшняя политика повсюду отдѣлялась отъ житейской народной почвы и свободно парила въ заоблачныхъ высотахъ политической поэзіи, подавляя собою низменную прозу человѣческихъ нуждъ и страданій. Войны могли не имѣть никакой опредѣленной цѣли, съ точки зрѣнія народовъ; онѣ происходили однако потому, что молодые или предпріимчивые короли увлекались военною славою, и передъ взорами ихъ носились образы Александра Македонскаго и Юлія Цезаря. Чего искали, напримѣръ, шведскіе короли въ цѣломъ рядѣ континентальныхъ войнъ? Требовалось ли для Швеціи—страны бѣдной и малонаселенной—дѣятельное участіе въ борьбѣ великихъ европейскихъ державъ? Что могъ извлечь скандинавскій Сѣверъ изъ военныхъ предпріятій Карла XII или изъ кампаній наполеоновскаго времени? Политическое фантазерство чередовалось съ грубымъ корыстолюбіемъ; войска отдавались часто въ наемъ; тысячи человѣческихъ жизней продавались просто за деньги. Такой образъ дѣйствій проистекалъ не только изъ легкаго отношенія къ обязанностямъ правителей, но и изъ общаго превратнаго взгляда на задачи государства.

Когда поколебался порядокъ, существовавшій въ западной Европѣ до начала настоящаго столѣтія, и закладывались уже основы современнаго политическаго быта, то естественно было

возродиться идеямъ „вѣчнаго мира“ на этомъ рубежѣ двухъ эпохъ. Повидимому, достаточно было преобразовать внутреннее устройство государствъ, устранить старые недуги и приблизить интересы народовъ къ заботамъ правителей, чтобы подготовить исчезновеніе войнъ между просвѣщенными націями. Эти возникшія вновь надежды выражены были весьма ясно въ небольшомъ „Философскомъ проектѣ“ Канта, изданномъ въ 1795 г., послѣ неудачнаго окончанія первой европейской коалиціи въ борьбѣ съ революціонною Франціею [1]). Одно изъ положеній Канта гласитъ, что для „вѣчнаго мира“ необходимо, чтобы „гражданскій строй каждаго государства былъ республиканскій“ (въ смыслѣ конституціоннаго, представительнаго). „Если — объясняетъ онъ—требуется участіе гражданъ въ рѣшеніи, быть или не быть войнѣ, то нѣтъ ничего естественнѣе, что они сильно призадумаются, начинать ли эту плохую игру, ибо въ такомъ случаѣ они должны рѣшиться подвергнуть самихъ себя всѣмъ военнымъ невзгодамъ, а именно, самимъ сражаться, покрывать издержки войны изъ своего собственнаго имущества, съ трудомъ заглаживать опустошенія, произведенныя ею, и наконецъ принять на самихъ себя бремя долговъ, раздражающихъ самый миръ и никогда не допускающихъ погашенія (вслѣдствіе близкихъ все новыхъ войнъ). При иномъ же политическомъ устройствѣ, гдѣ подданный не есть гражданинъ, это считается пустѣйшимъ дѣломъ, такъ какъ правитель не терпитъ отъ войны никакого прямого ущерба и можетъ предпринять ее въ видѣ развлеченія по ничтожнымъ причинамъ, предоставляя оправданіе ея для приличія всегда готовому къ такой задачѣ дипломатическому корпусу“. Кантъ предполагалъ людей болѣе разумными и предусмотрительными, чѣмъ они есть; онъ не предвидѣлъ, что при свободномъ національномъ самоуправленіи найдутся новые мотивы для войнъ, что смѣлый и популярный министръ всегда увлечетъ за собою парламентъ и что воинственное честолюбіе можетъ получить общенародную патріотическую подкладку. Внѣшнія отношенія ускользаютъ отчасти отъ общественнаго контроля даже при парламентскомъ

[1]) „Zum ewigen Frieden“. Ein philosophischer Entwurf, von Immanuel Kant.

режимѣ; весь путь къ войнѣ можетъ быть пройденъ, прежде чѣмъ узнаетъ объ этомъ страна, и опасный кризисъ является обыкновенно какъ готовый фактъ, обработанный дипломатіею и подлежащій публичной оцѣнкѣ только заднимъ числомъ. Личное легкомысліе или увлеченіе исключается, конечно, въ этихъ случаяхъ; оно уступаетъ мѣсто разсчетамъ, основаннымъ на чувствахъ народной гордости, національнаго самолюбія и тщеславія.—Далѣе, по мнѣнію Канта, международное право должно опираться на союзъ свободныхъ государствъ, какъ на единственную прочную гарантію постояннаго мира; а люди, смѣшивающіе силу съ правомъ, „вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы истреблять другъ друга и находить вѣчный миръ въ обширной могилѣ, которая покроетъ всѣ ужасы насилія вмѣстѣ съ ихъ виновниками“. Рядомъ съ принципами международнаго культурнаго общенія и гостепріимства, свободы слова и печати, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи „духъ торговли, несовмѣстимый съ войною и все болѣе овладѣвающій каждымъ народомъ“; могущество денежной силы заставляетъ государства поддерживать миръ и предупреждать войну своимъ посредничествомъ, гдѣ бы она ни грозила возникнуть. Кантъ вѣруетъ еще въ благотворное господство идеи права: „право— говоритъ онъ — должно оставаться святыней для человѣка; нельзя раздванвать его и придумывать нѣчто среднее между справедливымъ и полезнымъ,—но всякая политика должна преклониться передъ правомъ, и зато можно надѣяться мало-помалу достигнуть той ступени, гдѣ она будетъ блистать постоянно“.

Проектъ Канта появился какъ разъ наканунѣ самыхъ кровопролитныхъ и продолжительныхъ войнъ, какія когда-либо обрушивались на Европу. Мечтанія о „вѣчномъ мирѣ“ были потоплены въ крови народовъ. Консервативныя державы, взявшіяся возстановить нарушенный международный порядокъ, долго воевали во имя этого порядка и повсюду водворяли миръ путемъ войны. Самостоятельные интересы государствъ забывались изъ-за хлопотъ о чужомъ правѣ, изъ-за соображеній дружбы и щедраго великодушія насчетъ солдатскихъ жизней.

X.

Реальный смыслъ войны.—Перспективы будущихъ столкновеній.—Проекты постояннаго третейскаго судилища.—Напрасныя иллюзіи.—Поворотъ во взглядахъ на войну.

Толпа просвѣщенныхъ людей рукоплещетъ оратору, намекающему на возможность войны съ ненавистною державою. Что сказала бы та же толпа, еслибы вопросъ о войнѣ былъ предложенъ ей въ слѣдующей формѣ: „необходимо умертвить и искалѣчить возможно большее число подданныхъ враждебнаго государства, предоставивъ имъ, въ свою очередь, убивать и уродовать нашихъ, для разрѣшенія возникшаго политическаго спора“? Самые смѣлые и предпріимчивые патріоты смутились бы при подобной наглядной постановкѣ вопроса.

Ничто не нуждается такъ въ искусственномъ освѣщеніи и ничто не даетъ такого обильнаго матеріала поэтамъ и художникамъ, какъ война. Люди легко увлекаются обманчивыми призраками величія и славы, пока не видятъ изъ-за нихъ реальныхъ картинъ смерти и разрушенія, крови и слезъ. Поэзія предшествуетъ войнѣ и слѣдуетъ за нею въ нѣкоторомъ отдаленіи, покрывая туманомъ ея ужасы; а непосредственныя тяжелыя впечатлѣнія изглаживаются съ теченіемъ времени, уступая мѣсто неяснымъ и отчасти фантастическимъ образамъ прошлаго.

Альфредъ де-Виньи, въ своихъ талантливыхъ очеркахъ: „Grandeurs et servitudes militaires“, разсказываетъ между прочимъ одинъ небольшой эпизодъ изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ. Французы неожиданно ворвались ночью въ русскій лагерь и побѣдоносно рубили спящихъ солдатъ; молодой капитанъ очутился въ офицерской палаткѣ, гдѣ виднѣлось въ углу что-то бѣлое; онъ храбро воткнулъ свою шпагу въ это нѣчто, какъ вдругъ раздался нечеловѣческій крикъ поднявшейся съ другого конца фигуры: это былъ вопль отца объ убитомъ ребенкѣ. Капитанъ съ тѣхъ поръ носилъ тросточку вмѣсто шпаги и не могъ равнодушно смотрѣть на дѣтей. Такими эпизодами полна всякая кампанія; каждое поле сраженія скрываетъ въ себѣ

сотни и тысячи кровавыхъ трагедій, которыя не находятъ себѣ мѣста въ краснорѣчивыхъ военныхъ отчетахъ. Современныя войны истребляютъ людей съ холодною жестокостью усовершенствованныхъ машинъ и почти не оставляютъ мѣста личному чувству исполнителей. Полководцы всегда гордились количествомъ непріятельскихъ жертвъ, принесенныхъ ими богу войны. Въ прокламаціи къ войскамъ послѣ битвы при Фридландѣ Наполеонъ I съ торжествомъ восклицаетъ: „въ теченіе десяти дней мы *умертвили*, переранили и взяли въ плѣнъ 60.000 русскихъ! Французы, вы оказались достойными себя и меня!“ Колоссальное избіеніе вызываетъ восторгъ побѣдителя; но и у него вырвалось признаніе, что „видъ поля сраженія способенъ внушить правителямъ любовь къ миру и чувство ужаса къ войнѣ“ [1]). Груды обезображенныхъ тѣлъ, безнадежные стоны истекающихъ кровью раненыхъ, слѣпая рѣзня между массами людей, не знающихъ другъ друга, — все это слишкомъ сильно поражаетъ самихъ участниковъ дѣла и слишкомъ рѣзко противорѣчитъ всѣмъ инстинктамъ и понятіямъ человѣка, выросшаго среди мирнаго человѣческаго общежитія.

И тѣмъ не менѣе, идея „вѣчнаго мира“, занимавшая когда-то лучшіе умы человѣчества, кажется теперь наивною, ребяческою утопіею. Люди прошли тяжелую школу „реальной политики“ и возвысились до пониманія „неизбѣжной борьбы національностей“; система „крови и желѣза“ прочно водворилась въ общественномъ мнѣніи Европы. „Вѣчный миръ, — какъ высказалъ графъ Мольтке въ 1880 году въ письмѣ къ профессору Блунчли, — есть мечта, и даже не заманчивая мечта. Война есть элементъ порядка, установленнаго Богомъ. Въ ней развиваются лучшія качества человѣка: мужество и безкорыстіе, вѣрность долгу и самоотверженіе. Безъ войны міръ погрязъ бы въ матеріализмѣ“.

Если вѣрить проницательнымъ публицистамъ, намъ предстоитъ еще цѣлый рядъ военныхъ испытаній и кровавыхъ зрѣлищъ: рано или поздно возникнетъ война между Франціею и

---

[1]) „De la guerre et des armées permanentes“, par *M. P. Larroque.* P., 1856, p. 126.

Германіею; Германія и Австрія будутъ еще воевать съ Россіею; Россія по-неволѣ будетъ бороться съ Англіею изъ-за среднеазіатскихъ и гурецкихъ дѣлъ; наконецъ, восточный кризисъ долженъ придти къ своей естественной развязкѣ,—къ окончательному паденію оттоманской имперіи, что̀ также не обойдется безъ долгаго кровопролитія. Нѣкоторые идутъ еще далѣе и предсказываютъ грандіозныя столкновенія между цѣлыми частями свѣта; Европа столкнется съ Америкою, и „быть можетъ, не пройдетъ четверти столѣтія, какъ между американскимъ флотомъ и соединенными эскадрами Европы разыграется морская битва, наиболѣе значительная по своимъ послѣдствіямъ и самая рѣшительная по своему значенію для судебъ міра, со времени Акціума“ [1]). Мрачныя тучи надвигаются такимъ образомъ съ различныхъ сторонъ, и человѣческая кровь будетъ литься ручьями въ разныхъ краяхъ земного шара, свидѣтельствуя наглядно, что міръ не погрязъ въ матеріализмѣ.

Но, можетъ быть, новѣйшая реальная политика, возводящая войну на степень обязательнаго принципа, составляетъ только временное явленіе, результатъ перемѣнчивыхъ историческихъ условій? Не ошибочны ли печальныя предсказанія проповѣдниковъ международной борьбы?

Вооруженный миръ давно уже тяготѣетъ надъ Европою; милліонныя арміи стоятъ на-готовѣ, въ ожиданіи рокового призыва къ рѣзнѣ; народныя средства истощаются колоссальными военными затратами, возростающими изъ года въ годъ, и страшный призракъ войны, которому приносятся эти непосильныя жертвы, постоянно грозитъ народамъ и давитъ ихъ, какъ кошмаръ.

Прусскія побѣды 1870 — 71 годовъ казались началомъ новой эпохи—господства усиленныхъ внѣшнихъ предпріятій на основѣ національнаго соперничества, и германская имперія, созданная на развалинахъ французской, представляла собою традиціи прошлаго въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Между тѣмъ, достигнувъ единства и могущества, Германія взяла на

---

[1]) „Revue des Deux Mondes“, 1885, juillet, p. 342 (статья Cucheval-Clarigny о могуществѣ Англіи).

себя почетную роль хранительницы мира и не вела ни одной войны въ теченіи многихъ лѣтъ. Опасенія, вызванныя успѣхами Бисмарка, повидимому не оправдались, и главныя европейскія державы поддерживали между собою оффиціальную дружбу даже во время такихъ опасныхъ кризисовъ, какъ восточный и среднеазіатскій. Многіе трудные вопросы остаются перѣшенными въ международныхъ дѣлахъ; скрытыя надежды и ожиданія безпокоятъ патріотовъ Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, но каждое изъ заинтересованныхъ государствъ старается по возможности отдалить моментъ разсчета, довольствуясь воинственными приготовленіями, которымъ не предвидится ни конца, ни мѣры. Общая боязнь войны удерживаетъ самыхъ предпріимчивыхъ государственныхъ дѣятелей въ предѣлахъ внѣшняго мира, и въ то время какъ все разсчитано на борьбу, кабинеты неуклонно слѣдуютъ принципамъ миролюбія и взаимнаго согласія. Страхъ передъ кровавою развязкою сопутствуетъ грознымъ военнымъ усиліямъ державъ, и это двойственное напряженное состояніе между миромъ и войною составляетъ характеристическую черту современнаго положенія Европы. Всѣ боятся и избѣгаютъ войны, и всѣ вѣрятъ въ ея неминуемость и законность. Тревожно и хлопотливо идутъ государства навстрѣчу событіямъ, которыя въ сущности никому не нужны и всѣмъ одинаково страшны.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ франко-прусской войны, возникло энергическое движеніе въ пользу мирнаго третейскаго разбирательства международныхъ споровъ. Горячая полемика между Англіею и Соединенными Штатами по поводу крейсера „Алабама“ закончилась въ сентябрѣ 1872 года приговоромъ третейскаго суда, которому заранѣе подчинились обѣ стороны. Увлеченные этимъ примѣромъ, приверженцы мира стали возлагать свои надежды на общее распространеніе „арбитража“, какъ нормальнаго способа разрѣшенія политическихъ несогласій. Эта смѣлая мысль, облеченная въ форму парламентскихъ резолюцій, обошла поочередно законодательныя собранія Англіи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, Швеціи и Норвегіи, Соединенныхъ Штатовъ и Канады; въ 1883 году тотъ же вопросъ обсуждался во фран-

цузской палатѣ депутатовъ. Основной мотивъ этихъ манифестацій понятенъ. Чтобы сотни тысячъ человѣческихъ жизней бросались въ жертву по капризу или увлеченію отдѣльныхъ лицъ, по близорукости и неосторожности правительствъ, по ошибкѣ какого-нибудь министра, въ родѣ герцога Граммона или Эмиля Олливье,—это казалось до того чудовищнымъ, что предпринять что-либо для предупрежденія подобныхъ случайностей было совершенно необходимо. Ученые филантропы старались придумать наиболѣе цѣлесообразную организацію международнаго судилища, предназначеннаго замѣнить военную расправу; любопытный проектъ такого рода выработанъ былъ американцемъ Дэдлей Фильдомъ, въ его опытѣ „международнаго кодекса", составленномъ по порученію „Британской ассоціаціи для усовершенствованія соціальныхъ наукъ" въ 1872 году.

По проекту Фильда, „въ случаѣ, если возникнетъ несогласіе или поводъ къ неудовольствію между націями, обиженная сторона должна формально извѣстить объ этомъ другую сторону, съ подробнымъ указаніемъ повода къ жалобѣ и способа требуемаго удовлетворенія". Всякое правительство, получивъ отъ другого заявленіе о причинѣ неудовольствія съ требованіемъ удовлетворенія, обязано дать точный и полный отвѣтъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Если не будетъ достигнуто соглашеніе, спорящія стороны назначаютъ по пяти членовъ въ „соединенную высшую комиссію", которая должна обсудить и примирить существующія разногласія; затѣмъ члены комиссіи представляютъ отчетъ своимъ правительствамъ въ теченіи шести мѣсяцевъ. При неудачномъ исходѣ комиссіи, стороны сообщаютъ объ этомъ другимъ державамъ, и тогда образуется верховный третейскій трибуналъ въ составѣ семи членовъ: каждое правительство, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со времени полученія извѣщенія, передаетъ спорящимъ имена четырехъ лицъ, и изъ этого списка обѣ стороны поочередно вычеркиваютъ столько именъ, чтобы осталось семь окончательно избранныхъ судей, которые и составятъ трибуналъ [1]).

[1]) „Draft outlines of an international code", by David Dudley *Field*. New-York, 1872. Англійскій писатель, Шельдонъ-Амосъ, полагаетъ даже, что нару-

Весь этотъ планъ основанъ на томъ предположеніи, что войны между государствами возникаютъ по поводу споровъ, имѣющихъ опредѣленное содержаніе и допускающихъ мирное третейское разбирательство; но имѣетъ ли смыслъ примѣненіе арбитража къ тѣмъ международнымъ кризисамъ, въ которыхъ главную роль играетъ національное соперничество, чувство вражды и недовѣрія, желаніе расширить территорію и возвысить могущество страны на счетъ чужихъ народовъ? Вопросы, не затрогивающіе интересовъ и чувствъ правящаго класса, обыкновенно и безъ того улаживаются мирно, а дѣйствительныя причины международной борьбы не поддаются никакимъ искусственнымъ мѣрамъ предупрежденія. Третейскій судъ возможенъ тамъ, гдѣ нѣтъ серьезныхъ мотивовъ къ столкновенію и гдѣ ни одна изъ заинтересованныхъ сторонъ не желаетъ кровавой встрѣчи; онъ безсиленъ и непримѣнимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о территоріальныхъ измѣненіяхъ, о переустройствѣ международныхъ связей, образованіи новыхъ могуществъ и о распаденіи прежнихъ

Ни одна изъ великихъ войнъ настоящаго столѣтія не могла быть предотвращена третейскимъ разбирательствомъ, еслибы послѣднее практиковалось между державами, въ видѣ общаго правила. Крымская война порождена была политическимъ преобладаніемъ Россіи въ Европѣ, — преобладаніемъ, которому желали положить конецъ западныя государства; такая цѣль,

---

шеніе трактата какимъ-либо государствомъ должно считаться преступленіемъ, подлежащимъ наказанію, и что „*наказаніе*, каково бы оно ни было, должно исходить отъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ въ совокупности, а не только отъ подписавшихъ трактатъ". („Political and legal remedies for war", by *Sheldon-Amos*, 1880, p. 187—8). Любопытно было бы видѣть, какъ „наказаніе" будетъ примѣняться къ такимъ державамъ, какъ Германія или Англія, которыя по своему могуществу чаще всего нарушаютъ трактаты. Наказывать же только мелкія государства, отъ которыхъ никому нѣтъ опасности, въ родѣ нынѣшней Греціи— было бы несправедливо и безцѣльно. Новѣйшая литература по вопросу о международной организаціи разобрана весьма дѣльно въ сочиненіи графа *Л. Камаровскаго:* „Обзоръ современной литературы по международному праву" (Москва, 1887), стр. 252 — 354. Авторъ вѣритъ еще въ возможность добровольнаго разоруженія, по взаимному соглашенію государствъ. Ср. его книгу: О международномъ судѣ, М., 1881.

конечно, не могла быть достигнута при помощи третейскаго суда. Итальянское объединеніе, возвѣщенное войною 1859 г., не могло бы совершиться мирнымъ способомъ, такъ какъ Австрія никогда не отдала бы добровольно своихъ итальянскихъ провинцій. Австро-прусскій споръ 1866 года не могъ быть разрѣшенъ международнымъ трибуналомъ, если Пруссія поставила себѣ задачею созданіе новаго германскаго союза безъ участія Австріи. Столкновеніе между Франціею и Германіею могло быть отсрочено, но не устранено, если съ обѣихъ сторонъ чувствовалась неизбѣжность борьбы, вызываемой національными интересами нѣмцевъ и династическими разсчетами Наполеона III. Никакой третейскій судъ не могъ бы побудить Турцію согласиться на освобожденіе подвластныхъ ей христіанскихъ народностей, которое достигалось постепенно путемъ насилія, и условія Санъ-стефанскаго договора 1878 года могли быть только результатомъ войны.

Такимъ образомъ, мысль о замѣнѣ военной расправы третейскимъ судомъ падаетъ сама собою, и агитація приверженцевъ мира, выступившая столь оживленно въ семидесятыхъ годахъ, затихла мало-по-малу. Благородныя иллюзіи уступили мѣсто мрачному взгляду на будущее, безпокойному ожиданію новыхъ войнъ и столкновеній.

Рѣшительный поворотъ замѣчается и въ литературныхъ мнѣніяхъ по вопросу о „правѣ войны“. Мы далеко ушли отъ оптимистическихъ теорій Огюста Конта, Бокля и Милля, этихъ романтиковъ научнаго прогресса, разсматривавшихъ войну какъ принадлежность варварства, какъ явленіе, возможное лишь при слабомъ развитіи культуры и исчезающее подъ вліяніемъ цивилизаціи. Теперь еще Гербертъ Спенсеръ проводитъ рѣзкое различіе между двумя типами обществъ—военнымъ и промышленнымъ, причемъ послѣдній представляетъ для него высшую степень соціальнаго быта; воинственные инстинкты и недуги будто бы чужды націямъ промышленнымъ, въ родѣ англійской или сѣверо-американской. Въ дѣйствительности, промышленная и культурная Англія не меньше другихъ государствъ занимается военными предпріятіями; самые культурные и передовые народы соперничаютъ между собою въ силѣ вооруженій,

и всѣ средства цивилизаціи отдаются на службу военному дѣлу. Нельзя уже связывать войну съ недостаткомъ культуры, при видѣ успѣховъ военной науки и военнаго искусства въ западной Европѣ. Въ литературѣ проводятся уже совсѣмъ другіе взгляды, находящіеся въ тѣсной связи съ теоріею „борьбы за существованіе“ и съ современною реальною политикою. Ходъ идей столь же мало утѣшителенъ, какъ и ходъ событій и обстоятельствъ. Но идеи подлежатъ критикѣ и могутъ оказаться ложными; невѣрность исходной точки приводитъ къ ошибочнымъ выводамъ, которые пускаются въ обращеніе въ качествѣ безспорныхъ истинъ и легко пріобрѣтаютъ господство въ журналистикѣ, снабжающей публику готовыми воззрѣніями на текущія политическія дѣла.

XI.

Современное значеніе войнъ. — Увлеченія и недомолвки военныхъ писателей. — Оправдательныя теоріи ученыхъ юристовъ.—Теоретики „соціальнаго подбора“ и кулачнаго права.

Духъ войны представлялся еще чѣмъ-то произвольнымъ, перемѣнчивымъ и прихотливымъ, пока онъ царилъ лишь въ возвышенныхъ сферахъ европейской дипломатіи; что же предстояло ему при встрѣчѣ съ новыми демократическими учрежденіями, когда онъ долженъ былъ сойти на землю и стать лицомъ къ лицу съ духомъ политической и общественной свободы? Вопреки всѣмъ выводамъ философовъ, войны приняли еще болѣе грандіозные размѣры въ Европѣ и находятъ новый матеріалъ въ развитіи національной идеи, приспособленной къ условіямъ демократіи. Насталъ періодъ такъ-называемой реальной политики, которая открыто ставитъ силу выше права и облекаетъ старый принципъ международной борьбы въ новыя демократическія одежды. Появилось новое поколѣніе писателей, готовыхъ съ легкимъ сердцемъ отречься отъ прошлыхъ разочарованій и создавать новыя „научныя“ теоріи для объясненія законности и необходимости политическихъ идеаловъ, выдвинутыхъ на первый планъ княземъ Бисмаркомъ. Куда ведутъ

эти идеалы въ концѣ концовъ — объ этомъ мало кто думаетъ въ настоящее время, при всеобщей озабоченности вопросами дня и при традиціонномъ рутинномъ отношеніи къ текущей политикѣ.

Что такое война въ современномъ ея значеніи? Если обратиться къ военнымъ спеціалистамъ, то у нихъ мы найдемъ слишкомъ много ужасныхъ подробностей и слишкомъ мало общихъ идей; наоборотъ, мирные теоретики войны даютъ намъ голыя идеи безъ фактическаго содержанія и разсуждаютъ о борьбѣ расъ и народовъ въ такомъ тонѣ, точно дѣло идетъ о различныхъ видахъ крысъ или муравьевъ, а не о взаимномъ истребленіи людей [1]).

Точка зрѣнія военныхъ писателей отличается ясностью и простотою. „Съ особеннымъ напряженіемъ ждемъ мы ближайшей войны,—говоритъ, напримѣръ, фонъ-деръ-Гольцъ, авторъ популярной книги о военномъ дѣлѣ: — Всѣ предчувствуютъ, что эта война выступитъ съ невѣдомою еще опустошительною силою. Это будетъ встрѣча народовъ, а не простое столкновеніе армій. Всѣ нравственныя силы сосредоточатся для борьбы на жизнь и смерть; вся существующая сумма интеллигенціи соберется съ обѣихъ сторонъ, чтобы истреблять другъ друга. Соотвѣтственно величинѣ армій, будетъ грандіозно и бѣдствіе, слѣдующее за ихъ движеніями... При такомъ характерѣ борьбы, можно думать, что войны окончатся лишь съ полнымъ уничто-

---

[1]) Правильныя войны ведутся и у нѣкоторыхъ видовъ животныхъ. „Муравьи имѣютъ внѣшнія войны и внутреннія, междоусобныя; они даютъ настоящія сраженія, дѣйствуя при этомъ колоннами, употребляя различные маневры и пріемы аттаки, отступленія, обратнаго наступленія и призыва резервовъ. Ихъ битвы весьма кровопролитны; но часто дается пощада и плѣнники уводятся побѣдителями, которые въ тоже время уносятъ своихъ павшихъ товарищей. У термитовъ существуетъ даже каста воиновъ, въ видѣ постоянной арміи. Губеръ былъ исторіографомъ великой и славной войны между двумя могущественными муравьиными республиками, находившимися на разстояніи около ста шаговъ одна отъ другой. Между тѣмъ какъ обѣ арміи боролись, терзали себя взаимно и совершали чудеса храбрости, гражданское населеніе продолжало свои мирныя хожденія въ лѣсу и предавалось обычнымъ трудамъ, необходимымъ для существованія обоихъ государствъ, какъ это бываетъ и въ человѣческихъ обществахъ". *Letourneau*, Sociologie, p. 174.

женіемъ обѣихъ сторонъ или съ совершеннымъ ихъ истощеніемъ"...

Другими словами, миръ наступитъ лишь на „великомъ кладбищѣ человѣческаго рода", какъ выражался Кантъ. Но прежде чѣмъ устраивать это колоссальное побоище, естественно спросить себя: для чего оно предпринимается и кому оно нужно? На это нѣтъ прямого отвѣта ни у военныхъ писателей, ни у мирныхъ патріотовъ. Смѣшно говорить о какихъ-либо политическихъ цѣляхъ, когда дѣло идетъ о взаимномъ „уничтоженіи или истощеніи обѣихъ сторонъ". Развѣ возможны такія цѣли, которыя были бы важнѣе самихъ народовъ, для которыхъ онѣ предназначаются? Нельзя же предполагать, что націи будутъ истреблять себя безпощадно только для того, чтобы доказывать превосходство одной предъ другою и достигать временнаго перевѣса во внѣшней политикѣ. Можно себѣ представить, что два храбрые рыцаря выходятъ на смертный бой для рѣшенія вопроса, кто изъ нихъ сильнѣе и умнѣе; но трудно повѣрить, чтобы къ такому средству сознательно прибѣгали цѣлые народы. Въ обычныхъ разсужденіяхъ о неизбѣжности ожидаемыхъ войнъ сказывается лишь смутная вѣра въ нѣчто стихійное, роковое, не зависящее отъ человѣческихъ мотивовъ, — какъ будто событія совершаются помимо воли и участія людей.

„Пока народы земли стремятся къ земнымъ благамъ, — говоритъ тотъ же фонъ-деръ-Гольцъ въ другомъ мѣстѣ, — пока они заботятся объ обезпеченіи развитія, спокойствія и почета подростающихъ поколѣній, пока они стараются, подъ руководствомъ великихъ умовъ, осуществлять политическіе и культурно-историческіе идеалы, выходящіе за предѣлы будничныхъ потребностей, до тѣхъ поръ будутъ повторяться войны. Безполезно спорить, какъ дѣйствуетъ война на человѣчество — облагораживаетъ ли она нашу природу, или вызываетъ въ ней дикіе инстинкты. Можно только условно примѣнять часто употребляемое сравненіе, что война, подобно бурѣ, очищаетъ атмосферу. Тридцатилѣтняя война превратила Германію въ пустыню и привела къ небывалой порчѣ нравовъ. То, что мы (нѣмцы) видѣли въ отечествѣ со времени торжества надъ Фран-

ціею, также не позволяетъ вѣрить въ очистительное вліяніе послѣдней войны... Во всякомъ случаѣ, войны составляютъ неизбѣжную участь людей и народовъ. Вѣчный миръ недоступенъ смертнымъ на этомъ свѣтѣ". А разъ война возникла, нужно вести ее со всею энергіею, на какую способно государство. Не надо допускать „педантической разсчетливости въ деньгахъ и въ людяхъ". Войска состоятъ главнымъ образомъ изъ молодежи, а „молодость легко разстается съ жизнью; она идетъ въ битву бодро и беззаботно,—оба эти качества необходимы для кровавой работы". Военный человѣкъ долженъ быть суровъ и безпощаденъ на войнѣ. „Неумолимость, эта столь непріятная на видъ безчувственность, принадлежитъ къ неизбѣжнымъ качествамъ того, кто желаетъ достигнуть великаго на войнѣ. Для полководца существуетъ одно только преступленіе, котораго никогда не прощаетъ ему исторія, — это быть побѣжденнымъ" [1]). Въ сущности, военныхъ писателей интересуютъ только способы веденія войны; почему и для чего существуетъ война, нужно ли непремѣнно воевать съ тѣмъ или другимъ народомъ или это вовсе не требуется, - такими вопросами они не задаются.

Что касается ученыхъ теоретиковъ международнаго права, то они тщетно пытаются включить войну въ сферу своей компетенціи и подвергнуть ее ограничительнымъ правиламъ, въ видахъ смягченія жестокостей военнаго времени. Профессоръ Мартенсъ разсматриваетъ войну подъ рубрикою „международнаго управленія въ области принудительнаго охраненія интересовъ и правъ подданныхъ и народовъ", — хотя, конечно, отнесеніе къ этой сложной рубрикѣ не измѣняетъ фактическаго характера войны. По словамъ почтеннаго г. Мартенса,— война, какъ средство международнаго управленія, подчиняется праву; непосредственная цѣль войны—возстановленіе права и мира, который долженъ дать удовлетвореніе законнымъ интересамъ той или другой воюющей стороны [2]). Значитъ, франко-прус-

[1]) „Das Volk in Waffen", von Colmar Freiherr *v.-d.-Goltz*. Berl., 1883.

[2]) „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ", т. II, стр. 361 и сл. Подробный разборъ этого курса мы помѣщаемъ ниже, въ Приложеніи.

ская война была не просто истребительною борьбою двухъ враждующихъ народовъ, но однимъ изъ предусмотрѣнныхъ юристами „средствъ международнаго управленія“. Какое это „управленіе“ и въ чемъ оно могло заключаться—неизвѣстно. Что война „подчиняется праву“—это болѣе утѣшительно, чѣмъ вѣрно. Когда сталкиваются между собою милліонныя арміи, то это дѣлается, конечно, не для „возстановленія права и мира“, никѣмъ не нарушеннаго раньше, а напротивъ, для попранія существующихъ правъ съ цѣлью новыхъ пріобрѣтеній, реальныхъ или фантастическихъ, или для разрѣшенія задачъ, могущихъ быть рѣшенными только силою. Охрана права и „законныхъ интересовъ“ вовсе не есть необходимая принадлежность войны; еще рѣже достигается эта охрана войною. Право и законные интересы были вѣроятно на сторонѣ Даніи, когда ей приходилось защищаться противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Австріи, а побѣда досталась сильнѣйшему, независимо отъ того, кто правъ и кто виноватъ. Едва ли могла быть рѣчь о правѣ Пруссіи, когда она вступила въ войну съ Австріею; однако, австрійскія права и „законные интересы“ были уничтожены превосходствомъ прусскихъ войскъ, безъ всякаго отношенія къ вопросу о правѣ. Развѣ для охраны права воевали французы и нѣмцы въ 1870—71 годахъ? Ихъ толкнуло въ разорительную войну слѣпое политическое соперничество, а не право и не законные интересы той или другой стороны. Французамъ не было никакого дѣла до внутреннихъ нѣмецкихъ дѣлъ, и они не могли считать себя въ правѣ противодѣйствовать національному объединенію Германіи; такъ же точно и Пруссія не могла имѣть интереса въ томъ, чтобы сурово добивать Францію послѣ Седана и оставить въ ней неизгладимую мысль о возмездіи. При чемъ же тутъ право, которому будто бы подчиняется война? Можно сказать, что война создаетъ новое право, взамѣнъ прежняго; другіе идутъ далѣе и утверждаютъ, что сила сама по себѣ есть право и что нѣтъ другого мѣрила, кромѣ силы, въ отношеніяхъ между народами и государствами.

Писатели новой школы, берущіе для своихъ обобщеній извѣстнаго рода факты изъ области естественныхъ наукъ, воз-

водятъ кровавую борьбу на степень общаго соціальнаго закона; это не только право, но и какъ будто обязанность націй, желающихъ упрочить за собою подобающее мѣсто въ мірѣ. Подобные выводы, повторяемые часто въ печати въ видѣ безспорныхъ истинъ, представляютъ не только ребяческій лепетъ въ смыслѣ научномъ, но и возмутительный, бездушный вздоръ съ практической точки зрѣнія.

Изъ того, что въ животномъ мірѣ совершенствованіе породъ сопровождается гибелью болѣе слабыхъ организмовъ, дѣлается заключеніе, что и улучшеніе человѣческаго типа достигается торжествомъ однихъ народовъ надъ другими на войнѣ, гибелью слабыхъ племенъ и господствомъ сильныхъ. Когда-то въ Европѣ существовали сѣрыя крысы, но явились черныя, болѣе крѣпкія, и истребили ихъ; новый типъ превосходитъ прежній по величинѣ тѣла и по силѣ зубовъ. Представимъ себѣ, что явилось племя атлетовъ съ невѣдомыми намъ орудіями и разсѣяло всѣ наши европейскія арміи: высшій типъ людей пришелъ бы на смѣну старому. Можно ли говорить о чемъ-либо подобномъ по поводу современныхъ международныхъ войнъ, гдѣ все зависитъ отъ численности народа, а не только отъ его качествъ? Нація, состоящая сплошь изъ героевъ и мыслителей, но могущая выставить всего нѣсколько десятковъ тысячъ войска, будетъ несомнѣнно побѣждена народомъ болѣе тупымъ, но имѣющимъ милліонную, хорошо дисциплинированную и примѣрно вооруженную армію. При равенствѣ умственныхъ и нравственныхъ силъ, рѣшаетъ дѣло физическій перевѣсъ числа — перевѣсъ, данный напередъ и ничѣмъ неустранимый. Сорока-милліонный народъ всегда одолѣетъ трехъ-милліонное племя, хотя и стоящее выше его по качествамъ и способностямъ; въ свою очередь, сто-милліонное государство въ концѣ концовъ побѣдитъ страну, населеніе которой вдвое меньше. Превосходство типа и культуры сказывается при встрѣчѣ европейцевъ съ азіатами и африканцами; но оно не имѣетъ никакого отношенія къ политическимъ счетамъ народовъ, одинаково культурныхъ и просвѣщенныхъ. Утверждать, что побѣда дается только достойнѣйшему изъ противниковъ, независимо отъ количества войскъ,— было бы насмѣшкою надъ здравымъ

смысломъ. А это именно утверждаютъ писатели, толкующіе объ улучшеніи типа и о прогрессѣ человѣчества путемъ повальныхъ истребленій.

Англійскій публицистъ Бэджготъ выставляетъ общее правило, что „при всякомъ состояніи міра сильнѣйшія націи стараются господствовать надъ другими, и въ извѣстныхъ опредѣленныхъ чертахъ онѣ стремятся быть лучшими". Война поддерживаетъ и вызываетъ въ народѣ элементарныя добродѣтели, которыми увеличиваются его шансы въ борьбѣ съ соперниками. „Успѣхъ народовъ, обладающихъ этими добродѣтелями, былъ великимъ средствомъ распространенія и упроченія послѣднихъ, какъ и уничтоженія пороковъ противоположныхъ. Побѣда распространяетъ мужество, и грубое столкновеніе военныхъ качествъ изгоняетъ изъ міра низость... Въ большинствѣ случаевъ, во все продолженіе первобытныхъ временъ, военное преимущество есть залогъ реальнаго превосходства: нація побѣдившая есть та, которая должна была побѣдить... Этотъ родъ экзамена и конкурса, представляемый постоянными войнами, благопріятствуетъ прогрессу... Борьба націй есть сила первостепенной важности для улучшенія націй... Характеры, торжествующіе на войнѣ, суть именно тѣ, торжество которыхъ было намъ желательно" [1]). Англичанинъ Бэджготъ можетъ такъ писать о войнѣ, ибо военныя невзгоды и бѣдствія не доходятъ до Англіи и остаются для нея чѣмъ-то далекимъ, необязательнымъ. Англія можетъ воевать безъ особеннаго риска для себя; но къ ней едва ли примѣнимъ принципъ, что сильнѣйшій на войнѣ есть лучшій по качествамъ. Англичане считаютъ себя, вѣроятно, выше и лучше русскихъ; но они, безъ сомнѣнія, не имѣли бы успѣха въ той англо-русской военной борьбѣ, которая съ особеннымъ усердіемъ предсказывается любителями сильныхъ ощущеній въ политикѣ. Съ большимъ основаніемъ говорятъ о правѣ силы нѣмцы, разсуждавшіе о силѣ права до первыхъ военныхъ удачъ; австрійскій профессоръ Гумпловичъ придаетъ большое значеніе своей поверхностной

[1]) „Lois scientifiques du développement des nations dans leurs rapports avec les principes de la sélection naturelle et de l'hérédité", par *W. Bagehot*, Paris, 1882, pp. 47, 82, 90—1, 234 и др.

теоріи о силѣ, какъ источникѣ государственнаго права, и съ оттѣнкомъ сожалѣнія замѣчаетъ, что въ Австріи „дѣлается жутко отъ обилія голаго права“ [1]). Всѣ эти разсужденія о важности могущества выражали бы избитыя аксіомы, еслибы къ нимъ не примѣшивались посторонніе вопросы о правѣ и прогрессѣ.

Наивные толкователи „соціальнаго подбора“ находятъ еще другое объясненіе и оправданіе для войнъ: борьба вызывается будто бы различіемъ и противоположностью культурныхъ типовъ просвѣщеннаго человѣчества. Россія, какъ страна „мужицкая“, должна будто бы бороться съ Англіею, какъ главною представительницею промышленнаго капитализма въ Европѣ; демократическое государство будетъ воевать съ державою, построенною на шляхетскомъ началѣ, и такъ далѣе. Почему и для чего? Очень просто: противоположные типы не уживаются и не должны уживаться мирно; они призваны уничтожать другъ друга для выясненія превосходства одного изъ нихъ [2]). Несостоятельность этой теоріи слишкомъ очевидна, чтобы останавливаться на ней подробно. Русское крестьянство не можетъ

[1]) „Grundriss der Sociologie“, von Ludwig Gumplowitsch. Wien, 1885.

[2]) Подобныя теоріи проповѣдуются даже писателями, искренно причисляющими себя къ друзьямъ народа. См., напр., слѣдующее разсужденіе: „Буржуазный капиталистическій режимъ, дошедшій до самаго крайняго выраженія именно въ Англіи и притомъ именно въ лицѣ Англіи перешедшій свое господство и на международныя отношенія,—этотъ режимъ встрѣчаетъ въ лицѣ Россіи страну не буржуазную и не капиталистическую, а построившую свою культуру на идеѣ (?) крестьянства; борьба между двумя міровыми колоссами по неволѣ явится борьбою между двумя режимами, провѣркою ихъ состоятельности и роли въ будущемъ. Въ этомъ смыслѣ борьбы и въ этомъ же ея причина, ибо обѣ страны, слѣдуя каждая не болѣе, какъ логикѣ своей культуры и требованіямъ своей исторіи, пришли на востокѣ въ такое соприкосновеніе, что ужиться рядомъ не могутъ и, покуда не преобразовали своего внутренняго строя по образцу противника, не должны (?) уживаться, не уживутся, какъ бы того государственные люди обоихъ государствъ ни желали... Только существенныя внутреннія преобразованія Англіи могутъ спасти ее и насъ отъ роковой необходимости борьбы на жизнь и смерть. Такая борьба между лэндлордомъ и капиталистомъ съ одной стороны и русскимъ мужикомъ съ другой, предписывается всею логикою исторіи обоихъ государствъ“ (С. Н. Южаковъ, Англо-русская распря. Спб., 1885, стр. 4 и 106). Не столь категорически проводится эта идея въ статьяхъ того же автора: „Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX вѣка“ („Русская Мысль“, 1885, кн. 3 и 4).

ужиться рядомъ съ англійскимъ капиталистическимъ строемъ; но вѣдь англичане даже не живутъ въ сосѣдствѣ съ русскими, и преобладающія у насъ сельскія общины не имѣютъ никакого повода хлопотать о преобразованіи промышленнаго быта Англіи. Если намъ несимпатична западно-европейская буржуазія, то мы можемъ пользоваться ея примѣромъ для нашего собственнаго блага, избѣгать ея грѣховъ и увлеченій; но нелѣпо предположить, что мы должны идти войною въ тѣ страны, которыя живутъ иначе, чѣмъ мы. Такъ же точно, наоборотъ, ни англичане, ни нѣмцы не чувствуютъ никакого ущерба отъ того, что Россія есть государство земледѣльческихъ общинъ. Различіе культуръ въ этомъ смыслѣ есть необходимое условіе для правильнаго обмѣна продуктовъ и для мирной международной жизни. Капиталистическая Англія не мѣшаетъ намъ тѣмъ, что покупаетъ нашъ хлѣбъ и наше сырье, что доставляетъ намъ взамѣнъ хорошія машины и орудія, даже сельско-хозяйственныя;—и англичане довольны, что есть гдѣ покупать и продавать, и мы имѣемъ выгодный рынокъ для сбыта своихъ произведеній и для пріобрѣтенія нужныхъ намъ товаровъ. Политическіе споры изъ-за средней Азіи и турецкихъ дѣлъ могутъ уладиться къ обоюдной выгодѣ, и во всякомъ случаѣ они не представляютъ жизненнаго интереса спеціально для русскаго крестьянства. Припутывать къ печальнымъ фактамъ военныхъ столкновеній такія понятія, какъ капитализмъ, буржуазія, мужицкое государство, смѣшно уже потому, что традиціи военнаго и политическаго соперничества коренятся всего меньше въ матеріальныхъ потребностяхъ мирныхъ населеній: капиталисты, промышленная буржуазія и земледѣльцы повсюду стоятъ одинаково за прочный миръ между великими европейскими народами.

XII.

Итоги послѣднихъ войнъ.—Ложныя ожиданія побѣдителей.—Безцѣльность завоеваній среди культурныхъ народовъ.—Слѣпое взаимное соперничество и его послѣдствія.—Колоніальныя предпріятія.

Въ короткій періодъ отъ 1853 по 1866 годъ, въ теченіе всего четырнадцати лѣтъ, цивилизованный міръ принесъ въ

жертву духу войны около 1.750.000 человѣкъ, и для истребленія этой массы людей истрачено около 48 милліардовъ франковъ, не считая косвенныхъ убытковъ. Если прибавить войны послѣдняго двадцатилѣтія, то получится всего *два съ половиною милліона* молодыхъ и здоровыхъ человѣческихъ жизней, погибшихъ на войнѣ съ начала пятидесятыхъ годовъ, и цифра прямыхъ затратъ на это дѣло превышаетъ *80 милліардовъ* франковъ, независимо отъ обыкновенныхъ ежегодныхъ бюджетовъ по военному вѣдомству въ различныхъ государствахъ Европы. Съ громадными усиліями вырѣзано количество людей, равное населенію цѣлой небольшой страны, и невольно возникаетъ вопросъ, насколько достигнутые политическіе результаты соотвѣтствовали колоссальному объему этихъ жертвъ.

Чисто-національныя войны, освободительныя и объединительныя, тѣсно связаны съ внутреннимъ политическимъ ростомъ и сознаніемъ народовъ; очень можетъ быть, что единство Германіи, какъ и Италіи, могло быть достигнуто только войною, при данныхъ обстоятельствахъ. Франко-прусская война не имѣла уже необходимой связи съ дѣломъ нѣмецкаго объединенія и приняла характеръ безпощадной борьбы двухъ враждебныхъ между собою расъ. Побѣдители думали усилить и обогатить свое отечество, отрѣзавъ отъ Франціи провинцію и взявъ около шести милліардовъ франковъ контрибуціи; но въ дѣйствительности они не пріобрѣли никакихъ выгодъ ни отъ Эльзасъ-Лотарингіи, ни отъ внезапнаго наплыва французскаго золота. Въ этомъ случаѣ нѣмцы безсознательно подчинялись традиціи завоевательныхъ и пріобрѣтательныхъ войнъ, утратившихъ свой прежній смыслъ въ современной Европѣ. Эльзасъ-Лотарингія была бы выгоднымъ пріобрѣтеніемъ для нѣмецкаго народа, еслибы можно было, какъ въ былое время, отобрать всѣ земли и имущества у туземныхъ жителей для распредѣленія между побѣдителями; но при существующихъ условіяхъ присоединенная область есть только тяжелое бремя, источникъ тревогъ и постоянно возрастающихъ издержекъ для Германіи. Нѣмцы ничего не выиграли въ экономическомъ отношеніи, ибо свободный доступъ въ новую провинцію для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей былъ имъ открытъ и раньше, при французскомъ режимѣ; отчасти

они даже хуже поставлены тамъ, чѣмъ прежде, благодаря возникшей политической ненависти къ пруссакамъ, виновникамъ разорительнаго нашествія 1870—71 годовъ. Мѣстныя богатства остались въ прежнихъ рукахъ и въ нѣкоторой мѣрѣ удалились во Францію; цвѣтущая страна обѣднѣла и во всякомъ случаѣ не поправилась, а Германія не только не можетъ извлечь изъ нея никакой пользы, но принуждена еще тратить свои собственныя средства на военныя и политическія мѣры, на поддержаніе и созданіе крѣпостей, для обезпеченія связи этой провинціи съ имперіею. Не получая ничего отъ Эльзасъ-Лотарингіи, нѣмцы должны непрерывно, въ теченіи многихъ лѣтъ, напрягать всѣ свои силы для избѣжанія обратныхъ завоевательныхъ попытокъ со стороны французовъ. Этимъ объясняется странная на первый взглядъ надежда французскихъ патріотовъ, — въ томъ числѣ и такого, какъ покойный Гамбетта,—на добровольное возвращеніе отнятой нѣмцами области, подъ вліяніемъ экономической и политической необходимости.

Перспектива новой страшной войны, непосильныя финансовыя тягости для хроническихъ приготовленій къ борьбѣ, вѣчное безпокойство и стѣсненность въ международныхъ дѣлахъ, ненормальность внутренней жизни при подобной обстановкѣ, обѣднѣніе и неудовольствіе народныхъ массъ,—все это плоды ненужнаго и безполезнаго для нѣмцевъ завоеванія Эльзасъ-Лотарингіи. Стоитъ ли небольшая провинція тѣхъ милліардовъ, которые тратятся и будутъ еще тратиться ради ея сохраненія, и возможно ли бросить новыя сотни тысячъ человѣческихъ жизней для вторичнаго рѣшенія вопроса о принадлежности ея нѣмецкому государству или французскому, — это загадка, истинный смыслъ которой ясенъ для всякаго непредубѣжденнаго ума и надъ которою все больше и чаще задумываются добросовѣстные нѣмецкіе патріоты. Въ общественномъ мнѣніи Германіи проявляется уже смутное сознаніе того, что присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи, уничтожившее всякую возможность прочнаго мира между двумя великими націями, было грубою, роковою ошибкою. Гораздо раньше и быстрѣе разсѣялась иллюзія на счетъ завоеванныхъ милліардовъ,—иллюзія, основанная на томъ предположеніи, что государство обогащается такимъ же

способомъ, какъ и частные люди. Чужіе милліарды внесли разстройство въ экономическую жизнь страны, возбудили духъ спекуляціи и легкой наживы, отвлекли промышленность отъ обычнаго пути труда, создали вредное господство биржи и улетучились безслѣдно, оставивъ по себѣ непоправимую нравственную и экономическую порчу.

Такимъ образомъ, прежній мотивъ европейскихъ войнъ—завоеваніе и пріобрѣтеніе—приводитъ теперь къ послѣдствіямъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя имѣлись въ виду когда-то и которыя по старой привычкѣ ожидаются еще нерѣдко и въ настоящее время близорукими сторонниками побѣдоносныхъ внѣшнихъ столкновеній. Завоеваніе въ предѣлахъ Европы не только ничего не даетъ побѣдителю, но, напротивъ, разоряетъ его и рано или поздно служитъ источникомъ его паденія. То немногое, что временно достигается побѣдою, доступно и безъ войны, при существующемъ живомъ общеніи между народами. Земельная тѣснота, побуждавшая людей искать новыхъ мѣстъ путемъ военныхъ походовъ и нашествій, имѣетъ теперь другіе, болѣе удобные и обширные способы выхода и облегченія. Десятки тысячъ нѣмцевъ свободно зарабатываютъ свой хлѣбъ въ нынѣшней Франціи и въ самомъ Парижѣ, несмотря на непріязненныя чувства къ нимъ со стороны французовъ. Въ нашемъ западномъ краѣ, особенно въ бывшемъ царствѣ польскомъ, проживаетъ громадное количество нѣмецкихъ переселенцевъ; они безпрепятственно извлекали всякія выгоды изъ средствъ и условій края, пріобрѣтали земли, строили заводы и фабрики, основывали цѣлыя промышленныя поселенія и даже города,—словомъ, они въ мирное время, при дружбѣ обѣихъ сосѣднихъ имперій, располагали у насъ тѣми способами дѣйствія, какихъ только можетъ желать Германія и которые едва ли могли бы замѣтно увеличиться даже послѣ успѣшнаго военнаго занятія этого края. Еще болѣе яркій примѣръ представляетъ свободное выселеніе нѣмцевъ въ американскіе Соединенные Штаты, гдѣ они образовали настоящее государство въ государствѣ и гдѣ возрастающее вліяніе этой тѣсно сплоченной между собою нѣмецкой массы сдѣлалось однимъ изъ могучихъ факторовъ внутренней политической жизни

республики. Чтобы занять это видное мѣсто въ сѣверной Америкѣ и населить ее милліонами своихъ гражданъ, нѣмецкая нація не должна была предпринимать никакой войны и никакого похода, не должна была ни завоевывать, ни побѣждать, какъ это дѣлалось въ прежнія времена и какъ это практикуется нынѣ относительно странъ некультурныхъ, закрытыхъ для наплыва иностранцевъ и для свободныхъ международныхъ сношеній.

Изъ этого же видно, что политика узко-покровительственная, создающая искусственныя преграды между государствами, есть важный элементъ вражды и несогласій: она ведетъ къ войнѣ или ускоряетъ ее, давая ей осязательную экономическую почву. Возрожденіе запретительной таможенной системы въ Европѣ есть слѣдствіе господствующаго милитаризма, заставляющаго всѣ великіе народы безпокойно наблюдать за сосѣдями и сосредоточиваться въ своихъ силахъ, въ ожиданіи неизвѣстнаго момента грозной борьбы, къ которой всѣ готовятся и которой никто разумно объяснить или мотивировать не можетъ. Такъ называемая тарифная война есть нелѣпость съ экономической точки зрѣнія: она разоряетъ и раздражаетъ народы, безъ всякой пользы для кого бы то ни было, и только невѣжественные политиканы видятъ въ ней залогъ самостоятельнаго промышленнаго развитія. Каждое государство можетъ оградить свою территорію отъ иностранныхъ продуктовъ; но оно можетъ дѣлать это безнаказанно только въ томъ случаѣ, если оно не имѣетъ въ виду сбывать свои собственныя произведенія за границу. По непонятному ослѣпленію, нѣкоторыя европейскія правительства дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи такимъ образомъ, какъ будто они одни могутъ проводить запретительную систему, и другія державы не догадаются отвѣтить имъ тѣмъ же. Привозъ скота изъ Румыніи нарушалъ интересы австрійскихъ землевладѣльцевъ, и по настоянію послѣднихъ, въ началѣ 1886 года, запрещена была дальнѣйшая доставка этого живого товара въ предѣлы Австро-Венгріи. Австрійскіе патріоты находили эту мѣру весьма цѣлесообразною и мудрою; они были сильно разочарованы и удивлены, когда вдругъ узнали, что и Румынія рѣшилась защищать свой рынокъ отъ австрій-

скаго ввоза. Естественное рѣшеніе, принятое въ Бухарестѣ, произвело ошеломляющій эффектъ на многія отрасли промышленности въ Австро-Венгріи; оказалось, что австрійскихъ фабрикатовъ идетъ въ Румынію на 80 милліоновъ гульденовъ ежегодно, что масса австрійскихъ рабочихъ и промышленниковъ работаетъ исключительно на румынъ, и что всѣ эти доходы и заработки должны отнынѣ прекратиться, благодаря мнимонаціональной мѣрѣ австрійскихъ охранителей. Такъ какъ нельзя отказаться отъ 80 милліоновъ обезпеченнаго сбыта ради избѣжанія конкурренціи немногихъ тысячъ быковъ, ввозимыхъ изъ Румыніи, то Австро-Венгрія поставлена была въ довольно щекотливое положеніе: достоинство великой державы не позволяло ей прямо отречься отъ сдѣланнаго шага и открыто сознаться въ ошибкѣ, а угрозы могли не привести къ цѣли, въ виду обезпеченнаго международнаго положенія Румыніи. Австрія могла, по крайней мѣрѣ, употребить все свое значительное политическое вліяніе, чтобы побудить бухарестское правительство къ уступчивости; но промахъ былъ бы непоправимъ, если бы дѣло шло не о маленькомъ королевствѣ, а о первоклассной европейской державѣ. Этотъ характерный случай есть только одинъ изъ многихъ болѣе или менѣе крупныхъ и замѣтныхъ фактовъ новѣйшей запретительной политики; вездѣ — одно и то же самообольщеніе, не видящее дальше интересовъ минуты, выдающее за патріотизмъ слѣпое прямолинейное отрицаніе международной взаимности, справедливости и гостепріимства. Нѣмецкіе оффиціозные журналисты встрѣтили съ восторгомъ крутую мѣру прусскаго правительства, направленную противъ иностранныхъ и особенно польско-русскихъ выходцевъ; восторгъ этотъ превратился бы въ нѣчто совсѣмъ противоположное, еслибы другія государства считали нужнымъ послѣдовать примѣру Пруссіи по отношенію къ нѣмцамъ, — еслибы Франція, Россія и Австрія удалили изъ своихъ предѣловъ всѣхъ нѣмецкихъ подданныхъ, какъ неудобныхъ по политическимъ или экономическимъ соображеніямъ. Пруссія не имѣла бы основанія протестовать, ибо, по общему правилу, „всякій подлежитъ дѣйствію того закона, который онъ самъ установилъ“ (patere legem quam ipse tulisti). Нѣмецкіе патріоты наглядно убѣдились бы тогда

въ совершенной негодности и непримѣнимости узкаго національнаго эгоизма, при настоящемъ характерѣ международныхъ связей и при фактической солидарности интересовъ между культурными націями. Если мы не допускаемъ ввоза заграничныхъ товаровъ, то и нашему хлѣбу и нашимъ продуктамъ будетъ закрытъ доступъ на иностранные рынки; отъ этого всеобщаго и безусловнаго „покровительства“ туземному производству страдаетъ не только общее экономическое положеніе народовъ, но и ихъ политическое спокойствіе и взаимный миръ.

Несостоятельность существующей системы военнаго соперничества и недовѣрія между мирными народами Европы отражается и на направленіи новѣйшей политики главныхъ европейскихъ державъ. Такъ какъ полезныя завоеванія и пріобрѣтенія для будущаго можно дѣлать только въ отдаленныхъ странахъ, гдѣ свободныхъ земель много и людей мало, то заботы дипломатовъ и полководцевъ направились въ область колоніальныхъ вопросовъ, которые сводятся къ дѣлежу всей Африки и значительной части Азіи между націями нашего небольшого материка. Военная предпріимчивость, лишенная работы у себя дома, находитъ примѣненіе въ другихъ частяхъ свѣта, въ далекихъ краяхъ и моряхъ. Но и колоніи оказываются пріобрѣтеніями весьма сомнительными и дорого стоющими, если въ нихъ живутъ туземцы, способные защищать свою свободу и независимость; послѣ покоренія ихъ, нужно еще управлять ими, имѣть за ними постоянный надзоръ, держать на мѣстѣ достаточный отрядъ войска, такъ что возможныя выгоды далеко не окупаются затратами, и въ концѣ концовъ приходится нерѣдко покинуть неблагодарную колонію или предоставить ей отдѣльное самостоятельное существованіе. Такова была участь многихъ англійскихъ пріобрѣтеній; военныя экспедиціи не приводили ни къ чему и въ лучшемъ случаѣ оканчивались примѣрнымъ „наказаніемъ“ непокорныхъ дикарей, и войска, удовлетворивъ свою честь и оставивъ соотвѣтственное количество труповъ въ странѣ, возвращались въ уменьшенномъ составѣ на родину. Колонія часто получаетъ значеніе бездонной бочки, поглощающей непомѣрную сумму средствъ и силъ метрополіи; еще недавній опытъ Франціи въ Тонкинѣ показалъ, какъ ра-

зорительны могутъ быть колоніальныя предпріятія, скромныя и надежныя въ началѣ. Алжиръ обошелся французамъ въ нѣсколько милліардовъ; болѣе ста тысячъ человѣкъ погибло тамъ въ бояхъ съ туземцами, и результатъ получился слѣдующій: европейцевъ другихъ націй находится тамъ почти столько же, сколько и французовъ, и безопасность ихъ охраняется корпусомъ въ 50.000 человѣкъ. Прочно устроилось въ Алжирѣ около 25.000 французскихъ поселенцевъ, имѣющихъ свои семейства и свои обезпеченные заработки. По остроумному замѣчанію экономиста Ивъ-Гюйо, для правильной оцѣнки этого результата нужно себѣ представить, что „каждый изъ французскихъ поселенцевъ сидитъ на четырехъ трупахъ и охраняется двумя солдатами". Съ другой стороны, можно привести не мало примѣровъ успѣшнаго устройства колоній безъ помощи оружія, путемъ мирныхъ сдѣлокъ и дружбы съ туземцами. Между прочимъ, нѣмецкія поселенія въ Африкѣ устроились и существовали до формальнаго занятія ихъ Германіею; они обошлись бы и на дальнѣйшее время безъ содѣйствія броненосцевъ, появленіе которыхъ въ африканскихъ водахъ произвело такой эффектъ въ Европѣ.

И колоніальныя завоеванія убыточны и безцѣльны, когда они сопровождаются войною. Европейскіе честолюбцы жестоко ошиблись, полагая, что населенія другихъ частей свѣта легко уступятъ свои земли цивилизованнымъ захватчикамъ и что эти земли могутъ быть разсматриваемы какъ безхозяйныя, никому не принадлежащія. Сильнѣе другихъ обожглись французы въ Мексикѣ; съ тѣхъ поръ колоніальныя попытки стали сдержаннѣе, и мотивы ихъ кажутся болѣе реальными, но плоды ихъ въ общемъ итогѣ мало утѣшительны.

XIII.

Общій международный кризисъ.—Два вопроса: западный и восточный.—Политическая рутина. — Мнимая поэзія войны. — Измѣнившійся характеръ военныхъ дѣйствій.

Если никакія положительныя цѣли,—ни политическія, ни экономическія, ни культурныя, — не оправдываютъ войнъ при

современныхъ обстоятельствахъ, и если колоніальныя войны столь же безполезны, какъ и европейскія, то отсюда не слѣдуетъ еще заключить, что нѣтъ серьезныхъ матеріаловъ и поводовъ для великаго кровопролитія въ Европѣ. Первый матеріалъ и важнѣйшій поводъ дается уже самимъ фактомъ вооруженнаго состоянія государствъ и боевой готовности ихъ армій.

Вопросъ объ общемъ сокращеніи военныхъ силъ, занимавшій Наполеона III въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, можетъ имѣть практическій смыслъ только въ томъ случаѣ, если будутъ разрѣшены двѣ задачи: во-первыхъ, если окончательно предоставлено будетъ самоуправленіе народамъ Балканскаго полуострова и хроническій восточный кризисъ исчезнетъ наконецъ съ горизонта, и во-вторыхъ, если найденъ будетъ способъ побудить Германію и Францію подвергнуть добровольному пересмотру постановленія франкфуртскаго мирнаго трактата 10 мая 1871 года относительно Эльзасъ-Лотарингіи. Всѣ другіе политическіе вопросы въ Европѣ принадлежатъ къ числу второстепенныхъ, сравнительно съ этими двумя главными, грозно поднимающимися на двухъ противоположныхъ концахъ материка. Западный вопросъ есть скрытый, но постоянно дѣйствующій ядъ, отравляющій жизнь двухъ великихъ націй и вносящій разстройство въ международныя отношенія другихъ государствъ. Ни одна держава не можетъ спокойно ожидать борьбы, послѣдствій которой нельзя предвидѣть, и заинтересованныя государства будутъ зорко смотрѣть на востокъ, пока событія разыграются или опредѣлятся въ ту или другую сторону на западѣ.

Найденъ ли будетъ безобидный путь для примиренія интересовъ Франціи и Германіи? Удастся ли предотвратить новую кровавую оргію, новое избіеніе сотенъ тысячъ здоровыхъ молодыхъ людей,—избіеніе никому не нужное и ничего не рѣшающее? Кто бы ни побѣдилъ и какъ бы безпощадно ни было торжество сильнѣйшаго, побѣжденный никогда не примирится съ своею участью и будетъ готовиться къ новымъ битвамъ,—ибо обѣ стороны почти равносильны по численности и по качествамъ. Не могутъ же войны повторяться безконечно, и самая

безцѣльность ихъ должна заставить государственныхъ дѣятелей остальной Европы придумать средства для устраненія существующихъ поводовъ къ борьбѣ. Этихъ путей и средствъ никто не ищетъ, подъ вліяніемъ увѣренности, что искать безполезно и что война все равно неизбѣжна, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. А между тѣмъ оба народа не хотятъ воевать, оба проникнуты жаждою мира, оба въ душѣ стремятся къ забвенію прошлаго, лишь бы отыскана была такая формула, которая удовлетворила бы и честь побѣжденнаго и достоинство побѣдителя. Возможная мирная сдѣлка остается загадкою, лежащею внѣ доброй воли соперниковъ и доступною только посторонннимъ могущественнымъ государствамъ; но серьезное миролюбивое посредничество — не въ обычаѣ дипломатической практики, и народы, раздѣленные Эльзасъ-Лотарингіею, имѣютъ передъ собою только два выхода: или слѣпо идти, подобно быкамъ, на закланіе, безъ смысла и цѣли, или терпѣливо ждать до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не разорится отъ вѣчныхъ вооруженій и не предложитъ извѣстныхъ условій прочнаго мира. Второй путь, болѣе человѣчный и разумный, быть можетъ, будетъ пройденъ до конца; его придерживается Франція, вооружаясь съ головы до ногъ, и отъ него не отклоняется Германія, всегда готовая къ бою.

Весь строй международныхъ отношеній въ Европѣ переживаетъ кризисъ въ настоящее время. Существующая политическая рутина является устарѣлою и безсильною, а новыхъ началъ дипломатіи еще не установлено. Безжизненныя формулы заглушаютъ собою живое отношеніе къ фактамъ; прямая постановка вопроса считается ересью. Заботы о status quo, объ европейскомъ согласіи, о сохраненіи мира и дружбы — превратились въ какія-то общія мѣста. Нѣтъ точныхъ принциповъ, могущихъ служить руководящею нитью въ дѣятельной внѣшней политикѣ; не видно опредѣленной системы, которая могла бы замѣнить старую теорію „европейскаго равновѣсія“. Международное право сдѣлалось чѣмъ-то безформеннымъ и безцвѣтнымъ. Чѣмъ же заняты учители этого „права“, преемники знаменитаго Гуго Гроція? Они составляютъ подробныя правила, по которымъ аккуратно и систематически должно

исполняться дѣло взаимнаго истребленія армій, безъ участія постороннихъ элементовъ. Мелочные и спеціальные вопросы поглощаютъ все вниманіе этихъ теоретиковъ; великую, основную задачу о правѣ или безправіи войны они затрогиваютъ лишь слегка или обходятъ совершеннымъ молчаніемъ. Между тѣмъ война не соотвѣтствуетъ уже нынѣшнему положенію дѣлъ въ Европѣ; она лишилась прежнихъ побудительныхъ причинъ и не имѣетъ другихъ, равносильныхъ. Всѣ внѣшнія условія войны—на лицо, а самая война все болѣе удаляется отъ народнаго духа, отъ привычныхъ понятій, отъ всего строя жизни. Народы ждутъ мирнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ; но господствующіе еще ошибочные взгляды на выгоды и интересы государствъ толкаютъ ихъ на путь вреднаго односторонняго соперничества, мѣшая взаимному пониманію и уступчивости.

Проза жизни народовъ — всецѣло на сторонѣ постояннаго международнаго мира; только фальшивая поэзія высказывается иногда за войну. Въ первые мѣсяцы франко-прусской кампаніи нѣмецкіе патріоты успѣли сочинить и напечатать около двухъ тысячъ восторженныхъ стихотвореній, въ которыхъ на разные лады воспѣвается сила меча и страсть къ крови [1]). Конечно, такая кровожадность имѣла въ себѣ много сочиненнаго, напускного, такъ какъ проявлялась она главнымъ образомъ людьми, сидѣвшими спокойно по домамъ и въ разныхъ редакціяхъ; но несомнѣнно, что въ извѣстные моменты можетъ быть вызвано въ обществѣ настроеніе не только воинственное, но и ожесточенное. Эти воинственные международные порывы совершенно чужды трудящемуся населенію, особенно сельскому, мирному по натурѣ и по привычкамъ: оно не восторгается войною и не находитъ величія въ кровопролитіи, какъ это мѣтко выражено въ одной изъ нашихъ народныхъ былинъ:

Да не честь же, не хвала богатырю,
Для-ради утѣхи молодецкія
Проливать безвинну человѣчью кровь,
Обездоливать семейку богатырскую,

---

[1]) См. Huyssen, Die Poesie des Krieges, стр. 203 и сл.

Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
А мужикъ Микула Селяниновичъ
И не тянется ва славой богатырскою:
Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою...

Въ случаѣ новой франко-прусской кампаніи, едва ли будутъ даже и въ Германіи воспѣвать войну, не обѣщающую ничего, кромѣ напраснаго истощенія и побоища. Печальный политическій опытъ и болѣе трезвый взглядъ на будущее приводятъ къ тому же результату, какой дается естественнымъ нравственнымъ чувствомъ человѣка.

Война сдѣлалась прозаичною съ тѣхъ поръ, какъ порвалась связь ея съ основами быта народовъ; она стала дѣломъ холодной науки и кабинетнаго разсчета. Новый типъ полководца, олицетворяемый графомъ Мольтке, даетъ мало пищи воображенію; а блестящіе исполнители, въ родѣ Скобелева, не могутъ существенно вліять на общій ходъ и планъ кампаніи. Порывы личнаго мужества и самоотверженія исчезаютъ въ грандіозной картинѣ, обнимающей дѣйствія стотысячныхъ массъ при грохотѣ сотенъ орудій: каждый чувствуетъ себя ничтожною пѣшкою, отъ которой требуется только одно — ежеминутная готовность умереть отъ невидимой руки, разносящей смерть вокругъ. Сражающіеся рѣдко видятъ непріятеля лицомъ къ лицу; оттого благородныя военныя страсти обречены дѣйствовать какъ бы въ пустомъ пространствѣ, и нѣтъ мѣста непосредственному чувству вражды и антипатіи, задора и борьбы, когда противники бьютъ другъ друга на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Оттого легче чѣмъ когда-либо могутъ устраиваться войны братоубійственныя, какъ, напримѣръ, между Сербіею и Болгаріею, между нѣмцами австрійскими и прусскими въ 1866 году, и т. п.,—гдѣ обѣ стороны не желаютъ воевать и тѣмъ не менѣе воюютъ усердно, издали, опасаясь близкихъ встрѣчъ, при которыхъ люди могли бы невольно смутиться. Вмѣсто прежнихъ рыцарскихъ качествъ, теперь цѣнятся выше всего практическія достоинства, довольно прозаическія по характеру, — обдуманность и предусмотрительность руководителей, аккуратность и добросовѣстность исполненія, честность интендантства, разсчетливость и запасливость казна-

чейства. Поддержаніе военныхъ добродѣтелей въ обществѣ не достигается приготовленіями къ войнѣ: военныя доблести вѣрнѣе всего поощрялись бы добровольными столкновеніями или единоборствами между воинственными патріотами различныхъ странъ. Такія единоборства давали бы вполнѣ справедливый и естественный выходъ тѣмъ инстинктамъ героизма, которые столь часто овладѣваютъ политическими и газетными дѣятелями въ Европѣ.

XIV.

Отсутствіе цѣлей и мотивовъ для наступательныхъ войнъ между культурными націями.—Всеобщія стремленія къ оборонѣ при отсутствіи нападающихъ.—Случаи внезапной паники; ложный патріотизмъ и дипломатія.—Три періода въ исторіи права войны.

Давно уже нѣтъ въ Европѣ такого народа, который занимался бы воинственными набѣгами на чужія страны и грозилъ бы безопасности мирныхъ сосѣдей; а между тѣмъ, всѣ говорятъ о необходимости обороны, о средствахъ защиты и нападенія. Кто нападетъ и отъ кого обороняться, при настоящемъ образѣ жизни европейцевъ,—вотъ основная загадка, которую не можетъ разрѣшить современная международная политика. Ни одно государство не думаетъ, повидимому, о наступательныхъ войнахъ; воинская повинность повсюду разумѣется въ смыслѣ обязанности „защищать отечество“, и нигдѣ нѣтъ рѣчи о долгѣ гражданъ—нападать, дѣлать нашествія и набѣги. Каждый народъ въ отдѣльности готовится къ войнѣ оборонительной, а всѣ вмѣстѣ дѣйствуютъ такимъ образомъ, точно собираются напасть другъ на друга или ждутъ внезапнаго столкновенія между арміями.

Если некому играть роль нападающаго, то чѣмъ же вызваны общія заботы о защитѣ? Одинъ приписываетъ другому опасные замыслы и вооружается ради этого съ головы до ногъ; другой, въ свою очередь, видитъ въ этихъ вооруженіяхъ ясный признакъ вражды и усиливается также не отстать отъ соперника; третьи по-неволѣ слѣдуютъ примѣру первыхъ, чтобы быть готовыми „на всякій случай“. Такъ развивается и крѣп-

нетъ система взаимной боязни и враждебныхъ приготовленій, не имѣя никакой основы въ жизни и интересахъ народовъ. Французы убѣждены, что нѣмцы постоянно грозятъ имъ войною; нѣмцы увѣрены, что имъ угрожаетъ Франція,—и обѣ стороны одинаково мечтаютъ о прочномъ мирѣ, непрерывно готовясь къ борьбѣ. Въ Россіи опасаются, что противъ нея собирается въ походъ Германія; а нѣмцы вѣруютъ, что русскіе стремятся подорвать ихъ національное существованіе и уничтожить ихъ имперію,—хотя оба народа живутъ мирнымъ трудомъ и не имѣютъ никакого повода желать зла сосѣдямъ. Многіе считаютъ теперь Германію главною представительницею господства силы въ Европѣ, а у нѣмцевъ господствуетъ убѣжденіе, что объединенная нѣмецкая нація есть важнѣйшій элементъ миролюбія и справедливости въ международныхъ дѣлахъ. Послѣ окончанія франко-прусской войны, въ одномъ изъ берлинскихъ *научныхъ* журналовъ проводилась мысль, что воинственность свойственна лишь народамъ не вполнѣ культурнымъ, и что народы преимущественно военные—французы и русскіе—обитаютъ „около границъ цивилизаціи“ [1]). Выходитъ такимъ образомъ, что нѣмцы нечаянно, противъ воли, воевали по очереди съ Даніею, Австріею и Франціею, и что наклонность къ военнымъ предпріятіямъ свойственна вовсе не имъ, а русскимъ, спокойно сидѣвшимъ у себя дома въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, со времени крымской войны. Желаніе поставить французовъ внѣ границъ цивилизаціи столь же забавно со стороны нѣмецкаго теоретика, какъ и противоположное увлеченіе французскихъ писателей, представлявшихъ Пруссію разбойничьимъ лагеремъ, гнѣздомъ голодныхъ варваровъ, готовыхъ накинуться на Францію, чтобы вновь ограбить ее на досугѣ. Это были, правда, отголоски настроенія, вызваннаго тяжелыми событіями 1870—71 годовъ, и въ настоящее время ни пруссаки не относятся пренебрежительно къ французамъ, ни французы не ошибаются насчетъ культурности нѣмцевъ; но тѣ и другіе попрежнему находятся въ странномъ ослѣпле-

[1]) „Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte“, Berl., 1873, Bd. III, „Staat und Krieg“, von A. Lammers, стр. 23 и сл.

піи относительно причинъ и мотивовъ взаимной вражды. Судя по тому, какъ изображается дѣло съ обѣихъ сторонъ, можно заключить, что обѣ стороны только оборонялись одна отъ другой, и что ни одна изъ нихъ не признаетъ себя отвѣтственною за войну 1870 года. Между прочимъ, французы видятъ какой-то новый нѣмецкій принципъ въ извѣстномъ изреченіи, „что сила выше права“; они повторяютъ эти слова съ горькимъ укоромъ по адресу побѣдителей, какъ будто они сами держались другого правила въ прежнихъ своихъ войнахъ, въ періодъ успѣховъ и побѣдъ.

Когда всѣ хотятъ лишь защищаться и никто не думаетъ нападать, то война или совершенно невозможна, или является какимъ-то колоссальнымъ недоразумѣніемъ. Подозрѣвая насъ въ непріязненныхъ намѣреніяхъ, о которыхъ мы сами ничего не знаемъ, нѣмцы могутъ рѣшиться заранѣе принять оборонительныя мѣры и напасть на насъ въ видахъ самозащиты; или наоборотъ, мы пожелали бы предупредить нѣмцевъ, приписывая имъ враждебные планы относительно Россіи,—и война возгорѣлась бы только по взаимному непониманію и недовѣрію. Каждая изъ воюющихъ сторонъ считала бы, что для нея дѣло идетъ только о защитѣ; а между тѣмъ предполагаемая опасность, ради которой люди бросились рѣзать другъ друга, была только мнимая и не существовала вовсе въ дѣйствительности. Борьба съ призраками кончается страшнымъ кровопролитіемъ, въ основѣ котораго лежитъ недоразумѣніе. Бываютъ случаи международной паники, охватывающей мирные народы и кидающей ихъ въ безсмысленную рѣзню, — подобно тому, какъ люди давятъ и топчутъ другъ друга подъ вліяніемъ ужаса, вызваннаго крикомъ: „пожаръ!“ въ наполненномъ публикою зданіи.

Дипломатія безсильна противъ этихъ убійственныхъ явленій; она сама отчасти порождаетъ ихъ своею традиціонною лживостью, своимъ бездушнымъ формализмомъ, отсутствіемъ принциповъ, готовностью слѣдовать за фактами, а не предупреждать или предвидѣть ихъ. Чтобы судить о состояніи политическаго барометра, общество прислушивается къ чему угодно,—къ отзывамъ газетъ, къ журнальной полемикѣ, къ застольнымъ

или привѣтственнымъ рѣчамъ, къ колебаніямъ биржевой игры,— и меньше всего обращается при этомъ вниманіе на успокоительныя заявленія дипломатіи. Такъ какъ дипломатамъ данъ языкъ для того, чтобы скрывать свои мысли, то они исполняютъ свою функцію самымъ легкимъ образомъ, ограничиваясь краснорѣчивымъ молчаніемъ или ничего незначущими фразами даже въ критическіе моменты международной политики. Въ періодъ замѣшательства или кризиса общественное мнѣніе предоставлено на произволъ крикливыхъ патріотовъ, которые стараются возбудить панику въ публикѣ не столько изъ своекорыстныхъ побужденій, сколько изъ страсти къ шумному успѣху и изъ желанія выставить передъ всѣми необычайную силу своего патріотическаго чувства. Патріотизмъ, выражаемый въ словахъ и въ печати, легко доходитъ до рѣшимости жертвовать чужою кровью, и возгласы о войнѣ, исходящіе изъ пустыхъ и лживыхъ устъ, находятъ поддержку въ цѣломъ рядѣ фантастическихъ представленій и въ весьма распространенномъ невѣжествѣ массъ. Кровавое недоразумѣніе обрушивается на голову народа, и историкъ спѣшитъ занести на страницы своей лѣтописи великое событіе, вновь напоминающее о дѣлахъ давно минувшихъ дней, когда войны имѣли въ Европѣ общепонятный смыслъ и опредѣленную цѣль.

Въ исторіи того явленія, которое обнимается словомъ „война“, мы отмѣтили выше три періода: въ первомъ—военная предпріимчивость доставляетъ выгоды и правителямъ, и народамъ; во второмъ—войны кажутся выгодными и почетными для государствъ, но разоряютъ народы; въ третьемъ — войны не приносятъ уже никакихъ выгодъ ни государствамъ, ни народамъ, и доводятъ истощеніе тѣхъ и другихъ до невыносимой степени. Чѣмъ менѣе нужна война, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе поглощаетъ она средства и силы народа. И это понятно: чѣмъ большій страхъ внушаетъ она самою возможностью своего появленія, тѣмъ больше усилій дѣлается для избѣжанія ея посредствомъ вооруженій, способныхъ будто бы удерживать друзей и недруговъ въ состояніи почтительнаго мира. Когда войны были явленіемъ обычнымъ и закоснымъ, онѣ не обременяли людей въ мирное время; а теперь онѣ гнетутъ населеніе не-

прерывно, и тяжесть ихъ становится тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ рѣже онѣ случаются и чѣмъ менѣе онѣ нужны. Напрасно люди утѣшаютъ себя старою пословицею: „если хочешь мира, готовься къ войнѣ“ (si vis pacem, para bellum). Это правило имѣло практическое основаніе, пока миръ былъ въ сущности только перемиріемъ и завоевывался еще силою оружія; но оно утратило всякій смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ миръ сдѣлался нормальнымъ состояніемъ культурныхъ народовъ. Готовиться къ войнѣ для сохраненія мира, который только и нарушается военными приготовленіями, при установившемся порядкѣ международныхъ связей,—значитъ вертѣться безнадежно въ заколдованномъ кругѣ. Если постоянный миръ есть общій интересъ народовъ, то какимъ образомъ могутъ вести къ этой цѣли вѣчныя приготовленія къ войнѣ? То, что когда-то было мудростью, превратилось теперь въ рядъ грубыхъ софизмовъ, совершенно непримѣнимыхъ къ современнымъ условіямъ жизни.

XV.

Историческія метаморфозы военной повинности. — Превращеніе королевскихъ армій въ національныя. -Всеобщая воинская повинность и ея вліяніе на народную жизнь въ западной Европѣ.

Тѣнь войны, сопутствовавшая миру, обходится несравненно дороже, чѣмъ настоящій военный режимъ, господствовавшій въ прежнее время. Въ періодъ процвѣтанія войны, какъ способа пріобрѣтенія и возвеличенія, общее участіе въ военныхъ предпріятіяхъ составляло скорѣе право и преимущество, чѣмъ повинность. Кто не участвовалъ въ походѣ, тотъ не имѣлъ доли въ добычѣ. Войска собирались для опредѣленной цѣли и распускались по домамъ, послѣ окончанія дѣла. Позднѣе, при государственномъ или правительственномъ характерѣ войнъ, обязанность службы существовала только для извѣстнаго класса лицъ, владѣвшихъ помѣстьями подъ этимъ условіемъ; армія наполнялась крѣпостными по выбору феодальныхъ владѣльцевъ или подвластныхъ имъ общинъ. Такъ называемые „солдаты“ (отъ слова „solde“—денежное жалованье) были просто наем-

никами, изъ которыхъ короли составляли себѣ особые отряды для пріобрѣтенія большей свободы дѣйствій по отношенію къ сеньорамъ и къ массѣ населенія вообще. Вербовались не только охотники изъ туземцевъ, но и особенно иностранцы. Во Франціи, съ начала XIV вѣка, короли широко пользовались содѣйствіемъ иноземныхъ солдатъ, готовыхъ за деньги идти куда угодно и убивать кого угодно. Въ битвѣ при Креси (1346 г.), Филиппъ IV Валуа имѣлъ въ своемъ распоряженіи около пятнадцати тысячъ генуэзцевъ. Людовикъ XI долженъ былъ уже отмѣнить военную барщину и ограничиться системою вербовки; онъ искалъ солдатъ тамъ, гдѣ они дешевле и лучше, и находилъ ихъ преимущественно между швейцарцами и шотландцами. Во французскихъ междоусобіяхъ XVI вѣка участвовали въ большомъ количествѣ наемные нѣмцы, со стороны обоихъ лагерей. До Людовика XIV армія почти исключительно состояла изъ волонтеровъ, двѣ трети которыхъ набирались во Франціи, а одна треть—за границею. Посредники по найму солдатъ получали извѣстную премію. Еще въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка издавались указы, которыми строго запрещалось зачислять въ ряды войска людей, не выразившихъ на то своего положительнаго согласія. Только подъ вліяніемъ крайней необходимости, Людовикъ XIV рѣшился сдѣлать попытку возстановленія военной повинности, хотя въ незначительной мѣрѣ; онъ назначилъ новой „милиціи“ хорошее жалованье и предоставилъ ей разныя льготы. Эта временная мѣра, по обыкновенію, превратилась въ постоянную; но все-таки милиція составляла не болѣе пятой части всей арміи, до самаго конца стараго режима [1]).

Противъ рекрутчины возставали съ разныхъ сторонъ; въ ней видѣли худшій видъ барщины, несправедливый и тяжелый налогъ, нарушеніе человѣческихъ правъ и даже ненужное бремя для казначейства. Знаменитый Тюрго заявлялъ, что теорія всеобщей военной повинности есть только громкая фраза. По мнѣнію философа Кондорсэ, къ современнымъ народамъ

---

[1]) P. Daniel, „Histoire de la milice française“. Ср. G. de Molinari, „L'évolution politique et la révolution“ (P., 1884), стр. 251—5, примѣч.

непримѣнимо правило древнихъ племенъ, по которому всѣ граждане призывались къ оружію; онъ считаетъ принудительный наборъ варварскою системою, дающею притомъ весьма плохихъ солдатъ, ибо не можетъ быть хорошимъ воиномъ тотъ, кто служитъ противъ воли. Принципъ военной повинности былъ единодушно осужденъ французскимъ національнымъ собраніемъ 1789 года, но только для того, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ возродиться вновь съ небывалою силою, въ болѣе усовершенствованномъ демократическомъ видѣ.

Когда государство олицетворялось королевскою властью, интересы которой были чужды и иногда враждебны народу, рекрутчина имѣла значеніе произвольной и несправедливой тягости. Политическія цѣли и предпріятія королей имѣли очень мало общаго съ потребностями мирныхъ населеній; государство было для народа чѣмъ-то внѣшнимъ, постороннимъ. Король, провозгласившій формулу: „государство—это я“, констатировалъ лишь фактъ полнаго разрыва между государственною жизнью и народною. Государство, сосредоточенное въ одномъ лицѣ, существуетъ какъ бы внѣ народа, давая о себѣ знать взысканіемъ податей и повинностей, разоряющихъ и раздражающихъ населеніе; всякое лишнее или непривычное бремя могло возбудить непріязненныя чувства и фактическое противодѣйствіе среди мирныхъ обывателей. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ правителей, народу не было дѣла до того, что̀ предпринимало государство въ лицѣ короля; нельзя было поэтому и требовать, чтобы народъ добровольно расплачивался за то, что̀ вовсе его не касалось по мнѣнію самой власти. Революція совершенно измѣнила значеніе и роль государства;—послѣднее слилось съ народомъ, который въ свою очередь могъ сказать: „государство—это мы“. Интересы республики признавались общенародными интересами, и то, что̀ крайне неохотно дѣлалось безправными подданными, превратилось въ обязательный долгъ свободныхъ гражданъ. Этимъ объясняется та легкость, съ какою могла быть возстановлена принудительная военная повинность, вызывавшая горячіе и единодушные протесты нѣсколькими годами раньше. Жертвы, которыхъ невозможно было требовать во имя принциповъ: „l'état—c'est moi“

и „après nous le déluge“, безъ всякихъ затрудненій возлагались на страну отъ имени цѣлой націи, въ лицѣ ея выборныхъ представителей. Нація нуждалась въ защитѣ, и естественно было всѣмъ и каждому принять живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Кто уклонялся отъ исполненія гражданскаго долга, тотъ былъ измѣнникомъ, солидарнымъ съ врагами отечества; суровыя кары грозили не только самимъ уклонявшимся, но и ихъ роднымъ.

Система конскрипціи позволяла республикѣ выставлять громадныя арміи, обновляя ихъ постоянно изъ неисчерпаемаго запаса многомилліоннаго населенія. Не приходилось уже беречь солдатъ, нанятыхъ съ трудомъ; не нужно было разсчитывать, сколько жизней будетъ стоить предполагаемое сраженіе, и полководцы могли свободно кидать въ огонь тысячи людей, которые даромъ доставались государству и легко замѣнялись толпами свѣжихъ рекрутъ. Военная тактика измѣнилась коренным образомъ; возможность дѣйствовать крупными массами и не обращать вниманія на потери принесла великую славу французскимъ генераламъ и подготовила деспотическій режимъ Бонапарта. Національное самоотверженіе въ эпоху оборонительныхъ войнъ дало сильнѣйшее оружіе противъ республики, и полноправные граждане, попавшіе въ армію, очутились въ нелестной роли „пушечнаго мяса“, бросаемаго безъ счета, ради славы и могущества корсиканскаго героя. Мнимо-демократическая идея общегражданской воинской повинности послужила основою для водворенія новой личной власти, похоронившей подъ собою всѣ возвышенныя иллюзіи бойцовъ свободы и равенства. Наполеонъ не щадилъ солдатъ, ссылаясь цинично на плодовитость французскихъ женщинъ, которыя „приготовятъ ихъ больше, чѣмъ ему нужно“, точно люди родятся спеціально для истребленія, въ видѣ простого матеріала для битвъ. Бонапартъ одерживалъ побѣды „цѣною десяти тысячъ жизней въ часъ“, какъ выражался о немъ генералъ Моро. Болѣе двухъ милліоновъ человѣкъ погибло въ этихъ жестокихъ войнахъ, и жертвами были не прежніе наемники, набиравшіеся изъ самыхъ низменныхъ, лѣнивыхъ и распущенныхъ элементовъ общества, а лучшія молодыя силы страны. Истребленъ былъ цвѣтъ населенія,

и народъ ослабѣлъ отъ потери крови; самый типъ французскій понизился надолго. Революція прошла, и исчезъ кровавый миражъ имперіи; но обязательная военная барщина осталась и была усвоена другими государствами Европы. Принципъ пренебреженія къ количеству жертвъ вошелъ въ военную науку и сдѣлался чуть ли не аксіомою [1]).

Введеніе общей воинской повинности считается обыкновенно великимъ прогрессомъ въ духѣ демократіи; многіе убѣждены, что армія, представляющая собою вооруженную націю; можетъ служить только цѣлямъ народнымъ, объединяя сословія и обезпечивая миръ. Это одна изъ тѣхъ иллюзій, которыя заставляютъ видѣть лишь маленькій уголокъ предмета, не замѣчая важнѣйшихъ его сторонъ. Если вся здоровая молодежь страны отрывается отъ производительной работы, отъ семейныхъ и родственныхъ связей, и содержится въ казармахъ на счетъ остального населенія, то государство подвергнуто трудному испытанію, которое превращается въ хроническій тяжелый недугъ. Этимъ недугомъ страдаютъ почти всѣ могущественныя державы, за исключеніемъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Невозможно опредѣлить ущербъ, причиняемый народамъ системою постоянныхъ наборовъ. Самые крѣпкіе и рослые люди обречены на безбрачіе въ лучшую пору жизни; люди слабосильные, болѣзненные или старые пользуются привилегіею имѣть семейную жизнь и производить потомковъ для будущихъ поколѣній. Національный типъ вырождается и мельчаетъ; безбрачіе военныхъ вызываетъ развратъ и вноситъ порчу въ семейные нравы народа. Упадокъ характеровъ въ современной континентальной Европѣ объясняется именно устраненіемъ наиболѣе энергическихъ и здоровыхъ элементовъ отъ участія въ правильной общественной жизни, а духъ энергіи и независимости, отличающій англичанъ и американцевъ, могъ укрѣпиться у нихъ только при отсутствіи рекрутчины. Политическій бытъ Англіи едва ли обнаруживалъ бы такую кипучую и бодрую жизненность, еслибъ ея граждане обязательно проводили нѣ-

[1]) Покойный Скобелевъ, какъ намъ передавали, выражалъ это правило приблизительно въ слѣдующей формѣ: „когда нѣтъ битвы, береги солдата, какъ невѣсту; въ бою употребляй ихъ какъ дрянь".

сколько лѣтъ въ казармахъ и еслибъ всѣ эти Гладстоны и Биконсфильды, Чамберлэны и Черчилли рисковали въ молодости пройти солдатскую школу.

Желаніе избѣгнуть повинности, разстраивающей часто всю жизнь человѣка, побуждаетъ людей не только радоваться болѣзнямъ и уродствамъ, но и создавать эти недостатки искусственно. „Кто изъ родителей — спрашивалъ „Современникъ“ 1861 года — будетъ благодарить Бога: тѣ ли, у которыхъ дѣти молодцы по росту и здоровью, или тѣ, у которыхъ дѣти имѣютъ нѣкоторые недостатки — кривошеи, кривоноги, золотушны? Мать во время набора благословляетъ судьбу свою за то, что у нея сынъ малорослъ или кривошей. Странное положеніе общества, въ которомъ родители радуются тому, что ихъ дѣти уроды!“ [1]) Во Франціи одинъ новобранецъ судился за покушеніе на убійство отца: онъ хотѣлъ остаться старшимъ сыномъ вдовы, чтобы быть свободнымъ отъ военной службы. Положеніе солдата было до послѣдняго времени столь тягостно и низко, что оно назначалось, между прочимъ, какъ суровое наказаніе за извѣстнаго рода поступки. Повинность, мало чувствительная для чернорабочаго, ложится тяжелымъ гнетомъ на человѣка, привыкшаго къ другимъ условіямъ жизни. „И дѣйствительно, — говоритъ профессоръ Сидоренко въ спеціальномъ изслѣдованіи о рекрутчинѣ,—пока не найдены средства облегчить службу солдата такъ, чтобы поступленіе въ нее не производило рѣшительнаго переворота въ жизни человѣка и чтобы отправленіе ея не было въ полномъ разладѣ съ потребностями людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ удобствами жизни и нравственно-развитыхъ, до тѣхъ поръ личная рекрутская повинность для такихъ людей, принадлежащихъ обыкновенно къ высшимъ классамъ, была бы просто невыносима. Это была бы жертва крайне нецѣлесообразная, порча жизни, въ числѣ прочихъ, и тѣхъ, которые безъ того могли бы принести обществу гораздо бо́льшую пользу... Призывая къ военной службѣ и такихъ людей, которые не имѣютъ ни вполнѣ соотвѣтственныхъ способностей, ни склонности къ ней, и которые могли бы быть гораздо полез-

[1]) См. Гр. Сидоренко, „Рекрутская повинность“, ч. I (Кіевъ, 1869 г.), стр. 81.

нѣе въ другихъ сферахъ дѣятельности, конскрипція нарушаетъ нормальное распредѣленіе рабочихъ силъ въ обществѣ еще больше, нежели рекрутскіе наборы изъ однихъ низшихъ классовъ, и тѣмъ гибельно отзывается на производительности страны".

Внѣшнее неравенство, на которое указываетъ авторъ, далеко не столь важно, какъ внутренняя неравномѣрность, зависящая отъ особенныхъ свойствъ системы. Здоровые отдаютъ больше, чѣмъ все свое состояніе,—они отдаютъ свою личность и жизнь; а неспособные почему-либо къ службѣ получаютъ премію за свою негодность и совсѣмъ не привлекаются къ участію въ исполненіи повинности, хотя бы въ формѣ денежныхъ взносовъ. Признанные годными подвергаются еще особой игрѣ слѣпого случая; судьба ихъ рѣшается жребіемъ: одни уходятъ почти свободные, другіе забираются въ дѣйствующую армію. Такимъ образомъ, „бремя, которое должны нести всѣ, тяготѣетъ исключительно на нѣкоторыхъ", по справедливому замѣчанію г. Сидоренко. „Находясь чрезъ это въ полномъ разладѣ съ принципомъ равномѣрности государственныхъ налоговъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—рекрутская повинность не согласуется съ нимъ и при распредѣленіи между лицами, обрекаемыми на отправленіе ея: она падаетъ на нихъ какъ поголовный налогъ, отличаясь только тѣмъ, что назначается лотерейнымъ способомъ, отправляется натурою и превосходитъ по тяжести всѣ другіе налоги". Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Сидоренко, что обязанность военной службы должна быть поставлена совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время. „Принуждая потребное число людей къ военной службѣ, государство должно оплачивать эту службу полнымъ вознагражденіемъ, по общей денежной оцѣнкѣ, изъ сборовъ со всего народа. Человѣкъ, обладающій качествами, нужными для солдата, можетъ быть принужденъ служить въ военной службѣ, точно также какъ землевладѣлецъ можетъ быть принужденъ къ уступкѣ земли или дома, лежащихъ на линіи желѣзной дороги; но въ то же время солдату должно быть выдаваемо не только нынѣшнее скудное содержаніе, разсчитанное лишь на поддержаніе жизни, но и вознагражденіе изъ общихъ средствъ, полу-

чаемое теперь замѣстителями отъ замѣщаемыхъ". Разумѣется, сравнивать рекрутскую повинность съ экспропріаціею невозможно, и мысль о большихъ жалованьяхъ солдатамъ не только неосуществима, но и несправедлива по отношенію къ бѣднымъ плательщикамъ податей; гораздо проще тогда вернуться къ системѣ добровольной вербовки, самой разумной по нравственнымъ и экономическимъ соображеніямъ, хотя и неудобной въ смыслѣ финансовомъ [1]). Удобство нынѣшняго порядка — какъ говоритъ далѣе г. Сидоренко — есть не что иное, какъ удобство доведенія народныхъ силъ въ ихъ служеніи цѣлямъ государства до извѣстнаго напряженія, безъ вниманія къ тому, совмѣстимо ли оно съ правильнымъ развитіемъ этихъ силъ. Подобное расходованіе основного капитала, какъ всякое хищническое хозяйство, ведетъ, конечно, къ цѣли, но въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своихъ оно ведетъ естественно къ банкротству [2]).

Всеобщая воинская повинность игнорируетъ различія качествъ и способностей, употребляетъ дорого-стоющія силы тамъ, гдѣ нужны самыя дешевыя, и содѣйствуетъ растратѣ драгоцѣннѣйшихъ достояній народа безъ видимой пользы для дѣла. Войско, составленное безразлично изъ всѣхъ слоевъ общества, можетъ оказаться весьма многочисленнымъ; но оно все-таки будетъ лишь дисциплинированною толпою, неспособною устоять противъ натиска закаленныхъ бойцовъ. Армія, пополняемая вербовкою, всегда будетъ болѣе крѣпкою боевою силою, чѣмъ войско, набранное изъ случайно попавшихся субъектовъ; въ этомъ убѣдились французы при первой имперіи, когда англичане наносили имъ тяжелые удары при меньшемъ числѣ солдатъ. Современный способъ войны заключается въ томъ, чтобы подавляющимъ перевѣсомъ числа замѣнять недостатокъ внутренней прочности и выдержки войскъ; а чтобы имѣть какъ можно больше войскъ, приходится сокращать срокъ службы и дѣлать ее возможною для всѣхъ, въ ущербъ боевому характеру арміи. Уровень военныхъ качествъ понижается ради увеличенія чи-

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь объ обычныхъ наборахъ въ мирное время, а не о дѣйствительной оборонѣ, требующей участія всѣхъ и каждаго.

[2]) Тамъ же, стр. 130 и др.

сленности, и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ убыль въ народномъ хозяйствѣ отъ ухода работниковъ въ солдаты.

Страна, имѣющая милліонную армію, не только разоряется на ея содержаніе, но еще теряетъ громадную сумму средствъ, которыя вырабатывались бы этимъ милліономъ здоровыхъ рукъ. Военные бюджеты даютъ еще весьма слабое понятіе объ экономической сторонѣ милитаризма; къ нимъ нужно прибавить бюджеты другого рода, незамѣтные на поверхности и гораздо болѣе грозные, подкапывающіе корни народнаго благосостоянія, ведущіе къ вырожденію и безсилію. Отсюда болѣзненный кризисъ въ большинствѣ государствъ, вызывающій напрасныя цѣлебныя попытки наружнаго свойства, то въ видѣ мѣръ бюрократическаго соціализма, то въ видѣ запретительныхъ пошлинъ, то наконецъ въ видѣ преслѣдованія парламентаризма и радикальныхъ идей. Между тѣмъ, болѣзнь развивается свободно, ибо настоящія ея причины дѣйствуютъ все сильнѣе и глубже, по мѣрѣ распространенія отрицательныхъ плодовъ всеобщей рекрутчины. Само собою разумѣется, что при существующемъ враждебномъ соперничествѣ между государствами трудно ожидать сознательнаго отреченія отъ системы, дающей многочисленныя и легко собираемыя арміи.

Люди, готовые увлекаться словами, находятъ нѣчто заманчивое въ предполагаемомъ общенародномъ духѣ войска, при дѣйствіи принципа всеобщей принудительной службы. Но военная дисциплина и военные законы быстро пріучаютъ солдата къ одному только духу — слѣпого повиновенія, обязательнаго для регулярной арміи. Демократическое французское войско бомбардировало Парижъ и сражалось съ парижанами не менѣе усердно, чѣмъ сами пруссаки; этотъ подвигъ версальцевъ, руководимыхъ Макъ-Магономъ и Дюкро, могъ быть совершенъ только благодаря процвѣтанію извѣстныхъ особенностей милитаризма. Политическое воспитаніе народа получаетъ весьма опредѣленную окраску, когда все мужское населеніе проходитъ черезъ горнило воинской повинности. А простодушные писатели повторяютъ по этому поводу избитыя фразы о прогрессѣ и привѣтствуютъ какую-то воображаемую всесословную демократію! Общественныя перегородки не только не утрачиваютъ

своей силы въ рядахъ арміи, но напротивъ, укрѣпляются сословнымъ характеромъ офицерства, обычнымъ порядкомъ повышеній и существованіемъ привилегированныхъ полковъ и видовъ оружія.

И всѣ тягости и невзгоды, связанныя съ системою общеобязательной военной службы, перепосятся не для цѣлей войны, не для какого-либо великаго политическаго предпріятія, а для неопредѣленнаго выжиданія, которое можетъ длиться десятки лѣтъ и котораго ни одно государство не хочетъ нарушить. Въ этомъ и состоитъ ненормальность установившагося вооруженнаго мира въ Европѣ.

XVI.

Неясность политическихъ программъ. — Ложныя представленія и иллюзіи относительно войны. — Побѣда, какъ признакъ могущества. — Сравненіе войны съ очистительною грозою. — Воспитательное значеніе войны. — Военные подвиги и ихъ невоенные хвалители.

Если какой-либо народъ имѣетъ положительныя цѣли, могущія быть достигнутыми только войною, то онъ могъ-бы предпринять ее въ удобный для себя моментъ, съ надлежащими силами и при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ; нерѣдко для этого достаточно однихъ добровольцевъ, которыхъ всегда найдется въ нужномъ количествѣ подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго общественнаго возбужденія. Но скрывать свои цѣли для неизвѣстнаго будущаго, пока случайный толчокъ не произведетъ взрыва въ ту или другую сторону, — значитъ предоставить себя на волю судьбы и отказаться отъ какой бы то ни было разумной политики. Дипломаты по профессіи, заправляющіе международными дѣлами кабинетовъ, рисуютъ положеніе Европы въ весьма своеобразномъ видѣ: между прочимъ, идеаломъ для оффиціальной Россіи оказывается неизмѣнный status-quo на Востокѣ, съ сохраненіемъ турецкой власти надъ греками и славянами, надъ Дарданеллами и Босфоромъ. Наша положительная программа въ дѣлахъ внѣшнихъ, если она существуетъ, остается предметомъ догадокъ; мы отдаемся теченію, и сами

не знаемъ, куда оно приведетъ насъ, ибо очень многое разсчитано „на всякій случай". Такая политика ведется изо дня въ день, „отъ случая до случая", въ большей части великихъ державъ. Не логичнѣе ли было бы выяснить прямо, что̀ нужно каждому государству и чего оно въ силахъ достигнуть, а затѣмъ размежеваться приблизительно, для устраненія напрасныхъ войнъ, и сразу покончить съ назрѣвшими вопросами? Безконечная дипломатическая игра, никого не обманывающая и ни къ чему не ведущая, гораздо вреднѣе для общаго европейскаго мира, чѣмъ открытое преслѣдованіе точно опредѣленныхъ цѣлей. При отсутствіи ясной программы, рѣшающая роль принадлежитъ случайному сцѣпленію событій и недоразумѣній: случай могъ толкнуть насъ въ войну съ Англіею, абсолютно намъ ненужную; случай можетъ поссорить насъ съ Германіею, безъ малѣйшей въ томъ надобности. Не пора ли освободиться отъ господства случайностей въ области важнѣйшихъ интересовъ государствъ и народовъ?

Такъ какъ государства должны руководствоваться здраво взвѣшенными интересами, а не чувствами и настроеніемъ, то въ политикѣ не могутъ имѣть мѣста тѣ мотивы, которые ведутъ къ дуэлямъ между частными лицами. Политическая или національная честь имѣетъ очень мало общаго съ общепринятыми понятіями о личной чести. Для цѣлаго народа не существуетъ ни обидъ, ни клеветъ, ни сплетенъ; эти источники полемики находятся въ полномъ и исключительномъ распоряженіи текущей журналистики. Когда оффиціально задѣта честь правительства, то споръ исчерпывается дипломатическими нотами, хотя бы самыми рѣзкими; наконецъ, возможны поединки заинтересованныхъ дѣятелей или ихъ приверженцевъ. Нелѣпо было бы посылать армію для наказанія иноземныхъ министровъ или парламентовъ; армія не найдетъ обидчиковъ, а встрѣтится съ массами постороннихъ людей, которыхъ нѣтъ причины убивать.

Необходимо очистить политику отъ ложныхъ представленій и опасныхъ иллюзій, столь часто превращавшихъ тѣнь войны въ дѣйствительность. Признаки или послѣдствія принимаются за сущность явленій, и это обычное смѣшеніе приво-

дить къ роковымъ ошибкамъ. Принято думать, что побѣда доставляетъ могущество; но она есть уже результатъ могущества, существовавшаго раньше, и которое напротивъ ослабѣло отъ напряженія и потерь. Человѣкъ не становится сильнѣе прежняго отъ того, что онъ вынесъ удары противника и успѣлъ одолѣть его послѣ тяжелой борьбы; такъ же точно государство не дѣлается болѣе могущественнымъ отъ того, что оно потеряло столько-то тысячъ людей, затратило столько-то сотенъ милліоновъ денегъ и обременило страну неоплатными долгами, добившись временнаго торжества на войнѣ. Могущество кончается, когда силы израсходованы для его проявленія и доказательства; классическое изреченіе: „еще одна побѣда, и мы погибли“—выражаетъ только общій фактъ, болѣе ярко выступающій въ одномъ случаѣ и менѣе замѣтный въ другомъ. Обезсиленный гладіаторъ, сразившій случайнаго врага, привѣтствуется толпою какъ побѣдитель, но онъ умираетъ отъ ранъ и истощенія. Въ государствѣ этотъ процессъ внутренней слабости не бросается въ глаза съ такою наглядностью; онъ развивается болѣе медленно и проявляется въ симптомахъ, не имѣющихъ повидимому никакой связи съ послѣдствіями военныхъ побѣдъ. Если говорятъ объ увеличеніи могущества послѣ успѣшной войны, то при этомъ имѣютъ въ виду скорѣе правительство, чѣмъ самое государство или народъ; слава и вліяніе, почести и награды достаются счастливымъ вождямъ, полководцамъ и министрамъ, окружая ихъ ореоломъ величія, въ то время какъ бѣдствія и раны даютъ себя долго чувствовать странѣ. Правители не могутъ уже считать преимуществомъ то, что добыто цѣною, слишкомъ дорогою для народа. Политическое вліяніе, пріобрѣтаемое военнымъ успѣхомъ, приноситъ мало реальныхъ выгодъ; оно увеличиваетъ кругъ заботъ и отвѣтственности, вызываетъ повсюду недовѣріе и подозрительность, заставляетъ правительство заниматься чужими дѣлами въ ущербъ собственнымъ задачамъ и создаетъ искусственную нездоровую атмосферу въ международныхъ отношеніяхъ. Правда, вліяніе и слава даютъ пищу національному самолюбію; но самый худшій видъ самолюбія — тотъ, который удовлетворяется побѣженіемъ противника. Народная гордость не должна питаться

человѣческими жертвами, когда она имѣетъ за собою великія умственныя силы, признанныя цѣлымъ міромъ; репутація нѣмецкаго народа достаточно освѣщалась такими именами, какъ Шиллеръ, Гёте, Кантъ и Гегель.

Войну сравнивали съ грозою, очищающею воздухъ отъ накопившагося электричества: буря проносится надъ страною, духота и застой исчезаютъ, общее оживленіе возвышаетъ души людей и даетъ просторъ благороднымъ порывамъ. Лучшія качества человѣка — готовность жертвовать собою, храбрость и мужество — получаютъ примѣненіе на войнѣ, какъ говоритъ графъ Мольтке. Но эти доводы имѣютъ гораздо бо́льшую силу, если вмѣсто войны взять какое-либо другое явленіе, менѣе ужасное,—напримѣръ, пожаръ или наводненіе. Грандіозные пожары несомнѣнно возбуждаютъ общество, вызываютъ геройскіе инстинкты, затрогиваютъ лучшія стороны человѣческой природы—рѣшимость помочь ближнему, самоотверженіе и мужество. Люди подвергаютъ свою жизнь опасности, чтобы спасти чужихъ женщинъ и дѣтей изъ горящаго зданія; прохожій, не задумываясь, кидается въ воду для спасенія утопающаго, и это дѣлается безъ обязательной повинности. безъ угрозы наказанія, безъ разсчета на повышенія, награды и отличія. Если нужно давать человѣку матеріалъ для упражненія въ хорошихъ чувствахъ и самоотверженныхъ порывахъ, то война — средство совсѣмъ неподходящее и неправдоподобное. Солдатъ не только отдаетъ свою жизнь, но и отнимаетъ ее у другихъ; онъ бьетъ врага, чтобы самому не быть убитымъ; онъ стрѣляетъ изъ-за прикрытія, чтобы попасть въ непріятеля безъ риска для себя; наконецъ, онъ умираетъ отъ руки человѣка, упражняющагося подобно ему въ дѣлѣ самоотверженія. Не вѣрнѣе ли и чище тѣ подвиги, которые сплошь и рядомъ совершаются добровольно во время естественныхъ бѣдствій? Есть военные писатели, доказывающіе серьезно, что война должна повторяться черезъ извѣстные періоды времени, для поддержанія геройскихъ качествъ въ народѣ; по крайней мѣрѣ, каждое поколѣніе могло бы имѣть свою войну, и внѣшній миръ продолжался бы не болѣе пятнадцати или двадцати лѣтъ. Въ такомъ случаѣ неизмѣримо лучше и благотворнѣе было бы устра-

вать пожары и наводненія, кулачные бои, вооруженные турниры; это обходилось бы и дешевле, безъ кровавыхъ ужасовъ и безъ опасности для государства. Предлагать настоящую борьбу народовъ въ видѣ простого упражненія, причемъ высокія военныя качества хоронились бы въ громадныхъ могилахъ, съ тысячами убитыхъ человѣческихъ тѣлъ,—можно ли придумать что-либо болѣе дикое и невѣроятное? Самая возможность подобныхъ теорій свидѣтельствуетъ о крайнемъ хаосѣ понятій; слово какъ будто отдѣлилось отъ мысли и превратилось въ пустой, безжизненный звукъ.

Обманчивая аналогія войны съ очистительною грозою отвергается теперь всѣми, не исключая и военныхъ писателей. Никто не станетъ уже утверждать, что кровопролитіе оживляетъ и возвышаетъ людей, спасительно дѣйствуетъ на нравы и вноситъ духъ энергіи и бодрости въ общественное сознаніе. Пробужденіе хищныхъ инстинктовъ, самоувѣренность и хвастливость, пренебреженіе къ мирному труду, безразборчивость въ средствахъ, склонность къ насилію, погоня за легкою наживою, — таковы, къ сожалѣнію, наиболѣе характерныя черты, выдвигаемыя успѣшною войною. Нравственная распущенность, овладѣвшая во Франціи высшими классами и правительствомъ послѣ военныхъ удачъ 1855 и 1859 годовъ, привела къ преступному увлеченію 1870 г., которое быстро окончилось позорнѣйшимъ крахомъ. Зданіе могущества и величія, предъ которымъ всѣ преклонялись въ Европѣ, рухнуло сразу, обнаруживъ внутреннюю гниль и пустоту; продолжительная иллюзія разсѣялась только благодаря національной катастрофѣ. Солидная трезвость прусскаго режима не охранила Германіи отъ нравственной порчи, порожденной кампаніею 1870—71 годовъ. Расхищеніе казны въ разныхъ видахъ и формахъ давно не производилось у насъ такъ открыто и успѣшно, какъ во время послѣдней турецкой войны; подъемъ народнаго духа, о которомъ говорили газеты, выразился въ цѣломъ рядѣ печальныхъ явленій. Разлагающее вліяніе войны настолько очевидно, что оно не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ.

Военные подвиги прославляются большею частью людьми, никогда не видавшими поля сраженія. Горацій красиво сказалъ,

что „сладко умирать за очечество“ (dulce et decorum est pro patria mori); но онъ не скрылъ отъ читателей, что самъ онъ въ битвѣ „трусливо бросилъ щитъ, и быстрый Меркурій унесъ его отъ врага“. Проповѣдники геройской смерти чаще всего стоятъ въ сторонѣ отъ опасности и разсчетливо берегутъ себя для болѣе полезнаго назначенія. Во время франко-прусской кампаніи имѣли у нѣмцевъ большой успѣхъ задорныя военныя пѣсни нѣкоего Кучке, „стрѣлка 40-го полка“. Газеты и журналы наперерывъ печатали грубыя стихотворныя похвальбы этого Кучке, придавая имъ особенное значеніе, какъ продуктамъ народной или солдатской поэзіи. Если въ рядахъ самой арміи находятся люди, относящіеся къ войнѣ съ веселымъ юморомъ, то это служитъ, конечно, признакомъ хорошаго настроенія. Но когда стали разыскивать интереснаго весельчака-солдата, то оказалось, что подъ именемъ Кучке воспѣвалъ войну мирный провинціальный священникъ. Любопытно, что сборникъ военной поэзіи, въ которомъ приведенъ этотъ фактъ, составленъ также пасторомъ [1]). Призваніе, наиболѣе чуждое воинственности и даже прямо ей враждебное, совмѣщается съ военно-патріотическими восторгами солдатскаго пошиба. Военный пылъ, проявляемый въ печати извѣстнаго направленія, пускается въ ходъ такими же поддѣльными Кучке; искренніе патріоты не проповѣдуютъ другимъ того, чего не дѣлаютъ сами.

XVII.

Шансы франко-германской войны.—Идея возмездія и доводы ея проповѣдниковъ. — Военныя силы нынѣшней Франціи. — Печальныя перспективы.

Въ какихъ безвыходныхъ противорѣчіяхъ вращается современное международное соперничество, можно видѣть изъ поучительной книги, надѣлавшей много шуму въ свое время и озаглавленной громко: „Avant la bataille“. На первой же страницѣ предисловія читаемъ: „битва неизбѣжна и армія готова“; и въ то же время авторъ доказываетъ, что Франція не объя-

[1]) G. Huyssen, „Die Poesie des Krieges und die Kriegs-Poesie“, стр. 232 и сл.

витъ войны и будетъ ждать нападенія Германіи. Другими словами, французы собрались съ силами, чтобы побѣдить нѣмцевъ; но они предоставляютъ послѣднимъ выбрать удобный моментъ, когда Германія будетъ еще болѣе готова разгромить Францію. Какой смыслъ можетъ имѣть готовность, не связанная съ опредѣленнымъ моментомъ и предоставленная усмотрѣнію противника? Устроивши все „до послѣдней пуговицы“ для ожидаемой битвы, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, воспользоваться своими преимуществами для немедленнаго выступленія въ походъ. Стоять цѣлые годы въ одинаково безукоризненномъ боевомъ напряженіи—немыслимо; рано или поздно явятся недочеты и передышки, за которыми будетъ зорко слѣдить непріятель. Ожидать чужихъ приготовленій и чужого почина въ борьбѣ—неразсчетливо и нелогично, когда существуетъ убѣжденіе, что „война необходима“. Если даже военные дѣятели, въ родѣ автора книги „Avant la bataille“, отклоняютъ отъ себя мысль о нападеніи на враждебную націю, то это подтверждаетъ лишь, что идея войны находится въ глубокомъ антагонизмѣ съ условіями культурной жизни и что сознаніе этой противоположности проникло уже въ среду элементовъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ поддержаніи военнаго духа и военныхъ традицій.

Книга „Avant la bataille“ написана лицомъ, стоявшимъ довольно близко къ французскому военному министерству; она отражаетъ въ себѣ господствующее настроеніе военно-патріотическихъ кружковъ и съ этой точки зрѣнія представляетъ для насъ большой интересъ. Въ ней собранъ богатый фактическій матеріалъ, почерпнутый изъ оффиціальныхъ источниковъ, относительно размѣровъ французскихъ вооруженій, состава и количества войскъ, и т. п. Книга посвящена извѣстной „лигѣ патріотовъ“, и президентъ этой лиги, поэтъ Деруледъ, написалъ предисловіе, въ которомъ высказалъ рядъ звонкихъ софизмовъ, обращенныхъ къ чувству, но не къ уму читателя. Напомнивъ изреченіе Гамбетты, что „нужно всегда думать о возмездіи и никогда не говорить о немъ“, Деруледъ считаетъ долгомъ прервать это молчаніе и воодушевить французовъ горячимъ призывомъ къ войнѣ. Толки о постепенномъ забвеніи прошлаго и о сбли-

женіи съ Германіею сильно возмущаютъ поэта. „Да,—говоритъ онъ,— сближеніе Франціи съ Германіею необходимо, но только посредствомъ оружія; да, оно будетъ полезно и плодотворно, но только путемъ побѣды. Въ какомъ положеніи живемъ мы цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, какъ не въ положеніи вассаловъ? Чѣмъ связываются интересы побѣжденной Франціи и побѣдительницы Пруссіи, какъ не постоянными угрозами съ одной стороны и непрерывными уступками съ другой? Какой нелѣпый разсчетъ — скрывать отъ націи балансъ ея обидъ, количество ея колѣнопреклоненій! Гордая, какъ всегда, она давно поднялась бы, чтобы свергнуть невыносимое иго. Едва ли нужно было бы говорить ей о разстройствѣ общаго благосостоянія, о затрудненіяхъ торговли, о подрывѣ промышленности, — достаточно одного чувства чести. И однако тотъ завоевательный трактатъ, который изуродовалъ страну, есть въ то же время трактатъ коммерческій, разоряющій насъ [1]). Статистика убѣждаетъ насъ, съ цифрами въ рукахъ, что пораженіе есть банкротство, и что побѣда есть помѣщеніе капитала. Все держится вмѣстѣ въ жизни народа, и можно сказать, что нѣтъ лучшаго фабричнаго клейма, чѣмъ успѣхъ оружія. Если война возмездія была бы только дѣломъ чести и интереса, нужно было бы предпринять ее ради чести и интереса; но она есть также война справедливости. Какъ можемъ мы оставить навсегда въ рукахъ непріятеля полтора милліона нашихъ согражданъ, отданныхъ противъ всякаго права, оторванныхъ отъ насъ самою жестокою несправедливостью?“

Въ этой аргументаціи поэта невольно обращаетъ на себя вниманіе настойчивый прозаическій мотивъ, относящійся къ торговлѣ и промышленности. Деруледъ какъ будто сознаетъ, что одной чести и справедливости еще мало для войны; надо затронуть матеріальные интересы населенія, и онъ дѣлаетъ это какъ поэтъ, изображая фантазію вмѣсто дѣйствительности. Указанія Деруледа на экономическое разстройство, требующее будто бы лѣченія „желѣзомъ и кровью“, похожи скорѣе на

[1]) Въ мирномъ договорѣ 1871 года установлены, между прочимъ, извѣстныя льготы для нѣмецкой промышленности, по сбыту ея произведеній во Франціи.

шутку, чѣмъ на серьезный доводъ. Даже для поэта непростительно думать, что затрудненія торговли и промышленности могутъ быть облегчены войною, что выбросить новые милліарды, погубить сотни тысячъ семействъ, разорить города и села огнемъ и мечомъ, остановить весь ходъ экономической жизни на неопредѣленное время, — значитъ помочь благосостоянію народа и поправить финансы страны. Развязная ссылка на статистику была бы еще возможна, еслибы авторъ сопоставилъ состояніе Франціи съ дѣлами Германіи; но, какъ всѣ увлекающіеся люди, онъ смотритъ въ одну точку и не видитъ ничего остального. Онъ не замѣчаетъ, что сами побѣдители удивляются и завидуютъ экономическому положенію французскаго народа, что военное торжество ничего не дало нѣмцамъ, кромѣ тягостей, и что французскія промышленныя затрудненія совершенно ничтожны сравнительно съ нѣмецкимъ застоемъ и кризисомъ. Нѣмцы принуждены искать заработковъ во Франціи, а не наоборотъ, такъ что утвержденія Деруледа примѣнимы къ побѣдителямъ, а не къ побѣжденнымъ. Столь же фантастичны политическіе доводы его въ пользу войны. „Единственный окончательный миръ — по его словамъ — есть миръ справедливый, и потому партія войны есть партія умиротворенія Изъ акта возмездія выйдетъ, какъ изъ чистаго источника, національное успокоеніе, общее благоденствіе (?), радость Франціи“.. Авторъ не обязанъ, конечно, заботиться о томъ, что выйдетъ для стороны пострадавшей; но онъ долженъ былъ помнить, что побитая нація останется въ живыхъ, и что сосѣдство сорокамилліоннаго враждебнаго народа, хотя и побѣжденнаго, не дастъ успокоенія французамъ, не доставитъ имъ благоденствія и послужитъ весьма ядовитой приправою для „радости Франціи“. Что касается справедливости, то она одинаково отсутствуетъ въ этихъ спорахъ и счетахъ, будетъ ли рѣчь о предположенномъ завоеваніи французами лѣваго берега Рейна, или объ отобраніи у нихъ Эльзаса и Лотарингіи.

Авторъ книги „Avant la bataille“, въ своемъ вступительномъ обращеніи къ „лигѣ патріотовъ“, превозноситъ ея заслуги въ дѣлѣ оживленія воинственныхъ идей въ значительной части французскаго общества. „Нѣкоторые уже полагали,—говоритъ

онъ,—что зажила и закрылась рана, нанесенная намъ потерею двухъ провинцій. Вы вновь раскрыли ее, вы ее увеличили (!), вы приложили къ ней раскаленное желѣзо; кровь стала опять сочиться изъ нея, благодаря вашимъ стараніямъ, и вы гальванизировали паціента. Операція не могла остаться безъ послѣдствій"... Странныя бываютъ понятія о заслугахъ! Людей хвалятъ за то, что они не даютъ выздоровѣть паціенту, что они вызываютъ въ немъ затихшую боль и дѣлаютъ надъ нимъ ненужныя операціи. Но авторъ вовсе не такъ жестокъ, какъ Дерулэдъ, ибо онъ знаетъ войну по опыту и не фантазируетъ о ней, какъ поэтъ. Онъ „далекъ отъ отрицанія того, что̀ есть возвышеннаго, благороднаго, человѣчнаго и нравственно-цивилизующаго въ усиліяхъ международныхъ обществъ друзей мира"; онъ не знаетъ задачи болѣе почтенной, чѣмъ эти попытки „облегчить въ значительной мѣрѣ бремя всеобщихъ вооруженій и закрыть тѣ язвы, черезъ которыя уходятъ кровь и золото народа". Онъ представляетъ войну какъ она есть, безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ. „Война есть величайшее изъ бѣдствій, какъ по своей сущности, такъ и по послѣдствіямъ; длинная вереница ужасныхъ золъ, сопровождающихъ ее, распространяется на страну побѣдителя, какъ и на побѣжденнаго... Мы должны будемъ—продолжаетъ авторъ—вступить въ борьбу на смерть, и цѣлыхъ два народа бросятся одинъ противъ другого... Всѣ должны проникнуться сознаніемъ, что новая война будетъ вестись съ неслыханною понынѣ разрушительною силою, что это будетъ столкновеніе двухъ вооруженныхъ націй, употребляющихъ всѣ свои нравственныя и физическія средства для взаимнаго истребленія". Въ этомъ случаѣ авторъ говоритъ почти то же самое, что̀ предсказываютъ нѣмецкіе писатели, какъ напр., фонъ-деръ-Гольцъ. Онъ прибавляетъ только крайне преувеличенныя картины нѣмецкихъ звѣрствъ, угрожающихъ будто бы французамъ, если послѣдніе будутъ побѣждены; онъ этимъ запугиваетъ публику, очевидно для того, чтобы дать лишній аргументъ въ пользу необходимости побѣды. Онъ выражаетъ столько ненависти и презрѣнія къ нѣмцамъ, что нельзя уже принимать его слова буквально. И при всемъ томъ онъ совѣтуетъ французамъ быть благоразумными. „Кто вызоветъ войну?

—спрашиваетъ онъ: —Конечно, не мы. Наши учрежденія не допускаютъ этого. Мы впрочемъ не имѣемъ въ этомъ никакого интереса. Точное пониманіе нашего положенія повелѣваетъ намъ воздерживаться отъ агрессивной политики". Зачѣмъ же было хвалить Деруледа, взывающаго къ возмездію? Авторъ возлагаетъ какія-то надежды на внутреннія несогласія и даже распаденіе германской имперіи, когда сойдутъ со сцены устроители ея; но французы не отличаются знаніемъ дѣлъ чужихъ народовъ, и догадка о будущей судьбѣ Германіи не можетъ быть признана удачною.

Описывая состояніе французской арміи, авторъ откровенно объясняетъ, что первое чувство человѣка, попавшаго на поле битвы, есть чувство страха и ужаса; „свистъ пуль и взрывы бомбъ раздаются со всѣхъ сторонъ, и густой дымъ, скрывающій непріятельскія орудія, не позволяетъ видѣть, откуда идутъ эти пули и бомбы; солдатомъ овладѣваетъ дрожь, если онъ поддался впечатлѣнію, если онъ не знаетъ напередъ, что изъ тысячи свистящихъ пуль убиваетъ только одна, что изъ девяти пушечныхъ зарядовъ только одинъ достигаетъ цѣли, что непріятель такъ же точно боится и что бездѣйствіе есть худшее изъ рѣшеній при подобной обстановкѣ". Но „французскій солдатъ есть первый въ мірѣ", если умѣло пользоваться его свойствами и настроеніемъ, если во-время затронуть въ немъ надлежащія струны; поэтому роль офицеровъ громадна. Изъ подробныхъ фактическихъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ, оказывается, что французская армія превосходитъ теперь германскую, какъ по организаціи, такъ и по составу и по подготовкѣ. Общее число людей, вполнѣ обученныхъ военному дѣлу, составляетъ цифру въ 2.025.253; изъ нихъ въ дѣйствующей арміи—1.028,789 человѣкъ (регулярное войско въ 654,899 и активный резервъ въ 373,890) и въ арміи запаса—996,464 (территоріальная—426,360 и ея резервъ — 570,104 чел.). Если прибавить прочія силы, находящіяся въ распоряженіи правительства во время войны, то получится поразительная сумма—4.108,655 чел.,—болѣе пятой части всего мужского населенія Франціи и болѣе десятой части всего населенія

вообще [1]). „Въ теченіе каждаго года,—заявляетъ авторъ,—1.153,423 человѣка получаютъ или поддерживаютъ свое военное обученіе по разнымъ категоріямъ службы. Это результатъ великолѣпный, и нѣтъ страны въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ, которая приносила бы столь великія жертвы для обезпеченія національной независимости, для сохраненія, развитія и укрѣпленія военнаго духа". Республика имѣетъ вчетверо больше войскъ, чѣмъ имперія наканунѣ франко-прусской войны, и расходы возросли въ соотвѣтственной степени. На содержаніе арміи тратится 529.318,425 франковъ въ годъ (по бюджету 1886 г.)—около шестой части всего государственнаго бюджета страны. Невѣроятныя суммы идутъ на чрезвычайныя военныя надобности; одна артиллерія потребовала для своего обновленія около *милліарда* съ четвертью (1.240,000,000 фр.), за четырнадцать лѣтъ. Въ арсеналахъ хранится до пяти милліоновъ ружей, а число пушекъ доведено до шести тысячъ. Французскія орудія, системы Банжа, признаются лучшими въ Европѣ, и это оффиціально подтвердилось по случаю конкурса, объявленнаго въ Бѣлградѣ, для вооруженія сербской арміи: испытаніе дало блестящіе результаты для орудій Банжа, сравнительно съ орудіями Круппа и Армстронга. Болѣе 600 милліоновъ поглощено крѣпостными и военными сооруженіями всякаго рода; на одинъ укрѣпленный лагерь около Туля потрачено двадцать милліоновъ, а парижскій стоилъ еще дороже—58.000,000 фр. Четверть милліарда употреблена на обновленіе экипировки войскъ; 42 милліона—на воздушные шары, голубиную почту, и такъ далѣе, безъ конца, и все это сверхъ обыкновеннаго бюджета. Французскій военный флотъ обходится въ 250 милліоновъ ежегодно; онъ считаетъ въ своемъ составѣ 384 корабля разныхъ категорій. Если еще имѣть въ виду сотни милліоновъ экстраординарныхъ ежегодныхъ издержекъ мирнаго свойства, на общеполезныя постройки, проведеніе каналовъ и дорогъ,—то нужно дѣйствительно удивляться богатству и выносливости Франціи, производительности и трудолюбію ея населенія.

[1]) „Avant la bataille" (P., 1886, 4 éd.), p. 60—66. См. также A. Froment, Vingt-quatre millions de combattants. Les armées et les marines européennes en 1888. Paris, 1888.

Французская республика, вопреки обычнымъ взглядамъ на демократическія учрежденія, дѣлаетъ для государства гораздо больше, чѣмъ всѣ предшествовавшія монархическія правительства; она расходуетъ на военное дѣло такія силы и средства, о какихъ не мечтали въ прежнее время. Цифры, приводимыя въ книгѣ „Avant la bataille“, должны быть, разумѣется, сокращены въ нѣкоторой долѣ, такъ какъ многое изъ того, что существуетъ по свѣдѣніямъ военнаго министерства, можетъ не оказаться въ наличности; но во всякомъ случаѣ читатель выноситъ впечатлѣніе, что побѣжденная Франція могущественнѣе теперь, чѣмъ когда-либо. А политическая иллюзія поддерживаетъ общепринятый взглядъ, что Франція теперь слабѣе, чѣмъ въ блестящія времена Наполеона III, и что единственная крупная сила въ Европѣ—Германія. Внѣшняя первенствующая роль того или другого кабинета смѣшивается съ внутреннимъ реальнымъ могуществомъ націи, и эта роковая ошибка повторяется постоянно, несмотря на всѣ горькіе опыты и разочарованія. Репутація, пріобрѣтенная побѣдою, скорѣе разслабляетъ, чѣмъ усиливаетъ страну; она является пріобрѣтеніемъ обоюдоострымъ и опаснымъ, при склонности народа къ самообольщенію. Побѣдители-нѣмцы не могутъ отдѣлаться отъ смутнаго сознанія, что Франція ростетъ и крѣпнетъ, что рессурсы ея неистощимы, что болѣе бѣдная отъ природы Германія съ трудомъ слѣдуетъ за нею и что желаніе уничтожить такую великую силу было бредомъ болѣзненнаго воображенія. Побѣдителямъ приходится съ трепетомъ ожидать новыхъ исполинскихъ битвъ, и объ исходѣ борьбы все чаще возникаютъ сомнѣнія. „Нѣмцы, по словамъ автора „Avant la bataille“, охотно воображаютъ себя повелителями міра. Не были ли и мы въ такомъ положеніи до 1870 года и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій? И однако мы были побиты. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ армій непобѣдимыхъ, и онѣ тѣмъ менѣе обладаютъ этимъ качествомъ, чѣмъ больше и самоувѣреннѣе оно имъ приписывается. Мы знаемъ, куда это ведетъ. Іена слѣдуетъ близко за Россбахомъ. Быть можетъ, въ Лотарингіи есть городокъ, названіе котораго изгладитъ память о Мецѣ и Седанѣ“. Авторъ кончаетъ воинственнымъ обращеніемъ, смыслъ котораго

хорошо переданъ въ энергической фразѣ Поля Дерулэда: „Французы должны умирать, для того чтобы Франція жила“.

Смерть народа для жизни страны, истребленіе подъ видомъ обороны, гибель для славы,—такова перспектива, открываемая намъ войною. Мотивы и цѣли этихъ жертвоприношеній коренятся не въ разумѣ, а въ неопредѣленномъ чувствѣ, унаслѣдованномъ отъ прошлаго и имѣющемъ свой особый традиціонный культъ въ руководящихъ классахъ человѣческихъ обществъ. Выросшая на этой почвѣ, система безвыходнаго вооруженнаго мира есть самая уродливая изъ всѣхъ, какія когда-либо существовали. Международная политика, процвѣтающая теперь въ западной Европѣ подъ именемъ реальной, есть самая фантастическая, самая безплодная, самая разорительная и пагубная политика, какую когда-либо могли создать злые инстинкты человѣческой природы. Будетъ ли предпринята смѣлая и широкая реформа въ этой области, какой народъ возьметъ на себя починъ въ великомъ дѣлѣ и когда наступитъ эта эпоха отрезвленія,—объ этомъ возможны лишь догадки, для которыхъ не видно еще матеріала въ настоящемъ.

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЕ ПАРЛАМЕНТЫ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ.

XVIII.

Новѣйшія перемѣны въ положеніи и роли парламентовъ.—Печать и общественное мнѣніе.

Протекло уже столѣтіе со времени торжества во Франціи новыхъ началъ политической жизни. „Великіе принципы“ перешли изъ философскихъ трактатовъ на шумную арену исторіи, проникая исподоволь въ бытъ европейскихъ народовъ и подвергаясь различнымъ превратностямъ въ рукахъ практическихъ дѣятелей.

Исполнились ли всѣ ожиданія, которыми воодушевлены были лучшіе люди прошлаго вѣка? Оправдалась ли вѣра въ цѣлебную творческую силу новыхъ идей и учрежденій? На эти вопросы все чаще получается отрицательный отвѣтъ съ различныхъ сторонъ. Не только консерваторы отжившей старины, но и передовые прогрессисты, приверженцы рабочаго класса, обнаруживаютъ замѣтную холодность къ политическимъ формамъ, которыхъ столь горячо добивались идеалисты прежняго времени. Упадокъ вѣры въ политическіе идеалы, преобладаніе экономическихъ интересовъ надъ соціальными и нравственными, общее охлажденіе къ великимъ вопросамъ, волновавшимъ умы въ концѣ XVIII столѣтія,—таковы несомнѣнныя черты переживаемой нами эпохи.

Народное самоуправленіе не служитъ уже предметомъ увле-

ченія и поклоненія; оно вызываетъ критику и разочарованіе. Представительныя собранія, призванныя играть рѣшающую роль въ конституціонныхъ государствахъ, не оказались свободными отъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Борьба политическихъ партій принимаетъ иногда направленіе, нежелательное и невыгодное для общихъ интересовъ страны; соперничество личныхъ самолюбій и безцѣльныя пререканія въ палатахъ нерѣдко подрываютъ авторитетъ парламентаризма въ глазахъ населенія. Низшіе классы не видятъ осязательныхъ выгодъ отъ представительства, въ которомъ господство принадлежитъ высшимъ и среднимъ слоямъ общества; интеллигенція въ свою очередь недовольна голосованіями невѣжественной части народа, слишкомъ легко поддающейся нашептываніямъ реакціонеровъ и обманчивымъ увѣреніямъ честолюбцевъ. Массы рабочаго пролетаріата охотно промѣняли бы свои голыя политическія права на существенныя матеріальныя облегченія и уступки. Государственные люди, враждебные парламентамъ, готовы бросить народу лакомую кость, въ видѣ сомнительныхъ соціальныхъ реформъ,—и голоса противъ парламентаризма поднимаются все рѣзче и сильнѣе.

Главнѣйшая опора власти и могущества правительствъ—постоянная армія—относится вообще непріязненно къ парламентскимъ собраніямъ; она видитъ въ нихъ „говорильни“, особенно неудобныя для цѣлости военныхъ бюджетовъ. Привыкши къ короткимъ командныхъ словамъ, представители военнаго сословія не любятъ долгихъ обсужденій и совѣщаній по сложнымъ государственнымъ вопросамъ. Эмиль де-Лавеле могъ даже высказать мысль, что „на европейскомъ материкѣ представительное правленіе существуетъ только благодаря терпимости монархической власти“. Располагая милліономъ солдатъ, опираясь на сочувствіе однихъ и на равнодушіе другихъ, князь Бисмаркъ имѣлъ бы, повидимому, возможность уничтожить палаты, доставляющія ему столько хлопотъ своимъ утомительнымъ и настойчивымъ контролемъ. Однако ни прусскій король, ни его знаменитый канцлеръ не думаютъ объ этомъ „легкомъ“ способѣ избавиться отъ открытой оппозиціи; напротивъ, они воздвигаютъ новое роскошное зданіе для гер-

манскаго парламента въ Берлинѣ. Серьезные политическіе дѣятели не смѣшиваютъ непріятныхъ имъ направленій съ самыми институтами, въ которыхъ эти направленія выражаются или преобладаютъ въ данное время. „Я считаю задачею своей жизни, — заявилъ князь Бисмаркъ въ засѣданіи имперскаго сейма, 9 мая 1884 года,—считаю своимъ долгомъ передъ монархомъ и страною бороться съ либерализмомъ, пока хватитъ моихъ силъ, до послѣдняго моего дыханія". Но представительство само по себѣ затрогивается этою борьбою только косвенно; если оно есть зло въ глазахъ Бисмарка, то это — зло неизбѣжное для государства, при современномъ уровнѣ развитія народовъ въ западной Европѣ. Споръ идетъ не о правѣ участія общества въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, а объ извѣстной формѣ этого участія, называемой парламентаризмомъ,— о притязаніяхъ выборныхъ палатъ на управленіе страною, черезъ посредство предводителей большинства.

Образецъ всѣхъ парламентовъ, англійская палата общинъ, все болѣе теряетъ свое исключительное обаяніе; горсть смѣлыхъ крикуновъ нарушаетъ и останавливаетъ по произволу нормальное дѣйствіе парламентскаго механизма, превращая святилище Вестминстерскаго дворца въ простой политическій клубъ. Законы, самые необходимые, откладываются отъ одной сессіи до другой и тщетно ждутъ своей очереди въ теченіи многихъ лѣтъ, въ то время какъ палата принуждена выслушивать безконечныя рѣчи и запросы объ египетскихъ или средне-азіатскихъ дѣлахъ. Глава либеральной партіи, Гладстонъ, прямо ставитъ вопросъ о коренномъ преобразованіи существующей парламентской системы, для того, чтобы сдѣлать ее болѣе пригодною для правильнаго исполненія законодательныхъ функцій. „Управлять государствомъ при помощи клуба — это настоящее чудо", замѣчаетъ Бэджготъ въ своей книгѣ объ англійской конституціи. Милль считалъ для себя великою честью избраніе въ члены этого „клуба"; а когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ предложили выступить кандидатомъ Герберту Спенсеру, онъ отклонилъ эту честь указаніемъ на преимущество литературной дѣятельности предъ парламентскою.

Значеніе парламентовъ измѣнилось еще подъ вліяніемъ

одной важной и общей причины: они перестали быть единственными органами всенароднаго мнѣнія и отчасти какъ будто потонули въ могучемъ, непрерывно волнующемся ходѣ политической жизни, среди новыхъ формъ свободнаго публичнаго слова. Грандіозное развитіе печати далеко оставило за собою гласность, достигаемую въ тѣсныхъ стѣнахъ парламента. Общество не должно уже ждать извѣстій отъ своихъ представителей, чтобы имѣть понятіе о проектахъ министерства и подвергать ихъ надлежащей критической оцѣнкѣ; оно узнаетъ о малѣйшихъ фактахъ текущей политики помимо депутатовъ и одновременно съ ними. Газетныя телеграммы и сообщенія значительно опережаютъ оффиціальные источники, даютъ богатый матеріалъ самимъ правителямъ и ежедневно освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ разныхъ краяхъ міра.

Общественное мнѣніе организуется и устанавливается за спиною парламента, независимо отъ него и часто вопреки ему,—то увлекая палаты за собою, то вызывая ихъ распущеніе. Печать выдвигаетъ вопросы и событія, къ которымъ политическіе дѣятели могутъ оказаться совсѣмъ не подготовленными, какъ это было, напримѣръ, во время балканскихъ усложненій, разрѣшившихся войною 1877 года. Турецкія звѣрства въ Болгаріи были открыты и сдѣлались извѣстны Европѣ, только благодаря корреспонденту „Daily News“; извѣстные „митинги негодованія“ пошатнули кабинетъ лорда Биконсфильда и удержали Англію отъ рокового шага противъ Россіи, несмотря на то, что правительство располагало послушнымъ большинствомъ въ парламентѣ. Наиболѣе замѣчательныя рѣчи произносятся внѣ палатъ, на публичныхъ собраніяхъ или митингахъ; таковы бельвильскія рѣчи Гамбетты, мидлотіанскія рѣчи Гладстона, рѣчи министровъ и депутатовъ въ промежуткѣ между двумя сессіями. Талантливые ораторы и публицисты дѣйствуютъ на общество, возбуждаютъ его мысли и чувства въ ту или другую сторону, становятся глашатаями народныхъ потребностей и оказываютъ давленіе на политику власти, не будучи вовсе выборными представителями народа. Парламенты часто отстаютъ отъ общественнаго движенія и обгоняются имъ; депутаты, избранные два-три года тому назадъ, не соотвѣт-

ствуютъ сегодняшнему настроенію. Уже не парламентъ стоитъ впереди общества, а общественное мнѣніе руководитъ парламентомъ и правительствомъ. Политическая жизнь просачивается черезъ тысячи новыхъ каналовъ, которые не всегда попадаютъ въ обычное парламентское русло. Вмѣсто одной парламентской трибуны, съ которой только и могъ раздаться свободный голосъ публичнаго контроля, появилось множество трибунъ, мелкихъ и крупныхъ, скромныхъ и смѣлыхъ, дѣйствующихъ болѣе быстро и своевременно. Представительныя палаты выдѣляются лишь своимъ оффиціальнымъ, обязательнымъ характеромъ, и какъ все оффиціальное, болѣе критикуются, чѣмъ одобряются публикою.

Парламентъ могъ казаться яркимъ свѣточемъ, когда кругомъ была сравнительная тьма; онъ невольно меркнетъ и слабѣетъ, когда свѣтъ разливается отовсюду.

XIX.

Критика парламентаризма въ литературѣ.—Возраженія Лавеле и Адольфа Пренса противъ господства демократіи.

Кризисъ парламентаризма отражается прежде всего въ литературѣ. Въ 1884 году бельгійскій профессоръ Адольфъ Пренсъ издалъ сочиненіе о „демократіи и парламентскомъ режимѣ“ — сплошной обвинительный актъ противъ новѣйшихъ формъ народнаго самоуправленія. Другой бельгійскій ученый, Гюставъ де-Молинари, выпустилъ въ свѣтъ обширную книгу въ томъ-же духѣ. Гораздо ранѣе высказался противъ господства парламентовъ писатель несомнѣнно искренній и либеральный, Эмиль де-Лавеле.

Холодный анализъ вступаетъ въ свои права—и, быть можетъ, переступаетъ ихъ, по отношенію къ событіямъ прошлаго. Тэнъ сравниваетъ Францію 1789 года съ пьянымъ человѣкомъ, которому члены уже не повинуются и который однако чувствуетъ себя въ самомъ возвышенномъ настроеніи, воображаетъ себя счастливымъ, всемогущимъ, любимымъ; потомъ наступаетъ мрачная подозрительность — періодъ безсмы-

сленнаго буйства, насилій, преступленій. „Ничего подобнаго не бывало еще въ исторіи,—замѣчаетъ остроумный критикъ,—впервые можно было видѣть долгую и безпрепятственную работу бѣшеныхъ животныхъ, руководимыхъ глупцами, сошедшими съ ума“ [1]). Эмиль де-Лавеле не употребляетъ столь сильныхъ словъ и рѣзкихъ картинъ; онъ спокойно разбираетъ и отвергаетъ принципы французской революціи. „Мы разрушили,—говоритъ онъ,—привилегіи дворянства, независимость провинціальныхъ собраній и общинъ, права цеховъ и корпорацій,—словомъ, мы низвергли все, что могло служить преградою для воли народа, надѣясь этимъ способомъ утвердить свободу; а въ дѣйствительности мы только очистили почву, на которой воздвигнется какая-угодно тиранія. Единая и всевластная республика, какую стремились основать во Франціи, есть нѣчто чудовищное; это—зданіе деспотизма, надъ которымъ вывѣшено республиканское знамя съ словами: свобода, равенство, братство“. Законъ не долженъ быть выраженіемъ воли народа „по той простой причинѣ, что, не понимая ничего въ обсуждаемыхъ вопросахъ, народъ не можетъ имѣть воли въ этомъ отношеніи“. Многочисленныя собранія представителей не даютъ хорошихъ результатовъ: „соберите вмѣстѣ нѣсколько сотъ весьма разумныхъ личностей, и они легко сдѣлаютъ какую-нибудь глупость“. Въ палатѣ „человѣкъ выдающійся не въ состояніи заставить себя слушать, если онъ обладаетъ слабымъ голосомъ и идеями, несогласными съ мнѣніями большинства; тогда какъ ораторъ, одаренный звучнымъ органомъ, привлекаетъ вниманіе къ своимъ словамъ, хотя-бы рѣчь его заключала лишь общія мѣста и громкія фразы,—такъ-что сила легкихъ береть верхъ надъ силою ума“. Вспомнимъ, что Тьеръ имѣлъ голосъ не особенно звонкій, что Луи-Бланъ говорилъ тихо и что герцогъ де-Брольи произносилъ свои рѣчи въ пискливомъ, непріятномъ тонѣ,—и однако они заставляли себя слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, тогда какъ никто не придавалъ значенія рѣчамъ Поля де-Кассаньяка, у котораго голосъ звучитъ какъ труба. Авторъ предостерегаетъ также

[1]) *H. Taine*, Les origines de la France contemporaine, t. I, p. 459 — 60.

отъ увлеченія людьми слишкомъ умными, съ пылкою фантазіею. „Читайте поэтовъ и хорошихъ писателей, воздвигайте имъ статуи, но не поручайте имъ управленіе публичными дѣлами, ибо обыкновенно они не умѣютъ справляться съ своими собственными. Говорятъ, что глупцы дѣлаютъ карьеру, а геніальные люди разоряются. Это потому, что первые, карабкаясь по землѣ, замѣчаютъ препятствія и обходятъ ихъ, тогда какъ вторые, направляя взоры къ облакамъ, спотыкаются обо всякіе камни и попадаютъ во всякія пропасти. Еще Фридрихъ II говорилъ, что еслибы онъ хотѣлъ разорить какую-либо провинцію, онъ отдалъ-бы ее въ управленіе философу. Литераторъ заботится больше объ эффектѣ, чѣмъ объ истинѣ; онъ не станетъ думать о точности числа; чтобы сказать много, онъ скажетъ „тысяча“ или „милліонъ“. Онъ напишетъ, что Франція отвѣтитъ врагу единодушнымъ порывомъ сорока милліоновъ сердецъ; быть можетъ, онъ самъ этому повѣритъ или заставитъ вѣрить другихъ. Сколько зла надѣлала въ 1793 году ложная риторика того времени! Сколько крови пролилось во имя красивыхъ фразъ, заимствованныхъ у Руссо или Плутарха“! Разумѣется, бываютъ случаи, когда красивыя фразы имѣютъ красивое и глубокое содержаніе.

Призывать весь народъ къ подачѣ голосовъ, безъ всякихъ различій, безъ условій и ограниченій,—было грубою ошибкою, по мнѣнію Лавеле. „Страшно подумать, изъ какой тьмы предразсудковъ, суевѣрій, увлеченій и невѣжества выходитъ тотъ вердиктъ, который періодически рѣшаетъ судьбу такой державы, какъ Франція. Народъ понимаетъ власть только въ лицѣ одного опредѣленнаго правителя; для него безличная власть разсуждающей палаты есть только тѣнь. Довѣрьте народу выборъ, и онъ назначитъ принца или генерала, который сдѣлается королемъ, когда захочетъ“. Замѣтимъ, что авторъ писалъ это еще до утвержденія французской конституціи 25 февраля 1875 года. Онъ энергически нападаетъ, между прочимъ, на чрезмѣрную склонность французовъ къ сосредоточенію власти въ центральныхъ рукахъ. „Безъ провинціальныхъ вольностей, парламентскій режимъ имѣетъ только наружный видъ свободы; въ сущности это деспотизмъ, направляемый представительнымъ

собраніемъ. Мѣстное самоуправленіе есть необходимая принадлежность парламентскаго режима. Обремененный массою дѣлъ чисто-мѣстнаго значенія, парламентъ плохо рѣшаетъ ихъ; домогательства депутатовъ, противоположность интересовъ, приводятъ къ частымъ министерскимъ кризисамъ и къ хроническому безсилію власти. Общеполезныя работы порождаютъ новый видъ подкуповъ насчетъ средствъ государства; чтобы заручиться голосами избирателей въ той или другой мѣстности, имъ обѣщаютъ постройку порта, желѣзной дороги, церкви, канала. Другіе округа требуютъ того-же, и такимъ образомъ громадныя суммы поглощаются предпріятіями вовсе ненужными, причемъ бюджетъ увеличивается непомѣрно. Изъ публичныхъ работъ, раздаваемыхъ въ видѣ милостей, создается для правительства почти неодолимое средство давленія на парламентскіе выборы". Подобныя работы и дѣла должны быть предоставлены заинтересованнымъ общинамъ и областямъ. „Оживляя различные центры политической жизни въ провинціи, мы возстановили бы дѣятельность въ застывшихъ оконечностяхъ и облегчили-бы столицу, подвергающуюся періодическимъ припадкамъ апоплексіи". Пока не совершилась эта перемѣна въ распредѣленіи власти, останутся безплодными всѣ попытки „гарантировать свободу въ краснорѣчивыхъ хартіяхъ; ибо кто гарантируетъ эти гарантіи"? Несчастье Франціи, — продолжаетъ Лавеле, — заключается въ томъ, что, стремясь страстно къ свободѣ, она никогда не хотѣла слѣдовать по пути, который ведетъ къ ней. Республиканцы упорно идутъ по стопамъ дѣятелей 1793 года, которые кончили плачевною неудачею, — вмѣсто того, чтобы вдохновляться примѣромъ Швейцаріи, Нидерландовъ, Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ основатели республики достигли успѣха. Рядомъ съ автономіею общинъ и областей, должна быть установлена полная отвѣтственность администраціи предъ судомъ; всякій чиновникъ, гражданскій или военный, отвѣчаетъ лично за незаконныя дѣйствія, хотя-бы совершенныя по приказанію начальства. Тогда судъ былъ-бы охраною всякихъ правъ, и правосудіе заставитъ всѣ органы власти уважать законы [1]). Въ

[1]) Essai sur les formes de gouvernement dans les societés modernes, par Emile *de Laveleye*.

концѣ концовъ, Левеле мирится съ несовершенствами парламентаризма и предлагаетъ только обставить его иначе, въ духѣ мѣстнаго самоуправленія и административной децентрализаціи.

Сильнѣе и глубже захватывается вопросъ въ книгѣ Адольфа Пренса. Этотъ суровый юристъ не довольствуется критикою парламентскаго правленія; онъ осуждаетъ весь строй современнаго общества, отыскиваетъ утраченные идеалы въ среднихъ вѣкахъ и совѣтуетъ радикально измѣнить основы представительства. „Взглянемъ вокругъ, — говоритъ онъ: — зданіе колеблется и готово разсыпаться въ пыль. Повсюду, подъ различными масками, съ противоположными интересами и страстями, личности борются между собою, точно песчинки, гонимыя вѣтромъ. Люди всѣ равны, но всѣ одинаково безсильны; они всѣ свободны, но всѣ одинаково неспособны пользоваться своею свободою. Нѣтъ ни общенія, ни солидарности, ни силы сопротивленія. Всякая буря поднимаетъ ихъ, какъ кучу атомовъ, и они падаютъ обратно, не оставляя слѣда. Наше общество, вмѣсто прочнаго узла союзовъ, представляетъ лишь сборище отдѣльныхъ лицъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою, помѣщенныхъ какъ бы въ пустомъ пространствѣ, безъ связей съ какимъ-либо центромъ, безъ дѣйствія на окружающее". Парламентъ призванъ удовлетворять разнообразныя потребности этой безсвязной массы: онъ долженъ все контролировать, заботиться обо всемъ, знать все, обо всемъ законодательствовать. Чтобы быть на высотѣ своей миссіи, депутаты должны были бы въ одно и то же время быть философами, законниками, учеными, администраторами, военными, экономистами, артистами; въ дѣйствительности они вообще—ни то, ни другое, ни третье. Имѣя предъ собою колоссальныя задачи, правительства встрѣчаются на каждомъ шагу съ затрудненіями и теряются въ мелочахъ, чтобы удержать за собою большинство; министры ищутъ равновѣсія посредствомъ обѣщаній, сдѣлокъ, ловкихъ маневровъ, и все-таки низвергаются по малѣйшему поводу. Никогда еще министерства не были менѣе прочны, чѣмъ теперь; съ 1870 года Франція имѣла 25 министровъ внутреннихъ дѣлъ. Эти быстро смѣняющіеся сановники не успѣваютъ дѣлать ничего серьезнаго, и весь режимъ обнаруживаетъ

признаки безсилія. Въ доказательство авторъ приводитъ печальное состояніе государственныхъ бюджетовъ и долговъ. Въ управленіи господствуетъ канцелярская рутина, духъ мелкаго чиновничества и бумажнаго формализма. „Ни политическія, ни административныя учрежденія не отвѣчаютъ своей цѣли. Пропасть образуется между правителями и управляемыми; масса общества стоитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ и открываетъ ротъ только для критики; власть чувствуетъ, что почва уходитъ изъ-подъ нея, и не можетъ подняться до настоящаго своего назначенія".

Въ противоположность этой мрачной картинѣ, авторъ рисуетъ идиллію общинной и корпоративной жизни прежняго времени. Благодаря земледѣльческимъ общинамъ, „солидарность и братство проникали во всѣ закоулки сельскаго быта и придавали особый отпечатокъ всѣмъ дѣйствіямъ сельскаго класса". Въ этомъ своеобразномъ мірѣ „крестьяне были истинно счастливы", по мнѣнію Адольфа Пренса, — какъ будто не было вовсе крѣпостного права, барщины, тяжелыхъ и унизительныхъ повинностей въ пользу сеньора. Сельскія демократіи впервые научили людей уважать рѣшеніе большинства; авторъ считаетъ это заслугою, хотя возмущается педантическимъ счетомъ голосовъ въ парламентѣ. Древняя община распалась и погибла; „сельское населеніе не было поддержано, а напротивъ, подавлено цивилизаціею", — т.-е. феодалами и затѣмъ правительствами. Зародыши самобытности и независимости сельской жизни исчезли, подъ вліяніемъ произвольныхъ государственныхъ мѣръ; разрозненнымъ поселянамъ остается только одинъ пунктъ единенія — церковь, и либералы не должны удивляться реакціонному духу деревень. Городскія корпораціи и сообщества были также не преградами, а точками опоры для мѣщанъ, не тормазами, а орудіями развитія и прогресса. Притязанія народа были умѣренны, даже въ случаѣ торжества надъ противниками; каждый зналъ свое мѣсто и охранялъ лишь свое право. „Масса, предоставленная самой себѣ, есть безпорядочный потокъ, не имѣющій опредѣленнаго пути; корпораціи суть плотины, сдерживающія и регулирующія народное теченіе. Онѣ даютъ людямъ чувство собственности, любовь

къ домашнему очагу, инстинктъ законности, совокупность солидныхъ качествъ, которыя не позволяютъ имъ вовлекаться въ крайности. Вмѣсто большого центральнаго свѣтила, которое въ наши дни сіяетъ одиноко, не освѣщая и не согрѣвая всего общества, существовало множество огней, скромныхъ и жгучихъ, и послѣдній изъ гражданъ получалъ свою долю тепла и свѣта". Представительство имѣло тогда органическій характеръ; выборное начало имѣло второстепенное значеніе, и неразрывная общность интересовъ соединяла представителей съ населеніемъ. Это было „не то, что современный парламентаризмъ съ его абстрактною централизаціею"; въ нашихъ городахъ мы имѣемъ еще коллегіи и совѣты, но эти учрежденія не служатъ средоточіемъ соціальныхъ организмовъ и представляютъ только большинство противъ меньшинства. Напротивъ, въ старинныхъ совѣтахъ всегда присутствуетъ идея высшаго корпоративнаго интереса, предъ которымъ умолкаютъ пререканія и столкновенія партій. Авторъ признается, впрочемъ, что „было бы безумiемъ сожалѣть объ этой эпохѣ насилій, бѣдствій, жестокостей и братоубійственной борьбы"; другими словами, идиллія была въ сущности далеко не завидная. Несмотря на всѣ недостатки, „мы должны признать величіе этого общества, которое вдохнуло жизнь въ хаосъ и создало міръ, полный могущества". Средніе вѣка заслуживаютъ нашихъ симпатій, еслибы даже они не произвели ничего другого, кромѣ этихъ сообществъ и малецькихъ братствъ, гдѣ послѣдніе изъ людей были еще чѣмъ-нибудь, гдѣ обездоленные на землѣ привязывались еще къ идеалу и къ жизни путемъ практики права, человѣколюбія и справедливости [1]). Авторъ идеализируетъ средневѣковые порядки и находитъ въ нихъ черты, достойныя подражанія. Тогдашнія представительныя собранія были, по его словамъ, естественнымъ выраженіемъ человѣческой совѣсти, между тѣмъ какъ новѣйшіе парламенты суть искусственные продукты спекулятивнаго ума.

Въ странахъ съ ограниченнымъ избирательнымъ правомъ демократія требуетъ всеобщей подачи голосовъ, надѣясь найти

---

[1]) La démocratie et le régime parlementaire, par *Adolphe Prins*, 1884, Chap. II—V.

въ ней осуществленіе всѣхъ своихъ желаній; а въ странахъ съ всеобщимъ правомъ голоса она имѣетъ ту же непредѣленную жажду перемѣнъ, тотъ же страхъ постоянства. Вездѣ люди проникнуты недовольствомъ, отыскиваютъ какой-то смутный и неуловимый идеалъ, и „многіе начинаютъ думать, что парламентаризмъ есть форма уже исчерпанная, давшая все, что было въ ней хорошаго. Англійскіе бароны, вынудившіе у короля Іоанна великую хартію 1215 года, стремились къ общему благу, а не только къ увеличенію своихъ привилегій; революціонеры 1789 г., ставши хозяевами положенія, эксплуатировали его въ пользу одной буржуазіи, не заботясь о прочихъ классахъ общества. Оттого англійскій парламентъ живучъ и крѣпокъ, а созданія французскихъ дѣятелей недолговѣчны. Выборы въ Англіи основывались на силѣ и значеніи сословій, а не на числѣ избирателей; дѣло шло не о побѣдѣ численнаго большинства, и потому точнаго счета голосовъ не производилось; голосованіе было чѣмъ-то побочнымъ: вотировали поднятіемъ рукъ“. Непонятно, какое именно преимущество видитъ авторъ въ этой первобытной системѣ, при которой опредѣленіе результата выборовъ зависѣло отчасти отъ произвола распорядителей. Пренебрегая числомъ, авторъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что до билля о реформѣ 1832 года англійское представительство было чистѣйшею фикціею. „Гнилое мѣстечко“, состоявшее изъ нѣсколькихъ хижинъ съ десяткомъ жителей, избирало двухъ депутатовъ въ палату общинъ, тогда какъ городъ Лондонъ, съ милліономъ населенія, посылалъ только четырехъ депутатовъ. Въ мѣстечкѣ, для выбора двухъ представителей, оказывался на лицо одинъ только избиратель, и это былъ слуга того лорда, которому принадлежало мѣстечко. Одно поселеніе, имѣвшее право выбора, потоплено было моремъ, и владѣлецъ побережья отправлялся въ лодкѣ съ тремя избирателями къ мѣсту исчезнувшаго села, чтобы самого себя выбрать депутатомъ. Такіе плоды органическаго представительства вызвали потребность въ искусственныхъ нормахъ и правилахъ; реформы 1832 и 1867 годовъ распространили избирательное право на значительную часть гражданъ, за которыхъ ранѣе выбирали лорды и ихъ агенты. Число избирателей было доведено

до трехъ милліоновъ; новый законъ 1884 года доводитъ эту цифру до пяти милліоновъ. Пренсъ полагаетъ, что это направленіе ослабляетъ прежнюю соціальную сплоченность Англіи, въ угоду идеямъ индивидуализма; но однородность состава парламента изъ представителей поземельной и промышленной аристократіи не могла, конечно, свидѣтельствовать о солидарности съ тѣми слоями общества, которые были исключены изъ пользованія избирательными правами. Англичане однако сохранили нѣкоторыя хорошія черты старой системы; они удержали различіе между городскими и сельскими округами, освятили право университетскихъ корпорацій имѣть депутатовъ въ парламентѣ и не отказались еще отъ мысли, что депутатъ представляетъ болѣе интересы общества, чѣмъ извѣстное число лицъ; наконецъ, они хранятъ обычаи самоуправленія. Иначе развился парламентаризмъ на материкѣ Европы. Во Франціи выборные отъ сословій созывались въ интересахъ монархіи; представительныя собранія обнаруживали реформаторскій духъ и были уничтожены. Революція возстановила ихъ въ новомъ видѣ, подъ знаменемъ народнаго верховенства; государство стало отвлеченнымъ и неяснымъ понятіемъ. Власть перешла къ толпѣ и къ ея вождямъ; началась работа соціальнаго разложенія. Семь различныхъ правительствъ слѣдовали одно за другимъ съ того времени, и всѣ они имѣли одинаковую судьбу, благодаря коренному противорѣчію между стремленіемъ къ свободѣ и всепоглощающею политическою централизаціею.

„Теорія всеобщаго голосованія, — по словамъ Пренса, — составляетъ великое неудобство нынѣшняго парламентскаго режима, давая поводъ къ затрудненіямъ, ошибкамъ и разочарованіямъ. Для народа важно не право голоса, а право имѣть представителей, хотя бы и безъ непосредственнаго участія въ ихъ избраніи. При всеобщей подачѣ голосовъ наступаетъ владычество числа: большинство дѣлается высшимъ рѣшителемъ національныхъ судебъ, а меньшинство остается безправнымъ. Безличная власть абстрактной цифры можетъ позволять себѣ злоупотребленія, какихъ избѣгаютъ тираны ради собственной безопасности; торжество числа есть отрицаніе индивидуальнаго права. Это ярмо особенно тягостно, когда оно налагается пан-

менѣе образованною частью націи; а народное большинство состоитъ преимущественно изъ работниковъ и крестьянъ". Въ высшихъ классахъ нравственная порча, сухость сердца, узкость ума, свѣтскіе предразсудки,—производятъ такія же послѣдствія, какъ невѣжество, бѣдность, вражда и зависть,—въ массахъ, внизу. Когда все это общество приводится въ движеніе, хорошія качества нейтрализуются, и на поверхность всплываютъ лишь пороки. Всенародное голосованіе предполагаетъ равенство тамъ, гдѣ его нѣтъ. „Какое равенство можетъ существовать между государственнымъ человѣкомъ, тонкимъ знатокомъ соціальныхъ пружинъ, и темнымъ поселяниномъ, вооруженнымъ лишь простыми инстинктами? Гдѣ найти подобіе равенства и справедливости въ этомъ режимѣ, основанномъ будто бы на равенствѣ? Когда голоса считаются, а не взвѣшиваются, то не можетъ быть рѣчи о равенствѣ и справедливости. Давать всѣмъ одинаковое право голоса—столь же основательно, какъ облагать всѣхъ жителей страны одинаковою суммою платежей". Среди различныхъ партій, группъ и оттѣнковъ нѣтъ мѣста народному мнѣнію; депутаты представляютъ не народъ, а частицы большинства, склоняющіяся въ ту или другую сторону. „Всеобщая подача голосовъ есть сила отрицательная, а не творческая; она можетъ выражать нужды націи, но не способна указать средства къ ихъ удовлетворенію". Въ дѣйствительности, ничего другого и не требуется отъ избирателей: не ихъ дѣло указывать способы рѣшенія государственныхъ вопросовъ; они только выбираютъ лицъ, которыхъ считаютъ способными обсуждать эти вопросы съ пользою для страны. Замѣчанія автора о неравенствѣ между поселяниномъ и государственнымъ человѣкомъ имѣли бы смыслъ, еслибы простымъ избирателямъ предоставлено было непосредственно подавать голосъ по поводу отдѣльныхъ мѣръ законодательства и политики. Въ настоящей своей функціи—въ выборѣ людей—народная масса ошибается рѣже, чѣмъ просвѣщенные политическіе дѣятели. Тьеръ покровительствовалъ принцу Луи-Наполеону потому, что принималъ его за ничтожество, которымъ легко управлять; а народъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о личностяхъ предложенныхъ кандидатовъ въ президенты — Каваньяка и Бонапарта,

вполнѣ естественно выбралъ послѣдняго, какъ носителя громкаго популярнаго имени. Этотъ результатъ приводится нерѣдко въ доказательство политической незрѣлости народныхъ массъ; но оно скорѣе свидѣтельствуетъ о неразумности самаго вопроса, поставленнаго народу. Отмѣчать выдающихся и честныхъ дѣятелей въ предѣлахъ данной мѣстности населеніе можетъ съ безспорною компетентностью; дѣлать выборъ между двумя-тремя лицами на должность правителя цѣлой страны — задача болѣе трудная и важная, которую слѣдовало довѣрить избраннымъ депутатамъ, имѣющимъ надлежащія свѣдѣнія о качествахъ и заслугахъ кандидатовъ. Такъ и предлагали поступить нѣкоторые предусмотрительные дѣятели 1848 года; между тѣмъ большинство республиканцевъ пожелало сохранить въ чистотѣ принципъ народнаго верховенства и безсознательно готовило тронъ для Наполеона III.

Адольфъ Пренсъ настаиваетъ на томъ, что истиннымъ фундаментомъ представительства должны служить не простыя числа избирателей, распредѣленныя по однообразному шаблону, а соціальныя группы, соединенныя общностью интересовъ. Граждане призывались бы къ выборамъ въ кругу своихъ естественныхъ союзовъ и коллегій по разрядамъ занятій; каждая коллегія назначала бы извѣстное число депутатовъ сообразно своему соціальному, а не численному значенію. „Можно сказать, что общая подача голосовъ — это случай, неизвѣстность, мутный потокъ, необузданно и дико опрокидывающій все на своемъ пути. Голосованіе коллективныхъ группъ — это плодотворные ручьи, съ водою чистою и спокойною, движущіеся въ нормальномъ направленіи и улучшающіе почву“. Общество, какъ выразился англійскій публицистъ Лоримеръ, не должно быть разсматриваемо какъ стадо, опредѣляемое по числу головъ. Мысль автора давно примѣняется на практикѣ. Въ Австріи избиратели раздѣлены на категоріи, соотвѣтственно главнымъ группамъ интересовъ въ обществѣ: крупное землевладѣніе имѣетъ 85 депутатовъ, сельскія общины — 131, городское населеніе — 95 и торговыя палаты — 21. Приблизительно такая же система принята въ Румыніи; верхнія палаты въ нѣкоторыхъ государствахъ также пополняются представителями извѣстныхъ

общественныхъ группъ. Въ нашей Финляндіи парламентъ составляется изъ депутатовъ четырехъ сословій—дворянства, духовенства, горожанъ и поселянъ. Вообще авторъ напрасно жалуется на невниманіе къ соціальнымъ интересамъ и корпораціямъ, ибо на дѣлѣ такого невниманія не оказывается. Никто однако не скажетъ, что въ Австріи или въ Румыніи выборы даютъ лучшіе результаты, чѣмъ во Франціи. Если даже расширить и довести до послѣднихъ крайностей систему органическаго представительства, то все-таки внѣ интересовъ отдѣльныхъ группъ, профессій и коллегій останутся вопросы общіе, политическіе, касающіеся одинаково всѣхъ и каждаго и не составляющіе спеціальнаго интереса ни для кого въ отдѣльности; въ этой широкой политической сферѣ возможны будутъ тѣ же колебанія, увлеченія и случайности, которыя хотѣлось бы устранить реформаторамъ. Гдѣ существуютъ прочныя общественныя группы, тамъ онѣ скажутся и произведутъ свое дѣйствіе при всякомъ избирательномъ законѣ; гдѣ ихъ нѣтъ или гдѣ онѣ слишкомъ слабы, тамъ безполезно хлопотать объ искусственномъ оживленіи ихъ, и разрозненныя личности не сдѣлаются солидарными между собою отъ того, что избирательныя права будутъ связаны съ принадлежностью къ той или другой соціальной группѣ.

Едва ли удастся также умалить стихійную силу числа: изгнанная изъ избирательныхъ урнъ, она проявляется въ парламентахъ и повсюду, гдѣ дѣла рѣшаются общимъ совѣтомъ. Даровитые, свѣдущіе люди имѣютъ возможность убѣждать и увлекать за собою другихъ людей; ихъ голоса умножаются въ силу привилегіи таланта и знанія,—и несправедливо было бы къ этому естественному неравенству прибавлять еще искусственное, законодательное.

XXI.

Парламентскіе порядки во Франціи, по замѣчаніямъ Жюля Симона.

Изъ новѣйшихъ работъ, направленныхъ такъ или иначе противъ парламентаризма, особеннаго вниманія заслуживаютъ книги Жюль Симона, Спенсера и Мэна, различныя по харак-

теру и содержанію, но однородныя по практическимъ выводамъ и тенденціямъ авторовъ. Жюль Симонъ, одинъ изъ старыхъ республиканскихъ дѣятелей Франціи, даетъ намъ рядъ остроумныхъ очерковъ и характеристикъ, представляющихъ жизнь республики въ весьма одностороннемъ и неутѣшительномъ свѣтѣ: онъ не касается принциповъ, не входитъ въ глубь вопросовъ, но показываетъ на дѣлѣ, какъ примѣняются „великія начала" 1789 года въ современной французской демократіи. Онъ не предлагаетъ никакого рѣшенія и никакой реформы, а ограничивается ролью критика и отчасти сатирика, бичующаго нравы правящихъ классовъ общества. Спенсеръ болѣе серьезно обсуждаетъ недостатки англійскаго парламента, возстаетъ противъ его всемогущества, противъ его возрастающаго вмѣшательства въ частные интересы гражданъ, противъ забвенія личныхъ человѣческихъ правъ во имя отвлеченной идеи народнаго блага. Онъ находитъ, что „тираннія" парламентовъ столь же опасна для индивидуальной свободы, какъ и всякія другія формы деспотизма; но при этомъ онъ становится исключительно на точку зрѣнія личности, не заботясь о способахъ и задачахъ государственнаго управленія. Мэнъ ставитъ уже принципіально вопросъ о „народовластіи" и прямо нападаетъ на самыя основы демократическаго строя, ссылаясь на историческій опытъ, понимаемый имъ впрочемъ весьма своеобразно. Такимъ образомъ, эти три авторитетные писателя какъ бы дополняютъ и иллюстрируютъ другъ друга: одинъ говоритъ о парламентскихъ недугахъ Франціи, другой—противъ парламентаризма въ Англіи, третій—противъ самаго принципа народнаго самоуправленія или демократіи.

Вспоминая первые годы третьей республики и сравнивая это недалекое прошлое съ настоящимъ, Жюль Симонъ [1]) является прежде всего суровымъ пессимистомъ. „Тщетно было бы искать теперь,—замѣчаетъ онъ,—да и нѣтъ уже теперь тѣхъ высокихъ мыслей, того духа самоотверженія, того неограниченнаго безкорыстія, которыми освѣщены были первые годы республики. Вражда и честолюбіе взяли верхъ. Я вижу

[1]) *Jules Simon*, Nos hommes d'état, Paris, 1887.

только кружки и интриги. Если остается еще общее знамя, то это—знамя секты, а не знамя Франціи,—славное, дорогое знамя, подъ которымъ должны и могутъ соединиться всѣ французы. Вотъ, напримѣръ, тонкинская экспедиція—второе изданіе мексиканской. Въ этой долгой войнѣ, затрогивавшей столько интересовъ настоящихъ и будущихъ, палата не находила ничего другого, кромѣ смѣшного спора о портфеляхъ. Даже великія дѣла становятся мелкими вслѣдствіе мелкости душъ". Правительство занимается очищеніемъ администраціи отъ сомнительныхъ республиканцевъ. „Гдѣ же начинается республиканецъ? — спрашиваетъ авторъ: — Кто вы, устраняющіе насъ? Сколько васъ? Куда вы насъ ведете"? Предпринимается борьба противъ духовенства и религіи. „Ссылаются на свободу совѣсти. Чьей совѣсти? Не католиковъ и, слѣдовательно, — не большинства. Меньшинство, притомъ весьма незначительное, налагаетъ свои законы на всѣхъ... Эта мнимая свобода, ведущая къ преслѣдованіямъ, вполнѣ достойна „очистителей". Они называютъ себя либералами, тогда какъ они просто фанатики".

Но республиканцы, какъ извѣстно, считаютъ свободу совѣсти несовмѣстимою съ нравственнымъ гнетомъ католической церкви; они не касаются вѣрованій населенія, — они хотятъ только, чтобы эти вѣрованія никому не навязывались ни духовенствомъ, ни государственною властью. Если такъ думаетъ только „меньшинство", какъ полагаетъ Жюль Симонъ, то какимъ образомъ оно могло бы достигнуть преобладанія въ парламентѣ, основанномъ на всеобщей подачѣ голосовъ? Избирая въ депутаты завѣдомыхъ противниковъ католицизма, большинство французовъ заявляетъ этимъ солидарность съ ихъ взглядами на религію,—такъ что приписывать извѣстныя мѣры небольшой горсти „фанатиковъ" нѣтъ никакого основанія. Виновато тутъ господствующее настроеніе умовъ, которое не создается правителями и палатами, какъ это признаетъ впрочемъ и самъ авторъ. „Хорошо и необходимо,—говоритъ онъ,—заботиться объ администраціи, о финансахъ, объ арміи; но особенно нужно наблюдать за нами самими, за нашими умами и сердцами, имѣть въ виду наши нравственныя силы, которыя важнѣе другихъ. Скептицизмъ, овладѣвающій нами въ поли-

тикѣ, въ религіи, въ философіи, въ искусствахъ и въ литературѣ, есть рана болѣе смертельная, чѣмъ удары 1871 года". Правда, эта „смертельная рана" принадлежитъ, очевидно, къ числу тѣхъ, съ которыми могутъ долго жить и процвѣтать народы,— ибо она существуетъ у французовъ довольно давно, и притомъ независимо отъ республики или имперіи.

Жюль Симонъ полагаетъ, что французская палата депутатовъ не можетъ считаться точнымъ отраженіемъ чувствъ и желаній народа, при существующей системѣ выборовъ. — „Народъ выбираетъ между двумя кандидатскими списками—республиканскимъ и реакціоннымъ, но онъ не выбираетъ отдѣльныхъ кандидатовъ, вносимыхъ въ эти списки. Народъ рѣшитъ, будетъ ли палата республиканскою или монархическою; но избирательные комитеты рѣшаютъ за него, кто именно будетъ депутатомъ. Депутаты, разъ водворившись въ бурбонскомъ дворцѣ, имѣютъ обыкновеніе говорить: „я выбранъ сотней тысячъ или двумя стами тысячъ гражданъ". Это не совсѣмъ такъ; каждый изъ нихъ—избранникъ сорока или тридцати, или двадцати гражданъ, смотря по численному составу комитетовъ. Нельзя даже считать избирателями всѣхъ делегатовъ, участвовавшихъ въ составленіи списка; истинные избиратели — только тѣ, которые назначаютъ делегатовъ. Они одни играютъ активную роль въ томъ, что принято называть прямымъ всенароднымъ голосованіемъ. Что касается народа, то онъ говоритъ, „да" или „нѣтъ", высказывается за тотъ или другой списокъ, за республику или монархію; онъ даетъ плебисцитъ, но не выбираетъ депутатовъ. Всеобщая подача голосовъ по департаментскимъ спискамъ, имѣющая цѣлью сдѣлать народъ полновластнымъ, дѣлаетъ его въ дѣйствительности рабомъ". Авторъ даетъ понять, что составъ избирательныхъ комитетовъ зависитъ отъ случая или отъ произвола нѣсколькихъ лицъ, безъ всякаго отношенія къ желаніямъ и симпатіямъ населенія. „Можно предположить, — поясняетъ онъ, — что дѣло происходитъ такимъ образомъ: Пьеръ, который еще ничего собою не представляетъ, говоритъ Жаку: „я назначаю тебя делегатомъ"; а Жакъ, считающій себя уполномоченнымъ съ этого момента, говоритъ въ

свою очередь Пьеру: „я тебя назначаю делегатомъ". Они просто избираютъ другъ друга"...

Еслибы все это было вѣрно, то французскій парламентъ напоминалъ бы скорѣе случайное сборище честолюбцевъ, чѣмъ настоящее народное представительство. Возможно ли однако допустить, что милліоны избирателей будутъ слѣпо подчиняться внушеніямъ какихъ-то невѣдомыхъ имъ личностей, попавшихъ почему-то въ избирательные комитеты? Если даже предположить, что массы населенія относятся пассивно и индифферентно къ парламентскимъ выборамъ, то вѣдь не можетъ быть и рѣчи о подобномъ же равнодушіи и бездѣйствіи со стороны господствующей буржуазіи и вліятельныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Для того, чтобы всякій желающій могъ фигурировать въ роли делегата, необходимо было бы полное устраненіе лучшихъ общественныхъ силъ отъ избирательной агитаціи и предоставленіе выборовъ на произволъ судьбы; между тѣмъ во Франціи, какъ извѣстно, избирательная борьба ведется болѣе страстно и горячо, чѣмъ въ другихъ странахъ,—не только въ силу національнаго характера французовъ, но и потому, что у нихъ результаты выборовъ имѣютъ гораздо бо́льшее вліяніе на важнѣйшіе интересы государства, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Слова Жюля Симона о Жакѣ и Пьерѣ должны быть дополнены весьма существеннымъ комментаріемъ: Жакъ занимаетъ, быть можетъ, постъ мэра въ главномъ городѣ департамента, а Пьеръ—предсѣдатель мѣстнаго провинціальнаго собранія, такъ что они имѣютъ нѣкоторое право разсчитывать на довѣріе населенія и назначать другъ друга делегатами для предложенія той или другой кандидатуры въ члены парламента. И въ самомъ дѣлѣ, фактическіе избирательные комитеты повсюду составляются изъ видныхъ представителей мѣстности, пользующихся извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, почетомъ и популярностью,—изъ городскихъ мэровъ, членовъ муниципальныхъ и департаментскихъ совѣтовъ, богатѣйшихъ коммерсантовъ, землевладѣльцевъ, адвокатовъ. Естественно, что лица, поставленныя во главѣ мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, играютъ руководящую роль въ парламентскихъ выборахъ, и составленіе кандидатскихъ списковъ при дѣятельномъ ихъ участіи не за-

ключаетъ въ себѣ ничего случайнаго или произвольнаго. Неизбѣжное соперничество между разными кружками и лицами выдвигаетъ въ ряды кандидатовъ только такихъ людей, относительно которыхъ существуетъ наименьше разногласій въ средѣ данной партіи, и эти люди должны были бы по необходимости принадлежать къ числу самыхъ выдающихся по достоинствамъ, связямъ, вліянію или богатству. Часто мѣстные избирательные комитеты дѣйствуютъ по указаніямъ какого-нибудь парламентскаго вождя, въ родѣ Клемансо или Жюля Ферри; въ прежнее время, при Гамбеттѣ, эта направляющая функція центральнаго комитета была общимъ правиломъ въ республиканской партіи,—но всегда нужно было считаться съ мѣстными условіями отдѣльныхъ департаментовъ, при избраніи кандидатовъ, могущихъ имѣть шансы на успѣхъ. Правда, нѣтъ положительныхъ законовъ, которыми опредѣлялся бы составъ избирательныхъ комитетовъ, и это отсутствіе регламентаціи кажется большимъ недостаткомъ Жюлю Симону. Большинство французовъ, повидимому, не раздѣляетъ такого взгляда, ибо всѣ понимаютъ, что свобода избирательнаго движенія составляетъ лучшую гарантію истиннаго народнаго представительства. Различные слои населенія, особенно низшіе, могутъ не имѣть въ своей средѣ подходящихъ кандидатовъ, и должны по-неволѣ полагаться на рекомендаціи довѣренныхъ и авторитетныхъ людей, изъ которыхъ составлены избирательные комитеты; народъ можетъ относиться безразлично къ вопросу о лицахъ, такъ какъ рѣшающее значеніе имѣетъ характеръ тѣхъ требованій и интересовъ, которые кандидатъ берется отстаивать въ парламентѣ. Подавая голосъ за кандидатовъ той или другой партіи, избиратели имѣютъ въ виду не столько личныя ихъ качества, которыя иногда имъ совершенно неизвѣстны,—сколько ихъ политическое направленіе и программу, цѣли и свойства ихъ общественной дѣятельности. Каждая партія заинтересована въ томъ, чтобы выборъ лицъ, рекомендуемыхъ народу, былъ возможно болѣе удаченъ; малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи даетъ оружіе въ руки противниковъ и становится предметомъ разоблаченій въ печати. Кандидатъ можетъ быть указанъ только двадцатью или сорока гражданами, какъ замѣ-

чаетъ Жюль Симонъ; но эти двадцать или сорокъ гражданъ представляютъ обыкновенно всѣ выборныя власти департамента, и они дѣйствуютъ солидарно съ руководителями партіи и съ ея журналистикою, безъ чего успѣхъ кандидатуры не можетъ быть обезпеченъ. Мы не говоримъ здѣсь, конечно, о тѣхъ случаяхъ, когда самое имя или положеніе кандидата служитъ знаменемъ для избирателей, и когда роль комитетовъ остается болѣе формальною и второстепенною. Каковы бы ни были мотивы, побуждающіе народъ выбирать рекомендуемыхъ кандидатовъ,—довѣріе ли къ предлагающимъ, или сочувствіе цѣлямъ и убѣжденіямъ данной партіи,—выборъ всегда является свободнымъ выраженіемъ всеобщаго народнаго голосованія. Отъ рекомендаціи до дѣйствительнаго выбора—большое разстояніе, о которомъ какъ будто забываетъ Жюль Симонъ, когда говоритъ о голосахъ „сорока или двадцати гражданъ“. Развивая въ палатѣ свою программу или предъявляя извѣстныя требованія, каждый изъ депутатовъ имѣетъ полное основаніе считать себя выразителемъ мнѣній десятковъ тысячъ избирателей, утвердившихъ эту программу и эти требованія.

Болѣе основателенъ пессимизмъ Жюля Симона въ другомъ отношеніи: современная Франція не имѣетъ ни великихъ ораторовъ, ни великихъ государственныхъ людей. Политическіе таланты измельчали подъ разлагающимъ вліяніемъ второй имперіи; старые бойцы республики сошли со сцены, и единственный преемникъ ихъ, Гамбетта, не оставилъ послѣ себя равносильныхъ продолжателей. „Нравы публики—по словамъ автора—также измѣнились. Въ шестидесятыхъ годахъ она восхищалась крупными парламентскими рѣчами; ораторскій турниръ между Жюлемъ Фавромъ и Руэромъ привлекалъ всѣхъ красивыхъ женщинъ. Теперь интересуются запросами,—засѣданіями, когда всѣ говорятъ и никто не понимаетъ другъ друга. Когда трибуна остается на минуту пустою,—говоритъ далѣе Жюль Симонъ, — мнѣ представляется, что я вижу на ней Тьера или Жюля Фавра, Эмиля Олливье, Эрнеста Пикара. Очень немногіе изъ нашихъ современниковъ слышали Гизо или Ламартина. Теперь не знаютъ уже настоящаго, высокаго краснорѣчія“. Авторъ весьма ядовито характеризуетъ средніе типы

политическихъ карьеристовъ, попадающихъ въ палату по какому-то недоразумѣнію. Иной провинціальный адвокатъ, имѣвшій случайный успѣхъ на какой-нибудь мѣстной сходкѣ, провозглашается вдругъ тонкимъ политикомъ; онъ чувствуетъ призваніе къ государственнымъ дѣламъ, и довѣрчивые сограждане единодушно выбираютъ его въ члены парламента. Онъ ѣдетъ въ Парижъ съ самыми широкими планами и съ самыми лучшими намѣреніями; онъ собирается исполнить обѣщанія, данныя имъ избирателямъ, но скоро онъ убѣждается, что у него нѣтъ нужнаго дара слова, что другіе говорятъ несравненно лучше и умнѣе его, и онъ мирится съ скромною ролью слушателя и начинаетъ смотрѣть на свое участіе въ голосованіяхъ какъ на средство устроить свою личную карьеру. Онъ ищетъ сближенія съ кѣмъ-либо изъ предводителей партіи, прислуживаетъ и льститъ Жюлю Ферри или Фрейсинэ, смотря по обстоятельствамъ, и мечтаетъ о мѣстѣ товарища министра въ будущемъ кабинетѣ. Онъ не безпокоится насчетъ своего вторичнаго избранія: онъ просто скажетъ избирателямъ: „я одинъ изъ трехсотъ“. „Его совѣсть — въ хорошихъ рукахъ, такъ какъ она въ рукахъ распорядительнаго комитета. За него можно подать голосъ съ полною безопасностью“.

Другой типъ депутатовъ—ловкіе дѣльцы откровеннаго направленія, стремящіеся всегда идти по вѣтру, поклонники успѣха во что бы то ни стало, мѣняющіе свои взгляды безъ всякихъ стѣсненій. „Показывать себя постоянно, поспѣвать повсюду, дѣлать возможно больше шуму,—такова для нихъ вся современная политика. Это система оппортунистовъ старшей и младшей линіи, гамбеттистовъ и ферристовъ“. Передъ читателемъ проходитъ рядъ интересныхъ портретовъ-карикатуръ, подъ разными вымышленными именами. „Гранпре, сдѣлавшись депутатомъ, находится въ жестокомъ затрудненіи. Онъ всегда долженъ быть на сторонѣ сильнѣйшаго, а кто теперь сильнѣе другихъ—онъ не знаетъ. Ферри былъ бы его идеаломъ. Это человѣкъ, который наилучше умѣетъ мѣнять свое положеніе, оставаясь вѣрнымъ своей партіи; онъ только прогуливается отъ одного оттѣнка до другого. Онъ умѣетъ это дѣлать въ совершенствѣ. При жизни Гамбетты, онъ пытался замѣнить

его, нанося удары клерикализму. Онъ не достигъ своей цѣли, и тотчасъ же выставилъ себя намѣстникомъ побѣдителя,—верхъ искусства! Онъ убѣдилъ палату, что нѣтъ никакой войны съ Китаемъ, и въ то же самое время, въ той же рѣчи, онъ предъявлялъ смѣту военныхъ расходовъ. Когда онъ увидѣлъ, что вѣтеръ переходитъ на сторону умѣренныхъ, онъ оказался вдругъ не только умѣреннымъ, но и главою умѣренныхъ. Словомъ, настоящій государственный человѣкъ,—почти единственный". Соблазнителенъ и Клемансо; но онъ имѣетъ свою группу и не ищетъ новыхъ приверженцевъ; притомъ онъ не скоро будетъ министромъ-президентомъ. Депутатъ перебираетъ имена людей, къ которымъ можно бы примкнуть. Ферри погубилъ себя Тонкиномъ; Бриссонъ слишкомъ неподвиженъ и мало обѣщаетъ въ будущемъ; къ Клемансо обращаться безполезно. Ферри, Бриссонъ, Клемансо,—это списокъ, который французы повторяютъ и переворачиваютъ утромъ и вечеромъ, со времени смерти Гамбетты. Какъ славенъ этотъ списокъ! И однако, какъ онъ коротокъ!" Наконецъ, искателю парламентской карьеры приходитъ въ голову имя Фрейсинэ, и онъ спѣшитъ пристроиться къ нему.

Изобразивъ нѣсколько типовъ подобнаго рода, Жюль Симонъ замѣчаетъ меланхолично: „хорошіе это люди, и печально наше время". Удивительнѣе всего то, что эти ничтожества пріобрѣтаютъ вліяніе и положеніе въ политическомъ мірѣ. „Онъ былъ одно время министромъ, не помню—чего, и не знаю, за что, — говоритъ авторъ о характерномъ представителѣ большинства, нѣкоемъ Аминтасѣ:—не было никакого основанія сдѣлать его министромъ, потому что, насколько извѣстно, онъ не оказалъ никакой услуги государству, и онъ не обладаетъ качествами ни дѣлового человѣка, ни оратора. Впрочемъ, не было также основанія, чтобы онъ не былъ министромъ, какъ и всякій другой... Въ пятнадцать лѣтъ мы потребили по меньшей мѣрѣ девяносто или даже сто министровъ, такъ что эта категорія гражданъ не можетъ уже считаться отборной. Аминтасъ—депутатъ совершенно заурядный, не обратившій на себя вниманія ни въ какой спеціальности и не знающій другой политики, кромѣ избирательной. Онъ

не сомнѣвается, однако, что ему предстоитъ быть первымъ министромъ, и требуетъ только, чтобы тягостное ожиданіе облегчалось для него посредствомъ извѣстныхъ компенсацій. Дѣло идетъ не о такъ-называемомъ мѣстѣ; это было бы слишкомъ вульгарно... Едва ли онъ принялъ бы постъ Ваддингтона въ Лондонѣ; но онъ охотно пошелъ бы на берлинскій конгрессъ, чтобы устраивать дѣла Европы... Величіе его могло бы быть объяснено психіатромъ, еслибы оно зависѣло только отъ его воображенія; но чѣмъ объяснить предупредительность министровъ? При всякой перемѣнѣ кабинета, они изобрѣтаютъ для него какой-нибудь генеральный контроль или протекторатъ. Публика къ этому привыкла. Важность Аминтаса не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой причины; но онъ важенъ, — въ этомъ всѣ согласны. Это, по общему признанію, абсолютная пустота, надутая, лоснящаяся, мечущаяся, безъ цѣли и безъ компаса. Онъ не годенъ ни къ чему, — онъ просто важенъ, безъ всякаго другого эпитета. Это одинъ изъ оригинальныхъ продуктовъ современной демократіи".

Политическое безсиліе сказывается, по мнѣнію Жюля Симона, въ дѣятельности парламента и во всей организаціи управленія. „Мы заимствовали свои мундиры отъ слугъ имперіи; мы взяли себѣ ихъ жалованье, и мы присвоили себѣ ихъ авторитетъ. Народъ царствуетъ и управляетъ черезъ насъ: революція окончена... Это прелестное устройство составляетъ предметъ зависти для всѣхъ народовъ, и они, пожалуй, присоединятся къ намъ, чтобы насладиться вполнѣ его плодами... Отъ администраціи требуютъ по преимуществу услугъ на выборахъ; она столько же зависитъ отъ депутатовъ, сколько отъ избирателей; она все еще находится въ періодѣ образованія, какъ и армія, какъ сама Франція". Финансы республики доведены до ежегоднаго дефицита въ 600 милліоновъ, и къ началу 1886 года эти недочеты составляли уже колоссальную сумму въ два милліарда четыреста милліоновъ. Правда, республика погасила два милліарда шестьсотъ милліоновъ прежняго долга, вызваннаго несчастіями 1870 года; но рядомъ съ этимъ дѣлались затраты, далеко превышающія обычныя средства бюджета: построено 26,000 зданій для школъ, проведено

желѣзныхъ дорогъ на 10,000 километровъ и издержано 745 милліоновъ на сельскіе пути сообщенія. Въ 1870 году, при имперіи, расходы по министерству народнаго просвѣщенія не превышали 24 милліоновъ; теперь они дошли до 163 милліоновъ, т.-е. возросли почти въ семь разъ, не считая полумилліарда на увеличеніе спеціальныхъ средствъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Докладчики школьнаго бюджета въ палатѣ депутатовъ предвидятъ дальнѣйшее увеличеніе расходовъ до 250 и даже до 300 милліоновъ въ годъ; сверхъ того, нужно будетъ прибавить еще 606 милліоновъ для распредѣленія между городскими и сельскими общинами на потребности учебнаго дѣла. Какъ ни полезны эти затраты, но онѣ кажутся слишкомъ смѣлыми Жюлю Симону, при существованіи крупнаго дефицита, тѣмъ болѣе, что и бюджеты другихъ вѣдомствъ возрастаютъ въ соотвѣтственной мѣрѣ. „Чрезвычайные кредиты, обыкновенный бюджетъ въ три милліарда,—все это вотируется парламентомъ съ удивительнымъ послушаніемъ и съ ошеломляющею быстротою. Парламентъ чувствуетъ себя вполнѣ успокоеннымъ, когда ему удалось урѣзать жалованье какимъ-нибудь мелкимъ чиновникамъ, и онъ пользуется этою экономіею въ нѣсколько милліоновъ, чтобы бросать сотни милліоновъ безъ надобности". Понятно, что страна не можетъ быть довольна нынѣшнею палатою, безцвѣтною, непослѣдовательною и неразсчетливою. „Этотъ капризный народъ, который часто не выноситъ узды, желаетъ быть управляемымъ; онъ страдаетъ не отъ гнета, не отъ анархіи, а отъ нерѣшительности". Республиканцы занялись преслѣдованіемъ духовенства, изгнаніемъ людей, подобныхъ герцогу Омальскому, устраненіемъ независимыхъ или реакціонныхъ элементовъ изъ состава магистратуры и администраціи; они возбудили раздраженіе въ разныхъ слояхъ общества, безъ всякой пользы для республики. „Они какъ будто поставили себѣ задачу: при господствѣ принципа народнаго верховенства и при системѣ прямого всеобщаго голосованія, основать правительство на всеобщемъ недовольствѣ"... „Среди министровъ, — продолжаетъ авторъ, — нѣтъ въ сущности ни идей, ни доктрины; нѣтъ авторитета, а есть только честолюбіе. Министры спрашиваютъ у палаты, чего

она хочетъ; палата спрашиваетъ у избирателей, чего они хотятъ, а избиратели хотятъ—луну... Разстроенная армія, истощенная казна, опасность въ будущемъ, — вотъ чего стоило намъ честолюбіе нѣкоторыхъ посредственныхъ адвокатовъ, которые, сдѣлавшись министрами, пожелали цѣною какихъ бы то ни было жертвъ доставить странѣ преимущества долгаго министерства". Жюль Симонъ обращается въ заключеніе не только къ республиканцамъ, но и къ французамъ вообще: „Ваши домашніе нравы не лучше публичныхъ... Вы имѣете искусства, которыя не согрѣваютъ и не возвышаютъ, литературу, которая не знаетъ другой цѣли, какъ только развлекать васъ или возбуждать ваши дурные инстинкты... Увы, народъ упадка,— великій, однако, народъ, — еслибы тебя умѣли поднять и вести; —ты считаешь себя господиномъ твоихъ судебъ, потому что отдаешь ихъ забавнымъ образомъ въ руки Камелина и Басли; ты считаешь себя господиномъ своей мысли, потому что не умѣешь уже вѣрить ни во что. Ты потерялъ привычку быть управляемымъ—извнѣ правительствомъ, внутри—вѣрою. Зрѣлище революціи еще не научило тебя, что первое условіе свободы—имѣть правительство сильное и строгіе нравы".

Замѣчанія Жюля Симона, хотя отчасти и односторонніе, содержатъ въ себѣ не мало горькихъ истинъ, которыя давно уже сознаются лучшими и наиболѣе искренними представителями республиканской партіи во Франціи [1]). Что французскій парламентскій режимъ въ современномъ его видѣ не соотвѣтствуетъ идеалу народнаго самоуправленія, — это несомнѣнно. Въ чемъ же заключается причина тѣхъ недуговъ, на которые указываетъ Жюль Симонъ? Зависятъ ли они отъ самыхъ свойствъ

[1]) Ср. *Paul Laffitte*, Le suffrage universel et le règime parlementaire. Paris, 1888. Недозольство настоящимъ внутреннимъ состояніемъ республики выражается у многихъ французскихъ писателей въ насмѣшливомъ, скептическомъ отношеніи къ политикѣ вообще. Даже такой заурядный публицистъ, какъ Поль Лаффитъ, считаетъ долгомъ оправдываться въ своемъ рѣшеніи писать о политическихъ вопросахъ, въ виду распространеннаго будто-бы взгляда, что „писать о политикѣ— значитъ понапрасну терять время". Любопытнымъ образчикомъ этого политическаго индифферентизма можетъ служить оригинальный трактатъ Бержере: Principes de politique, par *Gaston Bergeret*. Paris, 1889. См. мою замѣтку объ этой книгѣ въ „Вѣстникѣ Европы", 1889, февраль.

демократическаго строя, или отъ какихъ-нибудь постороннихъ обстоятельствъ? Отсутствіе великихъ умовъ и талантовъ въ парламентѣ, недостатокъ въ государственныхъ людяхъ, невысокій уровень политическаго пониманія среди депутатовъ, преобладаніе личныхъ и кружковыхъ интересовъ надъ общенародными, —все это симптомы общаго состоянія націи, переживающей трудную критическую эпоху. Учрежденія, дающія полный просторъ всевозможнымъ дарованіямъ, не могутъ быть отвѣтственны за то, что страна не производитъ даровитыхъ политическихъ дѣятелей въ данное время, что посредственности господствуютъ повсюду, и въ большинствѣ, и въ оппозиціи, что нѣтъ авторитетныхъ вождей, подобныхъ Тьеру и Гамбеттѣ. При другомъ политическомъ устройствѣ не выдвигались бы даже тѣ немногіе талантливые представители, которыхъ имѣетъ еще республика: недостатокъ свободы устранялъ бы наиболѣе независимыхъ и смѣлыхъ бойцовъ, заглушалъ бы неподкупные голоса въ печати и мѣшалъ бы появленію такихъ отрезвляющихъ книгъ, какъ очерки Жюля Симона. Бѣдность политическихъ дарованій замѣчается одинаково во всѣхъ партіяхъ; она особенно бросается въ глаза въ консервативномъ лагерѣ. Консерваторы не имѣютъ даже того утѣшенія, что могутъ явиться геніальные люди, достойные стать ихъ руководителями, ибо руководители ихъ суть въ то же время претенденты, не имѣющіе надобности въ личныхъ заслугахъ и способностяхъ для предъявленія своихъ наслѣдственныхъ правъ. Среди республиканцевъ всегда живетъ надежда, что ничѣмъ не стѣсненныя и широко развивающіяся народныя силы выдвинутъ новыхъ героевъ политики, могучихъ ораторовъ и патріотовъ, которые вдохнутъ свѣжую жизнь въ дѣятельность парламента и правительства. Надежда эта можетъ оказаться напрасною, и періодъ политическаго безплодія можетъ тянуться еще многіе годы; но это будетъ уже дѣломъ естественнаго роста или упадка французскаго общества, а не продуктомъ тѣхъ или другихъ учрежденій.

Каковъ бы ни былъ однако составъ парламента, онъ долженъ былъ бы удовлетворительно исполнять свою существенную функцію—строго контролировать государственные расходы

и ограничивать ихъ предѣлами необходимости, не допуская ни дефицитовъ, ни новыхъ долговъ, ни чрезмѣрнаго увеличенія налоговъ. Для добросовѣстнаго исполненія этой задачи нужны именно средніе умы, не задающіеся отдаленными цѣлями и заботящіеся главнымъ образомъ о практическихъ интересахъ народа. Если въ дѣйствительности депутаты пренебрегаютъ финансами страны, то это можетъ быть объяснено только однимъ предположеніемъ, что сами избиратели мало интересуются вопросомъ о количествѣ платимыхъ ими податей и не требуютъ отъ своихъ представителей соблюденія экономіи въ государственныхъ расходахъ. Иначе какъ понять, что большинство населенія выбираетъ кандидатовъ, программы которыхъ обѣщаютъ скорѣе увеличеніе, чѣмъ уменьшеніе податного бремени? Избиратели добиваются устройства новыхъ каналовъ, желѣзныхъ дорогъ или иныхъ полезныхъ сооруженій, связанныхъ съ значительными затратами изъ государственнаго казначейства, и они ждутъ отъ своихъ уполномоченныхъ осуществленія своихъ требованій, не останавливаясь передъ неизбѣжными послѣдствіями,—нарушеніемъ бюджетнаго равновѣсія, возростаніемъ налоговъ и долговъ. Дошло до того, что одно небольшое министерство публичныхъ работъ очутилось съ бюджетомъ въ *600* милл. Только богатая отъ природы страна, съ непоколебимымъ и неограниченнымъ кредитомъ, съ безукоризненно честною администраціею, при всеобщемъ свободномъ контролѣ, можетъ позволить себѣ роскошь грандіозныхъ издержекъ и дефицитовъ, безъ опасности для будущаго и безъ чувствительнаго вреда въ настоящемъ. Массы плательщиковъ податей имѣютъ законную возможность измѣнить финансовую систему палатъ и правительства; для этого нужно только подавать голоса за сторонниковъ безусловной бережливости въ бюджетѣ, за противниковъ всякихъ предпріятій и работъ, превышающихъ текущія средства казны, за приверженцевъ необходимыхъ реформъ въ видахъ сокращенія расходовъ и налоговъ. Депутатъ, вотирующій въ парламентѣ несогласно съ желаніями избирателей, рискуетъ не быть выбраннымъ вновь, и потому сознательное уклоненіе палаты отъ удовлетворенія народныхъ требованій представляется немыслимымъ. Блестящее экономическое состояніе

Франціи наиболѣе ярко характеризуется тѣмъ фактомъ, что, платя втрое больше податей, чѣмъ нѣмцы, французскіе избиратели хлопочутъ о какихъ угодно улучшеніяхъ и преобразованіяхъ, но только не о финансовыхъ. Производились, между тѣмъ, многомилліонныя издержки, которыхъ не могло одобрить населеніе,—какъ, напримѣръ, на тонкинскую экспедицію,—и нельзя не остановиться надъ вопросомъ: почему депутаты столь легко назначали колоссальныя суммы на ненужныя дѣла, которымъ не могли сочувствовать избиратели? Имѣетъ ли эта расточительность какую-либо связь съ недостатками выборной организаціи, какъ полагаетъ повидимому Жюль Симонъ? Съ теоретической точки зрѣнія можно утверждать, что выборы по департаментскимъ спискамъ недостаточно обезпечиваютъ интересы народныхъ массъ. Лица, выбираемыя не отдѣльными округами, а цѣлымъ департаментомъ, по списку той или другой партіи, не связаны непосредственно съ избирателями данной мѣстности, и чувство прямой отвѣтственности предъ населеніемъ ослабляется вслѣдствіе того, что кандидаты выступаютъ не въ одиночку, а группами, въ болѣе обширныхъ выборныхъ районахъ. Представитель одного какого-нибудь округа, обязанный своимъ избраніемъ личному довѣрію мѣстныхъ жителей, будетъ гораздо ближе къ насущнымъ интересамъ послѣднихъ, чѣмъ представитель департамента, выбранный вмѣстѣ съ своими единомышленниками по предложенію избирательнаго комитета, въ силу принадлежности къ извѣстной политической партіи. Что же видимъ мы на практикѣ? Палата 1881—85 годовъ, разрѣшавшая тонкинскіе и иные кредиты съ такой небывалой щедростью, была выбрана еще при прежней избирательной системѣ—по округамъ, когда связи съ избирателями были крѣпче и тѣснѣе и когда посредническая роль комитетовъ не имѣла еще такого значенія, какъ теперь. Выборы по спискамъ, установленные закономъ при министерствѣ Жюля Ферри, дали палату 1885—89 гг.,—слабую и безцвѣтную въ другихъ отношеніяхъ, но упорно стремившуюся къ посильнымъ сбереженіямъ. Въ періодъ 1871—77 годовъ французскіе финансы поражали Европу своимъ удивительнымъ процвѣтаніемъ послѣ несчастной войны и послѣ уплаты пяти милліардовъ контрибуціи, а между

тѣмъ, національное собраніе 1871—75 годовъ и палата 1875—77 годовъ были выбраны также по округамъ, какъ и расточительный парламентъ, подчинявшійся руководству Ферри. Ясно, что способъ выборовъ не оказываетъ замѣтнаго вліянія на финансовую политику парламентскаго большинства.

Здѣсь мы подходимъ къ основной проблемѣ парламентаризма, почти не затронутой Жюлемъ Симономъ, но постоянно обсуждаемой въ серьезной французской публицистикѣ послѣдняго времени. При разрозненности партій и группъ, при перемѣнчивости большинства, которое часто образуется изъ случайнаго соединенія непримиримыхъ между собою элементовъ (какъ, напр., крайней лѣвой съ реакціонною правою), правительство не можетъ и не должно находиться всецѣло въ рукахъ палаты; оно должно занимать свое особое мѣсто, подвергаясь неограниченному и всестороннему контролю, но не превращаясь въ пассивное орудіе парламентскихъ комбинацій, ибо въ противномъ случаѣ никакая послѣдовательная и опредѣленная политика невозможна. По конституціи 1875 года, рядомъ съ палатою депутатовъ существуетъ умѣряющій ее сенатъ, и независимо отъ обоихъ законодательныхъ собраній поставлена исполнительная власть, въ лицѣ неотвѣтственнаго президента республики. Сенатъ — этотъ „великій совѣтъ французскихъ общинъ“ по опредѣленію Гамбетты — низведенъ на степень ненужнаго, едва терпимаго учрежденія, регистрирующаго лишь постановленія палаты депутатовъ. Исполнительная власть имѣетъ лишь тѣнь власти, и фактически роль президента сводится къ исполненію извѣстныхъ обрядовъ, къ фигурированію на оффиціальныхъ пріемахъ и балахъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Всѣ правительственныя полномочія сосредоточились въ палатѣ депутатовъ, и сложная государственная машина подчинена всевозможнымъ колебаніямъ, перемѣнамъ и толчкамъ впечатлительнаго, неопредѣленнаго парламентскаго большинства, вопреки духу и смыслу конституціи. Министерства падаютъ въ силу случайнаго, временнаго настроенія палаты; политическія системы мѣняются вмѣстѣ съ перестановкою лицъ въ составѣ кабинетовъ; государственные вопросы рѣшаются изо дня въ день, по соображеніямъ настоящей минуты, и республика постоянно

находится какъ будто въ промежуткѣ между двумя кризисами. Многимъ начинаетъ казаться, что страна вовсе не имѣетъ прочнаго правительства, и это чувство охватываетъ даже убѣжденныхъ республиканцевъ, при видѣ парламентскихъ скачковъ и эфемерныхъ министровъ, мѣняющихся, какъ въ калейдоскопѣ. Та же самая палата, которая послушно вотировала милліоны на Тонкинъ и Мадагаскаръ, отреклась отъ колоніальныхъ предпріятій и свергла устроителей ихъ, при извѣстіи о первой военной неудачѣ, и то, что раньше признавалось мудростью и патріотизмомъ, превратилось чуть ли не въ государственную измѣну. Идеаломъ министерской политики сдѣлалось отсутствіе всякой политики — простое ожиданіе и исполненіе резолюцій палаты; министры, уклоняющіеся отъ такой несложной программы, разсматриваются какъ нарушители парламентскихъ правъ. Такъ называемые радикалы, дающіе тонъ республиканскому большинству, считаютъ образцомъ политическаго устройства безраздѣльное господство единой всемогущей палаты; они забываютъ, что конвентъ подготовилъ почву для Бонапарта. И теперь робкіе люди ищутъ властной руки, способной внести постоянство въ политическую жизнь; упорно повторяющіяся манифестаціи, имѣющія своимъ предметомъ генерала Буланже, доказываютъ наглядно, что культъ личности не можетъ быть искорененъ никакими учрежденіями. Когда нѣтъ вождей въ парламентѣ, толпа отыскиваетъ ихъ въ арміи. Слабость и увлеченія палаты, не встрѣчающія нигдѣ противовѣса, роняютъ парламентаризмъ въ общественномъ мнѣніи; сами республиканцы, недовольные большинствомъ, вовлекаютъ популярнаго генерала въ борьбу партій и пользуются его именемъ, какъ пугаломъ, противъ оппортунистовъ, и легко можетъ случиться, что это оружіе обратится противъ палаты и республики.

Парламентская система дѣйствуетъ во Франціи въ неправильномъ, извращенномъ видѣ, и послѣдствія этого извращенія не могутъ быть отнесены къ самымъ основамъ и принципамъ народнаго представительства. Характеръ недуга опредѣляетъ и способъ его исцѣленія. Палата депутатовъ должна контролировать исполнительную власть, но не совмѣщать въ себѣ ея функцій; она обсуждаетъ и утверждаетъ законы, но не должна

вмѣшиваться въ ихъ примѣненіе; она назначаетъ финансовыя средства, но не можетъ смѣщать министровъ. Парламентъ существуетъ для контроля и для законодательства, а не для управленія. Смѣшеніе властей приводитъ къ путаницѣ; оно подрываетъ авторитетъ государства, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Нѣкоторые французскіе публицисты предлагаютъ усвоить порядокъ, принятый въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и мысль эта встрѣчаетъ все бо́льшее сочувствіе въ республиканской партіи. Президентъ долженъ быть дѣйствительнымъ главою правительства, и фикція его неотвѣтственности должна быть оставлена, какъ несогласная съ природою вещей. Министры, назначаемые президентомъ, должны зависѣть отъ него одного; они не должны принадлежать къ составу палаты и участвовать въ ея преніяхъ. Конституціонная реформа, провсденная въ этомъ смыслѣ, возстановила бы равновѣсіе властей, и свободное демократическое устройство соединялось бы съ прочностью и единствомъ управленія. Но политическій темпераментъ французовъ даетъ мало надежды на осуществленіе такихъ преобразованій, которыя прежде всего предполагаютъ наклонность къ соглашеніямъ и компромиссамъ; поэтому остается ожидать появленія новыхъ даровитыхъ личностей, способныхъ взять на себя роль руководителей палаты и вдохновителей министерства.

XXI.

Нападки Герберта Спенсера на чрезмѣрное могущество парламентовъ и на систему государственнаго вмѣшательства. — Несостоятельность его критики англійскаго парламентаризма.

Парламенты не только унаслѣдовали прежнюю неограниченную власть королей, но еще значительно расширили предѣлы дѣятельности и задачъ государства. Преслѣдуя общее народное благо, они вносятъ регламентацію во всѣ закоулки общественнаго и экономическаго быта; личная свобода гражданъ, какъ утверждаетъ Гербертъ Спенсеръ, оказывается столь

же стѣсненною, какъ и при старомъ деспотическомъ режимѣ [1]).

По мнѣнію знаменитаго соціолога, для отдѣльныхъ лицъ безразлично, кѣмъ и во имя чего они стѣснены,—произволомъ ли правителя, во имя его „bon plaisir", или рѣшеніями выборной палаты, руководимой желаніями и потребностями народныхъ массъ. Спенсеръ находитъ крайнюю непослѣдовательность въ политикѣ либеральной партіи, которая прежде боролась подъ знаменемъ личной свободы и возставала противъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, а теперь сама усвоила себѣ принципъ принужденія и вмѣшательства. Этотъ переходъ отъ одной системы къ другой, противоположной,—кажется автору „безсознательнымъ" и объясняется имъ простымъ смѣшеніемъ понятій. „Ибо чѣмъ были,—говоритъ онъ,—по взглядамъ народа и самихъ дѣятелей либерализма тѣ перемѣны, которыя совершены были либералами въ прошломъ? Это были упраздненія тягостей, терпимыхъ народомъ или частью его: такова была общая ихъ черта, которая наиболѣе отпечатлѣлась въ умахъ людей. Это были смягченія золъ, которыя прямо или косвенно чувствовались значительными классами гражданъ, какъ причины бѣдствій или помѣхи благосостоянію. И такъ какъ, въ умахъ многихъ, устраненное зло равносильно достигнутому благу, то эти мѣры представлялись уже положительными пріобрѣтеніями, и благосостояніе большинства принято было либеральными государственными людьми и либеральными избирателями за цѣль либерализма. Отсюда произошло смѣшеніе". Либерализмъ превратился такимъ образомъ въ новый видъ торизма; онъ требуетъ уже не свободы а государственной опеки, которую въ былое время отстаивала лишь консервативная или торійская партія. Спенсеръ ссылается на все новѣйшее законодательство, построенное на ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ, особенно на фабричные законы, мѣшающіе свободной эксплуатаціи дѣтей и женщинъ на фабрикахъ и заводахъ, на законы

[1]) *Herbert Spencer*, The man *versus* the state. London, 1885. Его же этюды: „Over-legislation" (1853), „Representative government" (1857) и „Parliamentary reform, the dangers and the saveguards (1860), въ „Essays", vol. II (London, 1883).

объ обязательномъ школьномъ обученіи, на мѣры противъ пьянства и пауперизма, на законы о жилищахъ для рабочихъ, о содѣйствіи фермерамъ въ пріобрѣтеніи поземельныхъ участковъ, и т. п. Для исполненія всѣхъ этихъ мѣропріятій создаются новыя учрежденія или новые штаты чиновниковъ, возрастаютъ налоги и мѣстные сборы, извлекающіе часть имущества изъ свободнаго распоряженія гражданъ, и „съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ этого принудительнаго законодательства граждане лишаются какой-нибудь свободы, которою они раньше обладали". Истинный либерализмъ долженъ отвергать предположеніе о неограниченной парламентской власти, какъ онъ отвергалъ когда-то неограниченную власть королевскую, ибо „свобода гражданъ измѣряется не природою правительственнаго механизма, представительнаго или иного, а относительнымъ количествомъ налагаемыхъ имъ стѣсненій". Законны только такія стѣсненія, которыя необходимы для охраны лицъ отъ прямыхъ или косвенныхъ нападеній и отъ нарушенія ихъ свободы со стороны согражданъ; эти стѣсненія принудительны только въ отрицательномъ, а не въ положительномъ смыслѣ. Такъ разсуждаетъ Спенсеръ, и съ этой точки зрѣнія онъ подробно разбираетъ опасности, представляемыя современнымъ парламентаризмомъ.

Уже приведенные нами взгляды, положенные въ основу дальнѣйшихъ разсужденій Спенсера, сами собою напрашиваются на возраженія. Если либералы всегда имѣли въ виду общественное благо, въ отличіе отъ торіевъ, охранявшихъ интересы и выгоды власти, то эта противоположность цѣлей остается существеннымъ признакомъ, разграничивающимъ обѣ партіи, хотя способы дѣйствія ихъ должны были неизбѣжно измѣниться вмѣстѣ съ обстоятельствами. Не странно ли характеризовать политическія направленія по способамъ, которыми достигались извѣстныя цѣли, а не по самимъ этимъ цѣлямъ? Либерализмъ получилъ свое названіе въ ту эпоху, когда на первомъ планѣ стояла еще потребность освобожденія отъ стѣснительнаго произвола администраціи; можно сказать, что это названіе уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что новѣйшіе либералы должны были бы называться какъ-нибудь иначе, напримѣръ

прогрессистами, хотя въ болѣе широкомъ смыслѣ всякое улучшеніе народной жизни есть въ то же время освобожденіе ея отъ какого-либо недуга. Но можно ли считать обязательнымъ для партіи держаться именно тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ ея устарѣлаго или односторонняго названія? Слово слѣдуетъ за сущностью и подчиняется ей, а не наоборотъ. Не логично также требовать, чтобы смыслъ либерализма въ прошедшемъ былъ обязателенъ для него въ настоящемъ. Видѣть какое-то безсознательное „смѣшеніе понятій" въ многолѣтнихъ систематическихъ усиліяхъ лучшихъ людей возвысить матеріальный и нравственный бытъ большинства населенія — значитъ смотрѣть на исторію, какъ на цѣпь силлогизмовъ, и прилагать къ политикѣ чисто формальную, схоластическую мѣрку. Какъ это ни удивительно со стороны такого мыслителя, какъ Спенсеръ, но въ данномъ случаѣ онъ несомнѣнно придаетъ гораздо бо́льшую важность внѣшней формѣ общественныхъ движеній, чѣмъ ихъ внутреннему содержанію. Между прочимъ, въ установленіи полной свободы совѣсти и печати, въ отмѣнѣ ненужныхъ законовъ, стѣснявшихъ частную жизнь и задерживавшихъ развитіе промышленности и торговли, онъ видитъ лишь доказательство того, что существуетъ все-таки тенденція—ограничить владычество парламента,—какъ будто нѣтъ принципіальной разницы между свободою мнѣній и печати и свободою эксплуатаціи дѣтскаго труда на фабрикахъ. Отмѣна стѣсненій, признаваемыхъ вредными или излишними, не только не противорѣчитъ теоріи неограниченнаго парламентскаго вмѣшательства, но, напротивъ, доказываетъ наглядно, что это вмѣшательство не есть что-либо произвольное, и что оно служитъ тому же принципу общественной пользы, который всегда былъ руководящимъ началомъ истиннаго либерализма. Система государственной опеки существовала гораздо раньше, чѣмъ пріобрѣли свое значеніе парламенты; она наибольше развилась и окрѣпла вовсе не тамъ, гдѣ установилось народное представительство. Трудно винить либераловъ за стремленіе употреблять для цѣлей общенароднаго блага тѣ широкія государственныя средства, которыя прежде служили исключительно интересамъ правящаго класса. Спенсеръ дорожитъ формальною свободою гражданъ,

выражающеюся отсутствіемъ законодательныхъ стѣсненій; онъ ничего не имѣетъ противъ фактическаго гнета однихъ людей надъ другими, сильныхъ надъ слабыми, если только гнетъ этотъ совершается безъ явнаго насилія, предусмотрѣннаго уголовными или полицейскими законами. Парламентскіе либералы заботятся больше о фактической, реальной свободѣ лицъ и классовъ, поставленныхъ въ невыгодныя условія существованія, и въ этомъ нельзя видѣть особенный недостатокъ парламентаризма.

Въ обширной главѣ о „грядущемъ рабствѣ“ (переведенной и на русскій языкъ, въ видѣ отдѣльной книжки), Гербертъ Спенсеръ старается обстоятельно изобразить великій вредъ, причиняемый обществу преувеличенными заботами государства о народномъ благѣ. Къ сожалѣнію, политико-экономическіе доводы автора совершенно расходятся съ массою извѣстныхъ всѣмъ фактовъ и не имѣютъ никакой точки опоры въ спеціальной литературѣ предмета. Спенсеръ представляетъ себѣ современный экономическій бытъ въ видѣ идеально-справедливаго порядка, въ которомъ каждому воздается по дѣламъ его: бѣдность есть достойное наказаніе за лѣность и пороки; неимущіе и страждущіе сами виноваты въ своихъ несчастіяхъ; трудъ и добродѣтель вознаграждаются благосостояніемъ и богатствомъ, а „существа, неспособныя поддерживать себя, должны погибать“, въ силу общаго закона природы. Поэтому всякая филантропія вредна, не только частная, но и особенно общественная и законодательная, ибо она плодитъ тунеядцевъ и лѣнтяевъ, пріучаетъ бѣдныхъ къ даровымъ пріобрѣтеніямъ и сохраняетъ жизнь людей никому ненужныхъ. Авторъ подтверждаетъ свою мысль ссылкою на англійскіе законы о бѣдныхъ и на разросшіеся бюджеты народныхъ школъ. Если даже на минуту стать на точку зрѣнія Спенсера, то вся его аргументація уничтожается однимъ естественнымъ вопросомъ: что сдѣлали бы добродѣтельные и зажиточные классы Англіи, еслибы существующіе въ ней милліоны бѣдняковъ, предоставленные вполнѣ на произволъ судьбы, не пожелали погибнуть тихо и мирно, а вздумали бы съ шумомъ требовать хлѣба и пріюта, подъ угрозою насилій и волненій? Очевидно, господствующіе классы должны заботиться о бѣдныхъ, ради собственной своей

безопасности, и налогъ въ пользу неимущихъ есть только способъ страхованія отъ непріятныхъ столкновеній и безпорядковъ. Еще яснѣе роль эгоистическихъ мотивовъ въ школьномъ вопросѣ. Развѣ для общества безразлично, что выйдетъ изъ многихъ тысячъ дѣтей бѣдняковъ — поступятъ ли они въ число преступниковъ и опасныхъ негодяевъ или превратятся въ полезныхъ работниковъ и образованныхъ людей?

Но самая сущность взгляда Спенсера на экономическую жизнь и на отношеніе къ ней государства заключаетъ въ себѣ колоссальное недоразумѣніе. Весь хозяйственный строй Англіи основанъ на принудительныхъ мѣрахъ и законахъ прежнихъ временъ. Предлагаетъ ли авторъ отмѣнить эти старые законы со всѣми ихъ послѣдствіями, чтобы уничтожить многочисленные и преобладающіе понынѣ продукты отвергаемаго имъ государственнаго вмѣшательства? Нѣтъ, онъ не поднимаетъ вопроса о прошломъ и ставитъ даже молчаливое предположеніе, что безъ участія правителей все существующее выработалось бы само собою, путемъ свободныхъ частныхъ дѣйствій и сдѣлокъ. Онъ исходитъ такимъ образомъ изъ посылки совершенно фантастической, и вся его критика, направленная противъ вмѣшательства въ настоящемъ, основана на непонятной иллюзіи относительно прошедшаго. Онъ хотѣлъ бы, чтобы государство ограничивалось охраною личныхъ и имущественныхъ правъ; но что такое эта охрана, какъ не вмѣшательство, и притомъ одностороннее, нерѣдко въ пользу институтовъ и порядковъ, созданныхъ вѣками принужденій и насилій? Поселяне, изгнанные изъ своихъ наслѣдственныхъ участковъ для „очистки“ помѣстій подъ пастбища, имѣли противъ себя не только землевладѣльцевъ, но и полицейскія и военныя силы королевства; общинныя земли отняты были у крестьянства такимъ же способомъ. Никто не скажетъ, что эти поселяне и ихъ потомки сами виноваты въ своей судьбѣ, что они получили лишь справедливое возмездіе за свою лѣность и пороки, тогда какъ лорды вознаграждены за свои добродѣтели и трудолюбіе. Ирландскіе арендаторы, выселяемые съ своихъ дѣдовскихъ фермъ при помощи крутыхъ экзекуцій, суть также жертвы государственнаго вмѣшательства, руководимаго интересами одного высшаго класса.

А когда либералы думаютъ устранить это вмѣшательство и возстановить нѣкоторую долю попранныхъ правъ, то Спенсеръ замѣчаетъ въ этомъ напрасное стѣсненіе личной свободы гражданъ и даже нарушеніе законовъ природы. Законодательныя реформы не всегда имѣютъ своимъ результатомъ чрезмѣрное размноженіе чиновниковъ, которое авторъ вполнѣ основательно признаетъ серьезнымъ зломъ; важнѣйшія преобразованія заключаются въ отмѣнѣ несправедливыхъ привилегій, учрежденій и законовъ, санкціонировавшихъ гнетъ меньшинства надъ большинствомъ, а такого рода реформы приводятъ скорѣе къ сокращенію, чѣмъ къ усиленію бюрократизма. Спенсеръ рѣзко возражаетъ противъ распространеннаго предразсудка, приписывающаго государству способность и обязанность разрѣшать всякія вообще соціальныя и экономическія задачи, выдвигаемыя жизнью; но нельзя отрицать, что государство можетъ по крайней мѣрѣ исправить и измѣнить свои собственные акты, совершившіеся въ прошедшемъ. Эта область историческихъ поправокъ и отрицательныхъ реформъ представляетъ весьма широкое поле для дѣятельности парламента, проникнутаго демократическимъ духомъ. Подобное направленіе законодательства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо „государственнымъ соціализмомъ“, какъ ошибочно предполагаетъ Спенсеръ. [1])

Англійскій парламентаризмъ, по мнѣнію Спенсера, все болѣе поддается напору общественныхъ и народныхъ движеній, имѣющихъ будто бы соціалистическій характеръ. „Каждый кандидатъ въ члены парламента берется предложить или поддержать какой-нибудь новый проэктъ законодательства для привлеченія избирателей. Руководители партій, какъ тѣ, которые озабочены сохраненіемъ власти, такъ и желающіе вы-

---

[1]) Совсѣмъ иначе разсуждаетъ Спенсеръ въ болѣе раннемъ сочиненіи—въ „Соціальной статикѣ“, вышедшей въ 1850 году,—гдѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе горячая защита общественныхъ правъ на землю противъ захватовъ и узурпацій поземельныхъ лордовъ. См. „Social Statics“ (London, 1868), стр. 131—154. Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ краснорѣчивыхъ и смѣлыхъ разсужденій приведены въ статьѣ моей о поземельной собственности, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1883 г., январь.

тѣснить ихъ, стараются превзойти другъ друга количествомъ обѣщаній, чтобы пріобрѣсть сторонниковъ. Каждый ищетъ популярности, обѣщая больше своего противника. Коммунистическія (?) теоріи, отчасти освященныя отдѣльными актами парламента и молчаливо или явно поддерживаемыя многочисленными публичными дѣятелями, вербующими себѣ приверженцевъ, проповѣдуются все громче и шумнѣе, въ той или другой формѣ, народными ораторами и организованными обществами. Журналисты, всегда избѣгающіе говорить то, что̀ непріятно ихъ читателямъ, идутъ по теченію. Говорятъ, что французская революція пожирала своихъ собственныхъ дѣтей. Здѣсь аналогичная катастрофа не кажется невѣроятной. Многочисленныя соціалистическія перемѣны, сдѣланныя парламентомъ, въ связи со многими другими, которыя имѣютъ быть сдѣланы, потонутъ постепенно въ государственномъ соціализмѣ и исчезнутъ въ громадной волнѣ, которую онѣ подняли мало-по-малу". Граждане очутятся въ состояніи рабства, потому что рабомъ, по объясненію Спенсера, слѣдуетъ считать всякаго, кто обязанъ отдавать часть своего труда и своихъ доходовъ въ пользу другихъ людей; а будутъ ли эти обязательства относиться къ отдѣльнымъ лицамъ или къ цѣлому обществу,—это будто бы безразлично. Если держаться такого опредѣленія, то нѣтъ надобности говорить о „грядущемъ рабствѣ", грозящемъ будто бы высшимъ классамъ населенія, ибо подобное рабство уже существуетъ для массы плательщиковъ податей, для городскихъ и сельскихъ рабочихъ, поставленныхъ въ зависимость отъ хозяевъ и капиталистовъ. Уплата налоговъ на пользу общую не становится „рабствомъ" оттого, что собираемыя казною средства пойдутъ на улучшеніе быта низшихъ слоевъ народа. Неудачные или слишкомъ смѣлые проэкты, предлагаемые дѣятелями различныхъ партій, встрѣчаютъ надлежащее противодѣйствіе въ свободной печати и имѣютъ очень мало шансовъ быть принятыми палатою; если же извѣстныя реформы одобряются общественнымъ мнѣніемъ и вождями парламентскаго большинства, то онѣ очевидно соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ и не могутъ быть уже особенно смѣлыми или дурными. Спенсеру рисуется картина какого-то пе-

удержимаго радикальнаго реформаторства, въ которомъ наиболѣе опасны первые шаги. Переходъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства и заботы объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ повлекутъ за собою будто бы не только націонализацію земли, но и поглощеніе всѣхъ промысловъ государствомъ; почему это можетъ случиться и какая логическая связь находится между разумными проектами и фантастическими изъ нихъ выводами—остается непонятнымъ.

Спенсеръ много говоритъ объ опасностяхъ сосредоточенной и постоянно разростающейся бюрократической организаціи, на которую возлагаются все новыя задачи, соединенныя съ новыми полномочіями, въ ущербъ индивидуальной свободѣ. „Предполагаютъ, что оффиціализмъ будетъ дѣлать именно то, для чего онъ предназначенъ, чего однако никогда не бываетъ. Механизмъ будущаго устройства, подобно нынѣ существующему, долженъ быть выработанъ изъ того же матеріала—изъ свойствъ человѣческой природы, и недостатки этой природы выразятся въ одинаковыхъ послѣдствіяхъ. Любовь къ власти, своекорыстіе, несправедливость, неискренность, которыя нерѣдко губятъ частныя предпріятія, должны неизбѣжно порождать гораздо болѣе значительные и менѣе устранимые недуги, такъ какъ результаты этихъ слабостей будутъ накопляться отъ поколѣнія къ поколѣнію. Обширная и сложная, располагающая всѣми рессурсами, административная организація, разъ утвердившись, сдѣлается неодолимой“. Изъ этого можно вывести только одно заключеніе,—что необходимо предоставить больше простора мѣстному народному самоуправленію и что послѣднему должны принадлежать исполнительныя и контрольныя функціи, вытекающія изъ новыхъ соціальныхъ и экономическихъ реформъ. Такая система отчасти практикуется уже англійскимъ парламентомъ, который вообще не можетъ быть заподозрѣнъ въ наклонности ограничивать гражданскую свободу и увеличивать права администраціи. Примѣненіе школьныхъ законовъ и постановленій противъ пьянства, также какъ законовъ о бѣдныхъ, зависитъ въ значительной степени отъ городскихъ и сельскихъ общинъ, отъ приходовъ, отъ выборныхъ мѣстныхъ властей; эти же органы самоуправленія должны

были бы завѣдывать осуществленіемъ другихъ законодательныхъ мѣръ, относимыхъ Спенсеромъ почему-то къ категоріи „соціалистическихъ“. Возраженія противъ централизаціи и оффиціализма касаются лишь способовъ исполненія реформъ, а не самой ихъ сущности и цѣли.

Говоря въ особой главѣ о „грѣхахъ законодателей“, Спенсеръ воздвигаетъ цѣлый обвинительный актъ противъ англійскаго парламента. Онъ останавливается на томъ странномъ фактѣ, что для составленія законовъ, по общепринятому взгляду, не требуется будто бы спеціальныхъ знаній и подготовки: всякій общественный дѣятель считаетъ себя способнымъ законодательствовать, хотя бы онъ совсѣмъ не обладалъ нужными для этого свѣденіями, между тѣмъ какъ никто не станетъ распоряжаться приготовленіемъ лекарствъ въ аптекѣ, не будучи спеціалистомъ своего дѣла. Отсюда множество законовъ, приносящихъ вредъ вмѣсто ожидаемой пользы; однѣ и тѣ же ошибки повторяются постоянно, и парламенту приходится большею частью отмѣнять постановленія прежняго времени. По вычисленію одного статистика, цитируемаго Спенсеромъ, отъ двадцатаго года царствованія Георга III до конца 1872 года состоялось 17,110 публичныхъ актовъ парламента, и четыре пятыхъ этого числа уже отмѣнено вполнѣ или отчасти. Въ одно трехлѣтіе отъ 1870 до 1872 года включительно было исправлено и отмѣнено 3,532 парламентскихъ акта; изъ нихъ 2,759 было вполнѣ отмѣнено. Самъ авторъ сосчиталъ, что во время трехъ парламентскихъ сессій (1883—84 гг.) палата общинъ отмѣнила 650 актовъ, относящихся къ настоящему царствованію, независимо отъ многихъ исправленныхъ законовъ и актовъ предшествовавшихъ правленій. Несомнѣнно,—замѣчаетъ Спенсеръ,—что въ массѣ случаевъ законы отмѣняются только потому, что они оказались неудовлетворительными или вредными. Трудно вообразить, сколько неисчислимыхъ золъ причинено было этими неудачными постановленіями, прежде чѣмъ они были отмѣнены. И тѣмъ преступнѣе то легкомысліе, съ какимъ люди берутся устанавливать законы для жизни народа. „Житейскій опытъ ежедневно убѣждаетъ каждаго гражданина и законодателя, что

поведеніе человѣческихъ существъ не можетъ быть разсчитано напередъ. Онъ (т.-е. гражданинъ и законодатель) бросилъ мысль управлять своею женою и отдаетъ себя въ ея управленіе. Дѣти, на которыхъ онъ пытался дѣйствовать различными способами—то выговоромъ, то наказаніемъ, то убѣжденіемъ, то наградой,—не поддаются какъ слѣдуетъ ни одному воспитательному методу, и никакіе доводы не мѣшаютъ матери употреблять въ обращеніи съ ними пріемы, признаваемые отцомъ вредными. Такъ же точно въ отношеніяхъ съ прислугою онъ рѣдко имѣетъ успѣхъ... И при всемъ томъ, какъ ни труднымъ находитъ онъ имѣть дѣло съ человѣчествомъ въ конкретѣ, онъ увѣренъ въ своемъ умѣньѣ обращаться съ человѣческимъ обществомъ. Онъ не сомнѣвается, что граждане будутъ поступать такъ, какъ онъ предусмотрѣлъ, и будутъ стремиться къ цѣлямъ, которыя онъ считаетъ желательными, хотя онъ не знаетъ и тысячной доли населенія и едва ли видалъ когда-либо сотую его часть, а большая масса этихъ гражданъ принадлежитъ къ слоямъ, имѣющимъ нравы и взгляды, о которыхъ онъ располагаетъ лишь самыми смутными свѣденіями".

По поводу этихъ мѣткихъ и вѣскихъ замѣчаній можно сдѣлать только одну существенную поправку: члены парламента вообще не занимаются составленіемъ законовъ; они только обсуждаютъ, принимаютъ или отвергаютъ законопроекты, выработанные компетентными лицами или спеціальными коммиссіями по порученію министерства или по частной иниціативѣ. Прежде чѣмъ быть принятымъ въ той или другой формѣ, всякій новый законъ долженъ пройти трудный и длинный путь публичной критики, въ которой руководящее участіе принимаютъ лучшіе знатоки даннаго вопроса, опытные юрисконсульты, практическіе дѣльцы и государственные люди, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны оппозиціи. Мыслимо ли при такихъ условіяхъ, чтобы черезъ парламентское горнило проскользнулъ законопроектъ, порожденный самоувѣренностью и незнаніемъ? Не даромъ многіе акты англійскаго парламента послужили образцомъ для другихъ европейскихъ законодательствъ; вспомнимъ фабричные законы, знаменитый

банковскій актъ 1844 года и др. Лучшіе памятники новѣйшаго законодательства въ западной Европѣ принадлежатъ несомнѣнно Англіи и Франціи—двумъ странамъ, гдѣ парламентаризмъ достигъ наиболѣе полнаго развитія. Приписывая составленіе парламентскихъ актовъ случайнымъ, неподготовленнымъ членамъ выборныхъ палатъ, Спенсеръ критикуетъ не факты, а свое теоретическое предположеніе, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительною практикою парламентаризма. Столь же невѣренъ выводъ, дѣлаемый имъ изъ громаднаго числа отмѣненныхъ и постоянно отмѣняемыхъ законовъ. Законы, дурные и стѣснительные для средняго класса, были хороши и выгодны для землевладѣльческой аристократіи, при господствѣ которой они издавались. Законы, весьма мудрые съ точки зрѣнія промышленной буржуазіи, были безусловно дурными для большинства трудящагося населенія, для городскихъ и сельскихъ рабочихъ, которые начинаютъ теперь имѣть голосъ въ дѣлахъ избирательныхъ и парламентскихъ. Понятно, что акты, состоявшіеся въ интересахъ одного класса, отмѣняются при переходѣ власти и вліянія къ другимъ общественнымъ слоямъ, и постепенный ростъ демократіи сопровождается отмѣною и пересмотромъ враждебныхъ или невыгодныхъ для нея законовъ, какъ бы искусно ни были придуманы послѣдніе. Такимъ образомъ, представленія о дурныхъ и хорошихъ законахъ неодинаковы въ различныя эпохи; они мѣняются вмѣстѣ съ историческими обстоятельствами, и неумѣлость законодателей тутъ ни при чемъ, за немногими, конечно, исключеніями.

Защита индивидуальныхъ правъ отъ неограниченной власти парламентовъ значительно облегчается двумя сбстоятельствами, о которыхъ не упоминаетъ Спенсеръ. Во-первыхъ, парламентаризмъ основанъ на признаніи извѣстныхъ фундаментальныхъ правъ каждаго полноправнаго гражданина, и эти права обыкновенно точно опредѣлены конституціонными законами страны: они не могутъ быть отняты или ограничены безъ явнаго нарушенія конституціи. Во-вторыхъ, члены парламента, выбираемые на непродолжительный срокъ изъ среды милліоновъ гражданъ, въ качествѣ ихъ уполномоченныхъ, не могутъ пред-

принимать что-либо во вредъ своимъ же избирателямъ и всему обществу, ибо это значило бы дѣйствовать противъ самихъ же себя. Ограничивая или стѣсняя свободу частныхъ лицъ вообще, они ограничивали бы свою собственную свободу и стѣсняли бы свои собственныя права. Такія самоотверженныя рѣшенія возможны только въ порывѣ народнаго возбужденія или энтузіазма, при условіяхъ совершенно исключительныхъ; они немыслимы при нормальномъ ходѣ жизни. Еслибъ какая-нибудь палата увлеклась на путь стѣсненій, то другая могла бы всегда поправить дѣло и возстановить нарушенныя гарантіи. Частная и общественная свобода неразрывно связана съ понятіемъ о народномъ представительствѣ; она служитъ его необходимою основою и фундаментомъ. Парламентъ живетъ одною жизнью съ обществомъ и народомъ; онъ обладаетъ властью не въ томъ отвлеченномъ, формальномъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово Спенсеръ. Парламентъ всегда остается органомъ и выразителемъ общественнаго настроенія; онъ зависитъ не только отъ избирателей, но отъ всѣхъ окружающихъ его общественныхъ силъ и вліяній, которыя фактически ставятъ весьма опредѣленные предѣлы его полномочіямъ. Тѣ стѣсненія частныхъ правъ, о которыхъ говоритъ англійскій соціологъ, не имѣютъ общаго характера и относятся лишь къ извѣстнымъ родамъ дѣятельности; они направлены только къ тому, чтобы предупредить несправедливое угнетеніе однихъ людей другими, совершающееся подъ прикрытіемъ неограниченной свободы сдѣлокъ. Право на эксплуатацію ближняго не входитъ въ кругъ основныхъ гражданскихъ правъ, и ограниченіе его не есть посягательство на свободу личности: напротивъ, оно охраняетъ эту свободу отъ легальныхъ насилій и злоупотребленій.

XXII.

Вопросъ о сравнительной прочности правительствъ и ихъ программъ.—Три признака прочности управленія. — Разсужденія Мэна объ опасностяхъ и недугахъ демократіи.

Въ странахъ, гдѣ представительное правленіе составляетъ давнишній, прочно установившійся фактъ, преимущества демократическаго строя вовсе не обращаютъ на себя особеннаго вниманія: всѣ привыкли пользоваться свободою, не задумываясь надъ ея происхожденіемъ, и склонность къ критикѣ парламентаризма доходила иногда до неблагодарности. Французскіе и англійскіе писатели, нападающіе на парламентаризмъ, забываютъ нерѣдко, что самое право нападать на существующіе порядки принадлежитъ имъ только въ силу тѣхъ конституціонныхъ началъ, которыя они критикуютъ. Это забвеніе почвы, на которой движется современная политическая жизнь въ западной Европѣ, выражается замѣчательно рѣзко въ этюдахъ о „народномъ правительствѣ“, принадлежащихъ перу извѣстнаго изслѣдователя древнихъ учрежденій, сэра Генри Сомнера Мэна [1]).

Главный доводъ, выставляемый обыкновенно противъ демократіи,—непрочность и непостоянство народнаго правленія. „Со времени введенія политической свободы во Франціи, — говоритъ Мэнъ,—правительство было свергнуто *три* раза парижскою чернью—въ 1792, 1830 и 1848 годахъ; *три* раза—арміею,—въ 1797, 1799 и 1851 годахъ; *три* раза правительство разрушалось иностраннымъ нашествіемъ—въ 1814, 1815 и 1870 годахъ, причемъ нашествіе вызывалось каждый разъ французскимъ нападеніемъ, которому сочувствовала бо́льшая часть народа. Итого, оставляя въ сторонѣ ненормальный (?) періодъ отъ 1870 года до настоящаго времени, мы видимъ, что Франція съ самаго начала своихъ политическихъ опытовъ имѣла 44 года свободы и 37 лѣтъ суровой диктатуры“. Въ этомъ небольшомъ счетѣ можно отмѣтить нѣсколько крупныхъ

[1]) Popular government, by sir *Henry Sumner Maine*. London, 1885.

ошибокъ. Паденіе Бурбоновъ и Орлеановъ доказываетъ непрочность монархіи во Франціи, а не перемѣнчивость демократическаго режима; Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ пали не вслѣдствіе избытка политической свободы, а вслѣдствіе неудачныхъ попытокъ ограничить эту свободу, вопреки конституціи. Насильственные перевороты, совершенные двумя Бонапартами, не могутъ быть причислены къ грѣхамъ демократіи; такъ же точно непріятельскія нашествія, вызванныя Наполеоновскими войнами, свидѣтельствуютъ объ опасностяхъ личной династической политики временъ имперіи, а не о слабостяхъ народнаго правленія. Непонятно также, почему періодъ третьей республики (съ 1871 г.), свободный отъ всякихъ междоусобій, переворотовъ и войнъ, долженъ считаться болѣе ненормальнымъ, чѣмъ какой-либо изъ предшествующихъ періодовъ, съ конца прошлаго столѣтія. Столь же ошибочны указанія автора изъ области новѣйшей исторіи Испаніи. „По моему счету,—замѣчаетъ онъ,—между первымъ установленіемъ народнаго правительства въ 1812 году и воцареніемъ короля Альфонса XII было 40 военныхъ возстаній серьезнаго свойства, въ большинствѣ которыхъ участвовало населеніе; девять изъ нихъ были успѣшны вполнѣ или отчасти. Только въ теченіи девяти лѣтъ послѣ 1845 и девять лѣтъ послѣ 1857 года была сравнительная, хотя и неполная, свобода отъ военныхъ замѣшательствъ". Но время отъ 1812 до 1833 г. нельзя относить къ господству демократіи, съ точки зрѣнія самого автора; ибо, по его же словамъ, „конституція 1812 года не была признана Фердинандомъ VII, и король царствовалъ неограниченно" почти до самой своей смерти въ 1833 году, благодаря поддержкѣ, оказанной ему „священнымъ союзомъ" послѣ военнаго возстанія 1820 года. Значитъ, конституціонную эпоху въ Испаніи надо считать только съ 1833 года; но можно ли серьезно говорить о народномъ правленіи при королевахъ Христинѣ и Изабеллѣ, и оно ли было причиною изгнанія этихъ королевъ и насильственнаго воцаренія Альфонса? Защитники демократіи могли бы сослаться на прочность правительства въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ верховная власть дѣйствительно принадлежитъ народу и его представи-

телямъ; но значеніе этой ссылки, по мнѣнію Мэна, „ослабляется, если не уничтожается, поучительнымъ зрѣлищемъ многочисленныхъ республикъ отъ мексиканской границы до Магеллана“. Въ этихъ испанско-американскихъ обществахъ наблюдается непрерывный рядъ тиранній и переворотовъ. „Такъ, въ Боливіи изъ 14 президентовъ республики 13 убито или умерло въ изгнаніи. Невниманіе къ этимъ фактамъ объясняется только тѣмъ, что испанскій языкъ мало извѣстенъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Что въ Южной Америкѣ населеніе отчасти индійской крови и подчинялось римской церкви—это не доводъ въ устахъ тѣхъ, которые считаютъ демократію одинаково доступною всѣмъ народамъ“. Къ сожалѣнію, авторъ обходитъ молчаніемъ тѣ спеціальныя условія, въ какихъ находятся указываемыя имъ страны; онъ не разбираетъ фактическихъ причинъ постоянныхъ междоусобій, раздирающихъ эти государства, а заранѣе рѣшаетъ, что все зло заключается въ „народномъ правленіи“. Выводъ Мэна является, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ поспѣшнымъ и произвольнымъ; но еслибы онъ даже оказался справедливымъ, то во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ бы никакого отношенія къ вопросу о демократіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова. То, что происходитъ гдѣ-нибудь въ Боливіи или въ Перу, не можетъ служить доводомъ для Франціи или Англіи, подобно тому какъ правительственная система персидскаго шаха или афганскаго эмира не можетъ быть выставляема, какъ возраженіе противъ монархическаго устройства европейскихъ державъ. Мэнъ не пытается даже объяснить, какимъ образомъ великій опытъ Соединенныхъ Штатовъ можетъ ослабляться печальною исторіею мелкихъ южноамериканскихъ республикъ. „Убѣжденные сторонники демократіи,—говоритъ онъ,—мало обращаютъ вниманія на примѣры, доказывающіе непрочность демократическихъ правительствъ. Это будто бы только отдѣльные случаи торжества злого начала. Но заключеніе трезваго изслѣдователя исторіи будетъ иное. Онъ скорѣе отмѣтитъ, какъ фактъ, требующій самаго серьезнаго разсмотрѣнія, что съ того вѣка, когда римскіе императоры были въ зависимости отъ преторіанцевъ, не было еще такого непостоянства правительствъ, какое увидѣлъ

свѣтъ со времени признанія правителей делегатами общества". Чтобы дойти до правильнаго заключенія, авторъ долженъ былъ бы принять въ разсчетъ и факты, касающіеся неограниченныхъ монархій, такъ какъ только путемъ сравненія можно было бы убѣдиться въ существованіи причинной связи между непрочностью правительствъ и владычествомъ демократіи. И этого элементарнаго научнаго пріема мы не находимъ у Мэна, вообще столь опытнаго и осторожнаго въ дѣлѣ историко-юридическихъ изслѣдованій. Даже термины, употребляемые авторомъ, не опредѣляются имъ съ надлежащею точностью; онъ говоритъ безразлично о „народномъ правленіи", идетъ ли рѣчь о конституціонномъ правительствѣ Альфонса XII или о настоящихъ республикахъ, въ родѣ сѣверо-американской или французской. Оттого и разсужденія его часто попадаютъ вовсе не въ ту цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду.

Самый вопросъ о прочности правительствъ далеко не столь простъ, какъ онъ кажется съ перваго взгляда. Подъ прочностью управленія можно разумѣть, во-первыхъ, незыблемость правительственной формы, монархической или республиканской; во-вторыхъ, долговѣчность министерствъ или кабинетовъ, управляющихъ страною, и въ-третьихъ, постоянство и послѣдовательность политики, преслѣдуемой министрами и правителями. Что касается формы правленія, то о прочности ея можно судить только въ примѣненіи къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго государства; очевидно, что для Соединенныхъ Штатовъ и для Швейцаріи самою прочною и непоколебимою является республика, какъ для Пруссіи или Австріи—монархія. Спорнымъ считается вопросъ только относительно Франціи. Когда говорятъ о шаткости и неустойчивости „народнаго правленія", то при этомъ думаютъ почти исключительно о нынѣшней французской республикѣ. Французское республиканское устройство уже потому кажется непрочнымъ, что оно свободно обсуждается и осуждается во Франціи, тогда какъ въ другихъ государствахъ запрещено возбуждать сомнѣнія въ превосходствѣ существующей формы правленія. При оцѣнкѣ французскаго режима смѣшиваютъ обыкновенно положеніе республики съ судьбою ея министерствъ, шаткость которыхъ имѣетъ свои

особыя причины, не зависящія нисколько отъ демократическаго характера конституціи. Республика сама по себѣ, какъ правительственная форма, держится неизмѣнно уже восемнадцать лѣтъ; т.-е. она дожила до того срока, котораго не удалось пережить ни монархіи Орлеановъ, ни второй имперіи. Это продолжительное существованіе республики достигнуто притомъ безъ всякихъ рискованныхъ внѣшнихъ усилій, безъ шумныхъ предпріятій и войнъ, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать Наполеонъ III для утвержденія своего царствованія. Республика не должна была придумывать искусственные политическіе эффекты, которыми столь озабочены были министры Людовика-Филиппа; она не затѣвала ссоръ съ какими-либо великими державами и не вовлекала страну въ круговоротъ европейскихъ событій ради поддержанія своего престижа. Республика успѣла безъ особенныхъ затрудненій справиться съ нѣсколькими, весьма серьезными, кризисами, изъ которыхъ каждый былъ бы достаточенъ въ былое время для насильственной перемѣны правленія. Вспомнимъ парижскую коммуну 1871 года, реакціонныя попытки во время президентства маршала Макъ-Магона, печальный конецъ второго президентства Греви и наконецъ новѣйшую буланжистскую агитацію: троны Карла X и Людовика-Филиппа не выдержали напора волненій, гораздо менѣе значительныхъ и возникшихъ по поводамъ, гораздо менѣе существеннымъ. Такимъ образомъ, для современной Франціи республика оказывается болѣе устойчивой и жизненной, чѣмъ каждая изъ трехъ монархическихъ реставрацій настоящаго столѣтія. Этотъ фактъ объясняется прежде всего безличнымъ характеромъ республиканской власти: революція теряетъ свой raison d'être, когда правители суть только выборные делегаты, которыхъ можно смѣнить законнымъ способомъ.

Второй признакъ непрочности—частая смѣна министерствъ—сопутствуетъ парламентаризму въ тѣхъ случаяхъ, когда въ общественномъ мнѣніи народа установился разладъ, когда ни одна изъ политическихъ партій не получаетъ полнаго перевѣса на выборахъ и когда поэтому нѣтъ въ палатахъ однороднаго большинства, на которое могло бы опираться прави-

тельство. Разладъ проходитъ: то или другое направленіе пріобрѣтаетъ наибольшее довѣріе въ странѣ и сосредоточиваетъ около себя лучшія силы общества; единство достигается и въ парламентѣ, и министерскія шатанія исчезаютъ сами собою. Кабинетные кризисы происходятъ и отъ недостатка въ выдающихся государственныхъ людяхъ, на которыхъ могъ бы остановиться общественный выборъ, отъ преобладанія посредственностей, прочное водвореніе которыхъ у кормила власти совсѣмъ нежелательно съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Гдѣ нѣтъ парламента и гдѣ общественно-политическіе мотивы не играютъ руководящей роли въ дѣлахъ государства, тамъ министры мѣняются столь же часто, вслѣдствіе закулисныхъ интригъ, возведенныхъ въ систему, какъ это бывало, напр., во Франціи при Бурбонахъ. Но сторонники постоянства и прочности управленія ошибаются въ самой основѣ: они считаютъ безусловнымъ преимуществомъ то, что нерѣдко противорѣчитъ дѣйствительнымъ пользамъ страны. Если видѣть достоинство правительства въ неизмѣнности его личнаго состава, то пальму первенства въ этомъ отношеніи пришлось бы признать за Турціею или Персіею. Можно ли признавать выгоднымъ для государства упорное владычество министровъ бездарныхъ или корыстолюбивыхъ, не внушающихъ къ себѣ общественнаго довѣрія? Что лучше—прочное ли господство Персиньи и Морни, Базэновъ и Руэровъ, или перемѣнчивое управленіе Гладстона, Биконсфильда и Салисбери, выдвигаемыхъ парламентскою дѣятельностью? Одно изъ двухъ: или министры не отвѣчаютъ желаніямъ и потребностямъ населенія,—и тогда кабинетный кризисъ представляется полезнымъ и необходимымъ; или они стоятъ на высотѣ своихъ задачъ и выполняютъ ихъ талантливо и съ знаніемъ дѣла; тогда они обезоружатъ оппозицію и укрѣпятъ свое положеніе, несмотря на существованіе парламентаризма. Наконецъ, частыя смѣны министровъ, мало выдѣляющихся изъ общаго уровня, не приносятъ въ сущности никакого положительнаго вреда государству: поверхностныя личныя перемѣны не затрогиваютъ обычнаго хода сложнаго правительственнаго механизма и не ока-

зываютъ существеннаго вліянія на политику, если элементы парламентскаго большинства остались тѣ же.

Третій и наиболѣе важный признакъ прочности—послѣдовательность и твердость политическихъ программъ, проводимыхъ правителями на практикѣ. Лучшую гарантію этой послѣдовательности находятъ именно въ долговѣчности министровъ, при крѣпкой и незыблемой формѣ правленія. Такое предположеніе далеко не всегда оправдывается однако на дѣлѣ. Если сопоставить необычайно долгое управленіе Бисмарка въ Пруссіи и множество кабинетовъ, смѣнявшихся во Франціи съ 1871 года, то устойчивость нѣмецкой политики за все это время должна бы оказаться внѣ всякаго сравненія выше французской. Между тѣмъ, мы видимъ нѣчто совсѣмъ другое. Пруссія, при одномъ и томъ же министерствѣ князя Бисмарка, успѣла сначала отречься отъ узкаго консерватизма и создать либеральную эру (въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ), затѣмъ отречься отъ либерализма и вступить на путь консервативной реакціи, предпринять „культурную борьбу“ съ католическою церковью и отречься потомъ отъ этой борьбы, замѣнивъ ее тѣснымъ сближеніемъ съ Ватиканомъ. Такіе же радикальные скачки дѣлались и во внѣшней политикѣ: Пруссія то выставлялась оплотомъ мира въ Европѣ, то грозила войною Франціи или Россіи поочередно, то увлекалась колоніальными предпріятіями и ссорилась изъ-за этого съ Англіею, то, напротивъ, сближалась съ Англіею, то старалась умиротворить Эльзасъ посредствомъ разумной администраціи, то прибѣгала къ ненужнымъ строгостямъ и придиркамъ, раздражавшимъ пограничное населеніе. Вмѣсто твердаго постоянства и логической послѣдовательности, мы видимъ здѣсь какое-то странное сцѣпленіе противоположностей; перемѣны становятся съ годами все болѣе рѣшительными и тревожными, отражая въ себѣ какъ будто личную нервность и состояніе здоровья престарѣлаго канцлера. Съ другой стороны, Франція, управляемая длиннымъ рядомъ министерствъ, придерживалась неизмѣнно однихъ и тѣхъ же началъ въ дѣлахъ внутреннихъ и международныхъ; она одинаково охраняла у себя свободу внутри, не поддаваясь ни напору реакціи, ни домогательствамъ

чрезмѣрнаго радикализма, постепенно развивала свои учрежденія, улучшала законодательство, умножала народныя школы и ограничивала вліяніе римской церкви. Внѣшняя политика республики, крайне сдержанная и осмотрительная, проникнута одною мыслью, съ 1871 года по настоящее время,—мыслью объ избѣжаніи войны, о подготовленіи могущественной и хорошо вооруженной арміи для защиты отъ возможныхъ нѣмецкихъ посягательствъ. Идея франко-русскаго союза культивируется съ 1875 года и остается понынѣ общимъ девизомъ французской дипломатіи. Временное уклоненіе отъ этой основной программы, при министерствѣ Ферри, было быстро ступевано, и виновникъ его наказанъ самою безпощадною непопулярностью, какая когда-либо выпадала на долю политическаго дѣятеля. Такимъ образомъ, внѣшняя перемѣнчивость управленія можетъ совпадать съ стойкою и неизмѣнно-послѣдовательною политикою, а прочная власть одного министерства, даже въ рукахъ „желѣзнаго“ и геніальнаго руководителя, выражается въ рядѣ колебаній и скачковъ. Желанія и интересы цѣлаго народа мѣняются не такъ легко, какъ настроеніе и дѣйствія отдѣльнаго лица. Государственные люди, не столь выдающіеся, какъ Бисмаркъ, періодически передѣлываютъ свои убѣжденія и взгляды, подчиняясь извѣстнымъ вліяніямъ; либеральные проповѣдники общественныхъ реформъ превращаются въ ярыхъ реакціонеровъ, ревнители народнаго образованія становятся его противниками и гонителями, дѣятели самоуправленія готовятъ могилу мѣстной свободѣ. Одного десятка лѣтъ достаточно, чтобы вызвать самыя радикальныя перемѣны въ направленіи внутреннихъ дѣлъ, при совершенномъ отсутствіи кабинетныхъ и парламентскихъ кризисовъ. Постоянство власти далеко еще не означаетъ постоянства и послѣдовательности въ политикѣ; оно не служитъ также символомъ того спокойствія, которое порождается господствомъ законности и твердой увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Гдѣ теперь источникъ хронической тревоги въ Европѣ, общихъ опасеній войны и общаго недовѣрія къ ближайшему будущему? Въ политикѣ германской имперіи, имѣющей безспорно крѣпкое и устойчивое правительство, а не въ дѣйствіяхъ демократической Франціи, съ ея всесиль-

ными палатами и шаткими министерствами. Очевидно, что зло, усматриваемое Мэномъ въ парламентской демократіи, не имѣетъ предполагаемаго имъ значенія.

Разбирая главнѣйшіе и отчасти извѣстные всѣмъ недостатки „народнаго правленія“, Мэнъ не касается вопроса о томъ, искупаются ли они какими-либо достоинствами и свободны ли отъ всякихъ недуговъ другія правительственныя формы. Поэтому весь анализъ автора остается какъ бы незаконченнымъ. Два начала преобладаютъ, по мнѣнію Мэна, въ западной Европѣ—имперіализмъ и радикализмъ, стремленіе къ внѣшнему могуществу и величію и въ то же время противорѣчащее тому стремленіе къ свободѣ и народному режиму. Авторъ находитъ прямую противоположность между строго-дисциплинированною арміею и демократически управляемою націею: тамъ безусловное подчиненіе, а тутъ свобода критики, чѣмъ и объясняются будто бы военные перевороты, совершаемые, напримѣръ, въ Испаніи, и отъ которыхъ избавлены только Соединенные Штаты. Еслибы антагонизмъ, указываемый Мэномъ, существовалъ въ дѣйствительности, то онъ обнаружился бы сильнѣе всего во Франціи, имѣющей милліонную армію при свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ. И однако французская республика не только не испытывала съ 1871 года никакихъ военныхъ волненій или безпорядковъ, но даже не проявляла ни малѣйшей тѣни безпокойства относительно повиновенія войскъ республиканскимъ законамъ и начальникамъ. Это и понятно. Современная армія имѣетъ чисто-демократическій, народный характеръ; это не что иное какъ „вооруженный народъ“, и для антагонизма съ населеніемъ нѣтъ уже никакой почвы. Испанскіе „pronunciamento“, о которыхъ упоминаетъ авторъ, совершались бо́льшею частью при монархіи, когда не было ни „народнаго правленія“, ни свободной критики. Въ Соединенныхъ Штатахъ, во время войны за освобожденіе негровъ, образовалась могущественная армія, подъ предводительствомъ даровитыхъ и энергическихъ генераловъ; тѣмъ не менѣе республиканскій строй оставался непоколебимымъ, и блестящія побѣды Гранта, Шермана, Шеридана не только не пошатнули, а напротивъ, укрѣпили авторитетъ конституціи.

„Народное правленіе,—продолжаетъ Мэнъ,—неоднократно ниспровергалось арміею и чернью вмѣстѣ, но въ общемъ разрушеніе этихъ правительствъ въ ихъ болѣе крайнихъ формахъ совершалось арміею, а въ болѣе умѣренныхъ—они главнымъ своимъ врагомъ имѣли чернь". По странному смѣшенію понятій, подъ народнымъ правленіемъ разумѣется у автора царствованіе Карла X, приведшее къ іюльской революціи, и режимъ Людовика-Филиппа, завершившійся февральскимъ переворотомъ. Въ качествѣ революціонеровъ выступали обыкновенно „непримиримые", отличающіеся вообще „слѣпымъ сектантствомъ"; революціонный способъ дѣйствія—прежде баррикады, теперь — динамитъ. По мнѣнію Мэна, самый неудобный видъ непримиримыхъ—это націоналисты. „Національныя стремленія парализуютъ демократію, ибо, признавая право большинства на управленіе, можно отрицать, что данное большинство есть то самое, которое имѣетъ это право". Разноплеменныя государства сдерживаются только монархіею. „Почти всѣ цивилизованныя страны имѣютъ свое національное единство отъ общаго подчиненія — бывшаго или настоящаго — королевской власти; Соединенные Штаты, напримѣръ, составляютъ націю потому, что они нѣкогда подчинялись королю". И эти замѣчанія не вполнѣ согласуются съ фактами. Швейцарія, при своемъ разноплеменномъ составѣ, сохраняетъ свое единство посредствомъ чисто-народнаго политическаго устройства и управленія. Вѣковое подчиненіе австрійскихъ народовъ Габсбургской династіи не сдѣлало изъ нихъ единой націи и скорѣе усилило, чѣмъ ослабило вражду между различными элементами имперіи, между мадьярами, славянами и нѣмцами. О нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатахъ нельзя сказать, что они когда-то подчинялись королю, такъ какъ англійскія колоніи, изъ которыхъ они выросли, составляли лишь небольшую часть обширной территоріи, занимаемой нынѣ сѣверо-американскою республикою. Наконецъ, демократія не парализуется національными стремленіями, а сама вліяетъ на нихъ существеннымъ образомъ, придавая имъ болѣе широкій характеръ, противодѣйствуя узко-племенной нетерпимости и односторонпему шовинизму. Притягательная сила демократіи въ области національныхъ чувствъ ярко освѣ-

щается отношеніемъ эльзасцевъ — нѣмцевъ по происхожденію — къ побѣжденной ихъ соплеменниками Франціи.

Парламентская система, по взгляду Мэна, не обезпечиваетъ интересовъ народа отъ злоупотребленій и ошибокъ. „Политическая свобода, въ смыслѣ одинаковаго права всѣхъ участвовать въ управленіи, утилизируется отдѣльными лицами, умѣющими собирать около себя частицы политической власти, т.-е. голоса избирателей". Организація партій, съ ея дисциплиною, создаетъ особое партійное чувство, „остатокъ первобытной воинственности, приводившей прежде къ кровавымъ разсчетамъ". Смыслъ разногласій между партіями не доходитъ до массъ; „тысячи и тысячи избирателей вотируютъ просто за желтый, синій или красный цвѣтъ, поддавшись призывамъ какого-нибудь популярнаго оратора". Радикалы требуютъ расширенія избирательныхъ правъ и пользуются этимъ требованіемъ, какъ орудіемъ партійной борьбы. „Одна изъ самыхъ странныхъ и вульгарныхъ идей—та, что широкое право голоса содѣйствуетъ прогрессу, вызывая новыя идеи, новыя открытія и изобрѣтенія, новыя искусства въ жизни". Такое всеобщее голосованіе, вытекающее изъ программы радикализма, „разрушило бы въ значительной мѣрѣ существующія учрежденія и въ концѣ концовъ породило бы вредную форму консерватизма. Возвести въ законъ среднее мнѣніе цѣлаго общества — не значитъ прогрессировать. Законодательныя начала, къ которымъ ведутъ эти принципы, вѣроятно положили бы конецъ всякой соціальной и политической дѣятельности и подорвали бы все связанное когда-либо съ либерализмомъ". Для доказательства авторъ предлагаетъ „вспомнить великія эпохи научныхъ изобрѣтеній и соціальныхъ перемѣнъ въ продолженіе двухъ столѣтій и разсмотрѣть, что случилось бы, еслибы всенародное голосованіе установилось въ одну изъ этихъ эпохъ. Оно... безъ сомнѣнія, запретило бы ткацкую машину, не допустило бы принятія грегоріанскаго календаря", и пр. Ожидаютъ лучшаго отъ распространенія образованія въ народѣ, но распространяются шаблоны, общія мѣста. И теперь проявляется разладъ между наукою и демократическимъ мнѣніемъ (авторъ ссылается при этомъ на судьбу теорій Мальтуса и Дарвина!), и просвѣщен-

ность вождей не устранитъ того, что надо подчиняться теперь мнѣнію и настроенію массъ. Человѣчество двигалось впередъ не тѣми обществами, которыя устроены въ духѣ демократіи; прогрессъ совершался аристократіею, хотя и подъ названіемъ республикъ. Господство толпы отнимало бы мотивы къ дѣятельности у трудящихся; водворилась бы праздность, вслѣдствіе ожиданія общаго раздѣла имуществъ, что̀ разорило бы страну остановкою производства. Во всякомъ случаѣ, — заключаетъ Мэнъ,—нѣтъ достаточныхъ данныхъ для общей вѣры въ прочность и продолжительность демократическихъ правительствъ, и „образецъ этихъ правительствъ, британская конституція, составляя до сихъ поръ исключеніе, находится въ опасности быть брошеннымъ въ пространство и найти свои послѣднія черты въ тишинѣ и холодѣ“ (?).

Мрачная картина, нарисованная Мэномъ, должна быть признана вполнѣ фантастическою. Никто не связывалъ расширенія народныхъ правъ съ научными и промышленными успѣхами, съ развитіемъ новыхъ идей и открытій, ибо наука и техника не входятъ вовсе въ кругъ дѣятельности выборныхъ политическихъ собраній. „Вульгарная идея“, которую опровергаетъ авторъ, никѣмъ не высказывалась и не заслуживала бы возраженія; она основана лишь на подмѣнѣ однихъ понятій другими, не имѣющими съ ними ничего общаго. Улучшенія общественной жизни и народнаго быта не создаютъ прогресса въ наукахъ и искусствахъ, но, по меньшей мѣрѣ, и не мѣшаютъ ему, вопреки произвольнымъ предположеніямъ Мэна. Если гдѣ-нибудь ставились преграды духу научной изобрѣтательности, развитію новыхъ идей и открытій, то это было, конечно, не въ демократіяхъ. Примѣненіе силы пара къ мореходству было отклонено Наполеономъ, а не какими-либо народными представителями; первоначальное устройство желѣзныхъ дорогъ во Франціи остановлено было не парламентомъ и не всеобщимъ голосованіемъ, а совѣтниками короля Людовика-Филиппа, которые находили этотъ способъ сообщеній непрактичнымъ и неосуществимымъ. Нигдѣ не процвѣтаютъ такъ изобрѣтенія и усовершенствованія всякаго рода, какъ въ Сѣверной Америкѣ, при полномъ господствѣ началъ народнаго правленія. Мэнъ

не могъ обойти этотъ фактъ, но онъ объясняетъ его постановленіями американской конституціи о правахъ изобрѣтателей и авторовъ, о патентахъ, о правѣ собственности и обязательной силѣ договоровъ,—какъ будто самые эти законы не составляютъ дѣла демократовъ. Постановленія конституціи не могли бы сами по себѣ направить жизнь въ ту или другую сторону; они не предупредили бы тѣхъ бѣдъ, о которыхъ говоритъ авторъ, еслибы демократическій строй государства создавалъ для нихъ благопріятную почву. О стѣсненіи научнаго развитія, объ ограничительныхъ мѣрахъ противъ народнаго образованія ничего не слышно въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи или въ Швейцаріи, такъ что печальныя предсказанія автора адресованы имъ невѣрно. Соціализмъ также получилъ наибольшую силу не въ сѣверо-американской демократіи и не во французской республикѣ, а въ населеніи германской имперіи.

Опредѣленіе демократіи, какъ „особой формы правленія“, кажется весьма „важною истиною“ сэру Генри Мэну, хотя оно въ сущности ничего не выражаетъ и не объясняетъ. Оно имѣетъ то преимущество въ глазахъ автора, что ставитъ вопросъ на чисто практическую основу и устраняетъ изъ него примѣсь чувства, слѣпую вѣру, возведеніе данной формы на степень догмата. Демократія, по словамъ Мэна, есть не что иное, какъ опрокинутая монархія; у нихъ тѣ же функціи, тѣ же условія дѣйствія, и разница только въ органахъ. Одна изъ главныхъ задачъ правителей—сохраненіе національнаго существованія, забота о могуществѣ и прочности государства. Для достиженія этихъ цѣлей необходимы извѣстныя качества и добродѣтели. „Еслибы нужно было сдѣлать выборъ, и если дѣйствительно существуетъ реальная связь между демократіею и свободою, то лучше остаться націею, способною проявлять добродѣтели націи, чѣмъ даже быть свободною“. Къ сожалѣнію, для читателя не совсѣмъ ясно, какія именно качества вырабатываются лучше безъ свободы, во тьмѣ и рабствѣ; очевидно только, что эти качества чужды англичанамъ, и что не они сдѣлали ихъ тѣмъ великимъ народомъ, который создалъ величіе и славу нынѣшней Англіи. Съ демократіею,—говоритъ авторъ далѣе,—соединяютъ идею объ особенной реформатор-

ской дѣятельности законодательства; но наибольшая плодовитость въ дѣлѣ реформъ замѣчается, напротивъ, въ могущественныхъ монархіяхъ. Мэнъ могъ бы прибавить, что эти реформы часто не соотвѣтствуютъ потребностямъ и желаніямъ населенія, что онѣ часто не доводятся до конца и уступаютъ мѣсто реакціи, и что даже лучшія намѣренія кончаются иногда печально, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Іосифа II. Теоріи Руссо и Бентама подвергаются авторомъ ѣдкой, хотя нѣсколько запоздалой, критикѣ. Мысль о владычествѣ большинства, какъ наиболѣе заинтересованнаго въ успѣшномъ ходѣ общихъ дѣлъ, составляетъ издавна аксіому для англійскаго и вообще западно-европейскаго радикализма. А между тѣмъ она опибочна, по мнѣнію Мэна. „Демократія, - поясняетъ онъ,—самая трудная форма правленія. Народъ и толпа не имѣютъ воли по множеству соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, и нѣтъ вовсе возможности достигнуть какого-либо единства мнѣній въ обществѣ. Все сводится къ тому, что усвоиваются мнѣнія и воля одного или нѣсколькихъ лицъ. Какъ въ правосудіи, роль народа—сказать только „да“ или „нѣтъ“. Чѣмъ многолюднѣе сборище, тѣмъ меньше толку въ его преніяхъ, и если прежде члены парламента мало посѣщали палату, то это было очень полезно для дѣла. Чистая демократія, какъ видно изъ плебисцитовъ, привела бы къ застою и регрессу. Вся цивилизація—дѣло меньшинства. Еслибы за четыре столѣтія до настоящаго времени существовало въ Англіи широкое право голоса, которымъ пользовались бы значительныя массы избирателей, то не было бы реформаціи, перемѣны династіи, терпимости относительно диссидентовъ и даже точнаго календаря. Даже теперь оспопрививанію грозитъ опасность, и для всякаго законодательства, основаннаго на научномъ мнѣніи, постепенное привлеченіе народныхъ массъ къ власти служитъ самымъ худшимъ предзнаменованіемъ“. Съ точки зрѣнія Мэна, всѣ консервативные элементы европейскихъ обществъ должны бы желать водворенія демократіи, такъ какъ послѣдняя не допускала бы смѣлыхъ реформъ и охраняла бы status-quo отъ вторженій „научнаго“ законодательства. Но повсюду консерваторы, какъ и прогрессисты, держатся прямо противо-

положнаго взгляда на идею народовластія и вѣроятно имѣютъ для этого фактическое основаніе. Самъ же авторъ неоднократно и подробно возражаетъ противъ неумѣреннаго реформаторства, къ которому стремятся будто бы приверженцы демократическаго строя. Онъ видитъ опасность и со стороны „научныхъ мнѣній", въ случаѣ союза ихъ съ демократіею. „Если демократія,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 190),—выработаетъ аристократію знанія и ума, то соединеніе власти съ наукою и увѣренность въ безошибочности выводовъ едва ли принесутъ пользу человѣчеству". Чего же надо ждать отъ торжества демократіи — культа невѣжества и регресса, или наоборотъ, слишкомъ быстраго и неосновательнаго движенія впередъ? Авторъ одновременно даетъ на этотъ вопросъ два противоположныхъ отвѣта, но изъ всего содержанія его книги можно заключить, что онъ больше боится реформъ, чѣмъ реакціи.

Мэнъ направляетъ сильнѣйшіе свои доводы противъ „обычной иллюзіи постояннаго реформаторства", противъ стремленія къ перемѣнамъ и къ новизнѣ. Реформаторское законодательство, по его словамъ, не можетъ длиться постоянно; задачи его будутъ исчерпаны, и что же потомъ? Большинство человѣчества строго консервативно; страсть къ перемѣнамъ свойственна небольшой части общества въ западной Европѣ и притомъ касается только политики. Всѣмъ извѣстно упорство человѣческихъ привычекъ даже въ мелочахъ. Обычаи и нравы передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе; даже моды мѣняются далеко не существенно. И это счастье, ибо „внезапныя и частыя перемѣны въ женскихъ модахъ, затрогивая въ большей или меньшей мѣрѣ половину человѣчества въ богатѣйшихъ странахъ свѣта, вызывали бы промышленныя революціи самаго страшнаго свойства. Ни кровопролитная война, ни опустошительный голодъ, ни убійственная эпидемія не породили бы такихъ долгихъ и сильныхъ страданій человѣческихъ, какъ переворотъ въ модѣ, вслѣдствіе котораго женщины одѣвались бы, подобно мужчинамъ, въ одинъ какой-нибудь цвѣтъ. Постоянныя перемѣны противорѣчили бы человѣческой природѣ, которая по существу своему консервативна; до сихъ поръ не измѣни-

лись въ западно-европейскомъ человѣкѣ многіе первобытные инстинкты, проявляющіеся понынѣ въ такихъ явленіяхъ, какъ война, охота, страсть къ риторикѣ, поклоненіе партіи или газетѣ, какъ чему-то священному". Авторъ даетъ понять, что реформы не нужны народу, и что о нихъ хлопочутъ больше для удовлетворенія пустого любопытства толпы. „Публика нуждается въ интересныхъ парламентскихъ преніяхъ, событіяхъ, рѣчахъ, митингахъ. Новые законы и преобразованія возбуждаютъ интересъ; безъ нихъ была бы скука, застой. Это исканіе впечатлѣній заставляло воевать при Наполеонѣ III, и т. д. Прогрессъ, какъ производство новыхъ идей, не требуетъ непремѣнно новаго законодательства, какъ это бываетъ на востокѣ, гдѣ научныя идеи затрогиваютъ священныя традиціи и самыя основы быта. Неподвижность общества—правило; перемѣнчивость—исключеніе. Выносятъ перемѣны и вѣрятъ въ ихъ преимущество только въ наименьшей части человѣческаго рода, и даже въ этой части оно—явленіе новѣйшее (сто лѣтъ ему въ западной Европѣ, а въ Англіи—50 лѣтъ, по счету Мэна,—что, конечно, противорѣчитъ его предшествующимъ указаніямъ на перевороты и реформы за послѣднія четыре столѣтія). Ходячія фразы о прогрессѣ и радикальныхъ реформахъ имѣютъ свой корень въ идеяхъ Бентама и Руссо; этотъ источникъ теперь забытъ, а заимствованныя изъ него слова и понятія господствуютъ понынѣ. Демократія снабжается всѣми прерогативами короля-собственника; только принципъ законодательства теперь иной—„наибольшее счастье наибольшаго большинства", причемъ упускается изъ виду, что само большинство—плохіе судьи. Осуществить серьезныя политическія перемѣны чрезвычайно трудно; къ нимъ должны еще приноровиться общественныя условія и воззрѣнія. Конституціи, выработанныя исторически, имѣютъ поэтому безспорное преимущество передъ сочиненными a priori, болѣе или менѣе эфемерными, какихъ было около 350 съ конца прошлаго столѣтія".

Когда авторъ ближе подходитъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются англійскимъ радикализмомъ, то оказывается, что дѣло идетъ вовсе не о прогрессѣ въ смыслѣ „производства идей" и не о пустой страсти къ перемѣнамъ, а о

чемъ-то весьма реальномъ и положительномъ. Дѣло идетъ, между прочимъ, о преобразованіи или упраздненіи верхней палаты, воплощающей въ себѣ владычество поземельной аристократіи,—палаты наслѣдственныхъ законодателей-лордовъ. Сэръ Генри Мэнъ стоитъ за неприкосновенность этой старинной части парламента. Вторая палата служитъ для него отрицаніемъ того положенія, что „голосъ народа—голосъ божій"; это „протестъ большой доли здраваго смысла противъ означеннаго принципа". Провѣрка постановленій народныхъ представителей необходима, какъ прибавочная гарантія для интересовъ общества. Авторъ готовъ признать, что по отношенію къ выборнымъ палатамъ лучшія конституціи—тѣ, въ которыхъ допущено возможно широкое участіе народнаго элемента; но изъ вторыхъ палатъ прочно и продолжительно существуютъ только двѣ—американскій сенатъ и англійская палата лордовъ. „Наиболѣе компетентными реформаторами палаты лордовъ,—скромно замѣчаетъ Мэнъ,—будутъ вѣроятно люди, понимающіе ее вслѣдствіе принадлежности къ ея составу... Наступитъ время, когда будетъ признано, что владѣніе обширнымъ помѣстьемъ,—какъ это и натурально при формѣ собственности, происходящей отъ формы верховенства,—предполагаетъ больше административнаго искусства и болѣе доброжелательныя отношенія къ другимъ классамъ, имѣющимъ подчиненные интересы, чѣмъ какой-либо другой видъ превосходства, основанный на богатствѣ". Въ средѣ ограниченнаго класса лицъ существуетъ „больше шансовъ компетентности и передачи ея по наслѣдству". Но, кромѣ пониманія и искусства, важны для народа практическія цѣли, преслѣдуемыя правителями; а точка зрѣнія лордовъ, ихъ спеціальные интересы и симпатіи могутъ находиться въ разладѣ съ потребностями большинства населенія: объ этомъ забываетъ Мэнъ. Въ сущности, такъ-называемые радикалы требуютъ, чтобы предполагаемая и иногда несуществующая компетентность лордовъ замѣнена была дѣйствительною, признанною общественнымъ мнѣніемъ,—чтобы на мѣсто свѣтскихъ бонвивановъ и спортсменовъ назначались въ верхнюю палату выдающіеся и серьезные дѣятели, ученые писатели, какъ сэръ Генри Мэнъ и Спенсеръ,

подобно тому какъ во Франціи засѣдаетъ въ сенатѣ Жюль Симонъ. Ничего опаснаго и произвольнаго не было бы въ этомъ нововведеніи. Автора особенно пугаетъ мысль объ упраздненіи верхней палаты; ему рисуется „страшная перспектива единаго полновластнаго собранія, въ родѣ конвента, управляемаго комитетомъ общественнаго спасенія и сдерживаемаго лишь обструкціонизмомъ", къ чему клонятся будто бы тенденціи англійской демократіи. Примѣръ конвента, дѣйствовавшаго въ бурную революціонную эпоху, совершенно не убѣдителенъ въ данномъ случаѣ: для нормальныхъ условій политической жизни единая палата можетъ оказаться вполнѣ безобидною, какъ это подтверждается разумными дѣйствіями французскаго національнаго собранія 1871 г., хотя и выбраннаго при исключительныхъ обстоятельствахъ,—собранія, подписавшаго миръ, блистательно устроившаго французскіе финансы и давшаго странѣ республиканскую конституцію, несмотря на монархическія стремленія большинства.

Принципіальныя возраженія противъ политическихъ реформъ въ западной Европѣ имѣютъ вообще какой-то странный оттѣнокъ, какъ у Мэна, такъ и у другихъ писателей пессимистическаго направленія. Въ прошломъ было много крупныхъ перемѣнъ и насильственныхъ переворотовъ въ пользу высшихъ сословій и ихъ представителей; теперь же, когда заходитъ рѣчь о нѣкоторыхъ обратныхъ преобразованіяхъ въ пользу обдѣленныхъ исторіею народныхъ массъ, выступаютъ на сцену теоретики, доказывающіе необходимость закрыть эру реформъ и успокоиться на существующемъ status-quo. Такая точка зрѣнія вполнѣ понятна со стороны заинтересованныхъ классовъ и лицъ, имѣющихъ всѣ выгоды отъ охраны достигнутаго ими порядка вещей; но она не логична со стороны ученыхъ изслѣдователей и публицистовъ. Нѣтъ основанія думать, что западно-европейскіе демократы добиваются перемѣнъ изъ любви къ новизнѣ; а если они обнаружили бы подобную склонность, то встрѣтили бы надлежащій отпоръ въ средѣ самой демократіи, которая по природѣ консервативна, по справедливому замѣчанію Мэна. Что законодательство когда-нибудь исчерпаетъ свои задачи и должно будетъ остановиться въ без-

дѣйствіи,—это могло бы служить доводомъ не только противъ идеи постояннаго реформаторства, но и противъ существованія постоянныхъ законодательныхъ учрежденій, которыя однако повсюду работаютъ непрерывно и не успѣваютъ удовлетворять потребности общества. Свободно развивающаяся жизнь современныхъ народовъ выдвигаетъ все новыя нужды и вопросы; прежніе законы старѣютъ; въ нихъ замѣчаются пробѣлы и недосмотры; является надобность въ регулированіи новыхъ, болѣе сложныхъ житейскихъ отношеній, и едва ли настанетъ когда-либо такой моментъ, когда законодатели будутъ имѣть право сказать, что задачи ихъ вполнѣ исчерпаны. Не возникнетъ поэтому и вопросъ: что же потомъ?—который заранѣе ставитъ авторъ.

Слабыя стороны парламентаризма изображались много разъ болѣе или менѣе ярко и краснорѣчиво; Мэну оставалось только сгруппировать и рѣзче оттѣнить высказанное другими. Демократія,—говоритъ онъ,—не могла бы дѣйствовать безъ посредства нѣкоторыхъ силъ и прежде всего безъ организованныхъ партій. Положеніе этихъ политическихъ группъ характеризуется какъ-то двойственно. Онѣ зависятъ отъ избирателей и потому „льстятъ народу и толпѣ, какъ прежде королю, — только болѣе грубымъ образомъ“. И въ то же время, „къ предводителямъ партій можно всецѣло примѣнить разсужденія Макіавели“ о тираніи: „воля и мнѣнія одного или нѣсколькихъ лицъ усвоиваются массою“ и т. д. Авторъ не упоминаетъ только одного, что такое „усвоеніе“ и вытекающая изъ него тираннія достигаются лишь силою убѣжденія и таланта; онъ останавливается зато на незаконныхъ вліяніяхъ и средствахъ, практикуемыхъ во время выборовъ,—какъ будто эти мелкіе способы агитаціи играли замѣтную роль въ успѣхахъ Гладстона или Гамбетты. Съ господствомъ партій связана, по его мнѣнію, продажность голосовъ въ той или другой формѣ; прежде покупали голоса въ парламентѣ, теперь—голоса избирателей. Программы партій состоятъ изъ легкихъ обобщеній и формулъ, которыя выставляются на показъ или отбрасываются, смотря по обстоятельствамъ, ради цѣлей партійныхъ. Пренія въ парламентѣ часто не что иное, какъ „обмѣнъ сла-

бныхъ обобщеній и сильныхъ личностей". Отмѣчая недостатки и злоупотребленія партій, принадлежащихъ по своему составу къ высшимъ и образованнымъ классамъ общества, авторъ тѣмъ не менѣе усматриваетъ какую-то гарантію въ образовательномъ цензѣ для избирателей и восхваляетъ основанную на этомъ началѣ систему мѣстныхъ выборовъ въ Бельгіи. Казалось бы, что, наоборотъ, слѣдовало бы желать возможно большаго расширенія избирательныхъ правъ, чтобы затруднить попытки незаконнаго вліянія на выборы, такъ какъ злоупотребленія несравненно доступнѣе и легче при ограниченномъ кругѣ избирателей, чѣмъ при подачѣ сотенъ тысячъ голосовъ изъ разныхъ слоевъ населенія.

Независимо отъ этихъ противорѣчій, въ которыя впадаетъ сэръ Генри Мэнъ, нельзя не обратить вниманія на безцѣльность всей аргументаціи, направленной имъ противъ парламентаризма. Въ Англіи и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ принципъ публичнаго обсужденія публичныхъ дѣлъ вошелъ издавна въ общее народное сознаніе, какъ необходимая основа политическаго и общественнаго быта; а изъ этого принципа, котораго не коснулся авторъ, вытекаетъ все остальное. Гдѣ народъ имѣетъ голосъ при рѣшеніи своей судьбы и принимаетъ участіе во всѣхъ своихъ общихъ дѣлахъ, тамъ существуетъ выборное народное представительство въ томъ или другомъ видѣ. Гдѣ есть представительство, тамъ есть парламентъ и его неизбѣжные спутники — политическія партіи и группы. Пока въ странѣ существуютъ различія мнѣній и интересовъ между разными классами общества, до тѣхъ поръ будутъ существовать партіи, отражающія въ себѣ эти различія. Можно находить эти факты почему-либо неудобными или нежелательными; но безполезно осуждать ихъ, пока остается въ силѣ ихъ живой и непрерывно дѣйствующій источникъ — демократическій духъ и строй націи. Авторъ считаетъ особенно вредною преобладающую на западѣ вѣру въ неизбѣжное торжество демократіи, какъ естественной будто бы формы правленія; эта вѣра, подрывающая энергію у правящихъ, имѣетъ будто бы связь съ „ложными идеями о естественномъ правѣ". Въ дѣйствительности, передъ демократіею открыты настежь

двери вездѣ, гдѣ политическая жизнь сдѣлалась общимъ достояніемъ народа; и чѣмъ болѣе распространяется образованіе въ массахъ, тѣмъ сильнѣе и правильнѣе становится стремленіе ихъ къ фактическому пользованію пріобрѣтенными правами. Что можетъ остановить этотъ стихійный напоръ, непрерывно продолжающійся на легальной почвѣ? Мэнъ не задается этимъ вопросомъ; онъ полемизируетъ противъ природы вещей, когда убѣждаетъ англичанъ въ опасностяхъ режима, который у нихъ уже существуетъ, и который логически долженъ рано или поздно привести къ господству демократіи. Вмѣсто туманнаго „естественнаго права", о которомъ спорили юристы, выступаетъ реальное, признанное законами, народное право, котораго нельзя уже ни устранить, ни ограничить. Ожиданіе дальнѣйшаго демократическаго развитія въ Англіи вызывается не какими-либо „ложными идеями" или безпричинною вѣрою, а всею совокупностью условій англійской политической жизни.

Наиболѣе удачная и интересная часть книги Мэна посвящена разбору конституціи Соединенныхъ Штатовъ сравнительно съ британскою и французскою. Авторъ пытается объяснить, почему американское устройство оказалось столь крѣпкимъ и жизненнымъ; онъ излагаетъ теоріи и воззрѣнія основателей республики, приводитъ характеристическія черты федеральной конституціи и дѣлаетъ изъ нихъ общіе выводы, которые впрочемъ едва ли могутъ удовлетворить читателя. Существенныя начала американской конституціи заимствованы изъ Англіи; отпали только королевская власть и аристократія. Президентъ имѣетъ почти тѣ же права, что и король англійскій; но нѣтъ кабинета, который занимаетъ такое исключительное положеніе у англичанъ. Конституціонныя перемѣны обставлены въ Америкѣ значительными гарантіями, тогда какъ въ Англіи нѣтъ спеціальныхъ правилъ о пересмотрѣ конституціи, и основные государственные законы не различаются отъ обыкновенныхъ. Напримѣръ, проектъ преобразованія городского лондонскаго управленія разсматривался бы въ Америкѣ какъ мѣстный законъ штата и былъ бы проведенъ безъ особыхъ затрудненій; а вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ требовалъ бы цѣлаго ряда условій, касаясь конституціи. Вер-

ховный судъ рѣшаетъ конституціонные вопросы только по отдѣльнымъ поводамъ. Мэнъ говоритъ объ американской республикѣ только съ точки зрѣнія федеральной конституціи; онъ какъ будто забываетъ объ организаціи отдѣльныхъ штатовъ, живущихъ самостоятельною жизнью, имѣющихъ свое собственное законодательство и управленіе [1]). Поэтому и заключенія, дѣлаемыя авторомъ, должны быть признаны слишкомъ односторонними. Прочное развитіе и процвѣтаніе демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ остаются все-таки самымъ наглядным опроверженіемъ взглядовъ Мэна; и убѣдительная сила этого факта нисколько не ослаблена ссылками на особыя достоинства федеральной конституціи. Если все дѣло въ хорошихъ законахъ, а не въ опасностяхъ „народнаго правленія", и если послѣднее можетъ давать блестящіе плоды при извѣстной политической обстановкѣ, то значительная часть доводовъ противъ демократіи падаетъ сама собою. Авторъ справедливо указываетъ на неудачные конституціонные законы во Франціи, устанавливающіе отвѣтственность министерства при республикѣ; онъ весьма мѣтко характеризуетъ неопредѣленное положеніе главы государства, президента безъ власти: „Старые короли царствовали и управляли. Конституціонный король, по Тьеру, царствуетъ, но не управляетъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ управляетъ, но не царствуетъ. На долю президента французской республики выпало—не царствовать и не управлять". Но ошибки законодателей могутъ быть исправлены, недостатки —устранены, и тогда, конечно, должны будутъ измѣниться также и сужденія критиковъ о демократіи и парламентаризмѣ.

XXIII.

Узко-промышленный взглядъ на государственное управленіе.—Своеобразная теорія Молинари.—Смѣшеніе промышленныхъ разсчетовъ съ политическими интересами.

Возможны различные взгляды на государство и на условія хорошаго управленія; но только Гюставъ де-Молинари взгля-

[1]) На этотъ пробѣлъ въ объясненіяхъ Мэна уже указано было критикою. См. замѣтку Е. Boutmy, въ Annales de l'école libre des sciences politiques, 1887, № 3.

нулъ на задачи правителей съ точки зрѣнія промышленнаго предпріятія. Этотъ ученый экономистъ совершенно серьезно изслѣдовалъ вопросъ о наиболѣе успѣшной эксплуатаціи „политическихъ благъ“ и послѣ длинныхъ разсужденій пришелъ къ выводу, что государство, какъ и всякое другое предпріятіе, какъ фабрика или лавка, должно подлежать дѣйствію частнаго интереса, безъ всякой примѣси общественнаго вмѣшательства. Правительство производитъ нематеріальные товары, за которые взимаетъ плату съ потребителей; оно даетъ людямъ безопасность и беретъ взамѣнъ налоги, подобно тому, какъ булочникъ снабжаетъ публику хлѣбомъ по рыночной цѣнѣ. Сравненіе съ булочною есть любимый доводъ г-на де-Молинари. Покупатели могутъ находить, что хлѣбъ приготовленъ не вкусно или стоитъ слишкомъ дорого; однако они не станутъ сами контролировать печеніе, забираться на кухню и вмѣшиваться въ распоряженія поваровъ. Личный интересъ хозяина заставитъ его принять мѣры для улучшенія производства; если же потребители нетерпѣливы и захотятъ сами заняться этимъ дѣломъ, то они могутъ остаться совсѣмъ безъ хлѣба или получить товаръ еще худшій. Въ будущемъ авторъ предвидитъ господство крупной политической промышленности и свободной конкурренціи; услуги государства будутъ продаваться частными обществами „страхованія безопасности“, политика сдѣлается отраслью торговли, а законы замѣнятся добровольными соглашеніями съ крупными фирмами, которыя возьмутъ на себя опеку надъ своими кліентами [1]).

Г. де-Молинари имѣетъ репутацію солиднаго публициста; но его объемистый трактатъ о „политической эволюціи“ производитъ удручающее впечатлѣніе:—это бредъ больного ума, зараженнаго маніею узкаго экономическаго доктринерства и глядящаго на весь міръ глазами мелкой лавочки. Поглощеніе государства акціонерными компаніями, на началахъ спроса и предложенія, прибыли и процентовъ,—ставится какъ высшій идеалъ, къ которому должно стремиться человѣчество; для автора нѣтъ другой мѣрки и дру-

[1]) L'évolution politique et la révolution, par *G. de Molinari*, Paris, 1884. Chap. X и XI.

гихъ принциповъ, кромѣ промышленныхъ; исторія представляется ему торговою книгою, въ которой счеты все еще ведутся неправильно, съ постоянными отступленіями отъ правилъ бухгалтеріи. Если государства подвергались катастрофамъ, если народы волнуются или терпятъ разныя невзгоды, то только потому, что рецепты „политической экономіи“ г-на де-Молинари не примѣнялись ко всѣмъ областямъ общественной жизни съ надлежащею полнотою. Низкій уровень политическихъ идей въ настоящее время ярче всего характеризуется появленіемъ ученыхъ книгъ, подобныхъ сочиненію названнаго автора.

Разочарованные въ парламентскомъ режимѣ, видя слабыя стороны въ практикѣ всѣхъ новыхъ учрежденій и не зная, откуда ждать спасенія отъ общихъ человѣческихъ золъ, писатели-теоретики вдаются въ крайности и воздвигаютъ теоріи явно нелѣпыя. Критика обыкновенно убѣдительна и сильна; положительные выводы ничтожны или смѣшны. Г. де-Молинари не жалѣетъ красокъ для изображенія темныхъ сторонъ современной политической жизни. Партіи борются между собою единственно ради громадныхъ выгодъ, доставляемыхъ эксплуатаціею государства; народъ отдается въ руки ловкихъ льстецовъ, пользующихся его „невѣжествомъ, жадностью и лѣностью (?)“. Всѣ средства хороши въ избирательной борьбѣ,—ложь, клевета, обманъ; разгулъ политическихъ страстей принимаетъ особенно значительные размѣры въ странахъ съ густымъ населеніемъ, гдѣ либеральныя профессіи переполнены, гдѣ „толпа адвокатовъ безъ дѣлъ, врачей безъ больныхъ, неудачниковъ всякаго рода, отыскивая средства къ существованію, набрасывается на пирогъ общественныхъ должностей“. Политическая карьера привлекаетъ массу мелкихъ честолюбцевъ, открывая имъ дорогу къ матеріальнымъ выгодамъ и почестямъ. „Вотъ адвокатъ, имя котораго было едва извѣстно за предѣлами его небольшого города;—онъ становится депутатомъ, министромъ. Газеты печатаютъ его малѣйшія заявленія, репортеры слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, фотографы выставляютъ его портреты, вся нація знаетъ его имя. Онъ стоитъ въ первомъ ряду во время оффиціальныхъ церемоній; его грудь увѣшана орденами и лентами разныхъ цвѣтовъ. Онъ—особа;

даже свергнутый съ пьедестала, онъ можетъ свой титулъ бывшаго министра промѣнять на деньги, вступивъ въ генеральный штабъ какой-нибудь крупной финансовой компаніи". Въ этой картинѣ остается неясною одна только подробность: какимъ образомъ ничтожный провинціальный адвокатъ могъ выдвинуться изъ ряда соперниковъ и сразу достигнуть того, о чемъ напрасно мечтаютъ многочисленныя свѣтила столичной адвокатуры? Если борьба идетъ такъ страстно и горячо, какъ описываетъ авторъ, то по здравому смыслу нельзя предположить, что побѣда достается первому встрѣчному.

„Политическій персоналъ понизился въ качествѣ, — объясняетъ авторъ,—такъ какъ дѣйствовать успѣшно на толпу могутъ только люди неразборчивые въ средствахъ, съ рѣчью плавною и громкою, съ изощренными аппетитами, съ стремленіемъ къ легкой и видной карьерѣ. Потерпѣвъ обыкновенно неудачу въ регулярныхъ профессіяхъ, они ни предъ чѣмъ не останавливаются, не стѣсняются въ ораторскихъ и иныхъ пріемахъ, легко поступаются своимъ личнымъ достоинствомъ, не гнушаются оскорбленіями и клеветами, всегда готовы изливать свое вульгарное краснорѣчіе и отлично умѣютъ льстить вкусамъ слушателей. Старыя вліянія стушевываются предъ новыми; люди, съ болѣе утонченными чувствами и съ лучшимъ образованіемъ, оказываются неподходящими для невѣжественной и грубой массы, — они должны уступить мѣсто новымъ пришельцамъ". Притомъ все болѣе возрастаетъ непрочность всякихъ политическихъ и административныхъ положеній, вслѣдствіе необходимости распредѣлять добычу между побѣдителями послѣ каждаго избирательнаго періода. Кто чувствуетъ въ себѣ энергію и способности для успѣха въ какой-либо независимой профессіи, тотъ избѣгаетъ политики и администраціи; эти послѣднія отрасли дѣятельности, по увѣренію автора, сдѣлались добычею политикановъ низшаго сорта. Судя по описанію де-Молинари, приходится думать, что для лицъ, не успѣвшихъ обезпечить себя самостоятельнымъ трудомъ, существуетъ во Франціи весьма хорошее прибѣжище: они дѣлаются, на худой конецъ, депутатами и министрами.

Чѣмъ большее количество людей интересуется какимъ-

нибудь дѣломъ, тѣмъ хуже идетъ оно; эту хозяйственную „истину“ авторъ смѣло прилагаетъ къ интересамъ общественнымъ и государственнымъ. Самоуправленіе столь же несостоятельно, по мнѣнію г. де-Молинари, какъ попытка потребителей устроить „общественную булочную“. Народъ неспособенъ быть хозяиномъ своихъ дѣлъ; государство, объявленное общею собственностью, становится ничьимъ. Всѣ нуждаются въ опекѣ болѣе или менѣе; недостаточно еще быть свободнымъ, чтобы умѣть пользоваться своею свободою. Прежде опека всецѣло принадлежала законному правительству; теперь она перешла къ „ассоціаціямъ, имѣющимъ цѣлью извлеченіе наибольшихъ выгодъ изъ завѣдыванія государствомъ“. Такъ опредѣляетъ авторъ политическія партіи западной Европы. По теоріи г. де-Молинари, Гладстонъ и лордъ Салисбёри борются исключительно изъ-за барыша, доставляемаго эксплуатаціею управленія; Питтъ и Пальмерстонъ, Тьеръ и Гамбетта, Макъ-Магонъ и Греви,— все это дѣятели, смотрѣвшіе на политику, какъ на выгодный промыселъ, и не имѣвшіе другихъ цѣлей, кромѣ карманныхъ. Чтобы увеличить свои доходы, они отягощаютъ бюджетъ, умножаютъ число должностей и возвышаютъ народныя тягости. Недаромъ политическіе споры имѣютъ столь горячій, непримиримый характеръ: „дѣло идетъ о собственности (?!) цѣною во многіе милліарды, приносящей ежегоднаго дохода болѣе 500 милліоновъ, доставляющей своимъ владѣльцамъ самыя высокія и выгодныя положенія“. Это колоссальное предпріятіе остается безъ собственника, со времени торжества началъ парламентаризма; отсюда возникли, по мнѣнію автора, всѣ бѣдствія Франціи и другихъ странъ. Новые эксплуататоры государства, все болѣе размножаясь и безконечно увеличивая издержки, доведутъ дѣло до окончательнаго банкротства и паденія; тогда настанетъ время для тѣхъ возвышенныхъ формъ „свободнаго“ акціонернаго царства, о которыхъ упомянуто выше.

Книга Гюстава де-Молинари, по своему необычайно-наивному и легковѣсному содержанію, не заслуживала бы серьезнаго разбора; но она кажется намъ весьма своеобразнымъ симптомомъ настроенія въ нѣкоторой части западно-европейскаго общества.

XXIV.

Особенности и послѣдствія всеобщаго голосованія.—Господство числа и невѣрное представительство.—Недостатки избирательныхъ системъ.

Главный разсадникъ новыхъ политическихъ идей въ Европѣ —Парижъ—измѣнилъ свою роль со времени водворенія республики во Франціи. Французскіе идеалы „народной свободы" служили путеводною нитью западно-европейской демократіи, пока они подавлялись бонапартовскимъ или бурбоновскимъ режимомъ; но они утратили, повидимому, значительную долю своего обаянія съ тѣхъ поръ, какъ получили возможность свободнаго примѣненія на практикѣ. То, что прежде казалось совершенствомъ въ теоріи, обнаружило неизбѣжные недостатки въ дѣйствительной жизни; прежнее безусловное увлеченіе уступило мѣсто разочарованію и критикѣ.

Многіе либеральные умы въ Европѣ начинаютъ серьезно опасаться послѣднихъ логическихъ выводовъ парламентаризма. Если численное большинство народа должно дѣйствительно управлять государствомъ черезъ своихъ представителей, если составъ палатъ будетъ соотвѣтствовать составу населенія и власть выпадетъ изъ рукъ привилегированныхъ сословій, то что станется съ высшею интеллигенціею страны, съ интересами культуры и цивилизаціи? Лучшія умственныя силы всегда будутъ въ меньшинствѣ, — онѣ перейдутъ подъ власть темной массы и ея вождей, утратятъ возможность руководить государственными дѣлами и будутъ дрожать за свое собственное существованіе и развитіе. Это опасеніе лежитъ въ основѣ всѣхъ новѣйшихъ нападокъ на господство грубаго числа въ народномъ представительствѣ. Дальновидные консерваторы начинаютъ понимать ту громадную выгоду, которую представляетъ для нихъ всеобщая подача голосовъ; они находятъ твердую опору въ традиціонной неподвижности народныхъ понятій, суевѣрій и предразсудковъ. По временамъ замѣчается любопытная перемѣна фронта: охранители стоятъ за свободное самоуправленіе, которое хотятъ ограничить либералы. Такъ было во Франціи въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, при обсужденіи закона о шко-

лахъ. Бонапартисты повсюду выступаютъ сторонниками воззванія къ народу; либералы относятся уже скептически къ принципу народовластія. Всенародное голосованіе выдвигаетъ на первый планъ клерикальные и реакціонные элементы въ Бельгіи, отчасти въ Австріи и въ другихъ государствахъ.

Нападки на господство числа имѣютъ еще другое основаніе: при нынѣшней парламентской системѣ незначительное количество избирателей рѣшаетъ исходъ выборовъ въ ту или другую сторону, и цѣлая половина населенія можетъ остаться совсѣмъ безъ представителей въ парламентѣ. Переходъ нѣсколькихъ голосовъ отъ одной партіи къ другой измѣняетъ иногда составъ палаты и правительства. Въ 1882 году городъ Гентъ выбралъ 8 либераловъ большинствомъ всего 40 голосовъ. Еслибы только 21 избиратель перешелъ на другую сторону, депутатами Гента были бы клерикалы, и вмѣсто либеральнаго большинства, въ бельгійской палатѣ оказалось бы большинство клерикальное, что̀ привело бы къ перемѣнѣ министерства. Въ этомъ случаѣ ничтожная группа гентскихъ гражданъ отняла представительство у значительной части жителей. Мало того, большинство въ парламентѣ можетъ представлять собою меньшинство населенія въ странѣ. Въ 1874 году консерваторы въ Англіи получили 1.200.000 голосовъ, а либералы и ирландскіе автономисты—1.400.000; между тѣмъ первые имѣли большинство 50 членовъ въ палатѣ общинъ, хотя число избирательныхъ бюллетеней, поданныхъ въ ихъ пользу, было на 200.000 меньше, чѣмъ у противниковъ. Такимъ образомъ, кабинетъ лорда Биконсфильда не былъ выраженіемъ преобладающаго настроенія въ англійскомъ обществѣ. Такъ же точно въ Бельгіи клерикалы, побѣдившіе въ 1870 и 1884 годахъ, не располагали большинствомъ избирателей вообще, а только успѣли провести своихъ кандидатовъ въ большемъ числѣ округовъ, чѣмъ либералы. Въ округахъ, давшихъ консервативные результаты, цифра либеральныхъ голосовъ доходила почти до половины общаго числа, а въ прочихъ мѣстахъ она составляла громадное большинство; но численное меньшинство консерваторовъ было распредѣлено болѣе выгодно, и ихъ голоса не пропадали тамъ, гдѣ они не имѣли шансовъ успѣха. Въ

1880 году англійскіе либералы побѣдили торіевъ большинствомъ 460.000 голосовъ; по своимъ относительнымъ силамъ они должны были бы имѣть 370 депутатовъ, а консерваторы —280; въ дѣйствительности же первые имѣли 441, а вторые—236. Партія Гладстона получила 43 лишнихъ членовъ парламента, тогда какъ шестью годами раньше она имѣла на 56 меньше, чѣмъ слѣдовало ей по числу поданныхъ голосовъ. Несправедливая разница въ обоихъ случаяхъ огромная — на 99 депутатскихъ мѣстъ изъ 650. Разница эта кажется тѣмъ болѣе странной, что число консервативныхъ избирателей не только не уменьшилось сравнительно съ 1874 годомъ, но еще увеличилось на 220.000.

„Настоящая система, — говоритъ сэръ Джонъ Лёббокъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, — придаетъ результату общихъ выборовъ характеръ неизвѣстности и случайности; она ведетъ къ сильнымъ колебаніямъ въ положеніи политической власти и слѣдовательно въ политикѣ страны. Эта система можетъ считаться хорошею или дурною; но она вовсе не есть представительство“. Лёббокъ предлагаетъ организовать подачу голосовъ такимъ способомъ, чтобы число представителей было пропорціонально числу избирателей и чтобы меньшинство не исключалось изъ представительства въ парламентѣ. Знаменитый ученый, будучи въ то же время видным банкиромъ и членомъ палаты общинъ, пытается осуществить свою мысль на практикѣ; онъ образовалъ для этой цѣли особое общество, къ которому примкнуло болѣе 170-ти депутатовъ обѣихъ партій [1]). Во время преній объ избирательной реформѣ въ 1884 г., Гошенъ поднялъ вопросъ о представительствѣ меньшинства, но не былъ поддержанъ либералами. Демократія, увѣренная въ будущемъ своемъ господствѣ, не расположена признавать за меньшинствомъ такія права, въ которыхъ отказывали ей высшія сословія въ періодъ ихъ обезпеченнаго политическаго преобладанія. Либеральная конференція, собиравшаяся въ Лидсѣ въ началѣ 1884 года, высказала рѣшительное мнѣ-

[1]) „Proportional representation“, by Sir *John Lubbock* (Nineteenth Century, 1884, April).

ніе, что „попытка доставить меньшинству представительство посредствомъ спеціальныхъ законодательныхъ мѣръ является нарушеніемъ принципа народнаго парламентскаго управленія". Въ мѣстныхъ дѣлахъ, гдѣ не замѣшаны политическіе интересы, меньшинство отчасти уже пользуется въ Англіи избирательными правами; напримѣръ, члены городскихъ школьныхъ совѣтовъ выбираются по системѣ „совокупнаго голосованія": каждый имѣетъ столько голосовъ, сколько требуется замѣстить вакансій, и можетъ всѣ голоса отдать одному кандидату. По другому способу, предлагаемому Лёббокомъ, избиратель ставитъ нѣсколько именъ, и голосъ, ненужный первому кандидату, переходитъ ко второму, затѣмъ къ третьему, и такъ далѣе. Такой порядокъ выборовъ гарантируетъ права всѣхъ избирателей и устраняетъ дѣйствіе случая. При избраніи членовъ парламента въ графствѣ Кентъ, въ 1880 году, либералы имѣли 13.000 голосовъ, а консерваторы—16.000; однако, всѣ шесть вакантныхъ мѣстъ достались послѣднимъ. Въ 99 мѣстахъ подано 96.000 либеральныхъ и 116.000 консервативныхъ бюллетеней; между тѣмъ выбрано только 15 либераловъ, а торіевъ — 84. Можно ли считать это настоящимъ представительствомъ? Гдѣ объ партіи равносильны по числу избирателей, тамъ небольшая горсть людей распоряжается политическою ареною и выбираетъ сама всѣхъ кандидатовъ. Въ Ливерпулѣ находится около 30.000 либераловъ, столько же консерваторовъ и 2.000 ирландскихъ автономистовъ; отъ однихъ послѣднихъ будетъ зависѣть назначеніе членовъ отъ Ливерпуля. Обыкновенно ирландцы присоединяются къ торіямъ, и 30.000 либераловъ остаются безъ представителей. Съ расширеніемъ избирательныхъ правъ выходитъ слѣдующее: безъ этихъ 30.000 либераловъ Ливерпуль имѣлъ бы, напримѣръ, четырехъ депутатовъ; но такъ какъ либералы увеличиваютъ собою населеніе вдвое, то консерваторамъ дается вдвое больше членовъ парламента, а именно восемь. Очевидный абсурдъ, а такова между тѣмъ парламентская система при нынѣшнемъ пренебреженіи правами меньшинства.

Меньшинство, не имѣющее возможности вліять на общій ходъ дѣлъ черезъ представителей въ парламентѣ, чувствуетъ себя безправнымъ и проникается инстинктами насилія. Почти

всѣ депутаты, избираемые Ирландіею, принадлежатъ къ партіи крайнихъ автономистовъ, руководимыхъ Парнеллемъ; третья часть населенія, состоящая изъ англичанъ и протестантовъ, подавляется господствомъ этой воинственной группы, съ которою должно по необходимости считаться правительство. При болѣе справедливомъ способѣ выборовъ приверженцы Парнелля потеряли бы въ палатѣ около двадцати мѣстъ, которыя перешли бы къ противникамъ, лишеннымъ теперь представительства. А при настоящемъ порядкѣ меньшинство прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ для охраны своихъ правъ, образуетъ вооруженные отряды подъ именемъ „оранжистовъ", на митинги и рѣшенія патріотовъ-католиковъ отвѣчаетъ шумными демонстраціями, которыя часто кончаются кровопролитіемъ. Междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ вѣроятно не возникла бы вовсе, еслибы представительство въ южныхъ штатахъ не попало цѣликомъ въ руки одной демократической партіи, съ устраненіемъ многочисленныхъ сторонниковъ единства союза: это высказано было въ оффиціальномъ отчетѣ коммиссіи, назначенной въ 1869 году американскимъ сенатомъ для разсмотрѣнія вопроса объ избирательной реформѣ. Можно привести еще одинъ убѣдительный примѣръ: въ 1842 году Женева была раздѣлена на шесть округовъ, для избранія шести депутатовъ. Либеральные избиратели, сосредоточенные въ двухъ округахъ, имѣли всего двухъ представителей, хотя составляли несомнѣнно большинство въ общемъ населеніи города, а консерваторы, будучи меньшинствомъ, выбирали четырехъ, и крайнее неудовольствіе, порожденное этимъ обстоятельствомъ, привело къ волненіямъ 1846 года. „Представительное собраніе,— замѣчаетъ Лёббокъ,—должно быть вѣрнымъ отраженіемъ націи; однородность по составу и направленію требуется только отъ правительства. Исключеніе меньшинства, необходимое въ одномъ случаѣ, было бы несправедливостью и тираніею въ другомъ. Пропорціональное представительство дало бы надлежащій вѣсъ голосу каждаго избирателя; оно обезпечило бы выборъ способныхъ и достойныхъ довѣрія государственныхъ людей, равно какъ и лицъ, извѣстныхъ съ хорошей стороны въ своихъ округахъ; оно могло бы возвысить и очистить общій характеръ

избирательной борьбы; оно доставило бы меньшинству дѣйствительное право голоса и наконецъ упрочило бы за большинствомъ то преобладаніе, которое ему должно принадлежать по справедливости".

Недостатки парламентаризма, на которые указываютъ всего чаще,—непостоянство, шаткость, возможность неожиданныхъ перемѣнъ и случайностей,—происходятъ отчасти отъ ошибочныхъ избирательныхъ порядковъ, при которыхъ даже несомнѣнное численное большинство въ странѣ можетъ оказаться въ меньшинствѣ въ палатахъ. Въ господствующихъ мнѣніяхъ и желаніяхъ народа обнаруживается вообще извѣстная стойкость и послѣдовательность; скачки и колебанія бываютъ только при исключительныхъ условіяхъ, когда нормальный ходъ политической жизни внезапно нарушается отъ внѣшняго толчка или отъ внутренняго потрясенія. Такъ и парламентъ принялъ бы болѣе прочныя и опредѣленныя черты, при введеніи вѣрнаго и справедливаго представительства [1]).

Но самое вѣрное представительство не предохраняетъ отъ метаморфозы, заключающейся въ подмѣнѣ общенародныхъ интересовъ спеціальными интересами партій и группъ: частныя стремленія всегда берутъ верхъ надъ публичными, когда сознательное политическое чувство слабѣетъ въ народѣ или переходитъ въ состояніе пассивнаго бездѣйствія.

XXV.

Расширеніе предѣловъ государственной и парламентской дѣятельности.—Обиліе и сложность парламентскихъ функцій. — Чрезмѣрная централизація народнаго представительства.

Двѣ важныя причины ставятъ въ критическое положеніе современные европейскіе парламенты: чрезмѣрное расширеніе разнообразныхъ функцій государства и сосредоточеніе въ палатахъ излишней массы дѣлъ, которыя съ успѣхомъ могли бы

[1]) Ниже, въ Приложеніи, читатели найдутъ разборъ единственнаго новѣйшаго руководства по западно-европейскому конституціонному праву въ нашей литературѣ—проф. А. Градовскаго.

быть предоставлены мѣстному самоуправленію или спеціальнымъ учрежденіямъ.

Съ тѣхъ поръ какъ демократія пріобрѣла рѣшающее вліяніе на законодательство и политику, она стала все болѣе раздвигать сферу дѣятельности государства; поводы и формы вмѣшательства въ народную жизнь увеличиваются въ числѣ и значеніи; общественные интересы, требующіе защиты, усложняются и разростаются вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ страны. Чѣмъ сильнѣе довѣріе къ правительственной власти, тѣмъ значительнѣе запросъ на административныя и законодательныя мѣры. Но реформы нуждаются въ исполнителяхъ; контроль государства, развѣтвляющійся по всѣмъ направленіямъ, вызываетъ потребность въ массѣ новыхъ служебныхъ органовъ. Вѣдомства, канцеляріи и чиновники размножаются повсюду; разъ созданныя учрежденія упорно существуютъ и усиливаютъ свои штаты даже послѣ того, какъ надобность въ нихъ миновала или ослабѣла. Во Франціи на содержаніе чиновничества расходуется теперь 600 милліонами больше, чѣмъ въ послѣдніе годы второй имперіи; гражданскія пенсіи возросли съ 41 до 55 милліоновъ въ короткій періодъ времени съ 1877 до 1882 года; пенсію получаютъ 263.000 человѣкъ, а въ 1869 ихъ было только 174.000. На каждую должность приходится нѣсколько получателей жалованья—нынѣшній штатный чиновникъ, его отставной предмѣстникъ, еще болѣе ранній предшественникъ, если онъ живъ, и т. д. [1]). А наивные люди не перестаютъ взывать къ правительству по поводу всякаго общественнаго вопроса, не имѣющаго еще соотвѣтственной канцеляріи, и въ то же время жалуются на непрерывное увеличеніе бюджета, приписывая всю вину министрамъ и парламентамъ. Государство предпринимаетъ колоссальныя общеполезныя работы, съ цѣлью возвысить благосостояніе населенія; извѣстный планъ де-Фрейсинэ, приводимый въ исполненіе въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи, долженъ былъ обойтись въ нѣсколько милліардовъ. Военныя силы страны поглощаютъ громадныя суммы, въ которыхъ никогда не отказываетъ народъ,

[1]) „Nouvelle Revue“, 1883, отъ 15-го іюня: „L'administration française“.

въ лицѣ своихъ представителей. Издержки и налоги ростутъ вполнѣ естественно, и росли бы еще больше и скорѣе, еслибъ удовлетворялись всѣ желанія и требованія избирателей. Отъ своихъ довѣренныхъ людей, посылаемыхъ въ парламентъ, населеніе ждетъ такихъ преобразованій и уступокъ, которыя иногда невозможны при данныхъ условіяхъ. Недовольство возникаетъ одинаково и въ томъ случаѣ, когда не исполняется все, ожидаемое прогрессистами, и тогда, когда исполненное не оправдываетъ всѣхъ ожиданій. Увеличенная дѣятельность чиновничества въ разныхъ областяхъ народнаго быта не даетъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ даже при самой лучшей и образцовой организаціи управленія. Соціальные недуги не излечиваются еще парламентами, и неосновательныя надежды смѣняются разочарованіемъ.

Представительныя собранія имѣютъ своимъ назначеніемъ обсуждать и разрѣшать государственные расходы, контролировать общую политику кабинета и отдѣльныя дѣйствія министровъ, разсматривать проекты законовъ и давать полное освѣщеніе публичнымъ интересамъ, вопросамъ и нуждамъ, съ точки зрѣнія народнаго блага. Но выборныя палаты не состоятъ изъ спеціалистовъ по всевозможнымъ отраслямъ законодательства, государственнаго хозяйства и управленія; поэтому парламентъ выходитъ изъ своей естественной роли, когда онъ вникаетъ во всѣ подробности предлагаемыхъ мѣръ и самъ формулируетъ законы или исправляетъ ихъ, не довольствуясь общей оцѣнкою ихъ содержанія. Каждому извѣстно, что неточное слово или неправильное выраженіе, употребленное въ законѣ, можетъ испортить все дѣйствіе его на практикѣ; нужно быть опытнымъ и свѣдущимъ юристомъ, чтобы предвидѣть послѣдствія той или другой формулы и предупредить ошибочныя толкованія при ея примѣненіи. Нерѣдко законы, составленные съ наилучшими намѣреніями, вызываютъ массу неудобствъ и недоразумѣній тотчасъ по своемъ обнародованіи,—только потому, что составители были военные и гражданскіе патріоты, мало подготовленные къ дѣлу законодательства. Неудачныя или поспѣшныя рѣшенія палаты депутатовъ встрѣчаютъ однако своевременную критику и отклоняются обыкновенно болѣе осто-

рожною верхнею палатою. При политическомъ тактѣ и навыкѣ, собраніе, столь случайное по своему составу, какъ англійская палата лордовъ, исполняетъ съ успѣхомъ важную спеціальную роль верховнаго суда въ королевствѣ; это было бы немыслимо, еслибы всѣ лорды вздумали дѣйствительно участвовать въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, наравнѣ съ немногими заслуженными членами судебнаго сословія, засѣдающими въ палатѣ. Разработка спеціальныхъ вопросовъ и задачъ должна быть поручаема особымъ комиссіямъ, такъ же какъ редактированіе законовъ; парламентъ оставляетъ за собою рѣшеніе принципіальное, не вдаваясь въ опредѣленіе деталей,—какъ это и установлено отчасти французскою парламентскою практикою. Англійская палата общинъ не держится такого правила; она не выдѣляетъ изъ себя особыхъ комиссій для подробнаго разсмотрѣнія обширныхъ законодательныхъ проектовъ, въ родѣ ирландскаго земельнаго билля Гладстона; она сама въ обычномъ своемъ составѣ образуетъ „комитетъ“, обсуждаетъ отдѣльныя статьи закона, дѣлаетъ въ нихъ измѣненія и поправки. Проектъ въ нѣсколько десятковъ статей требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ усиленныхъ преній и поглощаетъ добрую половину всей парламентской сессіи; оттого и невозможны въ Англіи болѣе сложныя законодательныя предпріятія, въ которыхъ давно уже чувствуется настоятельная потребность,—какъ напримѣръ, приведеніе къ единству разрозненныхъ гражданскихъ законовъ и составленіе систематическихъ кодексовъ по различнымъ отдѣламъ права. Чтобы обсудить уложеніе въ тысячу или болѣе параграфовъ, палата общинъ и затѣмъ палата лордовъ должны были бы на много лѣтъ отказаться отъ прочихъ многочисленныхъ и обязательныхъ занятій; никакой парламентъ, никакое министерство не взялись бы за подобную непосильную задачу, чѣмъ и объясняется поразительная запутанность въ англійскихъ законахъ. Неудивительно поэтому, что Джонъ Стюартъ Милль находилъ представительныя собранія вообще неспособными къ законодательству [1]). Знаменитые

[1]) „Размышленія о представительномъ правленіи“ (р. перев.). Спб. 1863.

акты французскихъ палатъ, начиная съ конвента, и особенно новѣйшіе уголовные кодексы, судебные уставы, торговые и фабричные законы, выработанные при участіи парламентскихъ комиссій въ Германіи и въ другихъ странахъ, ясно доказываютъ невѣрность мнѣнія Милля. Палата общинъ есть чрезвычайно тяжелое и неповоротливое законодательное орудіе,— единственно только вслѣдствіе устарѣлаго и несостоятельнаго способа разсмотрѣнія законовъ.

Введеніе парламентовъ въ государствахъ континентальной Европы сопровождалось самыми свѣтлыми, возвышенными ожиданіями. Люди мечтали о вѣкѣ правды и свободы, предавались поэтическимъ иллюзіямъ и надѣялись на скорую богатую жатву; свою традиціонную привычку ждать спасенія сверху, изъ центра государства, они перенесли на народное представительство. Они воображали, что устранятся всякія бѣдствія и невзгоды, что исчезнутъ неудовольствія и ошибки, что рѣшенія депутатовъ замѣнятъ пищу для голодныхъ и что все устроится къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Увлекшись идеаломъ парламентаризма, они забыли о необходимыхъ для него подпоркахъ въ видѣ мѣстныхъ органовъ самоуправленія; парламенты остались, такъ-сказать, висѣть въ воздухѣ, сосредоточивая въ себѣ всевозможные общественные и политическіе интересы цѣлой націи, въ ущербъ самостоятельности областей и общинъ. Проза жизни не замедлила заявить свои права. Исключительное, напряженное вниманіе общества къ дѣятельности палатъ сдѣлалось болѣе трезвымъ и спокойнымъ; идеалы спустились на землю и попатнулись подъ вліяніемъ глухого броженія рабочаго класса. Для парламентовъ насталъ тревожный кризисъ—періодъ затрудненій и новыхъ задачъ. Чтобы справиться съ ними, центральное представительство должно прочнѣе укрѣпить свои корни въ мѣстномъ самоуправленіи и передать ему часть своихъ функцій. На этотъ путь вступила англійская палата общинъ послѣ билля о реформѣ 1832 года, расширившаго политическія права демократіи: образованъ былъ цѣлый рядъ избирательныхъ учрежденій въ городахъ и селахъ; извѣстнымъ законамъ придается условная сила, съ примѣне-

ніемъ ихъ по желанію мѣстныхъ выборныхъ властей; такіе важные вопросы, какъ торговля спиртными напитками, предполагается разрѣшать мѣстнымъ народнымъ голосованіемъ. Это — зачатки движенія, замѣтнаго и въ остальной Европѣ: искусственное единство уступаетъ мѣсто естественному разнообразію.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ

И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

XXVI.

Измѣнившееся положеніе народныхъ массъ въ западно-европейскихъ монархіяхъ. —Попытки реакціонныхъ элементовъ сблизиться съ рабочимъ классомъ для совмѣстной борьбы съ господствующею промышленною буржуазіею.—Шансы государственнаго соціализма въ разныхъ странахъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ князя Бисмарка, въ анонимной брошюрѣ, изданной въ 1878 году, выразилъ мнѣніе, что „прусская монархія будущаго должна быть соціалистическою монархіею, или она перестанетъ существовать". Около того же времени германское правительство начало съ особенною настойчивостью проводить свою программу соціальныхъ реформъ. направленныхъ къ улучшенію быта рабочаго класса.

Въ чемъ же заключается политическій смыслъ этого новаго „охранительнаго соціализма"?

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ вообще тотъ фактъ, что именно монархическія правительства западной Европы относятся съ наибольшею терпимостью къ идеямъ экономическаго соціализма, и что въ Пруссіи, Австріи, Италіи и Англіи эти идеи проникли уже отчасти въ оффиціальныя сферы законодательства и управленія, тогда какъ въ республиканской Франціи соціализмъ сдерживается еще на степени революціонной или еретической доктрины. Это явленіе имѣетъ однако свои глубокія основанія.

Роль монархіи въ конституціонныхъ государствахъ значительно измѣнилась со времени введенія болѣе широкаго народнаго представительства. Всеобщая подача голосовъ перемѣстила центръ тяжести политической силы въ глубину большинства трудящагося населенія, находившагося до тѣхъ поръ подъ господствомъ высшихъ и среднихъ классовъ. Предпріимчивая и дѣятельная буржуазія была долго рѣшающею, первенствующею силою; она наполнила своимъ промышленнымъ духомъ, своими интересами и воззрѣніями, весь существующій строй европейскихъ обществъ. Слово аббата Сіейса, что „третье сословіе должно быть всѣмъ", стало истиною. Теперь среднее сословіе вынуждено уже защищать свои пріобрѣтенія и преимущества отъ посягательствъ рабочаго класса, подобно тому, какъ нѣкогда землевладѣльческое дворянство отстаивало свои привилегіи въ борьбѣ съ возраставшимъ могуществомъ буржуазіи. Пошатнулась вѣра въ незыблемую долговѣчность современной промышленной системы.

Консерваторы прошлаго и пророки будущаго идутъ съ разныхъ сторонъ на-встрѣчу новому историческому періоду. Двѣ традиціонныя охранительныя силы запада—поземельная аристократія и католическое духовенство,—раздѣляютъ вражду соціалистовъ къ денежному классу и явно или тайно поддерживаютъ ихъ экономическія ученія. Старые дворянскіе роды, оттѣсненные на задній планъ купечествомъ и мѣщанствомъ, видятъ для себя прямую выгоду въ подрывѣ правъ господствующаго капитализма. Служители религіи также не находятъ прежней вѣрующей паствы въ непрерывно развивающемся, свободномыслящемъ городскомъ населеніи; они съ новыми надеждами обращаютъ свои взоры на непочатые еще милліоны простыхъ работниковъ, недовольныхъ, какъ и они, настоящимъ и ожидающихъ всего отъ будущаго. Къ тѣмъ же милліонамъ пролетаріевъ, признанныхъ полноправными гражданами, протягиваетъ свою покровительственную руку и родовая аристократія, въ лицѣ своихъ болѣе дальновидныхъ представителей. На этой почвѣ появляется соціализмъ „христіанскій" или „консервативный". Въ свою очередь средняя либеральная интеллигенція возстаетъ противъ соціализма не только

потому, что она сама воспитана большею частью въ атмосферѣ промышленныхъ интересовъ и понятій, но и потому, что политическая свобода завоевана была впервые подъ знаменемъ промышленной свободы, и что принципъ государственнаго вмѣшательства можетъ легко перешагнуть за предѣлы экономической области, въ ущербъ политическимъ и общественнымъ вольностямъ.

При такихъ условіяхъ монархическая власть въ Европѣ имѣетъ предъ собою чрезвычайно благопріятную перспективу—укрѣпиться на болѣе просторномъ фундаментѣ народныхъ массъ, привязать къ себѣ ихъ матеріальные интересы и освободиться отъ односторонняго вліянія и контроля промышленнаго класса, занимающаго преобладающее положеніе въ парламентской и общественной жизни. Монархія не можетъ связывать свою судьбу съ буржуазіею, какъ элементомъ непрочнымъ, перемѣнчивымъ и доступнымъ оппозиціонному вольнодумству; всеобщая подача голосовъ заставляетъ монархистовъ искать опоры тамъ, гдѣ есть безспорное численное большинство,—въ низшихъ слояхъ народа, которымъ рано или поздно предстоитъ имѣть соотвѣтственное большинство представителей въ парламентѣ. Изъ феодальной эпохи монархія вышла съ оттѣнкомъ буржуазнымъ; изъ буржуазной эры она можетъ выйти съ оттѣнкомъ народно-соціалистическимъ. Таково политическое значеніе новѣйшаго государственнаго соціализма въ западной Европѣ.

Очевидно, такимъ образомъ, что государственный соціализмъ не есть дѣло произвола или случайнаго личнаго убѣжденія; онъ не выдуманъ княземъ Бисмаркомъ, или кѣмъ-либо другимъ, а составляетъ логическій выводъ изъ современнаго положенія монархическихъ правительствъ въ конституціонной Европѣ. Монархія сходится вновь съ своими старыми вѣрными друзьями—феодалами и клерикалами, преобразившимися въ друзей народа,—для успѣшной борьбы съ торжествующимъ промышленнымъ сословіемъ, противъ котораго выступаютъ уже многочисленные баталіоны рабочаго пролетаріата. Проницательные государственные люди стараются заранѣе предупредить готовящіяся событія и направить движеніе по пути чисто-

экономическихъ перемѣнъ, мимо старинныхъ столповъ политической организаціи.

Гдѣ нѣтъ монархіи,—какъ во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ,—тамъ государственный соціализмъ не можетъ пустить корней безъ предварительнаго перехода власти въ руки вождей рабочаго населенія или честолюбивыхъ демагоговъ. Городская буржуазія, богатая знаніями, энергіею и талантами, имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ государственныя силы и средства для того, чтобы обезпечить за собою фактическое преобладаніе въ республикѣ; законы и исполнители ихъ находятся всецѣло къ услугамъ экономическаго порядка, которому невольно подчиняется и всеобщая подача голосовъ. Въ республикѣ нѣтъ элементовъ, которые мѣшали бы полному проявленію господствующаго промышленнаго духа; этотъ духъ сдерживается только снизу, медленнымъ дѣйствіемъ рабочаго движенія и освѣщающихъ его попытокъ отдѣльныхъ умовъ. Образованные средніе классы свободны отъ заботъ объ укрѣпленіи къ нимъ народныхъ симпатій; они опираются на свою самостоятельную силу, умственную и имущественную, разсчитывая избѣгнуть возможныхъ опасностей и устранить ихъ въ случаѣ нужды при помощи своевременныхъ насильственныхъ мѣръ. Ни одно монархическое правительство во Франціи не рѣшилось бы такъ безпощадно расправиться съ волненіемъ четвертаго сословія, какъ республиканецъ Кавеньякъ во время февральской революціи, или руководитель буржуазіи Тьеръ во время парижской коммуны. Гамбетта, находясь въ апогеѣ популярности, могъ сказать, что „нѣтъ соціальнаго вопроса“, ибо большинство французовъ способно удовлетворять свою наклонность къ бережливости, благодаря счастливымъ природнымъ и экономическимъ условіямъ страны. Чтобы низшіе общественные слои не могли повліять слишкомъ сильно на составъ законодательныхъ собраній, для этого организуется на извѣстныхъ началахъ правильное руководство всеобщею подачею голосовъ, и взамѣнъ выборовъ по округамъ, съ перевѣсомъ мѣстныхъ вліяній, предлагаются выборы по департаментскимъ спискамъ, съ перевѣсомъ вліяній болѣе общихъ, исходящихъ изъ центровъ политической жизни. Новые соціальные идеалы имѣютъ

во Франціи своихъ горячихъ проповѣдниковъ и приверженцевъ, но они еще очень далеки отъ мирнаго русла сознательной политики и не выходятъ изъ области смѣлыхъ избирательныхъ программъ.

Своеобразный характеръ имѣетъ соціалистическое движеніе въ Англіи. Промышленный классъ, при всемъ своемъ могуществѣ, долженъ считаться съ вліятельною поземельною аристократіею, и взаимный антагонизмъ этихъ двухъ руководящихъ общественныхъ силъ открываетъ нѣкоторый, хотя и незначительный, просторъ стремленіямъ рабочаго сословія. При содѣйствіи лордовъ издавались законы въ защиту фабричныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ, жертвъ капитализма, а представители промышленности съ своей стороны охотно вырабатываютъ земельные билли въ пользу фермеровъ, противъ крупнаго землевладѣнія. Подобнымъ „обмѣномъ услугъ“ объясняется многое въ англійской жизни. Предводитель консервативной знати, маркизъ Салисбери, выступаетъ въ роли защитника городскихъ пролетаріевъ и требуетъ снабженія ихъ жилищами на счетъ государства; онъ заявляетъ публично, что „въ будущемъ рабочій классъ призванъ въ значительной мѣрѣ управлять Англіею“. Либеральный парламентскій дѣятель, бывшій министръ торговли Чэмберленъ, въ свою очередь краснорѣчиво нападаетъ на „незаслуженное возрастаніе“ землевладѣльческой ренты. Каждый изъ обоихъ лагерей готовъ на радикальныя уступки насчетъ интересовъ другого; но промышленность есть сила живая и прогрессивная, тогда какъ землевладѣніе все болѣе утрачиваетъ свою прежнюю роль въ политикѣ и въ законодательствѣ. Понятно поэтому, отчего такъ легко и быстро распространяется въ Англіи агитація противъ поземельной собственности, а нападки на капитализмъ раздаются слабо и проходятъ почти совершенно безслѣдно; теоріи Маркса и другихъ новѣйшихъ соціалистовъ почти неизвѣстны англичанамъ, между тѣмъ какъ проекты упраздненія частной собственности на землю, выдвинутые натуралистомъ Уоллесомъ и американцемъ Генри Джоржемъ, пользуются шумнымъ успѣхомъ въ значительной части общества и печати. Государственный соціализмъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ проповѣдуется въ

Германіи, можетъ проявляться въ Англіи только отрывочно, въ отдѣльныхъ случаяхъ и вопросахъ,—вслѣдствіе безусловной зависимости правительства отъ парламента, отражающаго въ себѣ главнымъ образомъ чувства и интересы среднихъ и высшихъ классовъ населенія.

XXVII.

Неточныя представленія о соціализмѣ.—Дѣйствительная сущность западно-европейскаго соціализма, какъ экономической системы.—Борьба противъ односторонняго индивидуализма.—Соціализмъ христіанскій, революціонный и государственный.

Насколько противорѣчивы и смутны представленія, соединяемыя съ словомъ „соціализмъ“ различными писателями, можно видѣть изъ нѣсколькихъ авторитетныхъ примѣровъ.

Эмиль де-Лавеле, въ своей извѣстной книгѣ о современномъ соціализмѣ, утверждаетъ, что выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ есть мѣра соціалистическая. „Соціалистическія тенденціи князя Бисмарка,—говоритъ онъ,—обнаружились въ вопросѣ о взятіи желѣзныхъ дорогъ въ казенное управленіе. Доводы, приведенные для оправданія этой мѣры, могутъ быть примѣнены ко многимъ другимъ отраслямъ промышленности, ибо эксплуатація обширной желѣзно-дорожной сѣти есть одно изъ самыхъ сложныхъ промышленныхъ предпріятій. Если возложить это дѣло на государство, то тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ можно передать ему разработку рудниковъ, воздѣлываніе земель и наконецъ фабрикацію важнѣйшихъ продуктовъ, сырыхъ и мануфактурныхъ. Нѣтъ основанія останавливаться на этомъ пути, а этотъ путь логически приводитъ къ передачѣ всей вообще промышленности въ руки государства, что и составляетъ идеалъ радикальнаго соціализма“ [1]). Авторъ упустилъ здѣсь изъ виду принципіальную разницу между предпріятіями, имѣющими публичный интересъ, и дѣлами чисто-частными, преслѣдующими цѣли личнаго обогащенія. Желѣзныя дороги принадлежатъ къ той же категоріи

[1]) Le socialisme contemporaine, par *Emile de Laveleye*, 2-e edit., p. 104.

предпріятій, какъ и телеграфъ, и почта; желѣзно-дорожныя сообщенія захватываютъ даже болѣе разнообразные и важные общественные интересы, чѣмъ телеграфъ и почта, ибо тутъ дѣло идетъ еще о безопасности многихъ человѣческихъ жизней. Притомъ желѣзныя дороги суть предпріятія монопольныя по преимуществу; публика, нуждающаяся въ правильныхъ и удобныхъ сообщеніяхъ между извѣстными пунктами, не имѣетъ свободы выбора и должна по-неволѣ подчиняться всякимъ условіямъ администраціи при пользованіи дорогою. Ничего подобнаго не представляетъ частная промышленность, съ ея свободною конкурренціею, съ ея возможностью выбора между продуктами того или другого производителя. Изъ того, что желѣзныя дороги поступаютъ въ завѣдываніе государства, нельзя никакимъ образомъ извлечь указываемые авторомъ выводы относительно воздѣлыванія земли или фабричнаго производства; въ системѣ казеннаго желѣзно-дорожнаго управленія столь же мало соціалистическаго, какъ и въ управленіи почтами и телеграфами. Если къ такимъ вещамъ припутывать соціализмъ, то все есть соціализмъ въ государствѣ, или это слово не имѣетъ никакого опредѣленнаго смысла.

Другой французскій писатель, Поль Жанэ, находитъ, что „англійскій налогъ для бѣдныхъ есть соціалистическое учрежденіе“. Эта оригинальная мысль, которой, конечно, не предвидѣла королева Елисавета при установленіи этого налога въ XVI вѣкѣ, вытекаетъ изъ самаго опредѣленія, даваемаго авторомъ соціализму. „Соціализмомъ, — по его словамъ, — называется всякая доктрина, проповѣдующая, что государство должно исправлять существующее между людьми неравенство имуществъ и возстановлять равновѣсіе путемъ закона, отбирая у лицъ, имѣющихъ слишкомъ много, для передачи людямъ недостаточнымъ“. Подъ это опредѣленіе подойдетъ и безыскусственный коммунизмъ, и уравнительная система податей, и простая принудительная благотворительность; только тутъ нѣтъ настоящаго соціализма въ собственномъ смыслѣ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ ограничиваетъ идею соціализма „представленіемъ новаго и чисто-химерическаго порядка распредѣленія богатствъ, при которомъ

послѣднія были бы доступны всѣмъ по силѣ закона“ [1]). Въ то же время Жанэ противопоставляетъ соціализму „принципъ, признанный вообще всѣми правительствами, всѣми публицистами, всѣми юристами, а именно право регулировать собственность закономъ“; авторъ могъ бы прибавить, что этотъ принципъ признанъ и всѣми соціалистами. Трудно согласиться съ мнѣніемъ Жанэ, что „легче опровергнуть соціализмъ, чѣмъ опредѣлить его“,—ибо едва ли удобно опровергать то, что̀ неясно или невѣрно опредѣлено.

Нужно замѣтить, что въ этихъ неясностяхъ и противорѣчіяхъ существуетъ нѣкоторая метода. Чѣмъ враждебнѣе относятся авторы къ требованіямъ государственнаго вмѣшательства, тѣмъ болѣе раздвигаютъ они значеніе соціализма и тѣмъ охотнѣе подводятъ подъ него всякую непріятную или нежелательную мѣру. Достаточно назвать извѣстный проектъ соціалистическимъ, чтобы опорочить его въ глазахъ публики, и это соображеніе, быть можетъ безсознательное, побуждаетъ писателей прилагать компрометирующій терминъ къ предметамъ, не имѣющимъ въ сущности ничего общаго съ соціализмомъ, въ родѣ налога для бѣдныхъ или перехода желѣзныхъ дорогъ въ руки государства.

Современный западно-европейскій соціализмъ не задается больше фантастическими планами переустройства всего человѣческаго общежитія на новыхъ началахъ; онъ не ищетъ также идеальнаго права на трудъ, а стремится установить и обезпечить реальное право труда. Сойдя съ заоблачныхъ высотъ на землю, въ сферу жгучихъ матеріальныхъ вопросовъ и потребностей, соціализмъ сталъ неизмѣримо опаснѣе для установленнаго экономическаго строя; онъ сталъ понятенъ рабочимъ массамъ, помогъ имъ организоваться и формулировать извѣстныя положительныя требованія. Въ основѣ этихъ требованій лежатъ слѣдующія два начала: во-первыхъ, что работникамъ должны всецѣло принадлежать продукты ихъ труда, такъ какъ трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности, и во-вторыхъ, что

[1]) Les origines du socialisme contemporaine, par Paul Janet (P. 1883), pp. 2, 67—8.

необходимыя орудія производства — земля, строенія, машины, должны быть изъяты изъ числа предметовъ личной собственности. Промышленныя предпріятія, фабрики и мануфактуры, низводящія работниковъ на степень безправныхъ орудій, получаютъ въ ученіяхъ соціалистовъ новую организацію, въ которой нѣтъ мѣста отдѣльному классу хозяевъ-капиталистовъ: — рабочіе становятся хозяевами соотвѣтственно своей долѣ участія въ общемъ трудѣ, заработная плата сливается съ прибылью, результаты общаго труда распредѣляются по заслугамъ каждаго, а трудъ управляющихъ, техниковъ и прочихъ умственныхъ работниковъ вознаграждается по болѣе высокой нормѣ, соразмѣрно своей важности. Рабочіе не будутъ тогда служить товаромъ, который покупается на рынкѣ или выбрасывается на улицу, смотря по обстоятельствамъ; они не будутъ обречены, по мнѣнію соціалистовъ, на безвыходное прозябаніе въ усовершенствованныхъ тискахъ капитала или подъ худшимъ еще гнетомъ нужды, въ то время какъ плоды ихъ работы доставляютъ непомѣрныя богатства немногимъ лицамъ. Соціализмъ требуетъ коренного принципіальнаго преобразованія экономической системы, а вовсе не одного только внѣшняго перемѣщенія или распредѣленія имуществъ; общее ядро различныхъ соціалистическихъ теорій заключается именно въ этой реформѣ основныхъ принциповъ существующаго хозяйственнаго порядка. Соціализмъ выдвигаетъ на первый планъ общественность, коллективность, противопоставляя ее индивидуализму современной промышленной жизни; онъ отводитъ въ резервуаръ общественности много такого, что предоставлено теперь господству личнаго интереса. Все, что истекаетъ изъ общества, изъ соціальныхъ и природныхъ условій, возвращается въ этотъ общественный источникъ, какъ достояніе всѣхъ и каждаго; на долю отдѣльныхъ лицъ достается лишь цѣнность того, что произведено ихъ трудомъ. Соединеніе многихъ рабочихъ для одного сложнаго дѣла даетъ не простую сумму результатовъ отдѣльныхъ рабочихъ силъ, купленныхъ хозяиномъ за извѣстную плату, а даетъ нѣчто гораздо большее—продуктъ комбинаціи, соединенія и раздѣленія труда, такъ что получается избытокъ дохода сравнительно съ сдѣланными затратами, сверхъ

процента на капиталъ и вознагражденія усилій предпринимателя; этотъ избытокъ, зачисляемый обыкновенно въ прибыль, долженъ идти, по мнѣнію соціалистовъ, въ кассу рабочей артели. Точно также въ земледѣльческомъ хозяйствѣ отвергается присвоеніе поземельной ренты въ частную собственность, ибо та часть дохода, которая дается выгоднымъ положеніемъ участка, возрастаніемъ населенія и естественнымъ плодородіемъ почвы, не зависитъ отъ личныхъ заслугъ и трудовъ, а является слѣдствіемъ общихъ причинъ, почему и принадлежитъ какъ бы всему обществу. Право частной собственности сводится такимъ образомъ къ праву работника на свои произведенія. Идеалъ соціалистовъ можетъ расширяться во всѣ стороны, можетъ обнимать область и нравственности, и политики, доходить до чистѣйшихъ утопій или довольствоваться постепеннымъ рѣшеніемъ поставленныхъ задачъ; но экономическая сущность его остается неизмѣнною, въ какія бы формы она ни облекалась. Когда нѣтъ этого зерна и окружающихъ его предположеній, нѣтъ и соціализма въ экономическомъ смыслѣ.

Соціалистическіе идеалы направлены не только противъ владычества капитала, но и противъ индивидуализма вообще, противъ индивидуальной свободы, выгодной для сильныхъ и убійственной для слабыхъ, противъ культа личнаго интереса, подавляющаго собою интересы общественные и моральные. Въ этомъ пунктѣ съ соціалистами сходятся консерваторы старины, защитники исчезнувшихъ корпорацій, цеховъ и общинъ.

По отношеніямъ своимъ къ государственности, соціализмъ распадается на три вѣтви, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой особый характеръ и свою исторію. Одни надѣются достигнуть желаемыхъ цѣлей независимо отъ государства, при помощи какого-то нравственнаго порыва и воодушевленія, поддерживаемаго примѣромъ и проповѣдью, часто на полурелигіозной, мистической подкладкѣ; такихъ дѣятелей и надеждъ очень мало въ настоящее время. Другіе желали бы разрѣшить соціальный вопросъ посредствомъ насильственнаго переворота, въ видѣ захвата власти или упраздненія ея,—это соціалисты-революціонеры, мечтающіе еще о государствѣ по своему образу

и подобію, и анархисты, враги всякаго вообще государственнаго устройства. Наконецъ, третьи разсчитываютъ осуществить свои стремленія при содѣйствіи государства, посредствомъ мирныхъ и послѣдовательныхъ законодательныхъ реформъ; это соціализмъ консервативный, государственный, который мы только и имѣемъ въ виду въ настоящемъ этюдѣ.

Государственнымъ соціализмомъ можетъ быть названо только такое направленіе законодательной и правительственной дѣятельности, которое имѣетъ непосредственную связь съ указанными выше основами и цѣлями соціализма. Государство такъ или иначе воплощаетъ въ себѣ интересы общенародные, соціальные; оно по необходимости вмѣшивается въ сферу частныхъ предпріятій и подвергаетъ ихъ законному контролю во имя общественнаго блага. Либеральная точка зрѣнія предполагаетъ свободу для добра, а не для зла, и тамъ, гдѣ индивидуализмъ дѣйствуетъ въ ущербъ всему обществу, съ нимъ неизбѣжно расходятся добросовѣстные либералы, для которыхъ кромѣ свободы личной, существуетъ еще свобода общественная и политическая. Противники всякаго расширенія государственнаго вмѣшательства руководятся не столько сочувствіемъ къ данному кругу фактовъ, которому грозитъ это вмѣшательство, сколько чувствомъ недовѣрія и безпокойства по поводу предоставленія новыхъ полномочій органамъ государственной власти. Поэтому, какъ неосновательно было бы отыскивать слѣды соціализма въ обычной реформаторской и контролирующей дѣятельности государства, такъ и несправедливо всѣхъ вообще противниковъ неограниченнаго вмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь считать безсердечными индивидуалистами, врагами неимущаго класса, нуждающагося въ оффиціальномъ покровительствѣ. Что же касается представителей государства, то для нихъ вопросъ о новыхъ правахъ и функціяхъ правительства въ соціально-экономической сферѣ является прежде всего вопросомъ объ увеличеніи могущества и вліянія.

XXVIII.

Успѣхи государственнаго соціализма въ Пруссіи и ихъ причины.—Взгляды Родбертуса.—Смѣсь охранительныхъ землевладѣльческихъ тенденцій съ экономическимъ радикализмомъ.—Теорія правительственнаго всевластія.—Воззрѣнія Лассаля.—Спеціально-патріотическій оттѣнокъ нѣмецкаго государственнаго соціализма.

Новѣйшій государственный соціализмъ возникъ и распространился главнымъ образомъ въ Пруссіи, странѣ съ энергическимъ и просвѣщеннымъ управленіемъ, съ хорошими административными традиціями, съ цѣлымъ рядомъ выдающихся правителей, реформаторовъ и полководцевъ. Прусское государство вызывало и оправдывало твердую вѣру въ свои силы, въ умѣнье и честность своихъ органовъ, и этимъ объясняется готовность прусскихъ теоретиковъ возложить на правительственную власть новыя обширныя задачи, касающіяся самыхъ жизненныхъ интересовъ всего населенія.

Наиболѣе авторитетнымъ теоретикомъ государственнаго соціализма признается даровитый Родбертусъ, прусскій землевладѣлецъ, имя котораго пользуется одинаковымъ почетомъ въ средѣ соціальной демократіи и консервативнаго дворянства. Смѣсь охранительныхъ тенденцій съ крайнимъ экономическимъ радикализмомъ придаетъ весьма своеобразный характеръ ученіямъ Родбертуса. Горячо и рѣзко нападая на односторонній капитализмъ, онъ оказывается убѣжденнымъ собственникомъ, когда дѣло идетъ о землевладѣніи. „Соберемся около нашей ренты!“—взываетъ онъ къ землевладѣльцамъ въ своемъ трактатѣ о нуждахъ поземельнаго кредита. Поземельная собственность, по мнѣнію Родбертуса, сильно страдаетъ отъ ложнаго взгляда на нее, какъ на капиталъ; ее обременяютъ долгами и обязательствами, которыхъ она не выноситъ; ей придаютъ фиктивную капитальную цѣнность, тогда какъ она есть только вѣчная рента и ничѣмъ другимъ, кромѣ доходности, отвѣчать не можетъ. „Капиталъ добился нужнаго ему законодательства, трудъ успѣшно добивается, а землевладѣніе имѣетъ законы, ему враждебные. Такъ называемая свобода землевладѣнія и запрещеніе налагать на землю реальныя повинности,—говоритъ Род-

бертусъ, — основаны на пустыхъ абстракціяхъ, вредныхъ для землевладѣнія и удобныхъ только для капитала. Обширныя пространства заселились бы въ сѣверной Германіи, еслибы крупные землевладѣльцы могли раздавать участки земли работникамъ и крестьянамъ, взамѣнъ повинности доставлять извѣстное количество рабочихъ дней, въ виду недостатка рабочихъ рукъ для помѣстій. Другими словами, желательно возстановленіе барщины на условіяхъ свободнаго договора; это гораздо менѣе несогласно съ принципомъ свободы, чѣмъ возможность совершенной отдачи своего труда въ наемъ на нѣсколько лѣтъ, а не на извѣстные только дни и не непремѣнно лично" [1]).

Для Родбертуса собственность поземельная, какъ и всякая другая, есть историческая категорія, преходящее явленіе, результатъ прошлыхъ и настоящихъ хозяйственныхъ условій; для будущаго, болѣе или менѣе отдаленнаго, предвидится иное, болѣе справедливое экономическое устройство, въ которомъ государственная власть должна играть первенствующую, творческую роль. „Личности,—говоритъ авторъ,—суть только атомы государства и общества, хотя и атомы высшаго порядка, чѣмъ въ физическихъ организмахъ. Природа государства и общества заключается въ организованномъ коммунизмѣ, въ противоположность коммунизму индивидуальному, проповѣдуемому въ свою пользу рабочими. Національный продуктъ — продуктъ одного только труда, но труда не только настоящихъ рабочихъ, но и прошедшихъ, не только непосредственно, но и посредственно участвовавшихъ въ производствѣ, не только матеріально, но и умственно работавшихъ. Поэтому притязаніе современныхъ рабочихъ на полный раздѣлъ между ними продуктовъ труда основано на недоразумѣніи; только государство, представляющее всѣ элементы прошлаго и настоящаго, можетъ быть общимъ собственникомъ и распредѣлителемъ; замѣнять же одну несправедливую организацію другою, столь же несправедливою—нѣтъ никакого основанія". Можно бы пожалуй замѣтить, что и современные представители государства

[1]) Rodbertus-Jagetzow, Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. Jena, 1869, 2-ter Bd., стр. 179 и слѣд.

не воплощаютъ собою того идеальнаго цѣлаго, въ которомъ соединены „всѣ элементы прошлаго и настоящаго". Народное хозяйство,—продолжаетъ однако Родбертусъ,—должно сдѣлаться хозяйствомъ государственнымъ. Чѣмъ централизованнѣе организмъ, тѣмъ совершеннѣе онъ; основы будущаго общества—общенародная собственность и распредѣляющая власть, причемъ „роль восточнаго деспота замѣнилась бы господствомъ цѣлой націи". Авторъ въ принципѣ признаетъ право собственности только на доходы съ имуществъ, а не на самыя имущества; производители-капиталисты исполняютъ обязанности хранителей національнаго достоянія, за что достаточно вознаграждаются рентами. Капитальная собственность, по словамъ Родбертуса, не болѣе основательна, чѣмъ поземельная, и противники послѣдней подкапываются подъ первую.

Въ своихъ письмахъ къ фонъ-Кирхману о соціальномъ вопросѣ Родбертусъ категорически отвергаетъ мысль объ устройствѣ соціалистическаго порядка, съ упраздненіемъ собственности поземельной и капитальной, въ настоящее время. Онъ „не вѣритъ, чтобы общество окончило уже свои странствія по пустынѣ, и чтобы нравственная сила его была уже достаточно велика для пріобрѣтенія и удержанія обѣтованной земли свободнаго труда". Онъ хочетъ только „предложить способы, которые, не нарушая права собственности, парализовали бы жестокій законъ предоставленнаго самому себѣ обращенія и положили бы конецъ той аномаліи, что относительное вознагражденіе труда уменьшается по мѣрѣ того, какъ трудъ становится производительнѣе". Онъ вовсе не противъ собственности и наслѣдства, а „противъ нарушенія этихъ принциповъ во вредъ рабочимъ". Положеніе Прудона превращается у него въ другое: „собственность должна быть ограждена отъ воровства". Относительно земледѣльческаго производства Родбертусъ является оптимистомъ: вопреки ученію англійской классической школы, онъ доказываетъ, что при возрастаніи населенія и спроса на сырые продукты производительность земли не уменьшается и не требуетъ большихъ затратъ, а скорѣе наоборотъ. Не большее количество труда, а большее разнообразіе продуктовъ, системъ и потребностей увеличиваетъ ренту; напримѣръ, въ Англіи

все меньшее количество рабочихъ требуется земледѣліемъ, при развитіи огородничества и скотоводства. Родбертусъ также не сторонникъ поземельной общины; общинное владѣніе въ Германіи,—говоритъ онъ,—не допускало улучшенія и расширенія обработки, чему мѣшаетъ вообще связанность поземельной собственности [1]). Онъ не разъ возвращается къ разсужденіямъ о печальномъ состояніи землевладѣльцевъ при нынѣшней формѣ поземельнаго кредита; законъ вынуждаетъ землевладѣльца отдавать капиталъ, не могущій быть отдѣленнымъ отъ земли и дающій только процентъ съ погашеніемъ,—тогда какъ достаточно было бы обезпечивать долги рентою, на которую только и должны были бы ложиться ипотечныя обязательства. „Записывать землю въ видѣ капитала—это хуже требованія Шейлока".

Безъ сомнѣнія, крайняя задолженность дворянскаго землевладѣнія есть зло весьма значительное; но лекарство, предлагаемое Родбертусомъ, свидѣтельствуетъ болѣе о сочувствіи къ запутавшимся владѣльцамъ, чѣмъ о безпристрастномъ заботливомъ вниманіи къ судьбамъ сельскаго хозяйства. Изъ непомѣрнаго наростанія поземельныхъ долговъ естественно вытекаетъ выводъ о практической непригодности обычной землевладѣльческой системы, при которой имѣнія находятся въ рукахъ людей, занятыхъ военною или гражданской службою и преслѣдующихъ цѣли, далеко не хозяйственныя; на эту сторону вопроса авторъ не обращаетъ почти никакого вниманія, обвиняя во всемъ капитализмъ и его законы о кредитѣ. Наибольшее количество ипотечныхъ долговъ, по его замѣчанію, возникаетъ независимо отъ потребностей земледѣлія, вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ и денежныхъ уплатъ при переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки; къ этимъ причинамъ слѣдовало бы прибавить отчужденность большинства помѣщиковъ отъ интересовъ сельскаго хозяйства, привычку къ расточительной свѣтской жизни и неспособность къ правильной земледѣльческой культурѣ. Основывать кредитъ на рентѣ возможно было бы

[1]) Zur Beleuchtung der socialen Frage, von Dr. Rodbertus-Jagetzow. Berlin, 1875 (перепечатка 2-го и 3-го писемъ къ фонъ-Кирхману), стр. 177 и сл., 145—222 и др.

только въ такомъ случаѣ, еслибы рента была постоянною, опредѣленною величиною и еслибы самое существованіе ея не зависѣло отъ искусства и желанія владѣльца. Теорія Родбертуса осуществляется отчасти въ крупныхъ привилегированныхъ майоратахъ, свободныхъ отъ поглощающей власти капитала; и однако владѣльцы майоратовъ ухитряются обременять себя долгами и разстраивать хозяйство не менѣе остальныхъ помѣщиковъ, воспитанныхъ на крѣпостномъ или барщинномъ трудѣ. Мысль о допущеніи договорной барщины въ интересахъ крупныхъ помѣстій принадлежитъ къ числу самыхъ экстравагантныхъ идей Родбертуса; она могла быть высказана только человѣкомъ смѣлымъ и независимымъ даже въ своихъ заблужденіяхъ,—настолько противорѣчитъ она установившимся взглядамъ и понятіямъ. Договорная барщина предполагаетъ нуждающееся сельское населеніе, безземельное батрачество, для поднятія котораго нужны совсѣмъ другія самостоятельныя мѣры. Барщинные договоры, вызванные крайностью со стороны поселянъ, неизбѣжно привели бы къ фактическому возстановленію крѣпостного права, которое и въ прежнія времена возникало часто въ видѣ такъ называемыхъ добровольныхъ соглашеній. Если положеніе городскихъ рабочихъ ухудшается неблагопріятными условіями долгосрочныхъ сдѣлокъ, то это еще не оправдываетъ распространенія такихъ же условій на землевладѣніе. Соціализмъ для промышленности въ будущемъ, а барщина для земледѣльцевъ въ настоящемъ, — сочетаніе довольно странное, недостаточно ясно мотивированное Родбертусомъ.

Родбертусъ былъ оригинальнымъ и сильнымъ мыслителемъ; его изслѣдованія о національной экономіи классической древности (переведенныя на русскій языкъ проф. Тарасовымъ) заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ указаній. Будучи приверженцемъ государственнаго всевластія въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ народа, онъ не входилъ въ оцѣнку политической стороны своихъ ученій и тщательно избѣгалъ постановки соціальнаго вопроса на жгучую почву политики. Его двойственное направленіе отнимало у соціализма революціонный характеръ и открывало ему доступъ въ консерватив-

ныя сферы; оно объясняетъ также успѣхъ практической дѣятельности Лассаля въ Германіи.

Лассаль былъ практикомъ въ той области, въ которой Родбертусъ былъ теоретикомъ; оба они одинаково вѣруютъ въ великое общегерманское призваніе Пруссіи, оба они—убѣжденные націоналисты и государственники. Лассаль внесъ въ народнохозяйственныя проблемы политическій элементъ, въ видѣ требованія всеобщей подачи голосовъ; но онъ готовъ былъ сойтись съ консервативнымъ и даже реакціоннымъ (въ то время) правительствомъ Бисмарка ради экономическихъ цѣлей рабочаго класса. Консервативное министерство, находившееся въ открытомъ разладѣ съ парламентомъ, имѣло основаніе смотрѣть на Лассаля какъ на возможнаго союзника въ борьбѣ съ либеральными принципами, представляемыми промышленною буржуазіею. Лассаль проповѣдывалъ тщету бумажныхъ конституцій, которымъ придавало такое значеніе большинство образованнаго нѣмецкаго общества; онъ возводилъ силу на степень права, въ чемъ соглашался съ нимъ и тогдашній министръ-президентъ фонъ-Бисмаркъ. Возставая противъ всякаго ограниченія правъ и полномочій государства, которое либералы хотѣли бы низвести, по его словамъ, до роли простого будочника, Лассаль не останавливался однако на обратномъ предположеніи — на неудобствѣ обремененія простого будочника обширными соціальными функціями. Прусское юнкерство, стоявшее во главѣ государственныхъ дѣлъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, могло казаться неподходящимъ олицетвореніемъ всемогущей государственности въ глазахъ нѣмецкой интеллигенціи,—и винить за это либерализмъ не было въ сущности основанія.

Когда Лассаль открылъ свою агитаторскую кампанію, онъ предложилъ Родбертусу дѣйствовать вмѣстѣ, общими силами. Ихъ соединяла однородность историко-философскихъ воззрѣній и соціально-экономическихъ идеаловъ; но они расходились въ существенныхъ пунктахъ практической программы. „Лассаль хотѣлъ изъ соціалистической партіи сдѣлать политическую,—писалъ Родбертусъ уже послѣ смерти Лассаля,—а я желалъ сохранить за нею исключительно хозяйственное значеніе. Лассаль имѣлъ въ виду улучшить положеніе рабочаго класса по-

средствомъ общей системы производительныхъ союзовъ при денежной помощи государства; я съ своей стороны стоялъ за удержаніе принципа рабочей платы, предполагая только подвергнуть его законодательной реформѣ“ [1]). Впрочемъ, для Лассаля производительные рабочіе союзы были только удобнымъ девизомъ, а не окончательною цѣлью агитаціи; „я охотно приму всякое другое средство, столь же дѣйствительное, если вы мнѣ его предложите,—говоритъ Лассаль въ письмѣ къ Родбертусу:—я пока указалъ на устройство ассоціаціи, такъ какъ я теперь не вижу никакой другой мѣры, которая въ одно и то же время была бы сравнительно столь легко осуществима и столь цѣлесообразна; а рабочимъ необходимо было предложить что-нибудь вполнѣ опредѣленное, осязательное (не законъ вообще), чтобы заинтересовать и увлечь ихъ“. Не все еще можно сказать „черни“ (dem Mob), замѣчаетъ Лассаль въ другомъ мѣстѣ, и „только потому, что рабочіе классы хотѣли бы имѣть наглядный отвѣтъ, я предложилъ имъ ассоціацію на государственныя средства; это и будетъ, по моему мнѣнію, тѣмъ мизинцемъ, который, съ послѣдовательностью развивающейся изъ самой себя жизни, постепенно, хотя и черезъ сто или двѣсти лѣтъ“, долженъ привести къ осуществленію новаго порядка вещей. „Дѣло идетъ только о практической переходной мѣрѣ, а не о теоретическомъ, принципіальномъ, окончательномъ рѣшеніи“, котораго Родбертусъ ждетъ не ранѣе какъ черезъ 500 лѣтъ. Болѣе серьезное разногласіе вызывалось политикою, которую Лассаль примѣшивалъ къ своей пропагандѣ. „Безъ всеобщей подачи голосовъ, какъ практическаго орудія для проведенія нашихъ требованій,—заявляетъ онъ,—мы можемъ быть философскою школою, или религіозною сектою, но никакъ не политическою партіею. Политика и экономія такъ же тѣсно связаны между собою какъ форма съ содержаніемъ, и только соединеніе ихъ даетъ нѣчто живое и сильное. Всякое раздѣленіе обѣихъ сторонъ есть абстракція, и я думаю, что именно слiяніе ихъ составляетъ главную мою силу“. Для

[1]) См. „Briefe von Ferdinand Lassalle an Carl Rodbertus-Jagetzow, mit einer Einleitung von Adolph Wagner. Berlin, 1878, стр. 2—3.

Лассаля, какъ и для Родбертуса, главный основной принципъ заключается въ государственномъ вмѣшательствѣ.

Нѣмецкій государственный соціализмъ, въ лицѣ его признанныхъ вождей, носитъ на себѣ яркую патріотическую окраску. Преклоненіе предъ идеею государства не ограничивается внутреннею жизнью народа, а переходитъ естественно и на внѣшнее его величіе. „Надѣюсь дожить до того времени,—пишетъ Родбертусъ, — когда турецкое наслѣдство достанется Германіи (sic!), и нѣмецкіе солдаты или рабочіе полки будутъ стоять на Босфорѣ". По поводу этой смѣлой воинственной мечты, Лассаль высказывается въ самомъ восторженномъ тонѣ. „Меня чрезвычайно тронули эти слова, — отвѣчаетъ онъ:—ибо этотъ именно взглядъ я много разъ защищалъ напрасно предъ моими лучшими друзьями, и за это они называли меня мечтателемъ. Всѣ проволочки въ восточномъ вопросѣ, поднимавшемся такъ часто съ 1839 года, имѣли для меня всегда только тотъ разумный смыслъ и связь, что вопросъ долженъ быть откладываемъ до тѣхъ поръ, пока его не рѣшитъ нѣмецкая нація". Подобно Бисмарку, Лассаль возставалъ противъ федеральнаго устройства Германіи и признавалъ себя „рѣшительнымъ сторонникомъ единаго нѣмецкаго государства". „Что я болѣе всего ненавидѣлъ въ жизни,—говоритъ онъ,—это мало-нѣмецкую партію; всякій партикуляризмъ есть мелочь и трусость" [1]). Въ подобныхъ идеяхъ и чувствахъ лежитъ уже въ зародышѣ весь государственный соціализмъ князя Бисмарка, соединенный съ культомъ внѣшняго и внутренняго могущества государственной власти.

Лассаль не обнаруживалъ особеннаго уваженія къ толпѣ, къ численному большинству; онъ вѣрилъ только въ силу ума и энергіи отдѣльныхъ лицъ, а для публики считалъ необходимымъ эффектъ, блескъ побѣды и торжества, къ чему и стремился съ рѣдкою самоувѣренностью. Онъ ссылался на требованія „современнаго народнаго сознанія", а на вопросъ, откуда извѣстна ему сущность этого сознанія, онъ отвѣчалъ: „что вы можете доказать себѣ и своему времени силою разума,

[1]) Тамъ же, стр. 53, 56—7 и др.

логики, науки,—того хочетъ время". Доказалъ ли Лассаль, что духъ времени требуетъ государственнаго соціализма? Повидимому, доказалъ—относительно Германіи, судя по дальнѣйшему быстрому развитію брошенныхъ имъ сѣмянъ.

XXIX.

Государственный соціализмъ, какъ оффиціальная доктрина въ Германіи.—Такъ называемыя соціальныя реформы князя Бисмарка.—Политическая подкладка законовъ въ пользу рабочаго класса.—Теоретическія недоразумѣнія.—Софизмы Адольфа Вагнера и его единомышленниковъ.

Изъ ученія съ революціоннымъ оттѣнкомъ государственный соціализмъ, какъ и слѣдовало ожидать, превратился въ весьма благонамѣренную, даже оффиціальную доктрину въ Германіи. Профессора политической экономіи, публицисты консервативнаго лагеря, пасторъ Штеккеръ съ компаніей, государственные люди, и наконецъ самъ имперскій канцлеръ,—возлагаютъ на государство рѣшеніе соціальной проблемы, придумываютъ способы для поднятія „меньшаго брата", рабочаго сословія, и борются на этой почвѣ съ упорнымъ либерализмомъ средняго образованнаго класса, не довѣряющаго прусской правительственной опекѣ.

„Фридрихъ Великій называлъ себя королемъ бѣдняковъ,—говорилъ князь Бисмаркъ въ одной изъ своихъ рѣчей;—отецъ нашего императора освободилъ крестьянъ, и императоръ Вильгельмъ хотѣлъ бы на старости лѣтъ осуществить еще новую реформу на пользу рабочимъ и крестьянству". Это намѣреніе высказано было императоромъ еще въ тронной рѣчи 1879 года, послѣ введенія въ дѣйствіе принятаго парламентомъ закона противъ соціальной демократіи. Правительство полагало, что для исцѣленія соціальнаго недуга „недостаточно еще принять репрессивныя мѣры противъ соціалистовъ, а нужно въ то же время стремиться къ дѣйствительному улучшенію быта рабочихъ". Въ началѣ 1881 года былъ внесенъ въ имперскій сеймъ первый соціальный законопроектъ князя Бисмарка—объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ,

при денежномъ участіи государства и подъ дѣятельнымъ его контролемъ. Въ Берлинѣ учреждалось центральное имперское управленіе, которому подчинены были бы по дѣламъ страхованія всѣ германскіе рабочіе, принадлежащіе къ извѣстнымъ отраслямъ промышленности. Проектъ былъ одобренъ большинствомъ въ парламентѣ, но съ однимъ только важнымъ измѣненіемъ: сосредоточеніе всѣхъ страховыхъ кассъ въ рукахъ имперской власти было рѣшительно отвергнуто. Однако, въ этой центральной организаціи заключался для канцлера, повидимому, весь политическій смыслъ проекта, и послѣдній былъ взятъ обратно. Въ маѣ 1882 года былъ представленъ новый проектъ, болѣе сложный и запутанный; послѣ долгаго обсужденія онъ былъ возвращенъ правительству для дальнѣйшаго пересмотра.

Тѣмъ временемъ назрѣвалъ другой вопросъ, болѣе щекотливый, — о возстановленіи промышленныхъ корпорацій. Въ тронной рѣчи 17 ноября 1881 года выражено было желаніе „соединить реальныя силы христіанской народной жизни въ формѣ корпоративныхъ обществъ“. Эта мысль приведена въ исполненіе въ новомъ (третьемъ по счету) проектѣ страхованія рабочихъ, внесенномъ въ рейхстагъ въ началѣ 1884 года. Для цѣлей страхованія образуются профессіональныя корпораціи, обнимающія отдѣльныя отрасли производства въ предѣлахъ всей имперіи и состоящія изъ хозяевъ или завѣдующихъ предпріятіями; гдѣ корпораціи не составляются добровольно, тамъ вводитъ ихъ имперская власть. При каждой корпораціи состоитъ рабочая коммиссія, для участія въ изслѣдованіи несчастныхъ случаевъ и въ разсмотрѣніи правилъ для предупрежденія ихъ. Рабочіе засѣдаютъ также, наравнѣ съ членами корпорацій, въ мѣстномъ третейскомъ судѣ, въ которомъ предсѣдательствуетъ чиновникъ. Имперское страховое управленіе сосредоточивается по прежнему въ Берлинѣ. Реформа касается только извѣстной части рабочаго класса, именно той, которая занята въ промыслахъ, сопряженныхъ съ опасностью для жизни и здоровья работниковъ; но насколько значительно число заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ людей — можно видѣть изъ того, что правительствомъ собраны стати-

стическія свѣдѣнія о 93,554 предпріятіяхъ, съ 1.957,548 рабочихъ (изъ нихъ 342,295 женщинъ), подлежащихъ дѣйствію новаго закона [1]). Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ произошло несчастныхъ случаевъ 29,574, изъ которыхъ 1,222 имѣли результатомъ смерть или совершенную неспособность къ работѣ. Законъ назначаетъ всѣмъ такого рода потерпѣвшимъ или ихъ семействамъ пожизненную или временную пенсію, для которой третья доля средствъ доставляется государствомъ, а двѣ остальныя доли—предпринимателями и работниками, за исключеніемъ лицъ, получающихъ плату ниже извѣстнаго минимума. По всей вѣроятности, законъ прошелъ бы безъ особенныхъ затрудненій, еслибы въ немъ не было отведено столько мѣста опекунскому вмѣшательству центральной берлинской власти. Другой проектъ канцлера, свободный отъ этой тенденціи, — законъ о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни,—не вызвалъ серьезной оппозиціи и успѣлъ гораздо скорѣе получить силу закона, въ іюнѣ 1883 года. По этому закону для всѣхъ рабочихъ (кромѣ земледѣльческихъ) устраиваются общества взаимной помощи или вспомогательныя кассы, со взносомъ незначительнаго процента изъ заработной платы; гдѣ эти общества не устроены хозяевами или самими рабочими, тамъ они учреждаются мѣстными общинными властями.

Въ концѣ 1888 года представленъ парламенту проектъ обезпеченія рабочихъ въ старости [1]), а затѣмъ показывается въ перспективѣ возможность законодательной заботы о громадномъ большинствѣ рабочаго населенія, не подходящемъ ни подъ одну изъ соціально-политическихъ реформъ канцлера. Что же предлагается этой массѣ работниковъ, не искалѣченныхъ еще несчастнымъ случаемъ, не лежащихъ еще въ боль-

[1]) Общее количество наемныхъ рабочихъ въ германской имперіи, по оффиціальнымъ даннымъ за 1886 годъ, составляетъ 5.427,903 чел.; изъ нихъ въ крупной промышленности занято 2.851,811 чел., а въ мелкихъ промыслахъ—2.576,092. Въ прусскомъ королевствѣ, рабочихъ числится 3.175,319 (изъ нихъ 1.703,983 въ крупной промышленности, а 1.471,336 — въ мелкой). *Statistik des deutschen Reichs*, Berl., 1886, Bd. VII, Abschn. II.

[1]) Интересный критическій разборъ этого проекта, принадлежащій цюрихскому профессору Платтеру, напечатанъ въ первомъ выпускѣ „Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik", v. Heinrich Braun (Tübingen, 1888).

ницѣ и не достигшихъ еще старости, а страдающихъ только отъ безработицы, отъ промышленныхъ кризисовъ и отъ общаго необезпеченнаго положенія? Имъ обѣщается право на трудъ въ казенныхъ и общественныхъ сооруженіяхъ, которыя будутъ предприниматься по мѣрѣ надобности и возможности.

Соціальный вопросъ самъ по себѣ остается въ сторонѣ отъ этихъ полезныхъ проектовъ и реформъ, ибо въ нихъ нѣтъ даже отдаленнаго намека на какую-либо перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ. Въ соціально-политической программѣ германскаго правительства нѣтъ ничего соціалистическаго въ народно-хозяйственномъ значеніи этого слова: въ ней есть только одна важная сторона, имѣющая косвенную связь съ соціализмомъ,—это организація рабочаго класса въ видѣ обязательныхъ обществъ взаимной помощи и страхованія, съ нѣкоторою долею самоуправленія. Такое принудительное соединеніе рабочихъ въ обширныя корпораціи и въ мѣстные союзы можетъ современемъ значительно усилить шансы борьбы съ капиталистами и подготовить даже образованіе тѣхъ самостоятельныхъ промышленныхъ союзовъ, которые проектировалъ Лассаль. Но оффиціальныя попытки организовать рабочее сословіе преслѣдуютъ, конечно, совсѣмъ другую цѣль,—вырвать многочисленную массу народа изъ-подъ вліянія соціаль-демократовъ, замѣнить существующую уже враждебную организацію новою, болѣе надежною, и привязать всѣхъ вообще рабочихъ къ государству въ лицѣ правительства, посредствомъ крѣпкихъ матеріальныхъ интересовъ и спеціальныхъ административныхъ узъ.

Проекты князя Бисмарка даютъ болѣе широкую и смѣлую постановку тѣмъ принципамъ, которые лежатъ въ основѣ законовъ объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда, объ обязательномъ устройствѣ школъ на фабрикахъ и заводахъ, объ опредѣленіи нормальнаго рабочаго дня, о помощи бѣднымъ. Если по поводу реформъ, предложенныхъ германскимъ канцлеромъ, говорятъ о соціализмѣ, то только потому, что всякое выходящее изъ ряда вмѣшательство государства въ экономическія дѣла населенія разсматривается какъ нѣчто соціалистическое, нарушающее „пріобрѣтенныя права“ отдѣльныхъ граж-

данъ. Въ данномъ случаѣ никакія частныя права не измѣняются и не затрогиваются далѣе обычныхъ предѣловъ государственныхъ функцій.

Правда, князь Бисмаркъ—если можно такъ выразиться,—снялъ сливки съ государственнаго соціализма; онъ взялъ его внѣшнюю оболочку, наиболѣе важную для правительства,—теорію всемогущества государства въ области внутренней жизни народа. Самое содержаніе и направленіе реформаторской дѣятельности отступаетъ на задній планъ передъ торжествомъ этого принципа, который такъ долго и не безъ успѣха ограничивался либеральнымъ духомъ европейскихъ обществъ. Но еслибы дѣйствительно наружная половина государственнаго соціализма вытѣснила собою политическую свободу, то это было бы только слѣдствіемъ слабости общественнаго мнѣнія, смѣшивающаго правительство съ государствомъ. Когда нѣмецкій министръ, писатель или публицистъ, говоритъ о государствѣ, онъ неизбѣжно ставитъ на его мѣсто понятіе правительства; такъ же точно и наоборотъ, правительственная власть именуется просто государствомъ. „Дѣловое государство (Пруссія),—читаемъ мы въ учебникѣ политической экономіи профессора Адольфа Вагнера,—легко составляетъ важнѣйшую составную часть народнаго богатства". Подъ государствомъ, очевидно, разумѣется здѣсь правительство, къ которому только и можетъ быть примѣненъ эпитетъ „дѣловое". Подстановка понятій идетъ еще далѣе: общественность замѣняется государствомъ, а послѣднее—правительствомъ, такъ что всевозможныя полномочія идеальнаго общежитія приписываются данному составу администраціи, которая, быть можетъ, вовсе не соотвѣтствуетъ общественнымъ интересамъ и желаніямъ (какъ это не разъ бывало въ Германіи).

Профессоръ Вагнеръ, оффиціозный экономистъ князя Бисмарка, возводитъ это странное смѣшеніе понятій на степень сознательной системы; для него общество, государство и правительство—одно и тоже, причемъ съ удивительною легкостью получаются желанные выводы въ пользу неограниченнаго государственнаго вмѣшательства. Вагнеръ находитъ, что „нынѣшняя государственная практика, съ ея общественными (?) правами

на землю, съ ея государственными имѣніями, лѣсами, заводами, банками, путями сообщеній, казенными монополіями и налогами на общія нужды — есть соціализмъ уже въ дѣйствіи"; это было бы вѣрно, еслибы государство означало собою общество, а не стоящую надъ нимъ организованную силу. Въ другомъ мѣстѣ государство (правительство?) является уже отдѣльнымъ факторомъ народнаго хозяйства, получающимъ за свои нематеріальныя услуги денежное вознагражденіе отъ общества, въ видѣ налоговъ; государство беретъ свою долю участія въ общемъ производствѣ, какъ „скрытый участникъ" послѣдняго; — значитъ, государство не тождественно съ обществомъ, по признанію самого Вагнера. Иногда авторъ опять-таки говоритъ прямо: „народное хозяйство или—*что то-же*—государственное хозяйство". Принудительныя общественныя хозяйства основаны, по его словамъ, не на интересахъ личности, а на общихъ интересахъ вида, на „организующей власти даннаго въ народѣ порядка", наконецъ „на принципѣ организованной и организующей государственной власти" (скачокъ отъ „общихъ интересовъ вида" къ дѣйствіямъ правительства!). Говоря о „существующемъ юридическомъ порядкѣ, какъ продуктѣ свободнаго правового сознанія", Вагнеръ замѣчаетъ, что „законодательство или, короче сказать, государство можетъ измѣнять и отчасти отмѣнять институты частнаго права, имѣя на то верховную правообразующую силу"; а такъ какъ государство олицетворяется правительствомъ, то послѣднее вмѣщаетъ въ себѣ творческое „свободное сознаніе" націи. Авторъ опредѣляетъ роль прусскаго государства по Платону и Аристотелю, предполагая, очевидно, что современная Пруссія принципіально ничѣмъ не разнится отъ древнихъ греческихъ республикъ [1]).

Способъ разсужденій Вагнера преобладаетъ не только въ оффиціальной, но и въ свободномыслящей и прогрессивной Германіи; повсюду правительство принимается за синонимъ государства, и споры идутъ о государственномъ вмѣшательствѣ, когда въ сущности слѣдовало бы говорить о вмѣшательствѣ

[1]) Lehrbuch der politischen Oekonomie, von Adolph Wagner und Erwin Nasse (Lpz. 1879), 1-ter Bd., стр. 32, 173—6, 199 (прим.) и др.

правительственномъ. Противники бюрократическаго соціализма въ его нынѣшней прусской формѣ могли бы съ полнымъ правомъ сказать: „мы признаемъ неограниченное могущество и безусловную творческую силу за государствомъ, какъ идеальнымъ цѣлымъ, но мы не можемъ передать это творческое могущество измѣнчивому составу правительствъ, дѣйствующихъ отъ имени идеальнаго цѣлаго". Поставленный такимъ образомъ, вопросъ оказался бы гораздо яснѣе и проще, чѣмъ представляется онъ въ безплодной полемикѣ о государственномъ вмѣшательствѣ вообще.

XXX.

Экономическій консерватизмъ французской либеральной школы. — Леонъ Сэй и Эмиль Лавеле. — Односторонній принципъ невмѣшательства и его политическія послѣдствія.

Тогда какъ экономически-бѣдная Пруссія, съ ея многочисленнымъ рабочимъ пролетаріатомъ, съ ея блестящею и тяжелою для народа военною славою, представляетъ повидимому обѣтованную землю государственнаго соціализма, — въ богатой и одаренной счастливыми природными условіями Франціи принципъ невмѣшательства государства ревниво охраняется еще господствующимъ направленіемъ экономической литературы и журналистики. Французскіе республиканцы гораздо консервативнѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ монархисты другихъ европейскихъ странъ. То, что повсюду получило уже право гражданства, кажется еще неблагонамѣреннымъ или ошибочнымъ во Франціи. Французская руководящая пресса отнеслась несочувственно къ земельной ирландской реформѣ 1881 года, какъ нарушившей будто бы священное право собственности лордовъ. Рядомъ съ приверженцами безусловной экономической свободы существуетъ множество сторонниковъ безусловнаго соціалистическаго устройства, и между обѣими крайностями не видно еще разумной научной середины. Понятіе соціализма нерѣдко распространяется французами на всякія вообще мѣры, клонящіяся къ регулированію частныхъ промышленныхъ предпріятій и интересовъ. Эти своеобразные консервативные взгляды проводятся

весьма обстоятельно въ поучительной книгѣ извѣстнаго либеральнаго дѣятеля, Леона Сэя, бывшаго министромъ финансовъ и президентомъ сената.

Леонъ Сэй дѣлаетъ подробный фактическій обзоръ новѣйшихъ законодательныхъ и парламентскихъ попытокъ въ сферѣ соціальнаго вопроса въ Англіи, Германіи и Италіи. Онъ твердо стоитъ на точкѣ зрѣнія индивидуальной свободы, даже когда послѣдняя служитъ лишь орудіемъ гнета сильныхъ надъ слабыми; онъ находитъ несправедливымъ вмѣшательство въ отношенія ирландскихъ фермеровъ къ землевладѣльцамъ, такъ какъ фермеры „добровольно (!) согласились“ на невыгодныя для нихъ условія. Упомянувъ объ отсрочкахъ въ уплатѣ поземельныхъ долговъ, Сэй называетъ это „неслыханнымъ вторженіемъ государства“, въ частныя сдѣлки гражданъ; подобная разсрочка предстоитъ будто-бы въ Венгріи, которую авторъ назвалъ, вѣроятно по ошибкѣ, вмѣсто Чехіи, откуда дѣйствительно поступила петиція отъ 16 земледѣльческихъ союзовъ съ указаніемъ на разсрочку, какъ на одно изъ средствъ облегченія сельскаго хозяйства. „Насиліе правительственное,—по словамъ Сэя,—заявляетъ притязаніе на столь же радикальную передѣлку общества, какъ и насиліе революціонное. То и другое уничтожаетъ свободу,—тамъ на пользу революціи, здѣсь въ пользу правительствъ“. Сэй не одобряетъ и „пассивнаго оптимизма на легкой подкладкѣ laissez faire“; правители должны „поощрять сбереженіе, этотъ единственный способъ улучшить состояніе народныхъ массъ“. Авторъ возлагаетъ всю свою надежду на то, что „возможно большее число лицъ достигнетъ обладанія маленькими капиталами“; мы, — говоритъ онъ, — глубоко вѣрующіе въ капиталъ и въ собственность, какъ въ два единственныя средства соціальнаго подъема, должны признать, что къ обязанностямъ государства принадлежитъ забота обо всемъ, касающемся сбереженія и могущемъ содѣйствовать увеличенію національнаго капитала“ [1]). Въ глазахъ Сэя, законопроекты князя Бисмарка заражены опаснымъ соціализмомъ, точно такъ-

---

[1]) *Leon Say*, Le socialisme d'état. Conferences faites au cercle Saint-Simon. Paris, 1884, стр. 208—213.

же какъ и земельные билли Гладстона; изъ его собственной „profession de foi", изложенной въ концѣ книжки, въ видѣ заключенія, можно бы сдѣлать одинъ только выводъ, что соціальнаго вопроса вовсе не существуетъ и никакихъ мѣръ для рѣшенія его не требуется. Чтобы масса рабочихъ превратилась постепенно въ маленькихъ капиталистовъ, путемъ личныхъ сбереженій,—это утопія болѣе фантастическая, чѣмъ смѣлые планы самихъ соціалистовъ. Сбереженія, и весьма значительныя, существуютъ и теперь, но одна безработица поглощаетъ ихъ сразу, не говоря уже о болѣзняхъ, о старости и неспособности къ работѣ. Недавно еще въ Парижѣ оставалось безъ дѣла нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, выброшенныхъ за бортъ экономическимъ кризисомъ; для нихъ совѣтъ Сэя—сберегать и сдѣлаться капиталистами,—звучалъ бы горькою насмѣшкою. Остановка работъ въ Анзенскихъ угольныхъ копяхъ быстро истребила всѣ сбереженія рабочихъ; такія случайности составляютъ постоянную принадлежность шаткаго быта рабочаго класса. На этой почвѣ революціонный соціализмъ легко пускаетъ корни, не встрѣчая никакого серьезнаго противовѣса со стороны буржуазной интеллигенціи, средней и высшей: нельзя же считать противовѣсомъ голое отрицаніе соціальной проблемы, дающей себя чувствовать во Франціи непрерывно, начиная съ сороковыхъ годовъ. Опираясь на принципъ невмѣшательства, какъ на каменную гору либерализма, несмотря на ростущую кругомъ агитацію въ средѣ рабочихъ, руководители французскаго общественнаго мнѣнія дѣлаютъ не только экономическую, но и политическую ошибку; они отталкиваютъ отъ себя сильный по численности пролетаріатъ и заставляютъ его искать поддержки въ лагерѣ враждебномъ. Событія, подобныя парижской коммунѣ, не предупреждаются вѣчнымъ повтореніемъ успокоительныхъ фразъ, опровергаемыхъ жизнью на каждомъ шагу. Отрицая государственный соціализмъ, не слѣдовало бы держаться противоположной крайности—теоріи бездѣйствія, особенно при отсутствіи антагонизма между государствомъ и цѣлымъ обществомъ.

Эмиль де-Лавеле, о взглядахъ котораго мы упоминали уже выше, считается во Франціи отступникомъ отъ правовѣрной

экономической доктрины только потому, что онъ признаетъ существованіе соціальнаго вопроса и сочувствуетъ нѣмецкой школѣ катедеръ-соціалистовъ. А между тѣмъ, мнѣнія и симпатіи Лавеле имѣютъ очень мало общаго съ соціализмомъ. Онъ вѣритъ въ нравственныя вліянія, которымъ отводитъ рѣшающую роль въ будущемъ повышеніи условій жизни работниковъ. „Чтобы достигнуть болѣе совершеннаго порядка вещей,—говоритъ онъ,—нужно улучшить людей, которые будутъ призваны установить и охранять его, и прежде всего нужно очистить и возвысить господствующія идеи о долгѣ и правѣ. Никакое улучшеніе невозможно, пока не становится лучше самъ человѣкъ. Нравственное возрожденіе,—вотъ источникъ истиннаго прогресса. Высшіе классы должны вѣрнѣе понимать и лучше исполнять свои обязанности; рабочіе, болѣе образованные, болѣе нравственные, будутъ пріобрѣтать собственность трудомъ и сбереженіемъ; наука будетъ увеличивать производительность земледѣлія и промышленности, и пауперизмъ, обнимающій цѣлые разряды семействъ, исчезнетъ“ [1]). Это пожалуй идиллія, но несомнѣнно благонамѣренная, — какъ благонамѣренны и категорическія возраженія Лавеле противъ тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ теорій. Однако, французскимъ академикамъ-экономистамъ книга Лавеле кажется еще зараженною духомъ ереси. Такого рода нетерпимость въ оцѣнкѣ воззрѣній, уклоняющихся въ чемъ-либо отъ традиціонныхъ началъ, затрудняетъ безпристрастную разработку вопросовъ и сообщаетъ экономическимъ школамъ узкій сектантскій оттѣнокъ.

Проповѣдуемый и охраняемый въ теоріи принципъ невмѣшательства поставленъ въ весьма тѣсныя границы на практикѣ, въ области законодательства и администраціи. Вѣра въ государство и въ его всемогущество, привычка ожидать отъ власти всякихъ рѣшеній и мѣропріятій,—укоренены во Франціи нисколько не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Но долгая историческая борьба для достиженія свободы отразилась на характерѣ французской буржуазіи и воспитала въ ней чувство протеста противъ вмѣшательства власти въ имущественныя

[1]) Le socialisme contemporain, p. 46—7, 332—3.

дѣла гражданъ; это чувство осталось и послѣ того, какъ устранены породившія его причины.

XXXI.

Соціально-политическіе вопросы въ Англіи. — Практическая цѣлесообразность, какъ руководящее начало въ области законодательства.—Мнѣніе Гошена.—Условія государственнаго вмѣшательства на практикѣ.

Болѣе продолжительное пользованіе національнымъ самоуправленіемъ пріучило англичанъ не ставить никакихъ преградъ свободному дѣйствію законодательства. Парламентъ можетъ сдѣлать все, кромѣ развѣ превращенія женщины въ мужчину, — какъ выражается одинъ изъ толкователей англійской конституціи. Принятіе той или другой реформы, каково бы ни было ея содержаніе, есть исключительно дѣло цѣлесообразности. Основные институты права и главнѣйшіе экономическіе интересы столь же мало изъяты изъ круга законодательной практики, какъ и обыденные текущіе вопросы, требующіе парламентскаго разрѣшенія. Когда предлагается новый законъ, то единственная забота правительства и оппозиціи—выяснить его пользу и необходимость, или напротивъ, вредъ и ненужность; никогда не возбуждается сомнѣніе, распространяется-ли власть государства на данную категорію фактовъ. Когда обсуждался послѣдній земельный билль Гладстона, никто не справлялся, относится ли этотъ законъ къ мѣрамъ соціализма или нѣтъ; взвѣшивалось только практическое значеніе его для Ирландіи, въ связи съ общими его принципами, независимо отъ какихъ-либо предвзятыхъ теорій.

Кругъ государственнаго вмѣшательства въ Англіи все болѣе увеличивается на практикѣ, и принципы манчестерской школы примѣняются почти исключительно къ интересамъ внѣшней торговли. „Доктрина laissez faire, столь усердно излагаемая экономистами прежняго времени,—говоритъ представитель Ливерпуля въ палатѣ общинъ, Самюэль Смитъ, — удерживала государство отъ нарушенія того, что называлось „естественными законами“ народнаго хозяйства. Полагали, что бѣдность

и грѣхи людей составляютъ законный продуктъ всѣхъ старыхъ обществъ, и что мы не должны вмѣшиваться въ дѣйствіе естественныхъ законовъ. Эта ненавистная философія эгоизма вымираетъ теперь; мы находимъ теперь, что нашъ собственный интересъ требуетъ искорененія недуга, но прежде всего мы сознаемъ, что христіанство учитъ насъ заботиться о бѣдныхъ безпомощныхъ братьяхъ нашихъ. Насъ скандализируетъ, и совершенно основательно, контрастъ между исповѣдуемою нами религіею и свойствами нашего національнаго быта... Настанетъ, быть можетъ, время, когда пренебреженіе этими соціальными вопросами отомститъ за себя ужаснымъ образомъ. Древній Римъ палъ вслѣдствіе полнаго пренебреженія соціальными реформами; первая французская революція была наказаніемъ за беззаботно-презрительное отношеніе къ массамъ; новѣйшее рабочее движеніе есть слѣдствіе прошлыхъ вѣковъ дурного управленія и равнодушія къ участи бѣдныхъ. Если мы не удалимъ гнилыхъ осадковъ, накопившихся у основанія нашего соціальнаго строя, мы неизбѣжно готовимъ страшныя катастрофы нашимъ потомкамъ“ [1]). Невольно припоминается при этомъ пророчество, высказанное Маколеемъ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, но имѣющее общій смыслъ только относительно странъ съ сильно возрастающимъ пролетаріатомъ: „возможно, что ваша республика будетъ такъ же безпощадно разграблена и опустошена въ XX столѣтіи, какъ римская имперія въ V вѣкѣ,—съ тою лишь разницею, что разрушители римской имперіи, гунны и вандалы, пришли извнѣ, а для васъ варварами будутъ граждане вашей страны и продукты вашихъ соціальныхъ учрежденій“. Для Англіи роль варваровъ играетъ пока ирландская голь, вытѣсненная изъ родныхъ мѣстъ крупными хозяйствами ландлордовъ; къ этимъ враждебнымъ государству пролетаріямъ не присоединяется англійская бѣднота только потому, что она въ значительной мѣрѣ (около $1^1/_2$ милліона человѣкъ) содержится на общественный счетъ, благодаря закону о бѣдныхъ. Соціальная политика правительства не можетъ быть основана на „искус-

[1]) Fortnightly Review. 1883, № 5, art. „Social reform“, p., 906 - 11

номъ бездѣйствіи", при такомъ положеніи вещей; но и въ государственный соціализмъ не вѣрятъ многіе новѣйшіе теоретики рабочаго вопроса. „Современное общество не способно дать себѣ новое устройство, — заявляетъ, напримѣръ, Генри Джоржъ, страстный проповѣдникъ соціально-религіозныхъ идей: —мы вышли изъ состоянія племенныхъ общинъ и не можемъ вернуться къ нимъ безъ отступленія вспять, связаннаго съ анархіею и, быть можетъ, съ варварствомъ. Наши правительства несомнѣнно потерпѣли бы неудачу въ соціалистической попыткѣ; вмѣсто разумнаго распредѣленія обязанностей и продуктовъ, мы имѣли бы римскую раздачу сицилійскаго хлѣба, и демагогъ сдѣлался бы вскорѣ властелиномъ" [1]). Крайніе противники, какъ и приверженцы существующаго экономическаго порядка, одинаково отвергаютъ примѣненіе началъ государственнаго соціализма, въ современномъ его смыслѣ.

Постановка вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ въ Англіи кажется намъ весьма поучительною, и мы не можемъ не остановиться здѣсь на рѣчи бывшаго товарища Гладстона по министерству, Гошена, посвященной этому предмету [2]).

„Сфера дѣятельности государства,—по мнѣнію Гошена,— никогда не расширилась бы до нынѣшнихъ ея предѣловъ, еслибъ организація его не подверглась значительнымъ перемѣнамъ. Перемѣны въ распредѣленіи политической силы произвели измѣненіе во взглядахъ на дѣятельность государства. Контроль со стороны олигархическаго правительства вызывалъ бы враждебныя чувства въ промышленныхъ классахъ; контроль парламента, находящагося подъ преобладающимъ вліяніемъ капиталистовъ и торговаго класса, внушалъ бы мало довѣрія массѣ народа. По мѣрѣ развитія болѣе демократическихъ условій, поднимавшаяся демократія стала естественнымъ образомъ требовать мѣръ въ свою пользу. Пока законодательство, приводящее къ постоянному вмѣшательству власти, могло разсматриваться только какъ отеческое, опекунское, — оно возбуждало недовѣріе. Но когда требовалось содѣйствіе государ-

[1]) Progress and poverty, by *Henry George* (L. 1884), p. 227—8.

[2]) Въ концѣ октября 1883 года, въ Эдинбургскомъ философскомъ институтѣ. См. „Times" (еженедѣльное изд.), отъ 9 ноября 1883.

ства, то къ нему обращались уже какъ къ органу и слугѣ народа. Движеніе было чисто-демократическое. Общество желало, чтобы представители его дѣйствовали въ его интересахъ; оно требовало контроля надъ личностями. Движеніе было явно соціалистическое". Вычисливъ разнообразныя новыя обязанности, обременяющія собою правительство, Гошенъ продолжаетъ: „нужна крѣпкая вѣра въ рабочій механизмъ правительственныхъ вѣдомствъ, чтобы при этихъ обстоятельствахъ разсчитывать на успѣхъ. Демократія имѣетъ довѣріе къ общей контролирующей силѣ, но когда приступаютъ къ исполненію дѣла, рѣшеннаго законодательствомъ, то демократія не чувствуетъ довѣрія. Напротивъ, она неуклонно критикуетъ каждый шагъ исполнительной власти".

Гошенъ совѣтуетъ также не увлекаться идеею государства до забвенія условій его дѣятельности. „Государство—великое понятіе; но отъ возвышенныхъ мыслей мы сразу упадемъ на землю, когда вспомнимъ, что активная сила общества, въ конечномъ ея выраженіи, зависитъ отъ горячей избирательной борьбы и отъ другихъ болѣе или менѣе случайныхъ комбинацій. Если при дальнѣйшемъ развитіи эры государственнаго соціализма, мы убѣдимся, что законодательные и исполнительные органы не болѣе свободны отъ несовершенствъ и ошибокъ нашей природы, чѣмъ можно предвидѣть на основаніи опыта прошлаго,—то нація будетъ имѣть поводъ сожалѣть, что она возложила нечеловѣческія функціи и нечеловѣческія добродѣтели на управленія чисто-человѣческія". Притомъ расширеніе обязанностей и задачъ государства связано съ постояннымъ увеличеніемъ расходовъ, что въ концѣ концовъ отзывается на народномъ благосостояніи. Нельзя также предполагать, что правительство, члены котораго принадлежатъ къ извѣстному классу общества, способно совершенно безпристрастно оцѣнивать интересы различныхъ слоевъ населенія; необходимо далѣе, чтобы значительная часть контроля надъ общественными дѣлами перешла отъ центральной власти къ мѣстнымъ управленіямъ. „Филантропы и соціальные реформаторы, стремящіеся возвысить положеніе народа, не освобождаются отъ необходимости разсмотрѣть, дѣйствительны ли ихъ способы дѣйствія,—

только потому, что цѣли у нихъ высокія и чистыя. Будемъ надѣяться,—такъ закончилъ свою рѣчь Гошенъ,—что въ государственномъ соціализмѣ будущаго останется мѣсто и для тѣхъ началъ самостоятельности, независимости и естественной свободы, которыя,—если исторія научила насъ чему-нибудь,—были главными условіями, отъ которыхъ зависѣло могущество государствъ, благосостояніе обществъ и величіе народовъ".

Гошенъ разсуждаетъ какъ практическій государственный человѣкъ, который изъ-за громкихъ словъ и общихъ принциповъ не забываетъ реальной дѣйствительности; онъ не ждетъ хорошихъ плодовъ отъ государственнаго соціализма, возведеннаго въ систему, но онъ также не противникъ государственнаго вмѣшательства по отдѣльнымъ поводамъ и случаямъ. Таково именно мнѣніе большинства образованныхъ англичанъ.

Благотворное и полезное для народа предпріятіе правительства всегда и повсюду встрѣчаетъ сочувствіе, не нуждаясь ни въ какихъ оправдательныхъ теоріяхъ. Государственная власть, солидарная съ интересами населенія, можетъ предпринимать самыя широкія и смѣлыя реформы, если послѣднія соотвѣтствуютъ общему благу и потребностямъ народа; но эта реформаторская дѣятельность не должна измѣнять нормальныя отношенія между правительствомъ и обществомъ, при существующемъ строѣ государствъ. Практическая сторона вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ можетъ быть пояснена на слѣдующемъ наглядномъ примѣрѣ. По ирландскому земельному биллю 1881 года, размѣръ арендной платы опредѣляется особыми судебными комиссіями, члены которыхъ назначаются правительствомъ. Представимъ себѣ, что консервативное министерство замѣнило прежній составъ земельныхъ комиссій новымъ, проникнутымъ полною преданностью интересамъ ландлордовъ. Коммисары пользовались-бы своими обширными полномочіями не для защиты поселянъ и арендаторовъ, а напротивъ для полнаго подчиненія ихъ произволу землевладѣльцевъ; вся земельная реформа извратилась-бы въ своемъ существѣ,—только вслѣдствіе перемѣны исполнителей, дѣйствующихъ отъ имени государства. Мѣра, благодѣтельная по первопачальному

своему смыслу, оказалась-бы новымъ могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ поземельной олигархіи.—Реформы, заключающіяся не въ одномъ измѣненіи законовъ, а предполагающія постоянную контролирующую дѣятельность государства, требуютъ для себя особыхъ условій, безъ которыхъ онѣ могутъ совершенно не достигать желаемыхъ результатовъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

I. Метаморфозы либерализма въ Европѣ.

XXXII.

Принципъ „laissez faire, laissez passer“ и вызываемыя имъ недоразумѣнія.—Историческій смыслъ его въ западной Европѣ. — Три фазиса въ исторіи либеральныхъ идей и учрежденій.—Перерожденіе и извращеніе либерализма, послѣ достиженія его первоначальныхъ цѣлей.

Очень немногія изреченія имѣли такой долгій и упорный успѣхъ, какъ знаменитая фраза, написанная больше ста лѣтъ тому назадъ: „laissez faire et laissez passer—le monde va de lui même“ [1]). Изъ этой фразы сдѣланъ былъ извѣстный девизъ, приписываемый либераламъ вообще и принадлежащій въ дѣйствительности только приверженцамъ свободной торговли: „laissez faire—laissez passer“. Девизъ давно гуляетъ по свѣту, но источникъ его отчасти забытъ, и первоначальный смыслъ его затерялся среди новыхъ понятій и интересовъ. Фраза осталась какъ бы пригвожденною къ либерализму; она неотступно слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, и нерѣдко выдается даже за самую сущность его, за его душу.

---

[1]) О происхожденіи этой фразы существуетъ даже цѣлая диссертація – проф. Онкена: „Die Maxime Laissez faire et laissez passer, ihr Ursprung, ihr Werden“, von Dr. *August Oncken*. Bern, 1886. Въ этой брошюркѣ авторъ спеціально занимается разыскиваніемъ лица, впервые произнесшаго означенную формулу, и опредѣленіемъ обстоятельствъ, при которыхъ она была пущена въ ходъ.

Многіе вводятся этимъ въ заблужденіе, а одна ошибка влечетъ за собою дальнѣйшія, еще болѣе важныя. Если либеральные принципы требуютъ пассивнаго невмѣшательства въ жизнь народную, то они, значитъ, враждебны всякимъ экономическимъ реформамъ и направлены только къ легальному порабощенію народа; они, слѣдовательно, хуже и вреднѣе консерватизма, который все-таки не исключаетъ положительныхъ заботъ о благосостояніи населенія. Въ государственныхъ дѣлахъ, правило „laissez faire", это—прямое поощреніе хищныхъ инстинктовъ, всеобщаго кулачества и безпорядка; значитъ, либералы втайнѣ солидарны съ самыми мрачными элементами общества. Даже въ лучшемъ случаѣ, при полной чистотѣ либеральныхъ побужденій, отъ нихъ нельзя ожидать никакой пользы уже потому, что въ основѣ ихъ лежитъ то же злополучное „laissez faire"—символъ сознательнаго безсилія и безплодія. Къ чему же могутъ стремиться либералы? Очевидно, либералы хотятъ подчинить себѣ низшіе классы и заправлять ими по своему усмотрѣнію, при помощи искусственныхъ политическихъ формъ, способныхъ обезпечить господство буржуазіи.

Такіе выводы приходится сплошь и рядомъ встрѣчать въ нашей современной печати. Они основаны на явныхъ недоразумѣніяхъ и указываютъ на непониманіе истиннаго значенія либерализма въ Европѣ.

Либерализмъ, какъ показываетъ самое названіе, означаетъ направленіе *освободительное* (отъ слова liberare). Когда въ прошедшемъ столѣтіи, въ эпоху „просвѣщеннаго деспотизма", европейскіе народы истощались арміями чиновниковъ и солдатъ, когда всесильная и безконтрольная администрація считала обязанностью устраивать по своему жизнь и дѣятельность гражданъ, когда правительство дѣйствовало за всѣхъ и каждаго, опасаясь, что безъ его повсемѣстнаго присутствія рѣки перестанутъ течь въ море, хлѣбъ перестанетъ расти на поляхъ, поселяне забудутъ работу и граждане не будутъ знать, что дѣлать,—тогда имѣло важный практическій смыслъ предложеніе „оставить міръ въ покоѣ" и не мѣшать естественному ходу жизни слишкомъ усердною, назойливою опекою. Противъ удушливаго административнаго всевластія выставлено было ра-

зумное требованіе „laisser faire“, т.-е. освободить народъ отъ излишней заботливости, позволить ему жить, какъ онъ хочетъ, не навязывать ему своихъ плановъ и поменьше вмѣшиваться въ его дѣла. Другихъ желаній и не могло быть при взглядѣ на государство, какъ на вотчину, управляемую въ интересахъ управляющихъ. Ограничить произволъ и злоупотребленія бюрократіи, сократить по возможности всепоглощающую дѣятельность ея,—это была первая насущная задача того времени; это было первою ступенью движенія освободительнаго, т.-е. либеральнаго.

Вторая ступень либерализма въ Европѣ выражалась стремленіемъ установить для населенія прочныя, законныя гарантіи противъ произвольныхъ поборовъ и насилій. Признано было за правило, что налоги не могутъ быть собираемы безъ согласія выборныхъ представителей народа; а такъ какъ деньги необходимы для каждаго шага администраціи и законодательства, то всѣ правительственныя дѣла вошли постепенно въ кругъ публичнаго контроля и обсужденія. Эти права гражданъ были оффиціально освящены въ Англіи извѣстнымъ „биллемъ правъ“, послѣ переворота 1688 года.

Оба эти фазиса въ развитіи либеральныхъ идей и учрежденій въ Европѣ имѣли еще оборонительный характеръ: государственная власть ограничивалась въ томъ смыслѣ, что дѣятельность ея обставлялась извѣстными условіями и подвергалась общественному контролю. Но затѣмъ и самая власть измѣнилась, утратила свои сверхъ-естественныя черты и сблизилась съ потребностями народными; вотчинное государство изъ области отвлеченнаго права низошло на землю и переродилось мало-по-малу въ самоуправляющуюся націю. Это—третій фасисъ, завершающій собою историческую миссію либерализма въ западной Европѣ.

Гдѣ освободительное движеніе совершило свой полный кругъ, тамъ старая формула либерализма сходитъ со сцены или по крайней мѣрѣ утрачиваетъ свое прежнее значеніе. Политическія средства, употреблявшіяся противъ средневѣковаго произвола, не имѣютъ уже смысла въ примѣненіи къ власти самого народа, свободно распоряжающагося своими

судьбами. Сами собою отпадаютъ тогда такіе принципы, какъ „laissez passer“, и разныя ограниченія, съуживающія рамки государственной дѣятельности въ тѣхъ или другихъ сферахъ народной жизни. Если правительство пополняется лучшими умственными силами страны, если оно устроено такимъ образомъ, что дѣйствія его всегда находятся въ гармоніи съ желаніями и интересами большинства населенія, то никто, разумѣется, не станетъ придумывать какія-либо искусственныя границы и стѣсненія для дѣятельности органовъ государства. Англійскій парламентъ и выходящіе изъ его среды министры обладаютъ самыми широкими полномочіями, какими когда-либо пользовались самыя неограниченныя правительства; однако, англійскіе либералы не только не спорятъ противъ такого порядка вещей, но требуютъ еще большаго расширенія государственныхъ задачъ для надлежащаго рѣшенія поземельныхъ и экономическихъ вопросовъ. Англійскій либерализмъ направляется уже не противъ власти (такъ какъ послѣдняя принадлежитъ фактически общественному мнѣнію), а противъ аристократіи, сохранившей старинныя свои привилегіи и продолжающей понынѣ оказывать руководящее вліяніе на дѣла государства. Въ Англіи либералы, въ смыслѣ особой партіи, являются сторонниками внутреннихъ реформъ и улучшеній, какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ. Оттого и слово „либералъ“ не испошлилось еще въ этой странѣ и выражаетъ по прежнему идею освобожденія отъ старыхъ сословныхъ преградъ и злоупотребленій,—хотя въ дѣйствительности оно обозначаетъ уже не то направленіе, которое принято считать либеральнымъ въ континентальной Европѣ. Въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, политическій либерализмъ кончаетъ свою задачу съ установленіемъ гарантій хорошаго управленія на началахъ личной и общественной свободы; если онъ не идетъ потомъ дальше, въ область положительныхъ соціальныхъ задачъ, и если онъ не получаетъ прогрессистскаго или радикальнаго оттѣнка, то онъ естественно сливается съ консерватизмомъ и теряетъ свой самостоятельный raison d'être [1]).

[1]) Требованія и принципы либерализма въ старомъ его значеніи изложены обстоятельно въ извѣстной книгѣ Эдуарда Лабулэ: Le parti libéral, son programme et son avenir, Paris, 1865.

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ либеральныя партіи, послѣ первыхъ серьезныхъ завоеваній, остановились въ своемъ развитіи и даже извратили коренные принципы либерализма подъ вліяніемъ борьбы съ рабочимъ классомъ и съ соціализмомъ. Въ этомъ извращенномъ или недоразвившемся видѣ, либерализмъ по имени—оказался своекорыстнымъ и эгоистическимъ на дѣлѣ, и понятная непопулярность его переносится уже на все направленіе, отъ котораго родилось это странное дѣтище. Оттуда дурная слава мнимыхъ „либераловъ“ перекочевала въ нашу печать и ошибочно принята была за обобщеніе, относящееся будто бы къ самому либерализму въ широкомъ смыслѣ этого слова.

XXXIII

Чисто-народный, освободительный характеръ либерализма при старомъ режимѣ во Франціи и въ другихъ странахъ.—Кто былъ тогда либераломъ.—Освобожденіе крестьянъ на западѣ.—Невѣрные взгляды на либерализмъ.

Достаточно напомнить лишь нѣкоторые историческіе факты, чтобы доказать ошибочность высказываемыхъ часто сужденій о неизмѣнной связи западно-европейскаго либерализма съ тенденціями узко-буржуазными.

Въ 1614 году, въ торжественномъ собраніи земскихъ представителей Франціи, въ присутствіи короля Людовика XIII, ораторъ третьяго сословія краснорѣчиво и рѣзко изобразилъ страданія и нужды сельскаго населенія. „Бѣдный народъ,—говорилъ онъ,—работаетъ неустанно и кормитъ все королевство своимъ тяжелымъ трудомъ; но ему самому отъ его работы не остается ничего, кромѣ пота и нищеты. Заработокъ поселянина уходитъ цѣликомъ на уплату податей и повинностей, и въ случаѣ неурожая люди ѣдятъ траву, какъ животныя. А между тѣмъ, кто содержитъ государство, какъ не этотъ забитый поселянинъ? Безъ крестьянскаго труда, что дѣлали бы благородные владѣльцы съ своими землями, духовенство—съ своими бенефиціями, буржуазія—съ своими рентами и капиталами?.. Не насѣкомыя, не червячки взываютъ къ справед-

ливости и состраданію короля, — нѣтъ, это вашъ добрый народъ, это существа разумныя и чувствующія... Если ваше величество не приметъ мѣръ, то можно опасаться, что отчаяніе напомнитъ народу, что солдатъ есть не что иное какъ крестьянинъ, носящій оружіе, и что земледѣлецъ, взявъ въ руки ружье, можетъ изъ наковальни сдѣлаться молотомъ" [1])... Депутатъ, говорившій о крестьянахъ въ такомъ духѣ, былъ и считался тогда либераломъ.

Еще въ концѣ XV вѣка, послѣ смерти Людовика XI, французская буржуазія выставила смѣлый принципъ, что „королевская власть—это должность, а не наслѣдство". Генеральные штаты,—какъ заявлено было въ 1484 году на собраніи въ Турѣ, — „выражаютъ собою волю народа, и имъ однимъ принадлежитъ верховенство". Люди, выражавшіе такого рода взгляды, принадлежали къ числу либераловъ тогдашняго времени.

Въ блестящую извнѣ эпоху Людовика XIV, повсюду раздавались жалобы, что „губернаторы и интенданты, всѣ большіе воры, тиранизируютъ и грабятъ области, ввѣренныя ихъ управленію". Кто высказывалъ эти жалобы открыто и публично, тотъ былъ несомнѣннымъ либераломъ. Либераломъ былъ и Вобанъ, доказывавшій вопіющую несправедливость налоговъ, падающихъ исключительно на неимущихъ поселянъ. Либераломъ называли герцога Орлеанскаго за то, что онъ однажды принесъ въ совѣтъ министровъ кусокъ чернаго хлѣба изъ древесной коры и мякины, положилъ этотъ хлѣбъ на столъ передъ королемъ и сказалъ: „вотъ хлѣбъ, которымъ питаются ваши подданные". Либераломъ былъ Тюрго, когда онъ требовалъ освобожденія крестьянъ отъ повинностей, плодами которыхъ пользуются лишь высшіе и средніе классы населенія. Либералами назывались всѣ тѣ, которые позволяли себѣ указывать на безвыходное положеніе народа, въ то время какъ оффиціальный придворный міръ предавался роскошнымъ забавамъ, не видя и не слыша ничего, кромѣ льстивыхъ восторговъ и

---

[1]) *Bonnemère*, Histoire des paysans, v. II, стр. 14—15. См. также „Histoire du prolétariat", par *Villard*, Paris, 1882, стр. 247—400.

ликованій. Званіемъ либераловъ клеймились всѣ тѣ, которые осмѣливались протестовать противъ баснословныхъ раздачъ казенныхъ денегъ и имуществъ фаворитамъ и фавориткамъ, при Людовикахъ XIV и XV. Либералами были люди, находившіе тяжелымъ такой порядокъ вещей, при которомъ три четверти доходовъ всей страны принадлежали дворянству и духовенству, а четвертая доля оставалась для остальныхъ 26 милліоновъ населенія, которые несли на себѣ всю тяжесть налоговъ и платежей.

То же самое было и въ другихъ западныхъ странахъ. Вездѣ либерализмъ означалъ оппозицію противъ злоупотребленій и произвола, противъ недостатковъ и слабостей стараго режима, противъ несправедливаго господства привилегированныхъ сословій, противъ всякихъ вообще традиціонныхъ золъ политической жизни. Освободительное движеніе принимало различныя формы; оно проявлялось то энергическими протестами мѣстныхъ парламентовъ, то негодующими рѣчами публицистовъ и ораторовъ третьяго сословія, то наконецъ грозными вспышками и взрывами, въ родѣ неудавшейся попытки Этьена Марселя отстоять самоуправленіе Парижа. Истинные либералы вездѣ стояли за народъ, за его права и интересы, за его жизнь и свободу,—возмущались его угнетеніемъ и побуждали власть снисходить къ его бѣдствіямъ. Естественное различіе въ воззрѣніяхъ и потребностяхъ не мѣшало тѣсному союзу буржуазіи съ крестьянствомъ въ общей борьбѣ противъ феодальнаго деспотизма, поддерживаемаго государствомъ.

Консерваторы прошлаго столѣтія ссылались на пятисотлѣтнюю давность, которою закрѣплены были феодальныя привилегіи. „Могли ли дворяне, — спрашивали по этому поводу либералы,—пріобрѣсть по давности право грабить по большой дорогѣ и передавать это право наслѣдникамъ, какъ монополію? Сорокъ тысячъ лѣтъ волки пожираютъ овецъ, и однако мы не признаемъ за ними этого права по давности и не стѣсняемся истреблять ихъ, какъ вредныхъ звѣрей". Либеральная часть французскаго общества сдѣлалась революціонною и добилась освобожденія народа отъ гнета феодальныхъ владѣльцевъ, въ ночь 4 августа 1789 года. Крестьяне были осво-

бождены не только съ принадлежавшею имъ фактически землею, но и безъ выкупа. Французское національное собраніе, состоявшее изъ рѣшительныхъ либераловъ, уничтожило не только личныя и поземельныя повинности крестьянъ относительно помѣщиковъ, но и всякіе денежные и натуральные платежи за постоянное пользованіе владѣльческою землею, такъ что поселяне остались полными собственниками тѣхъ участковъ, которые издавна находились въ ихъ фактическомъ владѣніи и за которые они прежде платили оброкъ сеньору. Критикъ великой революціи, Тэнъ, негодуетъ по поводу такого нарушенія права собственности дѣятелями 1789 года: безъ всякаго основанія, говоритъ онъ, 123 милліона ежегоднаго дохода отняты у владѣльцевъ и переданы поселянамъ [1]). Предполагалось, правда, вознагражденіе владѣльцевъ за отошедшія отъ нихъ оброчныя земли; но предположеніе не исполнилось, и дѣло обошлось даже безъ нашихъ выкупныхъ операцій, что впрочемъ, не мѣшаетъ нашимъ славянофиламъ и народолюбцамъ восклицать: „мы дали такой примѣръ освобожденія крестьянъ, какого не видала Европа“. Поземельное устройство крестьянъ на условіяхъ выкупа участковъ, при содѣйствіи государственнаго казначейства, состоялось въ Пруссіи (при Гарденбергѣ), въ Баваріи, отчасти въ Австріи и Германіи, за исключеніемъ Мекленбурга. Такія же попытки превращенія поселянъ въ собственниковъ дѣлаются либералами въ Ирландіи: въ земельныхъ билляхъ 1870 и 1881 года отводится много мѣста правиламъ объ образованіи прочнаго крестьянскаго землевладѣнія при помощи средствъ государства.

Изъ этого можно видѣть, насколько основательны обвиненія либерализма въ отрицаніи экономическихъ требованій народа. У насъ эти обвиненія кажутся тѣмъ страннѣе, что наша крестьянская реформа, которою мы такъ привыкли гордиться, совершена была несомнѣнно при участіи либераловъ, какъ стоявшихъ тогда у кормила правленія, такъ и пользовавшихся авторитетомъ въ обществѣ.

---

[1]) *H. Taine*, Les origines de la France contemporaine, T. I, p. 198—201.

XXXIV.

Превращеніе либераловъ въ консерваторовъ и появленіе новыхъ освободительныхъ партій, подъ другими названіями.—Охранительныя стремленія подъ старымъ либеральнымъ знаменемъ.—Историческая миссія либерализма.—Свободники и народники.

Историческая задача европейскаго либерализма заключалась въ томъ, чтобы уничтожить нагроможденныя вѣками политическія надстройки, не дававшія жить народу, и подготовить новый порядокъ, основанный на свободномъ существованіи и развитіи общественныхъ силъ, могущихъ сознательно удовлетворить интересы большинства населенія.

Но либералы и либерализмъ—не одно и то же. Достигнувъ своей главной цѣли—освобожденія отъ грубаго феодальнаго режима, либералы на материкѣ Европы пожелали господствовать въ свою очередь и стали отдавать предпочтеніе своимъ спеціальнымъ интересамъ передъ общенародными. Сохраняя свое популярное названіе, они дѣйствовали уже какъ консерваторы и усвоили себѣ политическіе пріемы, совершенно несогласные съ логическими основами либерализма. Устранивъ насилія и стѣсненія свыше, они сами, взобравшись на арену власти, пошли по тому же пути легальнаго произвола по отношенію къ низшимъ классамъ. Государственныя учрежденія были устроены такимъ образомъ, чтобы преобладающая роль принадлежала обезпеченной буржуазіи и чтобы неимущая народная масса не имѣла права голоса въ общенародныхъ дѣлахъ. Тогда противъ стараго ci-devant либеральнаго слоя, измѣнившаго своимъ собственнымъ принципамъ, поднимался новый общественный слой, представители котораго брали на себя ту же освободительную миссію относительно властвующей буржуазіи, какую послѣдняя исполнила въ свое время относительно феодализма. Новые поборники народныхъ правъ, оставаясь въ существѣ чистыми либералами, обозначались уже другими названіями—радикаловъ и прогрессистовъ, ибо они выступали на дѣлѣ противъ того класса, который всѣ привыкли по старой памяти считать либеральнымъ по преимуще-

ству. Отсюда вышло странное смѣшеніе понятій: узкія стремленія и самопротиворѣчія бывшихъ либераловъ были спутаны съ либерализмомъ вообще; слово „либералъ“ сдѣлалось синонимомъ самодовольной пассивности и голаго отрицанія реформъ въ пользу сельскаго и городского пролетаріата.

Французскіе доктринеры тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ надолго подорвали въ народѣ репутацію либераловъ, именемъ которыхъ они прикрывали свои консервативныя цѣли и тенденціи. Отвѣтомъ на эти охранительныя усилія привилегированной части „третьяго сословія“ послужила февральская революція; это былъ вполнѣ заслуженный урокъ забывшимся представителямъ матеріальнаго и умственнаго ценза. На знамени главныхъ виновниковъ переворота 1848 года стояли тѣ же принципы, которыми воодушевлялись дѣятели „великой революціи“—освобожденіе отъ исключительнаго хозяйничанья одного сословія или класса, предоставленіе всей массѣ народа одинаковаго участія въ государственныхъ дѣлахъ и подготовленіе обширныхъ государственныхъ преобразованій. Буржуазія заплатила за свои грѣхи утратою общественной свободы. Въ концѣ концовъ, программа либерализма осуществилась во Франціи, по крайней мѣрѣ формально: всѣ преграды, поставленныя общественнымъ потребностямъ народа, вновь разрушены, и политической жизни дано плавное, свободное, просторное теченіе. Либераламъ приходится не освобождать, а охранять добытое,—они уже призваны играть роль консерваторовъ. Либеральная партія въ политическомъ смыслѣ исполнила тамъ свое назначеніе; она слилась съ правительствомъ, ибо тамъ уже не отъ чего освобождаться, при республикѣ. Для радикаловъ и соціалистовъ, остановившійся либерализмъ оказывается отжившимъ, враждебнымъ направленіемъ, задерживающимъ желательное вмѣшательство государства въ область экономическихъ нуждъ рабочаго населенія. Но при этомъ забывается однако, что о такомъ вмѣшательствѣ можетъ быть рѣчь именно вслѣдствіе того, что благодаря усиліямъ этихъ же самыхъ либераловъ государство является уже не внѣшнею, сдавливающею народъ силою, а воплощеніемъ народныхъ интересовъ и народнаго сознанія.

Въ Германіи не осуществилось еще это послѣднее условіе;

а давать новыя задачи и полномочія правительству, руководимому волею одного всевластнаго министра или придворнаго кружка, справедливо считается весьма рискованнымъ. Либералы Пруссіи дѣйствовали слабо и непослѣдовательно, жертвуя своимъ нравственнымъ достоинствомъ ради временныхъ ближайшихъ цѣлей. Мы не говоримъ уже объ Австріи, гдѣ подъ либеральнымъ флагомъ фигурируютъ приверженцы подавленія народностей, враги равноправности и самоуправленія, продажные дѣльцы политики и журналистики.

Такимъ образомъ, наши представленія объ европейскихъ либералахъ будутъ совершенно невѣрны, если мы возьмемъ положеніе и репутацію этой партіи въ настоящее время въ той или другой странѣ Европы. Въ различныхъ государствахъ либерализмъ находится не на одинаковой ступени своего развитія: въ одномъ мѣстѣ онъ сдѣлалъ уже многое и бодро готовится къ дальнѣйшей работѣ; въ другомъ—успѣлъ зачахнуть, „свершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное“; въ третьемъ—переродился въ мирное кулачество, злоупотребляя произвольно почтеннымъ историческимъ знаменемъ. Съ какой же статьи будемъ мы принимать за норму либерализмъ тѣхъ странъ, гдѣ онъ сохранилъ только имя свободы и растерялъ уже главнѣйшую часть своихъ завѣтныхъ идеаловъ?

У насъ нѣтъ и элементовъ для созданія могущественной интеллигентной буржуазіи, способной поставить себя на мѣсто цѣлаго народа. Для насъ нѣтъ ни повода, ни надобности—смѣшивать либеральное движеніе съ тѣми неудачными формами, въ которыя оно облекается въ иныхъ странахъ Европы. Важенъ лишь вопросъ о томъ, существуетъ ли у насъ потребность въ простомъ освободительномъ, реформаторскомъ движеніи, и имѣются ли такіе историческіе и общественные наросты, которые необходимо устранить. Если эти признаки оказываются на лицо, если предъ нами стоитъ еще масса традиціонныхъ недуговъ, въ видѣ систематическихъ хищеній, безконтрольности, произвола и тьмы,—то либерализмъ имѣетъ предъ собою обширное поле дѣйствія. Онъ можетъ измѣнять свои названія, но сущность его остается та же. Самое зданіе еще какъ бы не докончено; оно не достаточно за-

щищаетъ обитателей отъ дождя и вѣтра; трещины видны въ стѣнахъ и въ крышѣ; — необходимо сдѣлать домъ пригоднымъ для жилья, прежде чѣмъ устраивать внутри надлежащую обстановку. Въ противномъ случаѣ, обстановка испортится, придется обновлять ее постоянно,—подобно тому какъ портились плоды крестьянской реформы, вслѣдствіе неблагопріятныхъ перемѣнъ погоды. Быть можетъ, для многихъ незамѣтны будутъ причины, почему происходитъ порча; они, пожалуй, станутъ думать, что трещины въ домѣ—сами по себѣ, а сырость и болѣзни происходятъ только вслѣдствіе пагубнаго подражанія иностранцамъ. Но интеллигенція на то и обладаетъ познаніями и опытомъ, чтобы разъяснять нелѣпость подобныхъ предположеній.

Недоразумѣнія возникаютъ часто и съ такой стороны, съ которой меньше всего можно было ожидать ихъ. Либерализмъ обвиняется въ желаніи навязывать что-то народу. Между тѣмъ историческая миссія либерализма состоитъ именно въ томъ, чтобы *развязывать*, а *не навязывать*,—освобождать, а не порабощать,—снимать старыя путы, а не накладывать новыя,—облегчать и вылечивать недуги, а не вгонять ихъ внутрь. Люди предлагаютъ устранить то, что было когда-то навязано другими; а имъ отвѣчаютъ обвиненіемъ ихъ самихъ въ навязчивости. Если, напримѣръ, вся тяжесть налоговъ лежитъ на бѣднѣйшей части населенія, поглощая часто цѣликомъ трудовые его заработки, то задача либерализма состоитъ въ достиженіи равномѣрнаго распредѣленія этого бремени между болѣе достаточными классами общества. И вдругъ это уменьшеніе крестьянскихъ платежей отвергалось бы, какъ нѣчто чуждое народу, несогласное съ его духомъ! Или возбуждается вопросъ объ отмѣнѣ паспортной системы, столь разорительной для народа, и т. п. По здравому смыслу казалось бы смѣшнымъ толковать о томъ, что человѣкъ, быть можетъ, самъ желаетъ остаться связаннымъ и стѣсненнымъ, и что поэтому нечего придумывать для него выходъ изъ затрудненій. Возможно также, что долгая привычка къ тягостнымъ узамъ уменьшила ихъ чувствительность; но слѣдуетъ ли отсюда, что облегчительныя мѣры уже не нужны? Крестьянство свык-

лось и съ крѣпостнымъ правомъ; было вѣроятно не мало такихъ, которые не чувствовали влеченія къ свободѣ, и однако это не помѣшало властному освобожденію ихъ.

Но, можетъ быть, лекарства, предлагаемыя либерализмомъ, неправильны или произвольны; или они непопулярны просто потому, что медицина—наука заграничная? Тогда дѣло идетъ уже не о цѣляхъ и желаніяхъ, а о способахъ ихъ достиженія. Если разногласія касаются формы, а не сущности, то они не могутъ быть выставляемы какъ доводы противъ принциповъ. А принципы эти очень просты, и возражать противъ нихъ мудрено, съ точки зрѣнія народной. Они, правда, признаются иногда заимствованными извнѣ; но въ дѣйствительности они такъ же мало зависятъ отъ подражанія, какъ и потребность жить и работать, укрываться отъ холода и ненастья, искать все лучшихъ и лучшихъ условій матеріальнаго и нравственнаго существованія. Трудно предполагать, что могутъ быть изобрѣтены какіе-либо спеціально-русскіе суррогаты свободнаго общественнаго мнѣнія и контроля, твердой честности и справедливости въ дѣлахъ управленія, свободы совѣсти и мысли, свободы личной и общественной. И у насъ, какъ и вездѣ, эти требованія будутъ существовать вѣчно, пока живы человѣческіе идеалы и характеры.

Слова проходятъ, и настоящій смыслъ ихъ забывается; названія и клички отрываются отъ обозначаемыхъ ими идей, становятся пустыми звуками и примѣняются къ самымъ разнороднымъ явленіямъ, то дурнымъ, то хорошимъ,—но логическое содержаніе, обнимаемое словомъ „либерализмъ“, сохраняетъ свое полное значеніе, хотя бы самое слово отвергалось и замѣнялось другими.

II. Славянофилы и свободники [1]).

XXXV.

Неясность политическихъ партій и оттѣнковъ въ русской печати. — Неизбѣжныя ошибки и недоразумѣнія.—Взгляды проф. Ламанскаго и его единомышленниковъ.—Совпаденіе нѣкоторыхъ сторонъ славянофильства съ идеями свободниковъ.—Мнимопатріотическій туманъ.—Элементарныя партійныя дѣленія.

Въ полутьмѣ нельзя разглядѣть ни точныхъ очертаній противниковъ, ни присутствія молчаливыхъ друзей: удары попадаютъ часто въ пустое пространство или задѣваютъ вовсе не тѣхъ, для кого предназначены. Такую именно картину представляетъ борьба различныхъ направленій или партій въ нашей современной печати. Люди ведутъ горячіе споры о словахъ и понятіяхъ, дѣйствительное содержаніе которыхъ остается по необходимости въ туманѣ; одни не договариваютъ своихъ мыслей до конца, или не выходятъ изъ сферы отвлеченностей; другіе принимаютъ громкую фразу за цѣлую положительную программу и напрасно тратятъ порохъ на опроверженіе ея; третьи хватаются за первое попавшееся знамя и носятся съ нимъ какъ побѣдители, хотя никого имъ побѣждать не приходилось; есть наконецъ и такіе, которые пользуются общею разноголосицею для личныхъ цѣлей. Какой-нибудь безтолковый и даже безсмысленный возгласъ, произнесенный рѣзко среди общаго затишья, производитъ неожиданное впечатлѣніе и вызываетъ смуту въ умахъ. Можно ли говорить о политическихъ партіяхъ при подобныхъ условіяхъ?

Безъ сомнѣнія, у насъ существуютъ важныя разногласія по многимъ вопросамъ общественной жизни; но они имѣютъ мало случаевъ выясниться вполнѣ на практикѣ и придать опре-

---

[1]) Выраженія: „свободникъ“ и „свободничество“, предлагаемыя нами взамѣнъ непопулярныхъ и различно понимаемыхъ у насъ терминовъ: „либералъ“ и „либерализмъ“, имѣютъ такое-же право на существованіе, какъ „народники“ и „народничество“, — съ тою только разницею, что слово „народникъ“ можетъ совмѣщать въ себѣ самый разнообразный смыслъ, вслѣдствіе чего неудобно употреблять его безъ комментаріевъ.

дѣленныя черты группирующимся около нихъ интересамъ. Оттого на каждомъ шагу встрѣчаются явныя недоразумѣнія, которыя становятся даже сознательною системою въ рукахъ неразборчивыхъ дѣятелей. Взгляды, высказываемые какою-либо одною газетою, приписываются обширному классу лицъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго,—только на томъ основаніи, что данная газета считаетъ себя либеральною или консервативною; личныя мнѣнія одного публициста,—быть можетъ, совсѣмъ не компетентнаго или недалекаго,—даютъ поводъ къ дешевой побѣдѣ надъ направленіемъ, которому спорныя мнѣнія совершенно чужды. Сколько такихъ мнимыхъ побѣдъ одержано было надъ либерализмомъ за послѣдніе годы! Полемика оказывается тѣмъ болѣе безплодною, что спорящіе прикрываютъ свои идеи неподходящими флагами, подъ которыми можно предполагать самыя разнообразныя тенденціи. Такъ, проповѣдники возврата къ старинѣ имѣютъ нерѣдко въ виду исключительно тѣ стороны прошедшаго, которымъ сочувствуютъ и прогрессисты; — однако споръ ведется такимъ образомъ, что защитники старыхъ земскихъ идеаловъ смѣшиваются добровольно съ обскурантами, а приверженцы широкаго европейскаго просвѣщенія выставляются почему-то врагами самостоятельнаго развитія русскаго народа. Недоразумѣніе отчасти исчезаетъ, когда общіе принципы переходятъ на практическую почву и примѣняются къ отдѣльнымъ вопросамъ текущей политики. Славянофилы являются тогда свободниками, и народничество повторяетъ требованія либерализма. Приведемъ здѣсь нѣкоторые примѣры такого единомыслія между партіями, пребывавшими долго въ напрасномъ антагонизмѣ.

Видный представитель нашего славянофильства, профессоръ В. И. Ламанскій, издалъ въ 1884 году обширный трудъ о государственныхъ тайнахъ Венеціи. Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ счелъ нужнымъ изложить свои политическія идеи, которыя, при всей своей сбивчивости, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Г. Ламанскій стоитъ за политику мирнаго внутренняго развитія и рѣшительно отвергаетъ воинственный панславизмъ, мечтающій о борьбѣ съ западною Европою и въ частности съ

Германіею. „Для насъ, столь мало еще успѣвшихъ въ области наукъ и искусствъ, въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ, продолжительный миръ особенно необходимъ, и конечно не нами онъ можетъ быть нарушенъ". Это основное признаніе автора отнимаетъ всякое практическое значеніе у той туманной фразеологіи, въ которой заключается сущность новѣйшаго славянофильства. Авторъ справедливо полагаетъ, что старинная вражда западныхъ славянъ къ германству не можетъ быть раздѣляема Россіею. „Мы не вѣримъ,—заявляетъ онъ,—чтобы въ будущемъ предстояла война съ нѣмцами, или чтобы она была необходимостью дальнѣйшей исторіи. Мы не придаемъ большой важности тому, что̀ принято называть „Drang nach Osten", и не думаемъ, что славянскимъ землямъ грозитъ прогрессивное нашествіе нѣмецкихъ массъ: мы думаемъ, напротивъ, что въ виду постепеннаго уменьшенія Европы сравнительно съ возрастаніемъ значенія другихъ частей свѣта, Германія воспользуется развитіемъ своего военнаго и торговаго флота, а также естественнымъ направленіемъ народной эмиграціи, для основанія колоній въ Африкѣ, по примѣру Англіи и Франціи, и для укрѣпленія нѣмецкаго элемента въ Америкѣ... Тамъ находится истинное поприще для распространенія нѣмецкой расы, а не въ земляхъ славянскихъ, гдѣ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ нѣмецкіе поселенцы, не желаемые туземцами, встрѣчали бы все болѣе препятствій и ежедневныхъ затрудненій, которыя сдѣлали бы невозможными ихъ мирную жизнь и благосостояніе". Авторъ защищаетъ „русскій славизмъ" отъ обвиненій въ „темной непріязни къ европейской культурѣ", и этимъ самымъ онъ отрекается отъ солидарности съ темными толкователями россійской самобытности. Упоминая мимоходомъ о „пессимистическомъ взглядѣ на внутреннее состояніе Россіи", онъ однако даетъ полный просторъ своему оптимизму относительно будущаго,—хотя будущее есть только продуктъ настоящаго и прошедшаго. Впрочемъ, объ этой сторонѣ вопроса г. Ламанскій совершенно умалчиваетъ, полагаясь болѣе всего на Провидѣніе, предначертанія котораго столь же мало доступны ему, какъ и намъ.

Можно бы видѣть нѣкоторую долю старой иллюзіи въ раз-

сужденіяхъ автора о призваніи Россіи относительно Европы,— призваніи, слишкомъ мало соотвѣтствующемъ дѣйствительному ходу русской жизни и русской политики. Высокій тонъ по отношенію къ Западу является какъ-то сразу, безъ всякихъ мотивовъ и безъ всякой связи съ историческими фактами. Начиная съ истинъ, весьма банальныхъ, имѣющихъ большею частью отрицательное значеніе, авторъ неожиданно дѣлаетъ скачокъ къ выводамъ, крайне сомнительнымъ и произвольнымъ. „Питая искреннюю привязанность и чувства удивленія, уваженія и благодарности ко всему тому, что европейская культура создала великаго, прекраснаго и вѣчнаго, мы признаемся,— заявляетъ г. Ламанскій,—что не имѣемъ не только смѣлости, но и возможности желать нашему отечеству и всѣмъ народамъ нашей расы и нашей церкви перестать быть самими собою и стараться превратиться въ Европу, еслибы это было даже осуществимо. Которую же изъ этихъ Европъ мы приняли бы за образецъ, — ибо ихъ нѣсколько, и каждая изъ нихъ, выдавая себя за истинную, исключаетъ другія". Авторъ безцѣльно играетъ словами: фантастическое желаніе „превратиться" въ Европу никѣмъ не выставлялось и не имѣло бы никакого смысла, еслибы понималось буквально. Когда говорятъ о заимствованіяхъ у Европы, то имѣютъ всегда въ виду сознательное усвоеніе лучшаго, выработаннаго болѣе богатымъ и разнообразнымъ опытомъ. У насъ не затрудняются вопросомъ, куда посылать ученыхъ для усовершенствованія въ наукахъ и гдѣ именно искать образцовъ для улучшеній техническихъ, законодательныхъ и административныхъ; при каждомъ второстепенномъ преобразованіи отправляются чиновники за границу для изученія соотвѣтственной отрасли управленія или хозяйства, иногда даже безъ дѣйствительной въ томъ надобности и безъ пользы для дѣла,—и каждое вѣдомство твердо знаетъ или по крайней мѣрѣ обязано знать, въ „которую изъ Европъ" обращаться по предметамъ своей спеціальности. Вопросъ г. Ламанскаго есть пустой вопросъ, и это чувствуетъ самъ авторъ, ибо неопредѣленность слова „Европа" не мѣшаетъ ему самому говорить объ „европейской культурѣ", какъ о чемъ-то общемъ и цѣльномъ.

Изъ естественной невозможности цѣликомъ „превратиться въ Европу“ выводятся между тѣмъ заключенія, довольно неожиданныя и удивительныя. Для европейскихъ народовъ оказывается „безспорное преимущество въ томъ, что въ моментъ охлажденія горячки національностей и при наглядно выступающемъ нравственномъ разладѣ, обрисовывается все яснѣе на границахъ Европы образъ народа, расы, материка, цѣлаго міра, который, не примыкая ни къ одной изъ этихъ Европъ, способенъ и расположенъ оказать каждой изъ нихъ больше справедливости и сочувствія, чѣмъ дѣлали бы это онѣ сами относительно своихъ соперницъ“. Почти все представлено тутъ навыворотъ: невѣрно то, что мы не примыкаемъ ни къ одной изъ Европъ,—мы до недавняго еще времени оффиціально примыкали къ Европѣ германской и австрійской; невѣрно, что у насъ нѣтъ нравственнаго разлада, быть можетъ даже болѣе значительнаго, чѣмъ въ государствахъ западныхъ; далеко еще не доказано, что мы, не умѣя устраивать свои собственныя дѣла, обладаемъ способностью судить безпристрастно и разумно о дѣлахъ чужихъ.

„Будучи арійцами и христіанами, но не латинянами, ни германцами, ни католиками, ни протестантами,—такъ вычисляетъ наши достоинства г. Ламанскій,—мы не можемъ и не должны смотрѣть на однихъ глазами другихъ. Не будучи ни гвельфами, ни гибеллинами, ни феодалами-консерваторами, ни среднимъ сословіемъ, ни либеральными буржуа, ни демократами-соціалистами, ни четвертыми слоями, и имѣя своеобразную соціальную организацію, во многомъ отличную отъ европейской, мы должны только внимательно изучать существующія въ Европѣ партіи, направленія и секты, не вмѣшиваясь въ ихъ споры и не увлекаясь ихъ страстями“ [1]). Конечно, у насъ не иностранныя, а свои собственныя группы, общественныя и религіозныя,—податныя и неподатныя сословія, изъятыя и неизъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, православные и раскольники разныхъ родовъ, чиновники и земцы, крестьянство и ку-

[1]) „Secrets d'état de Venise“ etc., par *Wladimir Lamansky* (St. Pét., 1884), Préface, стр. X, XII—XIII, XXI и сл., XXX—XXXVI

лачество. Но что изъ этого слѣдуетъ, и что хотѣлъ доказать авторъ своимъ перечисленіемъ неидущихъ къ намъ названій?

Мы видимъ здѣсь только обычный славянофильскій туманъ, въ сущности совершенно невинный. Свободники и прогрессисты также не чужды сознанія справедливой народной гордости, но матеріалъ для этого чувства почерпается ими вовсе не тамъ, гдѣ ищутъ ихъ близорукіе патріоты, — не въ самодовольныхъ и фантастическихъ счетахъ съ Европою, а въ великихъ свѣтилахъ нашей литературы, въ нашемъ Тургеневѣ и Львѣ Толстомъ, въ нашемъ высшемъ женскомъ образованіи, давшемъ первый примѣръ женской профессуры по каѳедрѣ математики въ иностранномъ университетѣ, наконецъ въ нѣкоторыхъ сохранившихся хорошихъ обычаяхъ нашего крестьянства. Реальные факты всего менѣе занимаютъ нынѣшнихъ славянофиловъ; они предпочитаютъ гордиться смутными фантазіями своего собственнаго изобрѣтенія. Г. Ламанскій въ другомъ мѣстѣ упрекаетъ либераловъ въ отрицаніи достоинствъ и важности „здороваго крестьянства“ [1]), — точно ему совсѣмъ незнакома громадная новѣйшая литература по крестьянскому вопросу, въ которой главные двигатели и работники принадлежатъ именно къ либеральному направленію. Въ этомъ умственномъ движеніи на пользу русскаго крестьянства нисколько не повинны, разумѣется, члены славянскихъ комитетовъ и патріоты московскаго оттѣнка, которымъ авторъ серьезно ставитъ въ заслугу произнесеніе похвальныхъ фразъ о мужикѣ.

Всѣ эти странности служатъ часто оболочкою для воззрѣній либеральныхъ по существу, какъ можно видѣть изъ рѣчей и статей того-же г. Ламанскаго, г. Ор. Миллера и другихъ присяжныхъ ораторовъ петербургскаго славянофильства. „Не въ мирное ли время, — говорятъ эти дѣятели, — ожидать русскому обществу необходимаго простора для свободы мнѣній и сомнѣній, для откровенныхъ споровъ и оживленной полемики самыхъ разнообразныхъ литературныхъ и научныхъ направленій, всѣхъ этихъ необходимыхъ условій для мирныхъ

[1]) „Извѣстія с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“, 1884, № 4, стр. 16—17.

завоеваній русской мысли, для подъема русскаго искусства и русской науки на высоту, подобающую великому народу... Человѣкъ обрекаетъ самъ себя на безысходное невѣжество, если только будетъ считать одни свои предположенія и мнѣнія за истинныя и полезныя, а чужія—за ложныя и вредныя... Не давая парадоксамъ и ложнымъ мнѣніямъ высказываться противъ ученія истиннаго, люди ревностные не по разуму обличаютъ только свое маловѣріе въ силу истины, помогаютъ лишь утвержденію и распространенію лжи, дѣлая ее запретною, либеральною, популярною, и такимъ образомъ задерживаютъ неминуемое иначе самообличеніе лжи и самооправданіе истины" [1]). Кто не подпишется подъ этими азбучными истинами свободничества? Трудно также оспаривать, что намъ „мѣшаютъ нѣкоторыя привычки нашего воспитанія, извѣстное самомнѣніе и самодовольство", что скверно быть „рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ", который, „предаваясь безплоднымъ и праздным размышленіямъ, ищетъ только знаменій у Бога", что Россія (?) напрасно была „столь почтительна и исполнена высокаго благоговѣнія къ спасительнымъ идеямъ Меттерниха", что „нуженъ крѣпкій и своеобразный бытъ народа со смѣлымъ и самодѣятельнымъ умомъ" и т. п. А въ концѣ является вдругъ желаніе гордиться, и авторъ наивно возглашаетъ: „я горжусь и дорожу необъятнымъ просторомъ Россіи", какъ будто просторъ степей есть достоинство или заслуга народа.

Другой публицистъ, менѣе ученый, храбро утверждаетъ тутъ же, что „исторія, безъ нашего вѣдома и несмотря на наши промахи, неумѣлость, неспособность, ведетъ неудержимо къ объединенію славянства", такъ какъ за насъ работаетъ „мудрая народная пословица: перемелется—мука будетъ". И съ подобными ребяческими пріемами люди берутся разрѣшать вопросы практической политики! Смѣлый патріотъ находитъ одно только возможное возраженіе, что славяне „не захотятъ подчиниться несимпатичнымъ имъ официальнымъ формамъ русской жизни". Но это ничего не значитъ, ибо за насъ хлопочетъ исторія. „Развѣ Россія не подлежитъ законамъ полити-

[1]) Тамъ же, № 3, рѣчь г. Ламанскаго, стр. 8—9.

ческой эволюціи и должна на вѣки вѣчные, подобно Китаю, застыть и неподвижно окаменѣть? Россія—европейская держава, сказала великая Екатерина, и она конечно знала, что говорила. Были у насъ Сперанскіе, были и Аракчеевы, но тѣ и другіе должны были уступить свое мѣсто другимъ историческимъ дѣятелямъ, потому что исторія не возвращается вспять... Какъ подъ снѣжнымъ покровомъ зимы зрѣютъ будущіе урожаи, такъ и въ моментъ самой жестокой реакціи незримо зарождаются сѣмена будущаго прогрессивнаго движенія". Такъ переплетаются либеральныя ожиданія съ посторонпимъ сумбуромъ; они вновь выступаютъ въ чистомъ видѣ въ размышленіяхъ г. Ореста Миллера по поводу смерти Кошелева. Послѣдній былъ несомнѣннымъ свободникомъ, хотя и числился въ рядахъ славянофиловъ; это даетъ г. Миллеру поводъ желать „единенія между враждебными партіями". Г. Миллеръ рѣзко осуждаетъ „тѣхъ, кто подводилъ подкопы подъ великія реформы" прошлаго царствованія; „по совѣсти можно сказать,—говоритъ онъ, — что настоящая сила власти теперь у насъ въ охраненіи ея же собственныхъ преобразованій отъ всякихъ преградъ". Онъ соглашается съ проектами и мнѣніями Кошелева, въ которыхъ нѣкоторые видятъ „программу большинства" либераловъ [1]);—чего же больше?

Въ дѣйствительности, мостъ для единенія давно существуетъ, и отъ славянофиловъ зависитъ откровенно перейти его, не прячась подъ ненужными и устарѣвшими флагами. Пора бросить нелѣпые толки объ опасностяхъ „превращенія въ Европу" и трезво взглянуть на насущныя нужды нашей будничной общественной жизни, не заботясь о партійныхъ кличкахъ и перегородкахъ. Для внутреннихъ дѣлъ Россіи славянофильство есть или безплодная секта, узкая и односторонняя, имѣющая только отрицательное значеніе, или скрытый и робкій либерализмъ, мечтающій о реформахъ подъ видомъ возстановленія извѣстнаго рода старины. Для внѣшней политики славянофильство не существуетъ съ той минуты, какъ оно

[1]) Тамъ же, стр. 16, 19—23.

отреклось отъ пагубнаго ослѣпленія, тянувшаго насъ къ войнѣ съ Германіею и Австріею. Что же остается отъ этой своеобразной доктрины, имѣвшей когда-то нѣкоторый faisoп d'être? Остается рядъ невинныхъ и нерѣдко сумбурныхъ мечтаній, лишенныхъ всякой связи съ потребностями народа и съ нашими многочисленными злобами дня. У насъ нѣтъ ни безусловныхъ западниковъ, съ которыми нужно было бы бороться, ни безусловныхъ восточниковъ, съ которыми стоило бы воевать. Съ другой стороны, ни одинъ здравомыслящій прогрессистъ не отрицаетъ русской самобытности въ естественномъ смыслѣ этого слова, равно какъ и исторической роли славянства [1]).

Зачатки политическихъ партій распредѣляются у насъ еще по признакамъ, слишкомъ произвольнымъ и случайнымъ; въ сущности у насъ имѣетъ рѣшающую силу болѣе элементарное

---

[1]) Новѣйшіе славянофилы нашли свое политическое евангеліе въ книгѣ Н. Я. Данилевскаго, вышедшей впервые въ 1871 году и имѣвшей съ тѣхъ поръ еще два изданія: послѣднее (названное четвертымъ, когда оно въ дѣйствительности — третье) появилось въ 1889 году, съ приложеніемъ статьи К. Н. Бестужева-Рюмина о теоріи культурно-историческихъ типовъ. Издатель Н. Н. Страховъ, горячій поклонникъ ученія Данилевскаго, съ замѣчательною добросовѣстностью воспроизвелъ примѣчанія, сдѣланныя авторомъ на поляхъ книги около 1880 года, и напечаталъ ихъ даже жирнымъ шрифтомъ,—хотя въ числѣ примѣчаній есть и такія, которыя равносильны прямому отреченію отъ существеннаго содержанія книги. Полная несостоятельность теоріи Данилевскаго, основанной на цѣломъ рядѣ произвольныхъ обобщеній и натяжекъ, прекрасно доказана Вл. С. Соловьевымъ въ статьѣ „Россія и Европа", помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" за 1888 г. (февраль и апрѣль) и вошедшей позднѣе въ книгу: „Національный вопросъ въ Россіи", изданіе 2-е. Къ сожалѣнію, почтенный критикъ „Россіи и Европы" Данилевскаго сдѣлалъ, какъ намъ кажется, двѣ серьезныя ошибки: во-первыхъ, онъ захотѣлъ доказать больше, чѣмъ требовалось для опроверженія разбираемой имъ теоріи, и заговорилъ объ упадкѣ русской литературы, науки и искусства, безъ достаточныхъ къ тому основаній; и во-вторыхъ, онъ мимоходомъ высказался отрицательно о нашей земельной общинѣ, вопреки имѣющимся фактамъ и изслѣдованіямъ, касающимся крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія. Въ этомъ случаѣ личные взгляды В. С. Соловьева не должны быть приписываемы „Вѣстнику Европы", удѣлившему имъ мѣсто на своихъ страницахъ, — такъ какъ названный журналъ много разъ и съ достаточною обстоятельностью высказывалъ свои воззрѣнія на общину, и эти воззрѣнія, насколько намъ извѣстно, совершенно не совпадаютъ съ идеями нашего симпатичнаго философа.

дѣленіе людей—на честныхъ и безчестныхъ, на искреннихъ друзей народа и лицемѣрныхъ эгоистовъ, на противниковъ и любителей хищеній, на сторонниковъ правды и лжи, законности и произвола, справедливости и безправія. Добросовѣстные люди разныхъ направленій всегда могутъ сойтись на почвѣ фактическихъ интересовъ и недуговъ общественныхъ.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

I. Старые политическіе грѣхи.

XXXVI.

Условія національной политики и отсутствіе ихъ въ прежнее время. — Русская дипломатія при императорѣ Александрѣ I. — Фантастическій элементъ въ политикѣ.—Внѣшняя политика Николаевской эпохи.—Печальные результаты прошлаго.

Часто приходится слышать и читать патріотическія жалобы на бездѣйствіе и слабость нашей дипломатіи по отношенію къ западной Европѣ. Почему,—спрашиваютъ патріоты, — Россія не поднимаетъ своего голоса въ такомъ-то международномъ вопросѣ, имѣющемъ для нея первостепенную важность? Почему она довольствуется пассивною политикою ожиданія и молчанія, вмѣсто того, чтобы твердо и смѣло дѣйствовать въ духѣ истинно-національныхъ традицій и стремленій? Если намъ мѣшаетъ могущество Германіи, то не мы ли создали это могущество, и не обязанъ ли намъ нѣмецкій народъ вѣчною благодарностью? Не печально ли видѣть, что вражда и недовѣріе служатъ отвѣтомъ Запада на великодушіе и безкорыстіе Россіи? Ставя эти и подобные имъ вопросы, сторонники энергической внѣшней политики вспоминаютъ тѣ „счастливыя“ времена, когда русская дипломатія играла руководящую роль въ Европѣ, и когда судьбы великихъ европейскихъ державъ зависѣли отъ рѣшеній петербургскаго кабинета. Съ эпохою блестящихъ политическихъ успѣховъ связывается обыкно-

венно мысль о господствѣ національнаго, чисто-русскаго направленія въ нашихъ международныхъ дѣлахъ; и образцомъ этого направленія ставится дѣятельность императора Николая I. Многія изъ иллюзій, касающихся нашего прошлаго, разсѣяны безпристрастнымъ освѣщеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ; но коренныя недоразумѣнія относительно свойствъ и условій національной политики, равно какъ и относительно причинъ современнаго нашего положенія въ Европѣ, продолжаютъ еще господствовать въ значительной части нашей публицистики.

Національная политика можетъ имѣть двоякій смыслъ: или она національна потому, что соотвѣтствуетъ преобладающему настроенію и желаніямъ народа,— или она является вѣрнымъ выраженіемъ реальныхъ потребностей и интересовъ націи; въ первомъ случаѣ она можетъ быть названа политикою національнаго чувства; во второмъ — политикою интересовъ или реальною. Политика, не имѣющая почвы ни въ народномъ чувствѣ, ни въ интересахъ страны, называется авантюристскою или династическою, смотря по обстоятельствамъ; таковы были, напримѣръ, предпріятія Наполеона III — крымская война и мексиканская экспедиція. Общественное настроеніе, выражаемое въ печати и въ представительныхъ собраніяхъ, можетъ возбуждаться искусственно въ ту или другую сторону, по желанію правительства, такъ какъ въ рукахъ послѣдняго находятся всѣ нити международныхъ сношеній, и странѣ сообщаются только тѣ свѣденія, которыя желательно разглашать министрамъ; поэтому ссылки на народное чувство и настроеніе служатъ нерѣдко лишь для прикрытія и оправданія произвольныхъ честолюбивыхъ плановъ, личныхъ взглядовъ и увлеченій. Гдѣ мало способовъ для проявленія народныхъ желаній, тамъ національное чувство поддѣлывается вполнѣ безпрепятственно; всякій можетъ приписывать народу или обществу какія угодно мнѣнія и симпатіи, и кто кричитъ громче и рѣзче другихъ, при вынужденной сдержанности противниковъ, тотъ и принимается за глашатая истиннаго національнаго патріотизма. Мнимый національнизмъ, не провѣряемый ничѣмъ, становится орудіемъ узкихъ своекорыстныхъ цѣлей и мелкой партійной борьбы; онъ дѣлается достояніемъ небольшой группы лицъ, отличаю-

щихся беззастѣнчивою смѣлостью и неразборчивостью въ средствахъ. Добросовѣстные націоналисты сознаютъ всю лживость указаній на предполагаемыя народныя чувства, обязательно скрытыя въ глубинѣ народнаго молчанія; вмѣсто желаній и настроеній, болѣе или менѣе фиктивныхъ и неуловимыхъ, выдвигаются на сцену положительные интересы государства и народа, подлежащіе точному опредѣленію и обсужденію. Разумная національная политика—единственно лишь та, которая имѣетъ въ виду удовлетвореніе политическихъ потребностей и интересовъ населенія при помощи наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствія, не поддаваясь мимолетнымъ чувствамъ, симпатіямъ и антипатіямъ. О національной политикѣ въ этомъ широкомъ смыслѣ не могло быть и рѣчи у насъ, пока значительная часть народа находилась въ крѣпостномъ состояніи; тогда принимались въ разсчетъ только выгоды государства, какъ чего-то отдѣльнаго отъ народа, и интересы отдѣльныхъ классовъ, преимущественно землевладѣльческаго и торговаго.

Съ этой точки зрѣнія легко убѣдиться, что международная политика Россіи, съ конца прошлаго вѣка до крымской войны, только слабо и рѣдко отражала въ себѣ дѣйствительныя нужды страны; большею частью она была продуктомъ отвлеченныхъ соображеній, случайныхъ впечатлѣній и мотивовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ государственными или народными потребностями. Мало того: политика прежняго времени была по существу своему антинаціональна, отдавая народныя силы и средства въ распоряженіе чуждыхъ и даже враждебныхъ намъ интересовъ, вслѣдствіе дружбы къ тому или другому монарху или подъ вліяніемъ сочувствія къ извѣстнымъ идеямъ и принципамъ. Этотъ характеръ нашей политики выступаетъ наглядно, за весьма немногими исключеніями, во всѣхъ европейскихъ событіяхъ, въ которыхъ участвовала Россія при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I. Никто не скажетъ теперь, что русскій народъ имѣлъ хотя бы малѣйшую надобность жертвовать своею кровью и достояніемъ въ пользу Пруссіи и Австріи, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Могущественное русское вліяніе употреблялось на то, чтобы содѣйствовать туркамъ въ

кровавомъ подавленіи православной Греціи, боровшейся за свою независимость отъ мусульманскаго ига; въ Россіи запрещено было даже собирать деньги „на выкупъ христіанъ изъ турецкаго плѣна“. Когда въ 1821 году въ Италіи вспыхнуло возстаніе противъ невыносимаго гнета туземныхъ правительствъ, возникъ вопросъ о мѣрахъ для охраны итальянскихъ интересовъ Австріи. Пруссія выражала только нравственную солидарность съ Австріею, хотя была тѣсно связана съ нею союзными договорами и отношеніями; военное вмѣшательство она отклоняла, такъ какъ не желала „налагать на своихъ подданныхъ военныя тягости“, пока того не требуютъ собственные интересы страны. Иначе поступила тогдашняя Россія, не имѣвшая повидимому никакихъ собственныхъ интересовъ и готовая „налагать на своихъ подданныхъ военныя тягости“ безъ всякаго уважительнаго повода, по первому заявленію чужой державы. Императоръ Александръ сказалъ императору Францу: „Мои войска въ распоряженіи вашего величества, если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя“. Австрійскій императоръ принялъ это предложеніе съ благодарностью, и стотысячная русская армія получила приказаніе выступить въ походъ для водворенія австрійскаго авторитета и порядка въ Италіи, — какъ будто наши солдаты составляли даровую, ничего не стоющую силу, которую можно было тратить по произволу, безъ цѣли и разсчета. То же самое повторилось относительно Испаніи, когда тамъ произошли народныя волненія, вызванныя самовластнымъ режимомъ короля Фердинанда: Пруссія сочувствовала вмѣшательству европейскихъ кабинетовъ, но отказывалась отъ дѣятельнаго участія въ предположенныхъ мѣрахъ, ссылаясь на интересы своего народа, — а Россія энергичнѣе всѣхъ настаивала на военной экзекуціи; даже Меттерниховская Австрія не обнаруживала наклонности жертвовать чѣмъ-либо для насильственнаго возстановленія нарушенныхъ правъ (т.-е. злоупотребленій) Бурбонской фамиліи въ Испаніи. „Одинъ русскій императоръ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,— объявилъ, что онъ подастъ Франціи (противъ испанцевъ) и нравственную, и матеріальную помощь, въ какой она будетъ

нуждаться, безъ всякихъ ограниченій и условій“ [1]). Россія, конечно, не имѣла ни малѣйшаго интереса въ испанскихъ дѣлахъ, какъ и въ итальянскихъ; она вмѣшивалась въ посторонніе предпріятія просто потому, что тогдашняя русская дипломатія не сознавала за собою никакихъ обязанностей по отношенію къ своему собственному народу.

Призракъ политическаго равновѣсія безпокоилъ дипломатовъ несравненно больше, чѣмъ это нужно было народамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣ кровавыя усилія, которыя употреблялись Россіею для охраны цѣлости и могущества Австріи, были бы вполнѣ достаточны для окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса, потребовавшаго отъ насъ позднѣе столько тяжелыхъ и отчасти напрасныхъ жертвъ.

Передъ битвою при Аустерлицѣ императоръ Александръ послалъ князя Долгорукаго для переговоровъ съ Наполеономъ. Трудно было бы придумать болѣе характерный и поучительный обмѣнъ мыслей, чѣмъ эта краткая бесѣда наканунѣ великаго сраженія, стоившаго жизни двадцати тысячамъ русскихъ. С. М. Соловьевъ передаетъ этотъ разговоръ въ слѣдующемъ видѣ: „Зачѣмъ мы ведемъ войну? Какія существуютъ могущественныя причины, заставляющія Францію и Россію драться другъ съ другомъ? Я этого не понимаю“. Вотъ слова, которыми Наполеонъ встрѣтилъ Долгорукаго. — „Цѣлый свѣтъ знаетъ эти причины, ихъ повторять не нужно“, — отвѣчалъ Долгорукій. *Наполеонъ*: „Нѣтъ ничего легче, какъ возстановить согласіе между мною и императоромъ Александромъ; — хочетъ онъ Валахію? — стоитъ ему только объ этомъ вымолвить слово, и дѣло будетъ улажено“. *Долгорукій*: „У императора Александра достаточно земель, и онъ намѣренъ охранять цѣлость Порты; у него другія цѣли — возстановленіе равновѣсія въ Европѣ, независимость Голландіи и Швейцаріи“. *Наполеонъ*: „Развѣ эти страны не независимы? У меня нѣтъ ни одного солдата въ Швейцаріи; впрочемъ, все это можно уладить“. *Долгорукій*: „Возстановленіе короля сардинскаго“... *Наполеонъ*: „Король

[1]) *С. М. Соловьевъ*, Императоръ Александръ I, Спб., 1877, стр. 465 и 538; *H. v. Treitschke*, Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert, III Th., Lpz., 1887, стр. 181 и 274.

сардинскій — мой личный врагъ; я не могу терпѣть его въ Италіи; впрочемъ, можно согласиться вознаградить его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ". Дальнѣйшій разговоръ былъ законченъ словами Наполеона: „Итакъ, мы будемъ драться" [1]). Очевидно, обѣ стороны говорили здѣсь на разныхъ языкахъ, и соглашеніе было невозможно прежде всего потому, что русская политика руководилась отвлеченными, сантиментальными побужденіями, которыя были непонятны съ точки зрѣнія положительныхъ интересовъ. Двадцать тысячъ русскихъ легло подъ Аустерлицемъ во имя „равновѣсія въ Европѣ" и правъ короля сардинскаго; за это „самоотверженное великодушіе" получилась впослѣдствіи отплата, напомнившая намъ слишкомъ поздно о печальной прозѣ забытыхъ государственныхъ задачъ. Слава русскаго оружія прогремѣла по всей Европѣ безъ соотвѣтственныхъ выгодъ для Россіи; она возбудила лишь непріязненныя чувства и опасенія, приведшія къ крымской кампаніи и не затихшія понынѣ. Это былъ періодъ международныхъ фантазій, когда считалось даже постыднымъ примѣшивать реальные интересы страны къ дѣламъ и вопросамъ внѣшней политики.

Эти политическія традиціи неуклонно сохраняли свою силу и въ царствованіе императора Николая I; къ такому выводу приходитъ даже восторженный панегиристъ этого царствованія, авторъ обширнаго изслѣдованія о Николаевской внѣшней политикѣ, С. С. Татищевъ. „Вы можете смѣло увѣрить императора Франца,—говорилъ императоръ Николай австрійскому посланнику въ Петербургѣ, по вступленіи своемъ на престолъ,—что какъ только онъ испытаетъ нужду въ моей помощи, силы мои будутъ постоянно въ его распоряженіи, какъ то было при покойномъ братѣ". За Австріею и Пруссіею признаны были всѣ права нашихъ союзниковъ, и Россія взяла „исключительно на себя исполненіе истекавшихъ изъ союза обязанностей". По мнѣнію г. Татищева, „такое неравномѣрное распредѣленіе между тремя державами союзническихъ долей было послѣдствіемъ личнаго взгляда императора Николая на отношенія Россіи къ сосѣднимъ государствамъ, — взгляда, въ которомъ проявлялось

[1]) Соловьевъ, тамъ же, стр. 93.

столько же великодушія, сколько и гордости, почерпнутой имъ въ сознаніи своего могущества и достоинства“ [1]). Великодушіе относительно императора Франца и короля Фридриха-Вильгельма III не было, разумѣется, великодушіемъ относительно русскаго населенія, которому приходилось выносить на себѣ бремя военныхъ и финансовыхъ тягостей, проистекавшихъ изъ щедрыхъ обѣщаній и ненужныхъ международныхъ обязательствъ Россіи. Спеціальною заботливостью русскаго правительства пользовалась почему-то Австрія. Во время конституціоннаго движенія въ Италіи въ 1847 г., австрійскій канцлеръ „все упованіе свое возложилъ на Россію. Онъ былъ увѣренъ, что русскій государь не останется глухъ къ призыву на помощь, во имя союзническихъ обязательствъ, продолжавшихъ связывать три сѣверные двора. И дѣйствительно, снисходя на его просьбу, императоръ Николай приказалъ отпустить заимообразно австрійскому правительству шесть милліоновъ рублей изъ нашего государственнаго казначейства“; онъ обѣщалъ также въ случаѣ надобности „направить всѣ находящіяся въ его распоряженіи силы“ на защиту австрійскаго владычества въ Ломбардіи, противъ Сардиніи и Франціи По поводу милліоновъ, снисходительно отданныхъ австрійцамъ, нельзя было даже сказать того, что выражено было позднѣе о французахъ,—что русскій народъ достаточно богатъ, чтобы платить за свою славу. Посылая русскую армію для „усмиренія“ Венгріи и возвращенія ея подъ власть Австріи, императоръ Николай „не только не предъявилъ при этомъ молодому своему союзнику (Францу-Іосифу) никакихъ требованій, не только не упомянулъ о какомъ бы то ни было вознагражденіи, но не захотѣлъ даже, чтобы Австрія приняла на себя расходы по продовольствію и содержанію нашихъ войскъ“. И это растрачиваніе народныхъ силъ и средствъ, вытекавшее изъ полнаго пренебреженія тогдашнихъ правителей къ нуждамъ и бѣдствіямъ собственной страны, выдается г. Татищевымъ за доказательство возвышенныхъ свойствъ внѣшней политики. Россія принимала сторону Австріи въ спо-

[1]) *С. С. Татищевъ*, Внѣшняя политика императора Николая I. Спб., 1886, стр. 14, 34—5.

рахъ ея съ Пруссіею изъ-за германскихъ дѣлъ, грозила берлинскому кабинету вступленіемъ русскихъ войскъ въ прусскія прибалтійскія области, готовилась занять Силезію одновременно съ нападеніемъ французовъ на прирейнскія провинціи, обѣщала вѣнскому двору не только нравственную поддержку, но и матеріальное содѣйствіе въ вопросѣ шлезвигъ-голштинскомъ, и заставила наконецъ прусское правительство отречься отъ національно-патріотическихъ попытокъ, чѣмъ возбудила противъ себя понятное негодованіе нѣмецкаго общественнаго мнѣнія. Что все это не имѣло даже отдаленной связи съ реальными интересами русскаго государства — объ этомъ было бы странно спорить въ настоящее время. Превозносить, подобно г. Татищеву, эту своеобразную политическую систему, сѣявшую повсюду вражду и недовѣріе, разорительную и вредную для Россіи,—значитъ понимать государственныя задачи наизворотъ. Названный авторъ восхищается русскимъ могуществомъ и величіемъ той эпохи; но весь вопросъ именно въ томъ, на что̀ тратилось это могущество,— на пользу ли народа или во вредъ ему, для выгодъ ли Россіи или для чего-нибудь другого. „Не разъ, со своего воцаренія,—восторгается г. Татищевъ,— ставилъ онъ (императоръ Николай) всѣ свои силы въ распоряженіе Австріи и Пруссіи, а въ 1849 г. доказалъ, что предложенія его не были пустою фразою, разсчитанною на эффектъ. И не однихъ, такъ сказать, ближайшихъ союзниковъ своихъ готовъ онъ былъ защищать русскою кровью. Совокупность поземельнаго status-quo Европы, установленнаго договорами, имѣла, по его убѣжденію, право на его покровительство. Онъ одинаково былъ расположенъ послать русскія войска на помощь Голландіи, противъ возставшей Бельгіи въ 1830 г., и этой же самой Бельгіи, узаконенной обще-европейскимъ признаніемъ, противъ завоевательныхъ замысловъ Франціи въ 1852 г.“. На вопросъ англійскаго правительства, „какъ далеко будетъ простираться наше участіе къ Бельгіи, императоръ Николай приказалъ отвѣтить, что... онъ по первому сигналу, возвѣщающему войну, готовъ двинуть на защиту этого государства 60.000 человѣкъ, а въ случаѣ надобности приведетъ въ движеніе и всѣ свои силы“.

Предпріимчивая и расточительная въ дѣлахъ, которыя въ сущности совсѣмъ не касались Россіи, наша политика того времени оказалась вполнѣ несостоятельною въ единственномъ международномъ вопросѣ, затрогивавшемъ національные русскіе интересы,—въ вопросѣ восточномъ. Кровавыя жертвы приносились безъ ясно поставленной цѣли, и успѣхи русскаго оружія оставались безплодными или приводили къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Для Греціи много сдѣлала Англія, послѣ „добровольнаго отреченія нашего отъ результатовъ, добытыхъ русскими побѣдами по ту сторону Балканъ", какъ говоритъ г. Татищевъ. Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, „та самая Греція, которая должна была дополнить собою систему политическаго преобладанія нашего на Востокѣ, оказалась державой не только намъ не дружественною, но и прямо враждебною. Первый опытъ учрежденія независимаго христіанскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ обратился въ явный намъ ущербъ". Различныя балканскія народности поочередно испытали на себѣ практическое значеніе нашей неопредѣленной, неустойчивой и забывчивой политики. „Черногорцы явились нашими союзниками во время Наполеоновскихъ войнъ, въ 1805 году осаждали вмѣстѣ съ нами Дубровникъ, а въ 1815 г. прогнали французовъ изъ Боки Которской, которую потомъ, покоряясь волѣ императора Александра I, они, скрѣпя сердце, передали австрійцамъ"; но „русская дипломатія мало принимала Черногорію въ разсчетъ при своихъ политическихъ соображеніяхъ" (Татищевъ, стр. 309, 310). Неудачны были также наши отношенія къ Сербіи, въ виду „постоянной заботы о томъ, какъ бы не задѣть и не встревожить вѣнскій дворъ". Дунайскія княжества, которыя сама Порта предлагала присоединить къ русскимъ владѣніямъ, были оставлены нами изъ снисхожденія къ Австріи, „покорной и притворявшейся намъ искренно дружественною". Такимъ образомъ, по словамъ г. Татищева, „существенный русскій интересъ, самимъ императоромъ Николаемъ признанный за таковой, былъ принесенъ въ жертву" чисто-личному чувству, которое авторъ связываетъ съ „соображеніями общей политики". По свидѣтельству барона Бруннова, приведенному г. Татище-

вымъ, полное освобожденіе дунайскихъ княжествъ отъ турецкой власти „отнюдь не согласовалось бы съ намѣреніями императора. Напротивъ, его величество пользуется всякимъ случаемъ, чтобы подавить тайную надежду молдаванъ и валаховъ на достиженіе совершенной независимости". Неудивительно поэтому, что „русское вліяніе не усилилось ни въ дунайскихъ княжествахъ, ни въ Сербіи, и если оно не упало тамъ окончательно, какъ въ Греціи, то благодаря исключительно той внѣшней зависимости, въ которую области эти были поставлены трактатами относительно русскаго двора". „Не было сдѣлано,—продолжаетъ цитируемый нами хвалитель тогдашнихъ идей,—ни малѣйшей попытки связать ихъ интересы нравственные и матеріальные съ нашими, развить и упрочить тѣ задатки общенія, которые заключались въ единствѣ вѣры, отчасти въ племенномъ родствѣ, наконецъ въ историческихъ преданіяхъ". Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ побѣдоносной войны съ Турціею, Россія предлагала уже свои войска въ распоряженіе султана, подобно тому, какъ она ранѣе отдавала свою армію всѣмъ монархамъ Европы. Для защиты оттоманской имперіи отъ египетскаго вице-короля, Портѣ обѣщано было предоставить „необходимое число сухопутныхъ и морскихъ силъ и содержать ихъ на свой (русскій) счетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ заключена была съ Австріею конвенція о поддержаніи цѣлости и неприкосновенности Турціи; мотивы этого австро-русскаго соглашенія 1833 года, даже по отзыву г. Татищева, „не выдерживаютъ и самой снисходительной критики". Еще въ сороковыхъ годахъ русское правительство высказывало рѣшимость „не поощрять стремленій христіанскаго населенія Турціи освободиться изъ подъ ея власти"; мы вызывались „честно поддержать Порту въ усиліяхъ ея къ усмиренію своихъ мятежныхъ подданныхъ". Мало-по-малу, безъ всякой къ тому надобности, мы отрекались отъ положенія, пріобрѣтеннаго на востокѣ рядомъ тяжелыхъ войнъ; мы отталкивали отъ себя естественныхъ нашихъ кліентовъ на Балканскомъ полуостровѣ, вовлекались въ самыя непопулярныя и ненавистныя народамъ комбинаціи, примѣшивали перемѣнчивыя личныя чувства къ политикѣ и затѣмъ, по обыкновенію, жаловались на судьбу.

Къ концу царствованія императора Николая I сказались уже плоды долгой политической путаницы, основанной на безпочвенномъ блужданіи среди чуждыхъ намъ принциповъ и интересовъ. Г. Татищевъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ общіе итоги восхваляемой имъ системы: „По собственному признанію нашихъ дипломатовъ, выражаясь вычурнымъ ихъ языкомъ, въ Лондонѣ была „дѣйствующая пружина“ русской политики, въ Вѣнѣ — ея „нравственный рычагъ“. Признавъ наши интересы одинаковыми съ австрійскими на востокѣ, намъ ничего уже не стоило провозгласить ихъ тождественность и съ англійскими. Чтобы поддержать эту фикцію, мы тщательно устраняемъ все, что ей противорѣчитъ. Объ единовѣріи съ восточными христіанами, о племенномъ съ ними родствѣ, объ общихъ историческихъ преданіяхъ, о русской крови, пролитой за ихъ освобожденіе,— обо всемъ этомъ нѣтъ больше и помина. Хуже того: стремленія ихъ къ возрожденію мы приравниваемъ къ проявленіямъ всемірной революціи, обвиняемъ ихъ въ связяхъ съ польской эмиграціей, вызываемся подавить ихъ возстаніе во имя верховныхъ правъ султана. Между тѣмъ въ Константинополѣ мы пассуемъ предъ Англіей и ея представителемъ, сами признаемъ за нею право руководить „европейскимъ концертомъ“ въ восточныхъ дѣлахъ. И все напрасно. Лондонскій кабинетъ продолжаетъ не довѣрять намъ, ибо лучше насъ знаетъ и понимаетъ нашу исторію. Скоро одиночество наше становится полнымъ. Франція съ нами въ разрывѣ. Излюбленныя наши союзницы, Австрія и Пруссія, обнаруживаютъ тяготѣніе, первая—къ Парижу, вторая—къ Лондону. Таковы были плоды нашихъ стараній возстановить европейскій концертъ“. Напрасно г. Татищевъ пытается взвалить отвѣтственность за эти неудачи на отдѣльныхъ совѣтниковъ императора и особенно на „дипломатическаго Молчалина, сорокъ лѣтъ управлявшаго внѣшними сношеніями Россіи“ [1]); по меньшей мѣрѣ наивно утверждать, что графъ Нессельроде или кто-либо другой могъ проводить политику, несогласную съ воззрѣніями и волей императора Николая I. Виновата была именно система, которая

[1]) Татищевъ, стр. 192, прим., стр. 635 и др.

въ концѣ концовъ привела къ безцѣльной войнѣ съ европейскою коалиціею и къ севастопольскому погрому.

XXXVII.

Прежняя русская политика, по матеріаламъ проф. Мартенса. — Заботы о внутреннихъ дѣлахъ Пруссіи, о стѣсненіи ея печати и политической жизни. — Придавленность прусскаго правительства относительно Россіи. — Понятныя чувства нѣмецкаго общества.

Новые и чрезвычайно любопытные матеріалы для характеристики международныхъ отношеній Россіи въ прежнее время приведены профессоромъ Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ въ восьмомъ томѣ редактируемаго имъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“. Обширныя историческія введенія къ напечатаннымъ актамъ составлены на основаніи документовъ, хранящихся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; въ числѣ этихъ дипломатическихъ документовъ видное мѣсто занимаютъ письма и записки императора Николая по текущимъ политическимъ вопросамъ, особенно переписка съ прусскими королями Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и IV. Собранный авторомъ матеріалъ доказываетъ неопровержимо, что „императоръ Николай I былъ единственнымъ руководителемъ русской политики и никакому постороннему вліянію не подчинялся“; что вообще онъ „былъ свой собственный министръ иностранныхъ дѣлъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принималъ серьезныя рѣшенія вопреки возраженіямъ своего ближайшаго совѣтника, графа Нессельроде (напр., въ бельгійскомъ вопросѣ). Историческіе очерки проф. Мартенса развертываютъ передъ нами картину тѣсныхъ сношеній нашихъ съ Пруссіею до парижскаго конгресса 1856 г. Двѣ главныя черты этой политической дружбы выясняются теперь съ полною очевидностью: во-первыхъ, подчиненность и услужливость Пруссіи, охотно оказывавшей намъ услуги, которыя не разъ торжественно признавались русскимъ правительствомъ,— тогда какъ съ нашей стороны отдавалось предпочтеніе австрійскимъ интересамъ передъ прусскими; во-вторыхъ, постоянное

давленіе, производимое тогдашнею Россіею на внутреннюю жизнь Пруссіи и Германіи въ духѣ реакціи и политическаго застоя.

Русская дипломатія добивалась стѣсненія нѣмецкой печати даже по поводу такого вопроса, какъ испанскій. Въ 1825 году, еще при жизни императора Александра, графъ Нессельроде писалъ посланнику при берлинскомъ дворѣ, графу Алопеусу, что „направленіе газетъ, печатающихся на глазахъ прусскаго правительства и въ самой столицѣ, значительно разнится отъ политики берлинскаго кабинета". „Могутъ сказать,— прибавлялъ вице-канцлеръ,—что правительство короля раздѣляетъ въ существѣ эти идеи (направленныя противъ образа дѣйствій союзныхъ державъ), такъ какъ цензура, учрежденная имъ, дозволяетъ частую и широкую ихъ публикацію. Очевидно, что пагубный духъ господствуетъ въ теперешнемъ редактированіи прусскихъ газетъ". Посланнику поручено было обратить серьезное вниманіе прусскаго правительства на такое зловредное направленіе періодической печати въ Пруссіи, объясняемое исключительно недостаточностью существующаго за нею надзора. Графъ Алопеусъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе; онъ указалъ на газеты, которыя позволяли себѣ „дерзко критиковать политику правительствъ и въ частности русскаго", и предлагалъ министрамъ „воспретить прусскимъ газетамъ перепечатывать статьи изъ иностранныхъ изданій". Прусскій министръ, графъ Бернсторфъ, благодарилъ за это сообщеніе и отвѣтилъ, что „послѣ назначенія новаго цензора берлинскія газеты исправились, но на будущее время онъ обѣщаетъ наблюдать за ними еще строже". Самъ король велѣлъ спросить посланника, какія газетныя статьи вызвали неудовольствіе государя [1]). Преемникъ Алопеуса въ Берлинѣ, Рибопьеръ, старался, согласно своимъ инструкціямъ, „противодѣйствовать всякимъ вообще либеральнымъ стремленіямъ, въ какой бы формѣ они ни проявлялись". Онъ жаловался на то, что прусскія либеральныя газеты не перестаютъ оплакивать

[1]) Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. VIII (трактаты съ Германіею за 1825—1888 г.), Спб., 1888, стр. 21—2. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не придерживаемся буквально русскаго текста проф. Мартенса, а слѣдуемъ больше французскому тексту, приводимому параллельно съ первымъ.

судьбу усмиренной Польши (послѣ 1831 г.). „Не изъ сочувствія къ польскимъ повстанцамъ и не изъ ненависти къ Россіи,—пишетъ посланникъ,—прусскіе либералы защищаютъ этихъ бунтовщиковъ, но корифеи революціонной партіи проникнуты желаніемъ очернить вообще всякую мѣру, принятую державою, которую они справедливо признаютъ представительницею и самою крѣпкою опорою законности".

Прусское правительство дѣлало видъ, что сочувствуетъ этому походу противъ либерализма. Министръ Ансильонъ выразилъ нашему посланнику желаніе, чтобы союзныя державы приняли самыя рѣшительныя мѣры противъ „такъ-называемой либеральной партіи, которая должна быть увѣрена, что дворы петербургскій, берлинскій и вѣнскій не сдѣлаютъ ни малѣйшей уступки или поблажки революціонному духу, гдѣ бы ни обнаруживалъ онъ свое пагубное вліяніе". Но императоръ Николай I вовсе „не намѣренъ былъ ограничить борьбу противъ либераловъ и революціонеровъ только платоническимъ воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе Германіи и Европы. Онъ желалъ, послѣ усмиренія Польши, принять общія и положительныя мѣры прежде всего противъ поляковъ, а затѣмъ противъ либераловъ и революціонеровъ вообще". Въ этомъ смыслѣ состоялось между тремя державами соглашеніе 1833 года, которымъ признаны „истинныя начала права вмѣшательства", заключающіяся только въ правѣ и обязанности государей оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе въ политическихъ кризисахъ. Между прочимъ, предполагалось торжественно потребовать отъ французскаго правительства „прекращенія революціонной пропаганды, которая не перестаетъ устраивать новые заговоры противъ установленнаго порядка, сохраненія престоловъ и спокойствія народовъ". Послѣ 1833 года, „внутреннія дѣла Германіи обращали на себя особенное вниманіе русскаго правительства, которое неоднократно заявляло въ Берлинѣ, что оно во всякое время готово, по первому же требованію прусскаго правительства, придти ему на помощь для борьбы противъ мятежниковъ. Но прусское правительство этой помощи не потребовало. Оно признавало только полезнымъ постоянно доводить до свѣденія петербургскаго кабинета о серьезныхъ безпоряд-

кахъ и о мѣрахъ для ихъ подавленія въ Пруссіи. Такъ, весною 1834 г. Рибопьеръ препроводилъ въ Петербургъ весьма объемистое слѣдственное дѣло относительно революціоннаго движенія въ Пруссіи и вообще въ Германіи. Въ бумагахъ, переданныхъ посланнику самимъ министромъ Витгенштейномъ, заключались допросы нѣмецкихъ студентовъ, которые въ качествѣ членовъ студенческихъ корпорацій стремились къ „самой преступной цѣли", а именно, „къ объединенію Германіи". Въ обвинительномъ актѣ было изложено, что нѣмецкія студенческія общества, въ лицѣ арестованныхъ коноводовъ, преданы суду за то, что они „ставили себѣ открытою цѣлью создать свободную и національную жизнь всего германскаго отечества и соединить весь нѣмецкій народъ въ одно цѣлое". Ознакомившись съ этимъ слѣдственнымъ дѣломъ, русскій посланникъ также пришелъ къ убѣжденію, что упомянутыя корпораціи дѣйствительно преслѣдовали весьма преступную цѣль. „Такимъ образомъ, — замѣчаетъ проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, — въ 1834 г. считались преступными стремленія германскаго народа къ единству, а въ 1871 году это единство обратилось въ прославленный совершившійся фактъ. Тогда противъ „свободной и національной жизни нѣмецкаго отечества" составлялись обвинительные акты; теперь творцамъ этого единства ставятся при жизни памятники объединенною Германіею". Пруссія чувствовала себя какъ бы въ вассальной зависимости отъ Россіи; „русскій представитель въ Берлинѣ занималъ совершенно особенное положеніе: онъ былъ довѣреннымъ лицомъ короля и его министровъ; передъ нимъ оправдывались часто въ принятыхъ правительствомъ мѣрахъ и еще чаще обращались къ нему за совѣтомъ и содѣйствіемъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ".

Наблюдая за внутреннимъ состояніемъ и спокойствіемъ въ Пруссіи, посланникъ императора Николая не могъ однако не замѣтить, что административные порядки этой страны гораздо выше нашихъ отечественныхъ, несмотря на старость и бездѣйствіе короля и на неспособность нѣкоторыхъ его министровъ: „администрація дѣйствуетъ съ точностью и твердостью, которыя предупреждаютъ злоупотребленія; машина, хорошо

придуманная и хорошо управляемая, идетъ сама собою; правосудіе отправляется скоро и безпристрастно; экономія и порядокъ господствуютъ въ финансахъ, земледѣліи, промышленности и торговлѣ". Прямо противоположныя качества представляла наша администрація того времени; и довольно странно было видѣть, что правительство дореформенной крѣпостной Россіи заботилось главнымъ образомъ о внутреннемъ благоустройствѣ чужихъ и даже отдаленныхъ европейскихъ государствъ, поставленныхъ въ несравненно болѣе благопріятныя условія культурнаго развитія. Много заботъ и огорченій причиняло русскому правительству конституціонное движеніе въ Пруссіи, которое въ сущности нисколько не касалось Россіи. Наши дипломаты не скрывали отъ себя, что оффиціальныя сферы Берлина тяготятся русскою опекою, что „прусскіе общественные дѣятели болѣе всего боятся показать видъ, что они находятся подъ вліяніемъ Россіи и слѣдуютъ внушеніямъ изъ Петербурга"; что „господствующее мнѣніе среднихъ классовъ" относится къ намъ враждебно. По словамъ барона Мейендорфа, назначеннаго посланникомъ на мѣсто Рибопьера, въ Берлинѣ „не желаютъ быть ни австрійцами, ни русскими, но пруссаками"; тамъ думаютъ, что Пруссія „должна быть управляема какъ молодое и сильное государство, а не какъ разлагающаяся монархія", и что она „должна имѣть свою собственную систему для своей внѣшней политики, какъ и для своего внутренняго управленія". „Но,—прибавляетъ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ,—политика прусскаго двора не скоро еще сдѣлалась настолько прусскою, чтобы стать совершенно независимою: вліяніе на нее императора Николая было еще много лѣтъ подавляющее". Баронъ Мейендорфъ держался того взгляда, что „невозможно ввести въ Пруссіи конституцію, не ввергая ее въ неурядицу и анархію"; это было въ 1839 году, а годъ спустя произошла перемѣна царствованія, и вопросъ о конституціи сильнѣе чѣмъ когда-либо волновалъ нѣмецкое общественное мнѣніе. Въ началѣ казалось, что новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, питаетъ большія симпатіи къ либеральнымъ идеямъ, и монархическая партія опасалась уже за сохраненіе стараго порядка. Однако общее положеніе дѣлъ

въ Пруссіи представлялось русскому посланнику „довольно удовлетворительнымъ“; оно „могло бы оказаться опаснымъ, еслибы король сдѣлалъ какія-нибудь уступки либеральной партіи“, и „лучшимъ средствомъ для избѣжанія этой опасности была бы національная и славная война“. Опасность наступила скорѣе, чѣмъ ожидалъ представитель Россіи; конституціонный духъ постепенно овладѣвалъ Пруссіею, и торжество его задерживалось только упорнымъ и тяжелымъ противодѣйствіемъ русскаго правительства. Позднѣе конституція была введена въ Пруссіи, и Пруссія не только не погибла, а напротивъ окрѣпла, поднялась на степень естественной руководительницы разрозненныхъ нѣмецкихъ народностей и выросла въ могущественнѣйшее государство материка. Эти великіе результаты были достигнуты именно благодаря серьезному и разсчетливому политическому устройству, обезпеченному необходимымъ публичнымъ контролемъ и участіемъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV на первыхъ порахъ соглашался лишь на созваніе провинціальныхъ сеймовъ, считая нужнымъ дать населенію возможность высказываться о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ и потребностяхъ; онъ признавалъ также настоятельность созыва государственныхъ чиновъ для обсужденія проекта новаго займа, но онъ не хотѣлъ давать конституцію въ настоящемъ смыслѣ этого слова. „Внутреннія и секретныя причины, вліяющія на рѣшенія короля, какъ и на принца Вильгельма, и заставляющія ихъ отказывать въ малѣйшей уступкѣ либерализму, — писалъ баронъ Мейендорфъ въ 1842 году,—коренятся въ секретномъ политическомъ завѣщаніи Фридриха-Вильгельма III, которое написано было по мысли императора Николая и рукою князя Витгенштейна“. Въ одномъ изъ пунктовъ этого „завѣщанія“, которое въ дѣйствительности было только „наброскомъ проекта семейнаго закона“, король выразилъ „твердое намѣреніе сохранить во всей ихъ неприкосновенности права верховной власти, унаслѣдованныя имъ отъ предковъ, и передать ихъ нетронутыми своимъ преемникамъ“. Только въ случаѣ необходимости заключить заемъ—требуется созваніе сословныхъ представителей. Король считалъ этотъ актъ обязательнымъ для себя и рѣшился не идти далѣе образованія

„постоянныхъ комитетовъ провинціальныхъ чиновъ", для обсужденія финансовыхъ законовъ. Русская дипломатія принимала дѣятельное участіе во всѣхъ предположеніяхъ берлинскаго кабинета; она подавала свой голосъ даже въ вопросахъ о назначеніи того или другого лица на должность прусскаго министра. Берлинскому кабинету сообщалось, напримѣръ, что русскій „государь вообще одобряетъ взгляды новаго прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ", но при этомъ давалось нѣсколько дополнительныхъ указаній и совѣтовъ „нашимъ добрымъ пруссакамъ".

Требованія крутыхъ мѣръ противъ неудобныхъ нѣмецкихъ газетъ часто повторялись въ сообщеніяхъ графа Нессельроде. Въ 1842 году, по поводу статьи, напечатанной въ „Кенигсбергской газетѣ" и „весьма оскорбительной для Россіи", русскій вице-канцлеръ высказываетъ свое удивленіе, что „такія статьи могутъ появляться въ Пруссіи, на глазахъ правительства, связаннаго столькими тѣсными узами съ нашимъ, и съ разрѣшенія цензуры, которая можетъ позволять доброжелательную и умѣренную критику правительственныхъ дѣйствій, но не должна была бы допускать нападокъ на иностранное правительство". „Еслибы у насъ,—продолжаетъ вице-канцлеръ,—какой-нибудь цензоръ былъ настолько неосторожевъ, что пропустилъ бы хоть одну ругательную статью противъ Пруссіи или ея правительства, то навѣрное не избѣгъ бы всей строгости законовъ". Пруссаки не стремились однако достигнуть такого совершенства цензуры и довести свою печать до уровня нашей печати, которая тогда едва существовала и была обречена на жалкое прозябаніе и безсиліе. Пруссія не воспользовалась авторитетнымъ примѣромъ, на который сослался русскій министръ; но она должна была принять въ соображеніе настойчивыя русскія жалобы. Барону Мейендорфу поручалось „обратить конфиденціальнымъ образомъ серьезнѣйшее вниманіе прусскаго министерства на безотлагательную необходимость положить предѣлъ излишествамъ періодической прессы". Вслѣдствіе энергическихъ протестовъ русскаго посланника, берлинскій кабинетъ обязался „издать распоряженіе, запрещающее газетамъ обсуждать отношенія между обоими правительствами, въ особенности по воп-

росамъ, касающимся интересовъ торговли". Русскіе министры снисходительно указывали на „коренные недуги" прусскаго правительства, которое будто бы страдало полнымъ отсутствіемъ опредѣленной системы и твердыхъ принциповъ; впрочемъ, баронъ Мейендорфъ все-таки признавалъ за министерствомъ ту заслугу, что „оно пользуется довѣріемъ короля и не даетъ полной свободы пылкому воображенію его величества". Въ устахъ представителя Россіи это допущеніе возможности ограничивать „пылкое воображеніе" монарха не совсѣмъ понятно; каковы бы ни были личныя желанія короля, они должны были бы имѣть обязательную силу для его министровъ, съ точки зрѣнія оффиціальныхъ русскихъ охранителей. Заслуги прусскихъ министровъ признавались и императоромъ Николаемъ I, тѣмъ болѣе, что „конституціонныя и демократическія тенденціи" обнаруживались все сильнѣе и ставили правительство въ затруднительное положеніе. „Весьма желательно,—писалъ графъ Нессельроде въ ноябрѣ 1842 года,—чтобы прусскіе министры вполнѣ прониклись сознаніемъ необходимости составить однородное и сильное правительство. Это тѣмъ болѣе необходимо, что прусская періодическая печать позволяетъ себѣ слишкомъ много вольностей, и что нападки ея на русское правительство становятся просто нестерпимыми". Такъ какъ однороднаго министерства не было и въ Россіи, гдѣ отдѣльныя вѣдомства ничѣмъ не были связаны между собою, то эти русскія заботы объ установленіи однороднаго кабинета въ Пруссіи казались не вполнѣ логичными. Что касается нѣмецкой печати, то русскій посланникъ не уставалъ приносить на нее жалобы за малѣйшую неточность въ передачѣ извѣстій о Россіи. Прусское правительство постоянно заставляло газеты печатать опроверженія сообщенныхъ ими свѣденій о русскихъ дѣлахъ и неоднократно налагало на редакторовъ чувствительныя взысканія. Наконецъ, въ послѣдніе мѣсяцы 1842 года, „баронъ Мейендорфъ съ торжествомъ извѣстилъ свое правительство, что проектированы новыя весьма строгія правила о печати въ Пруссіи, и что въ скоромъ времени они уже будутъ введены въ дѣйствіе".

Нечего и говорить, что нѣмецкое общество не могло быть

намъ благодарно за эти хлопоты о стѣсненіи прусской журналистики и литературы. „Когда адъютантъ военнаго министра, Циммерманъ,—разсказываетъ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ,—издалъ сочиненіе объ англійской кампаніи въ Афганистанѣ, въ которомъ (т.-е. сочиненіи) не совсѣмъ дружелюбно отзывался о русской арміи, представитель Россіи немедленно обратился къ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ съ вопросомъ, не раздѣляетъ ли военный министръ, генералъ Бойенъ, мнѣнія своего адъютанта, книга котораго издана подъ его покровительствомъ. На другой же день явился къ посланнику самъ военный министръ съ извиненіемъ за тѣ мѣста въ сочиненіи его адъютанта, которыя вызвали неудовольствіе барона Мейендорфа. Генералъ Бойенъ добавилъ, что онъ далъ строгій выговоръ автору и даже намѣренъ отослать его обратно въ полкъ, но онъ надѣется, что императорское правительство не сомнѣвается въ привязанности его, министра, къ Россіи и въ чувствахъ удивленія его къ русской арміи. Посланникъ благодарилъ за чувства, выраженныя военнымъ министромъ, но не сдѣлалъ ничего для предупрежденія отставки Циммермана, который потерялъ свое мѣсто адъютанта". Предупредительность доходила тутъ уже до полнаго подчиненія чужой державѣ; русскій посланникъ смотрѣлъ на Пруссію какъ на вассальную страну и благосклонно принималъ заявленія покорности отъ прусскихъ министровъ. Иногда и прусское правительство дѣлало какія-нибудь робкія представленія по поводу суровыхъ мѣръ относительно торговли или по случаю жестокаго обращенія съ прусскими подданными со стороны пограничныхъ русскихъ властей; но эти представленія большею частью не имѣли успѣха или брались обратно послѣ дипломатическихъ отвѣтовъ Россіи. Такъ, напримѣръ, Пруссія интересовалась узнать, дѣйствительно ли русское правительство отправляетъ въ Сибирь прусскихъ подданныхъ, не имѣющихъ при себѣ паспортовъ; берлинскій кабинетъ отказывался вѣрить въ существованіе подобнаго распоряженія, но все-таки просилъ русскаго посланника разъяснить недоразумѣніе. Въ прусской нотѣ по этому предмету было заявлено, что Пруссія никогда не уклонялась отъ пріема прусскихъ подданныхъ, высланныхъ изъ иностранной территоріи,

все равно—снабжены ли они бумагами или нѣтъ, если только можно было констатировать, что подлежащее лицо не потеряло права прусскаго подданства. Баронъ Мейендорфъ тотчасъ же успокоилъ прусскаго министра Бюлова; онъ объяснилъ ему, что никогда такая мѣра не была принята русскимъ правительствомъ, и что ссылка въ Сибирь угрожаетъ исключительно субъектамъ, которые задерживаются за бродяжничество и подданство которыхъ оказалось бы невозможнымъ опредѣлить. Баронъ Бюловъ принялъ съ благодарностью такое объясненіе русскаго посланника и не настаивалъ на своемъ заявленіи. Между тѣмъ объясненіе Мейендорфа въ сущности ничего не объясняло и не опровергало, такъ какъ къ разряду бродягъ причислялись также люди, не имѣющіе документовъ о своей личности и нигдѣ не записанные, а именно въ подобномъ положеніи находились безпаспортные иностранцы; притомъ ссылка въ Сибирь могла быть назначаема административнымъ порядкомъ, безъ судебнаго разсмотрѣнія виновности или невиновности задержанныхъ лицъ и безъ точной провѣрки ихъ показаній. Поэтому самый фактъ ссылки прусскихъ подданныхъ, очутившихся въ Россіи безъ паспортовъ, могъ быть совершенно вѣренъ; однако прусскій министръ не только удовлетворился чисто-формальнымъ отвѣтомъ русскаго дипломата, но еще благодарилъ его за любезное сообщеніе. Такова была придавленность оффиціальной Пруссіи относительно Россіи при императорѣ Николаѣ I.

XXXVIII.

Политическія реформы въ Пруссіи и отношеніе къ нимъ русской дипломатіи. — Тщетныя попытки и усилія короля.—Ненужная опека надъ чужими дѣлами.

Усилія Фридриха-Вильгельма IV смягчить русское правительство въ конституціонномъ вопросѣ и удовлетворить желанія своего народа безъ обиды для могущественнаго союзника и покровителя имѣли въ себѣ нѣчто трогательное. Еще въ эдиктѣ 1810 года было высказано намѣреніе дать Пруссіи „цѣлесообразное народное представительство, какъ областное,

такъ и общегосударственное". Обѣщаніе было повторено въ 1815 году. Въ видахъ поддержанія государственнаго кредита признано было необходимымъ постановить, что „для заключенія новыхъ займовъ требуется согласіе и гарантія со стороны государственныхъ чиновъ" (эдиктъ 1820 года). Это постановленіе, какъ свидѣтельствуетъ Ранке, имѣло чрезвычайно важныя и благотворныя послѣдствія для устройства и укрѣпленія прусскихъ финансовъ. Тревожныя политическія обстоятельства и общее положеніе дѣлъ въ Европѣ отдалили осуществленіе конституціонныхъ проектовъ въ Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV стоялъ за развитіе провинціальныхъ земствъ и за объединеніе ихъ въ той или другой формѣ, но онъ былъ рѣшительный врагъ идеи народовластія или всеобщаго народнаго голосованія въ смыслѣ французской демократіи. По личному почину, несмотря на сомнѣнія и возраженія окружающихъ, несмотря на протесты Россіи и Австріи, король рѣшился устроить сословное представительство и созвать соединенный земскій сеймъ. Обнародованъ былъ патентъ 3-го февраля 1847 года, и черезъ два мѣсяца сеймъ былъ открытъ тронною рѣчью, въ которой изложены были взгляды, принципы и ожиданія короля. Король хотѣлъ „возстановить естественное отношеніе между государемъ и народомъ, но не давать конституціи въ духѣ времени, ибо прусская королевская власть не можетъ подчиняться мѣняющемуся большинству" [1]). Но прежде чѣмъ предпринять этотъ серьезный шагъ, вызванный общественнымъ настроеніемъ Пруссіи и всей Германіи, король долженъ былъ выдержать трудную дипломатическую борьбу. Въ 1845 году русскій посланникъ въ Берлинѣ находилъ еще, что „монархическій принципъ могъ бы быть спасенъ, еслибы желали употребить надлежащую твердость"; король выказалъ твердость въ другую сторону и въ концѣ того же года счелъ долгомъ сообщить императору Николаю I всѣ доводы, оправдывавшіе задуманную крупную реформу въ государственномъ устройствѣ Пруссіи. Наканунѣ

[1]) *L. v. Ranke*, Zur Geschichte Deutschlands und Frankreichs im neunzehnten Jahrhundert. Lpz., 1887, стр. 411 и слѣд.

новаго 1846 года король отправилъ въ Петербургъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ генерала Рауха, которому передалъ письмо къ императору, написанное отъ начала до конца собственною его рукою. Въ этомъ весьма подробномъ письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV старается предусмотрѣть всѣ возраженія, которыя могъ бы сдѣлать Николай I противъ предположеннаго преобразованія. Корель заявляетъ рѣшимость „докончить зданіе, заложенное отцомъ, которое безъ хорошей крыши можетъ разрушиться"; онъ признаетъ себя связаннымъ закономъ 1820 года о государственныхъ долгахъ. „Изданіе этого закона, по словамъ короля, было великою ошибкою и большимъ несчастіемъ; оно имѣло своимъ непосредственнымъ результатомъ болѣзненное состояніе прусскаго общества. Либеральная партія чувствуетъ подъ собою твердую и легальную почву положительнаго закона. Настала минута для радикальнаго врачеванія болѣзни, посредствомъ совершенія хирургической операціи. Для этого нуженъ актъ, который надлежащимъ образомъ уничтожилъ бы заблужденія всѣхъ партій и объявилъ бы мертвымъ и погребеннымъ все, что не можетъ быть сохранено изъ законодательства Гарденберга. Но благоразуміе требуетъ, чтобы дано было что-нибудь взамѣнъ и притомъ что-нибудь такое, что̀ не являлось бы призрачнымъ". Потому король задумалъ соединить восемь провинціальныхъ собраній въ одинъ общій сеймъ, который однако „вовсе не будетъ собираться періодически". Далѣе указываются всѣ выгоды и преимущества этой государственной мѣры. „Прежде всего,—пишетъ король, — я выигрываю то, что̀ выигрываетъ каждый смертный, совершая справедливое дѣло". Кромѣ того, онъ долженъ признать безспорное право германскихъ сословныхъ чиновъ участвовать въ установленіи налоговъ, податей и всякаго рода сборовъ. Наконецъ, соединяя провинціальные сеймы въ одно собраніе, король этимъ самымъ устраняетъ созваніе общихъ земскихъ чиновъ. Письмо Фридриха-Вильгельма IV приведено Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ не цѣликомъ, а только въ извлеченіяхъ; но и по этимъ выдержкамъ можно судить о томъ чувствѣ страха, которое испытывалъ король при мысли о разногласіи съ имп. Николаемъ. Сбивчивая и запутанная аргу-

ментація, внушенная этимъ чувствомъ, была рѣзко и категорически отвергнута въ замѣчательномъ отвѣтѣ государя. Припоминая неоднократныя прежнія разсужденія короля на ту же тему, императоръ пишетъ прусскому монарху слѣдующее: „Вы припомните, что, отдавая справедливость вашему сердцу и благородству вашихъ чувствъ, я *всегда* позволялъ себѣ сомнѣваться въ практической пользѣ вашихъ проектовъ. Мало того: въ качествѣ хранителя священной воли и намѣреній вашего покойнаго отца, я старался доказать вамъ, что эти намѣренія совершенно противорѣчили тому, что вы замышляете". Николай I убѣждаетъ своего царственнаго шурина, что передъ нимъ открылась пропасть, въ которой „погибнетъ Пруссія и съ нею вся Европа, если онъ осуществитъ свой планъ собранія соединенныхъ провинціальныхъ сеймовъ". „Оставаясь вѣрнымъ,— заявляетъ далѣе императоръ,—началамъ унаслѣдованнымъ отъ моего покойнаго брата и отъ вашего отца, я отъ нихъ никогда не отрекусь и буду сражаться на бреши до послѣдняго моего вздоха". Прусскій король, для котораго тѣсная дружба съ Россіею была и политическою необходимостью, и твердою семейною традиціею, и наконецъ личною потребностью, долженъ былъ оправдываться самымъ унизительнымъ образомъ. „Вы говорите,—отвѣчаетъ онъ, — что учрежденія, которыя я нашелъ полезнымъ даровать моей странѣ, измѣнили наши политическія отношенія, и что они уже не прежнія! На это я скажу: нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Знаетъ Богъ, что я говорю правду; я ничего не сдѣлалъ такого, что давало бы вамъ поводъ измѣнить ваши политическія отношенія съ Пруссіею. Я не ослабилъ моей короны и не нарушилъ своихъ верховныхъ правъ; я не измѣнилъ стараго естественнаго и патримоніальнаго строя моего государства; я не далъ ни современной конституціи, ни обѣщанія конституціи, ни вообще какого бы то ни было обѣщанія, которое связывало бы мнѣ руки".

Въ скоромъ времени Фридриху-Вильгельму IV пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что русско-прусскія отношенія дѣйствительно измѣнились. Событія 1848 года заставили короля ожидать вооруженной борьбы между „доброю, лойальною и старою Пруссіею" съ одной стороны, и „германскою революю-

ціею“ —съ другой. Въ виду этой печальной перспективы король вынужденъ былъ обратиться къ императору Николаю съ запросомъ, можетъ ли онъ разсчитывать на его помощь въ случаѣ надобности. „И если,—спрашивалъ король, — я долженъ буду покинуть Берлинъ вслѣдствіе общаго возстанія, окажете ли вы мнѣ поддержку, когда я буду просить о ней? Если партія народной толпы во франкфуртскомъ парламентѣ также объявитъ Пруссіи войну при содѣйствіи Франціи, то пойдетъ ли Россія на помощь Пруссіи?“ Безпощадно строгій отвѣтъ императора разрушилъ послѣднія иллюзіи мечтательнаго и добродушнаго Фридриха-Вильгельма IV. „Знать,—пишетъ государь,—что старая прусская монархія, наша близкая союзница, и ея король доведены до такой крайности, что только посредствомъ кровавой внутренней борьбы можно будетъ спасти ихъ,—это одна изъ тѣхъ страшныхъ истинъ, которыя возмущаютъ душу“. Императоръ предвидѣлъ этотъ результатъ политики короля,—„съ того времени какъ Пруссія должна была отречься, по вашей волѣ, отъ традицій, доставившихъ ей славу, силу и благоденствіе въ продолженіе столѣтій“. Николай I болѣе не знаетъ этой „старой Пруссіи“, развѣ только если она воскреснетъ. „Эта старая Пруссія перестала существовать, чтобы распуститься въ Германіи, и нашъ древній близкій союзъ исчезъ вмѣстѣ съ нею. Россія не можетъ придти на помощь державѣ, которая отказалась отъ своихъ традицій и должна теперь биться во всей путаницѣ конституціонныхъ формъ,—державѣ, находящейся подъ господствомъ революціонныхъ учрежденій... Но Россія будетъ всегда вѣрною союзницею своего стараго друга,—доброй, старой лойальной Пруссіи, какъ вы ее называете, — когда она воскреснетъ. Если когда-нибудь старое прусское знамя соединитъ около себя старыхъ пруссаковъ, а не нѣмцевъ подъ знаменемъ баррикадъ, русскій орелъ окажется возлѣ него, потому что Россія умѣетъ забывать оскорбленія, она не нарушаетъ своихъ трактатовъ и не отрекается отъ своихъ традицій. Богъ знаетъ, доживемъ ли мы когда-нибудь до этого счастья!“ Наконецъ, если въ Пруссіи королевская власть будетъ замѣнена республикою, императорское правительство только сочтетъ долгомъ принять

мѣры для обезпеченія неприкосновенности границъ имперіи. Еслибы русская армія была вынуждена перейти границу, то, разумѣется, она дѣйствовала бы не для возстановленія конституціонной Пруссіи, а „для возстановленія такой Пруссіи, какою она была подъ славнымъ владычествомъ вашихъ предковъ и какою передалъ вамъ ее вашъ покойный отецъ". Королю оставалось вынести терпѣливо это новое униженіе и подчиниться властному духу реакціи. Въ октябрѣ было образовано реакціонное министерство графа Бранденбурга, и внутреннее умиротвореніе Германіи было надолго отсрочено.

Для чего нужно было намъ это систематическое и настойчивое вмѣшательство въ жизнь сосѣдняго дружественнаго народа, съ какою цѣлью мы создавали себѣ непримиримыхъ враговъ во всѣхъ классахъ европейскаго населенія, и почему мы брали на себя роль опекуновъ надъ чужими дѣлами, когда наши собственныя внутреннія дѣла находились въ плачевномъ состояніи,—это одна изъ тѣхъ историко-психологическихъ загадокъ, которыя, къ несчастью, разрѣшаются иногда убійственнымъ пробужденіемъ, подъ ударами неожиданныхъ кризисовъ и тягостныхъ разочарованій.

XXXIX.

Отсутствіе сознательныхъ цѣлей и разсчетовъ въ политикѣ прежняго времени.— Преобладаніе личныхъ чувствъ надъ интересами государственными и народными. — Мысль объ отдачѣ Польши пруссакамъ. — Самоотверженныя рѣшенія и дѣйствія. — Дипломатическая борьба противъ національнаго движенія въ Пруссіи.— Политика во время крымской войны.—Причины дипломатическаго безсилія и позднѣйшихъ разочарованій.—Общій характеръ нашихъ внѣшнихъ предпріятій въ недалекомъ прошломъ.

Извлекались ли нами по крайней мѣрѣ какія-либо внѣшнія политическія выгоды изъ преобладанія Россіи въ Европѣ? Дѣятельность русской дипломатіи въ царствованіе императора Николая I, какъ видно изъ матеріаловъ, собранныхъ Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ, всегда стояла выше русскихъ и всякихъ иныхъ реальныхъ интересовъ; она большею частью слѣдовала внуше-

шіямъ вѣнскаго кабинета и безсознательно служила одной лишь Австріи. Пруссія, при всей своей услужливости и подчиненности относительно русскаго правительства, оставалась въ полномъ пренебреженіи и не разъ подвергалась враждебнымъ мѣрамъ и угрозамъ, такъ что наше предполагаемое право на благодарность пруссаковъ основано отчасти на недоразумѣніи.

Тотчасъ послѣ вступленія своего на престолъ, императоръ Николай I постарался разсѣять надежды, основанныя на близкомъ родствѣ его съ прусскимъ королевскимъ домомъ; онъ счелъ необходимымъ деликатно заявить своему тестю, Фридриху-Вильгельму III, что семейныя связи нисколько не повліяютъ на отношенія петербургскаго двора къ Пруссіи. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ русская дипломатія стремилась привлечь Пруссію къ непосредственному участію въ разрѣшеніи греческаго вопроса; но, вѣрный своему правилу—не вмѣшиваться въ постороннія дѣла, берлинскій кабинетъ уклонился отъ подписанія лондонской конвенціи 1827 года, хотя и выражалъ безусловное свое сочувствіе всѣмъ начинаніямъ императора Николая. Русскій посланникъ въ Берлинѣ долженъ былъ добиваться отъ Пруссіи „формальнаго обѣщанія оставаться въ союзѣ съ нами и оказывать намъ помощь противъ тѣхъ державъ, которыя вознамѣрились бы напасть на насъ на европейскомъ континентѣ“. Не принимая на себя такого обязательства, Пруссія тѣмъ не менѣе высказалась достаточно ясно въ пользу требованій Россіи на востокѣ. Во время начавшейся русско-турецкой войны „русское правительство не могло не признать добросовѣстности берлинскаго кабинета въ защитѣ русскихъ интересовъ“. Это чувство признательности выражается часто въ депешахъ къ графу Алопеусу. Когда осенью 1828 года вѣнскій дворъ предложилъ нейтральнымъ великимъ державамъ вмѣшаться въ войну между Россіею и Турціею, съ цѣлью предотвратить разрушеніе владычества турокъ въ Европѣ, берлинскій кабинетъ категорически отказался присоединиться къ этому шагу. „Изъ всѣхъ нашихъ союзниковъ,—писалъ графъ Алопеусъ изъ Берлина, — Пруссія наиболѣе тѣсно привязана къ Россіи: она будетъ отстаивать наши интересы, когда представится случай, если только не потребуютъ отъ нея употреб-

ленія военныхъ силъ или значительныхъ жертвъ". Адріанопольскій мирный трактатъ былъ заключенъ при непосредственномъ участіи генерала Мюффлинга, посланнаго прусскимъ королемъ въ Константинополь, по особому желанію императора Николая, для содѣйствія скорѣйшему принятію русскихъ мирныхъ условій со стороны Порты. Фридрихъ-Вильгельмъ IV искренно обрадовался заключенію мира, что̀ и выразилъ въ восторженномъ письмѣ къ русскому государю: „съ адріанопольскаго мира,—по его словамъ,—начнется новая эра для Европы, которая наконецъ можетъ льстить себя сознаніемъ, что ей удалось закрыть послѣднія раны, причиненныя многими годами войнъ и замѣшательствъ, и она мирнымъ образомъ станетъ наслаждаться плодами своей цивилизаціи".

Предсказаніе короля не сбылось; іюльская революція 1830 года, за которою послѣдовало возстаніе въ Бельгіи, возбудила общій политическій кризисъ и едва не привела къ европейской войнѣ. Имп. Николай полагалъ, что невозможно дѣлать никакихъ уступокъ революціоннымъ правительствамъ Франціи и Бельгіи; при этомъ, конечно, могла быть рѣчь только объ уступкахъ совершенно отвлеченныхъ и воображаемыхъ, такъ какъ французы и бельгійцы ничего отъ насъ не просили. Въ Берлинъ командированъ былъ графъ Дибичъ-Забалканскій съ секретнымъ порученіемъ выработать, посредствомъ личныхъ переговоровъ, планъ совмѣстныхъ дѣйствій; онъ сообщалъ оттуда, что по его мнѣнію нельзя будетъ избѣгнуть „всеобщей и кровопролитной борьбы между законною властью и революціонною гидрою, желающею подъ маской общественнаго блага низвергнуть все и построить кровавый свой престолъ на могилахъ и развалинахъ!" Вице-канцлеръ, графъ Нессельроде, не соглашался съ своимъ государемъ во взглядѣ на бельгійскій вопросъ, который для Николая I былъ исключительно вопросомъ о побѣдѣ революціи надъ законнымъ правительствомъ. „Не Бельгію,—писалъ императоръ на докладѣ своего министра,—думаю я побороть тамъ, а всеобщую революцію, которая все ближе и скорѣе угрожаетъ намъ самимъ, если увидятъ, что мы трепещемъ предъ нею". Графъ Нессельроде находилъ съ своей стороны, что для Россіи лучше не впу-

тываться въ бельгійскія дѣла, имѣющія для нея только второстепенное значеніе. „Это они, союзники, нуждаются въ нашей помощи, и не намъ грозятъ первыя опасности. Наблюдая приближеніе послѣднихъ, мы ставимъ себя въ гораздо болѣе благопріятныя условія для всѣхъ переговоровъ относительно субсидій, прохода и содержанія нашихъ войскъ, и можетъ быть, даже въ отношеніи вопросовъ высокой политической важности, которые могутъ возникнуть въ будущемъ. Мы лишились бы всѣхъ этихъ выгодъ совершенно даромъ, еслибы приняли на себя иниціативу, которая естественно должна быть предоставлена державамъ, наиболѣе заинтересованнымъ, по своему географическому положенію, въ настоящихъ замѣшательствахъ".

Личные мотивы, которыми руководствовался императоръ Николай I въ своей тогдашней политикѣ, изложены въ весьма интересной запискѣ, написанной имъ собственноручно осенью 1830 года и напечатанной цѣликомъ въ сборникѣ Ѳ. Ѳ. Мартенса (стр. 167—170). „Географическое положеніе Россіи,— говорится въ этомъ документѣ,—настолько счастливо, что оно дѣлаетъ ее почти независимою, въ области собственныхъ ея интересовъ, отъ всего происходящаго въ Европѣ. Россія не имѣетъ никакой надобности искать союзниковъ, потому что ей нечего бояться; она довольна своими границами и не можетъ ничего желать въ этомъ отношеніи, и слѣдовательно, она ни въ комъ не должна бы вызывать безпокойства". Эта реальная оцѣнка истинной роли Россіи заключаетъ въ себѣ, повидимому, прямое осужденіе той системы союзовъ и внѣшнихъ предпріятій, которой неуклонно придерживался императоръ Николай. Критикуются однако не союзы, ненужные намъ и вредные, а союзники, нарушающіе вѣрность разъ установленнымъ принципамъ. Благодаря недостатку поводовъ, „не было явнаго разногласія между тремя державами, до позорной іюльской революціи". „Уже давно, — сказано далѣе, — предвидѣли мы это ужасное событіе, и мы исчерпали при Карлѣ X и его министрахъ всѣ средства убѣжденія, допускаемыя дружбою и хорошими нашими отношеніями. Все было тщетно. Тогда мы не замедлили открыто осудить незаконныя мѣропріятія Карла X; но могли ли мы въ то же время признать законнымъ государя-

ремъ Франціи другого, а не того, кто имѣлъ на это всѣ права? Мы исполняли лишь свой долгъ, оставаясь вѣрными началамъ, руководившимъ дѣйствіями союзниковъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Между тѣмъ наши союзники, не условившись съ нами на счетъ такого серьезнаго и рѣшительнаго шага, поспѣшили своимъ признаніемъ увѣнчать революцію и узурпацію; это былъ шагъ роковой, непостижимый, и съ него начинается рядъ бѣдствій, которыя съ того момента не перестали обрушиваться на Европу. Мы сопротивлялись, потому что были къ тому обязаны; я уступилъ исключительно для сохраненія союза". Указавъ на трусливыя колебанія союзниковъ, императоръ продолжаетъ: „Развѣ это, Боже великій, тотъ союзъ, который созданъ былъ безсмертнымъ императоромъ? Сохранимъ неприкосновеннымъ этотъ священный огонь и не будемъ безчестить его передъ постыдными и несправедливыми поступками державъ; сохранимъ священный огонь для того торжественнаго момента, котораго никакая человѣческая сила не устранитъ и не отсрочитъ, когда должна возгорѣться борьба между справедливостью и адскимъ началомъ. Эта минута близка, и мы пребудемъ тѣмъ знаменемъ, къ которому вновь примкнутъ по необходимости и для собственнаго своего спасенія трепещущіе нынѣ!.. Въ минуту опасности насъ всегда увидятъ готовыми придти на помощь тѣмъ изъ нашихъ союзниковъ, которые возвратятся къ нашимъ старымъ началамъ; но въ противномъ случаѣ никогда Россія не пожертвуетъ ни своими средствами, ни драгоцѣнною кровью своихъ солдатъ!" Можно было сдѣлать еще другіе выводы изъ „постыднаго" поведенія союзниковъ. Можно было усомниться въ необходимости проливать драгоцѣнную кровь русскихъ солдатъ" даже въ пользу такихъ иностранныхъ государствъ, которыя обратились бы на путь истины. Можно было замѣтить, что отвлеченные принципы служатъ лишь прикрытіемъ для практическихъ цѣлей союзныхъ кабинетовъ, и что Россія не имѣла основанія жертвовать собою изъ-за признанія или нарушенія извѣстныхъ идей чужими правительствами. Записка оканчивается словами: „Кто посмѣетъ на насъ напасть? И если осмѣлится, я буду увѣренъ въ поддержкѣ народа, потому что онъ оцѣнитъ свое положеніе и

съумѣетъ, съ Божьею помощью, наказать нападающихъ". Конечно, о народѣ упоминается только иносказательно, такъ какъ русскому населенію, на половину крѣпостному, вовсе не предоставлено было „оцѣнивать свое положеніе" и оказывать или отклонять поддержку чему бы то ни было. Независимо отъ этого обстоятельства, самый вопросъ объ оборонѣ не соотвѣтствуетъ всему содержанію записки и не вытекаетъ изъ событій того времени: дѣло шло не о защитѣ Россіи отъ нападенія, которое нисколько намъ не угрожало, а напротивъ, о нападеніи Россіи на Францію, перемѣнившую у себя короля, и на Бельгію, отпавшую отъ Голландіи. Когда осенью 1830 г. король Нидерландовъ опять настоятельно требовалъ помощи для усмиренія бельгійцевъ, императоръ отвѣтилъ указаніемъ на Пруссію и Англію, какъ на державы, непосредственно заинтересованныя въ дѣлѣ. Но послѣ того, какъ графу Дибичу-Забалканскому не удалось подвинуть прусскаго короля на отдѣльныя дѣйствія противъ Бельгіи, императоръ Николай I, вопреки представленіямъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, рѣшилъ самостоятельно принять энергическія мѣры, помимо союзныхъ державъ. На докладѣ графа Нессельроде, отъ 30-го октября 1830 года, императоръ написалъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Нѣтъ больше возможности отступать; наше достоинство предписываетъ намъ взять на себя иниціативу; поэтому нужно приготовить ноту къ тремъ правительствамъ, съ объясненіемъ необходимости употребить военную силу противъ революціи, угрожающей всѣмъ намъ". Такимъ образомъ Россія вѣроятно втянулась бы въ ненужную европейскую войну изъ-за интересовъ нидерландскаго короля, еслибы вслѣдъ затѣмъ не вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, которое направило заботы русскаго правительства къ болѣе близкимъ дѣламъ.

Покончивъ съ польскимъ возстаніемъ, императоръ Николай возымѣлъ мысль отдать часть польской территоріи до Вислы и Нарева двумъ сосѣднимъ державамъ; этотъ любопытный проектъ подробно мотивированъ въ собственноручной запискѣ, составленной около 1831 года и сообщенной проф. Мартенсомъ безъ пропусковъ. Заключительные выводы записки выражены

въ слѣдующемъ: „Россія — держава сильная и счастливая сама по себѣ; она никогда не должна быть угрозою ни для своихъ сосѣдей, ни для Европы. Но ея оборонительное положеніе должно быть настолько внушительно, чтобы всякое нападеніе сдѣлалось невозможнымъ. Бросая взглядъ на карту, страшно становится видѣть, что граница польскихъ земель имперіи доходитъ почти до Одера, тогда какъ на флангахъ она отступаетъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полангена въ Балтійское море и у устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся полосѣ находится населеніе, существенно враждебное Россіи, и потому требуется армія для удержанія его въ подчиненіи. Эта страна ничего не приноситъ государству; напротивъ, она можетъ существовать только при помощи постоянныхъ жертвъ, которыя должна дѣлать имперія для удовлетворенія нуждъ ея управленія. Ясно, что выгоды отъ этого безпокойнаго владѣнія ничтожны, между тѣмъ какъ неудобства велики и даже опасны. Остается рѣшить, какъ пособить этому. Я вижу тутъ одно только средство: объявить, что русская честь вполнѣ удовлетворена завоеваніемъ королевства польскаго; что Россія не имѣетъ никакого интереса въ обладаніи провинціями, неблагодарность которыхъ была столь очевидна; что истинные ея интересы побуждаютъ установить и утвердить границу по Вислѣ и Нареву; что она предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ей, своимъ союзникамъ, которые могутъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію; что, вѣрная своимъ началамъ, Россія сохранила бы за тою частью королевства, которая за нею осталась, пользованіе его законами и учрежденіями, насколько они были бы совмѣстимы съ безопасностью ея въ будущемъ; что титулъ королевства польскаго будетъ связанъ съ этой страною, чтобы предупредить усвоеніе его въ другомъ мѣстѣ и чтобы не образовалось новое, враждебное Россіи, государство“. Изъ нѣмецкихъ источниковъ извѣстно, что проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ Берлинѣ или къ нему не отнеслись серьезно, такъ что императоръ Николай долженъ былъ убѣдиться въ практической невозможности отказаться отъ значительной части

Польши [1]). Но мысль сама по себѣ была несостоятельна по многимъ причинамъ. Если даже допустить, что крѣпостная, дореформенная Россія была „счастливою“ державою, и что польскія области только нарушали ея благополучіе, то почему нужно отдавать нѣмцамъ завоеванный край? Для чего тогда тратились силы на водвореніе русскаго владычества въ странѣ, которую можно было съ такою легкостью бросить союзнымъ державамъ? Значитъ, вся предшествующая политика Россіи въ Польшѣ была одною сплошною ошибкою? Удобно ли было торжественно признаться въ этомъ послѣ кровавой расправы, стоившей потоковъ крови обѣимъ сторонамъ? И не странно ли, что желаніе отдать взятую штурмомъ Варшаву пруссакамъ возникло и обсуждалось въ то самое время, когда Пушкинъ въ извѣстныхъ стихахъ съ негодованіемъ отвергалъ всякое постороннее вмѣшательство въ нашъ „домашній, русскій споръ“? Понятно, что государство не можетъ располагать своею территоріею, какъ частное лицо, и дарить ее сосѣдямъ; но оно могло измѣнить и усовершенствовать систему управленія въ краѣ, дать странѣ автономію безъ особой мѣстной арміи и стараться смягчить старинный антагонизмъ между двумя родственными народностями. Пруссаки и австрійцы съумѣли избѣгнуть возстаній въ ихъ польскихъ провинціяхъ; если по этой причинѣ предлагать имъ управленіе царствомъ польскимъ, вмѣсто того, чтобы научиться у нихъ культурнымъ способамъ воздѣйствія на населеніе, то пришлось бы раздать нѣмцамъ многія изъ нашихъ областей, которыя также управлялись дурно и не приносили пользы государству. Упомянутый проектъ свидѣтельствовалъ лишь объ отсутствіи сознательныхъ національныхъ цѣлей и разсчетовъ въ русской политикѣ той эпохи.

Въ польскомъ вопросѣ Пруссія дѣйствовала за-одно съ Россіею и исполняла съ большою готовностью русскія требованія и желанія, если они не выходили за предѣлы возможности; но существенныя разногласія продолжались по поводу Бельгіи, которая по прежнему сильно озабочивала императора

[1]) Объ этомъ приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія въ книгѣ: „*Bismarck und Russland.* Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Russlands von 1859 bis heute“. Berlin, 1887, стр. 40 и сл.

Николая. Берлинскій кабинетъ не видѣлъ надобности въ формальномъ подтвержденіи тройственнаго союза для болѣе согласныхъ дипломатическихъ дѣйствій противъ „революціонныхъ“ правительствъ; онъ считалъ союзъ и безъ того достаточно крѣпкимъ и неразрывнымъ. Но императоръ былъ другого мнѣнія и не отказывался отъ него даже послѣ 1831 года. „Еслибы этотъ взглядъ былъ основателенъ,—возражалъ имп. Николай, — то іюльская революція и еще болѣе бельгійская должны были застать насъ друзьями, готовыми поддерживать права законности и сохраненіе порядковъ, созданныхъ въ 1815 году. Я былъ готовъ, но дѣло не состоялось; вспыхнуло польское возстаніе, и Провидѣніе позволило его потушить, какъ я желалъ бы видѣть подавленными другія революціи. Все происходившее въ Бельгіи и между Франціею и Англіею доказывало наглядно, что если у этихъ двухъ державъ есть мужество открыто провозглашать возмущеніе и низверженіе всего установившагося, у насъ должно остаться право и смѣлость поддерживать божественное право, отъ котораго мы не отреклись. Поэтому, въ настоящій моментъ я вижу нашъ долгъ въ заключеніи торжественнаго, громко возвѣщеннаго союза: въ немъ—спасеніе Европы и сохраненіе мира“. Въ Берлинѣ опасались, что подобный союзъ послужилъ бы сигналомъ для войны съ Франціею и, быть можетъ, даже съ Англіею; эти понятныя опасенія принимались за трусость нашею воинственною дипломатіею. Чтобы успокоить Пруссію, ей дано было знать, что „Россія всегда готова будетъ поспѣшить всѣми своими силами на помощь своему старому и вѣрному союзнику, но что это будетъ только до тѣхъ поръ, пока одинъ и тотъ же принципъ будетъ управлять обѣими націями“. Предполагалось устроить предварительное военное соглашеніе, чтобы облегчить вступленіе русской арміи въ 200.000 человѣкъ въ чужую землю, отдаленную болѣе чѣмъ на 400 миль отъ центра Россіи. Это предпринималось черезъ годъ послѣ трудной и кровопролитной борьбы въ Польшѣ, и только благодаря такъ-называемой „нерѣшительности“ берлинскаго кабинета русская армія избавлена была отъ тяжелаго похода въ чужіе края и отъ новыхъ, никому ненужныхъ, кровавыхъ жертвъ. Бельгійцамъ оставленъ

былъ избранный ими король Леопольдъ, и въ его лицѣ „революціонная гидра“ оказалась впослѣдствіи столь же невинною и почтенною, какъ и въ лицѣ Луи-Филиппа во Франціи.

Какъ далека была тогдашняя русская политика отъ положительныхъ интересовъ Россіи, можно видѣть изъ исторіи присоединенія вольнаго города Кракова къ австрійскимъ владѣніямъ въ 1846 году, по спеціальному личному желанію императора Николая. Чтобы добиться согласія Пруссіи на такое безпричинное расширеніе предѣловъ Австріи, посланъ былъ въ Берлинъ генералъ Бергъ для секретныхъ переговоровъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV долженъ былъ признать, что „невозможно сохранить въ Краковѣ постоянный очагъ революціи“, и дѣло уладилось. Прежде чѣмъ подписать протоколъ по этому вопросу, генералъ Бергъ, по собственной инициативѣ, обратился къ австрійскому уполномоченному съ письмомъ, въ которомъ требовалъ включенія въ договоръ статьи, обязывающей Австрію на вѣчныя времена не укрѣплять города Кракова. Государь, — писалъ Бергъ, — по своему рыцарскому великодушію, „не колеблется передать во власть своего старѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга стратегическій пунктъ такой важности“; но онъ не можетъ, ради уничтоженія революціоннаго гнѣзда, „создать на будущее время новое военное неудобство для своихъ владѣній“. „Я скорѣе подписалъ бы свой смертный приговоръ,— добавлялъ русскій уполномоченный, — чѣмъ такой актъ, который могъ бы представлять малѣйшую опасность для моего отечества“. Это „разумное предложеніе“, по словамъ г. Мартенса, не было принято австрійскимъ представителемъ, отчасти по недостатку необходимыхъ инструкцій; по вѣнскій дворъ, по всей вѣроятности, уступилъ бы, еслибы русскій уполномоченный настаивалъ на своемъ требованіи. Однако, самъ генералъ Бергъ долженъ былъ, по предписанію государя, взять назадъ свое предложеніе. Императоръ благодарилъ Берга за выказанныя имъ патріотическія чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что, „говоря объ уступкѣ Кракова Австріи, онъ никогда не имѣлъ намѣренія требовать отъ этой державы, чтобы она не превращала его въ укрѣпленный пунктъ“. Мысль о новой комбинаціи относительно Краковской области „принадле-

жала самому государю, который вовсе не думалъ соединять съ этой сдѣлкою предположенное Бергомъ условіе. При такихъ обстоятельствахъ генералъ Бергъ лишенъ былъ возможности поддерживать свое требованіе и взялъ его обратно". Территорія бывшей Краковской республики была присоединена къ Австріи безъ всякихъ условій и ограниченій, которыя однако казались бы необходимыми въ интересахъ будущаго.

Отношенія Россіи съ Пруссіею испортились въ 1848 и 1849 годахъ не только по тѣмъ внутреннимъ причинамъ, о которыхъ мы говорили выше, но и подъ вліяніемъ тогдашнихъ европейскихъ событій и международныхъ замѣшательствъ. Прусское правительство допускало нѣкоторую свободу поляковъ въ Познани и не принимало крутыхъ мѣръ противъ возбужденія умовъ въ этой провинціи; по этому поводу баронъ Мейендорфъ откровенно предостерегалъ прусскихъ министровъ, что они сами вызываютъ войну съ Россіею. Императоръ Николай выражалъ удивленіе, что король освобождаетъ отъ казни явныхъ бунтовщиковъ, позволяетъ князю Чарторыйскому жить въ Пруссіи и не останавливаетъ польскаго движенія въ Познани. Для своего оправданія Фридрихъ-Вильгельмъ IV отправилъ въ Петербургъ особаго уполномоченнаго съ порученіемъ „сдѣлать государю подробный докладъ, какъ еслибы онъ дѣлалъ его своему королю". Король надѣялся убѣдить императора, что „прусское правительство вовсе не потворствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ и желаетъ только преобразовать управленіе Познанскою областью, съ единственною цѣлью связать ее тѣснѣе съ прусскимъ королевствомъ". Николай I нашелъ однако, на основаніи сообщенныхъ ему прусскимъ уполномоченнымъ свѣденій, что „поляки, будучи самыми низкими орудіями возмущенія и анархіи, не перестаютъ все-таки пользоваться поддержкою и покровительствомъ въ своей такъ-называемой національности, и что безнаказанность, повидимому, обезпечена за ними навсегда". Передавая это свое впечатлѣніе въ письмѣ къ королю, государь замѣчаетъ, между прочимъ, что онъ тогда только повѣритъ осужденію Мѣрославскаго, когда узнаетъ, что его повѣсили. Въ томъ же письмѣ, для устраненія всякихъ сомнѣній насчетъ готовности Россіи употребить въ дѣло оружіе,

вычислены въ точности военныя силы, собранныя въ пограничныхъ губерніяхъ: всего было выставлено 420.000 человѣкъ, кромѣ 100.000 резерва.

Параллельно съ этою перепискою о польскихъ дѣлахъ идутъ переговоры о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи и о возникшемъ спорѣ между Пруссіею и Даніею изъ-за Шлезвигъ-Голштиніи. При первомъ извѣстіи о паденіи Луи-Филиппа императоръ Николай предложилъ прусскому королю „немедленно принять мѣры для сосредоточенія на Рейнѣ сильной арміи, которая была бы въ состояніи дать энергическій отпоръ нашествію французовъ"; съ своей стороны, государь рѣшился поставить на военную ногу армію въ 350.000, которая должна быть готовой выступить тотчасъ же на помощь Пруссіи. „Мужайтесь,—заключаетъ императоръ свое письмо (писанное въ началѣ марта, нов. ст., 1848 г.),—дѣйствуйте, и Богъ будетъ съ нами, ибо мы защищаемъ самое святое дѣло, и мы христіане". Относительно германскихъ дѣлъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV считалъ себя обязаннымъ „вырвать изъ рукъ нѣмецкихъ демагоговъ опасное и роковое оружіе германской національности" и стать во главѣ законныхъ стремленій различныхъ нѣмецкихъ племенъ къ лучшему и болѣе могущественному объединенію. Въ письмахъ къ императору онъ доказывалъ свое право на занятіе Шлезвигъ-Голштиніи, принадлежащей къ германскому союзу и незаконно включенной датскимъ королемъ въ составъ Даніи. Имп. Николай находилъ, что военное вмѣшательство Пруссіи не можетъ быть оправдано въ этомъ случаѣ, такъ какъ берлинскій кабинетъ, заступаясь за голштинцевъ, заступался собственно за бунтовщиковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ своего законнаго государя—датскаго короля. По мнѣнію императора, прусскія притязанія были незаконны и вполнѣ противорѣчили постановленіямъ вѣнскаго конгресса; поэтому онъ поручилъ барону Мейендорфу увѣдомить прусское правительство, что Россія не можетъ относиться равнодушно къ начатой имъ войнѣ. Отъ Пруссіи было формально потребовано „немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій", съ предупрежденіемъ, что если она не исполнитъ этого требованія и двинетъ свои войска въ предѣлы датской территоріи, раз-

рывъ съ Россіею будетъ неизбѣженъ. „Будучи связаны актами гарантіи, — писалъ графъ Нессельроде русскому посланнику въ Берлинѣ, — мы принуждены нынѣ же довести до свѣденія прусскаго правительства, что такое поведеніе его должно неминуемо привести къ войнѣ между Россіею и Пруссіею". Эти категорическія заявленія и угрозы заставили Пруссію въ августѣ 1848 года заключить перемиріе съ Даніею. Болѣе серьезный кризисъ произошелъ въ отношеніяхъ между тремя союзными дворами по поводу проектовъ новаго устройства Германіи. Императоръ Николай имѣлъ твердое намѣреніе не допустить германскаго объединенія подъ главенствомъ Пруссіи, усматривая въ этой комбинаціи очевидную уступку революціонерамъ. Въ возникшемъ спорѣ между Пруссіею и Австріею Россія открыто приняла сторону этой послѣдней державы. „Пруссія, — заявлялъ баронъ Мейендорфъ графу Бранденбургу, — не имѣетъ права стать во главѣ Германіи, и такая претензія была въ сущности совершенно несостоятельна, какъ по праву, такъ и фактически, и даже противна собственнымъ интересамъ Пруссіи". Но король Фридрихъ-Вильгельмъ IV и его министры, по замѣчанію проф. Мартенса, иначе понимали интересы Пруссіи и никакъ не могли согласиться съ русскимъ посланникомъ, что идея германскаго единства есть химера и исчадіе духа революціи. Представитель Россіи подкрѣплялъ свои доводы аргументами, противъ которыхъ возражать было трудно и совершенно безполезно; онъ давалъ понять, что „отъ Австріи зависитъ увлечь насъ на путь, которому она будетъ слѣдовать относительно Пруссіи," и что русское вмѣшательство въ дѣла Германіи — такая случайность, которую прусскіе министры должны имѣть въ виду; въ противномъ случаѣ, для Пруссіи подготовятъ такой же неожиданный сюрпризъ, какимъ былъ для многихъ венгерцевъ походъ русскихъ войскъ въ Венгрію". Другими словами, съ Пруссіею и съ ея королемъ грозили поступить какъ съ „мятежниками", которыхъ придутъ усмирять русскія войска. Осенью 1850 года ожидался со дня на день открытый разрывъ между Австріею и Пруссіею; прусскіе отряды стояли лицомъ къ лицу съ австрійскими въ Гессенѣ. Преемникъ Мейендорфа въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, передалъ

прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, Радовицу, категорическое требованіе, чтобы немедленно отдано было приказаніе прусскимъ войскамъ возвратиться въ прусскіе предѣлы и не наступать на Гессенъ. Министръ съ негодованіемъ отвѣтилъ посланнику, что „это значитъ попирать Пруссію ногами, ставя ей такія унизительныя условія; что Пруссія не можетъ позволить, чтобы ей диктовали законы, даже не соглашаясь ее выслушать; что ея самыя справедливыя предложенія не были даже удостоены отвѣта, и что она скорѣе предпочтетъ быть уничтоженною, нежели терпѣть такія униженія". Послѣ октябрьскаго съѣзда въ Варшавѣ, гдѣ императоръ Николай рѣшительно отстаивалъ австрійскую точку зрѣнія и доказывалъ безусловную необходимость для Пруссіи примириться съ Австріею, берлинскій кабинетъ по-неволѣ подчинился обстоятельствамъ, и энергическій Радовицъ вышелъ въ отставку. Въ письмахъ прусскаго короля за это время, по свидѣтельству Ѳ. Ѳ. Мартенса, выражаются чувства глубокаго разочарованія и душевной горечи, въ виду настойчиваго заступничества Россіи за австрійскіе интересы и враждебнаго отношенія ея къ Пруссіи; въ этихъ письмахъ „чувствуются слезы, вызванныя униженіемъ Пруссіи передъ вѣковымъ ея врагомъ—Австріею". Между тѣмъ вѣнскій кабинетъ, по обыкновенію, нарушилъ свои обѣщанія и направилъ баварскія войска въ курфиршество гессенское, когда ушли оттуда пруссаки. Король напоминаетъ императору, что „всѣ уступки въ пользу Австріи, до полнаго самоуниженія Пруссіи, сдѣланы были единственно по совѣту государя; король побѣдилъ свое чувство справедливаго недовѣрія къ вѣнскому кабинету только потому, что этого желалъ имп. Николай. Въ настоящую минуту онъ долженъ положиться только на свои собственныя силы, и потому онъ подписалъ приказъ о мобилизаціи всей прусской арміи". Русская дипломатія пустила въ ходъ все свое вліяніе, чтобы предупредить войну; наконецъ, Пруссія сдалась и подвергла себя такъ-называемому Ольмюцкому „позору", подъ непосредственнымъ давленіемъ Россіи и при ближайшемъ участіи ея представителей. Конвенція, заключенная въ ноябрѣ 1850 года въ Ольмюцѣ, была тяжкимъ ударомъ для общественнаго мнѣнія Пруссіи и

Германіи, и главная виновница этого акта сдѣлалась предметомъ сильнѣйшей и вполнѣ понятной вражды со стороны нѣмецкихъ патріотовъ. Таковы наши права на благодарность нѣмецкаго народа вообще и пруссаковъ въ особенности за сравнительно недавнее прошлое.

Во время крымской войны, Пруссія соблюдала нейтралитетъ относительно Россіи. Коснувшись вопроса объ отношеніи берлинскаго кабинета къ печальнымъ событіямъ 1855 — 56 годовъ, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ говоритъ слѣдующее: „На основаніи подлинныхъ актовъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, разъясненіе этого вопроса не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія. Императоръ Николай I неоднократно въ собственноручныхъ письмахъ къ своему другу, Фридриху-Вильгельму IV, и еще на смертномъ одрѣ, выражалъ искреннѣйшую свою признательность за то, что Пруссія оставалась вѣрною дружбѣ и союзу съ Россіею, несмотря на всѣ угрозы Австріи, Франціи и Англіи. Эта признательность была торжественнымъ образомъ подтверждена императоромъ Александромъ II, въ самый моментъ его вступленія на престолъ“. Такимъ образомъ, положительные архивные документы не допускаютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, „несмотря на нерѣшительный характеръ прусскаго короля и на крайне трудное положеніе самой Пруссіи во время этой войны, несмотря на всѣ происки внутреннихъ партій и иностранныхъ дипломатовъ въ Берлинѣ, все-таки Пруссія не вышла изъ своего „суверенаго“ и доброжелательнаго нейтралитета. Въ продолженіе всей войны, когда русскіе порты и гавани были блокированы союзными флотами, русская торговля могла свободно поддерживаться сухимъ путемъ черезъ Пруссію, и русское правительство могло получать всѣ матеріалы, необходимые для военныхъ дѣйствій“. Пока продолжались переговоры, предшествовавшіе войнѣ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV неустанно хлопоталъ о сохраненіи мира. Въ длинномъ и горячемъ письмѣ отъ 20-го марта 1854 года онъ высказываетъ свою радость по поводу принятаго султаномъ рѣшенія даровать равноправность христіанскимъ подданнымъ Турціи; онъ убѣждаетъ императора воспользоваться этимъ моментомъ и предотвратить крово-

пролитіе. „Утромъ и вечеромъ,—пишетъ онъ въ заключеніе,—я на колѣняхъ молю Бога благословить это письмо и ваши рѣшенія. Нашъ Спаситель сказалъ: блаженны миротворцы; они будутъ наречены сынами Божіими". Въ политикѣ Пруссіи за это время играетъ уже весьма замѣтную роль энергическій молодой дипломатъ, уполномоченный при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, сторонникъ тѣснаго союза съ Россіею, какъ свидѣтельствуютъ о томъ любопытныя донесенія русскаго представителя при сеймѣ, Д. Г. Глинки (стр. 440 — 445 и 453 — 455). Императоръ Николай поручилъ даже выразить Бисмарку свою монаршую признательность за его образъ дѣйствій. Передъ смертью государь сказалъ: „Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les paroles de papa!" Когда эти слова были по телеграфу переданы въ Берлинъ, прусскій король тотчасъ отвѣтилъ, что „слова императора, завѣщанныя имъ Фрицу, для него священны" [1]). По вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Александръ II писалъ Фридриху-Вильгельму IV: „Да останемся мы навсегда друзьями и да испросимъ благословеніе Всевышняго на нашъ двойственный союзъ. Будьте, дорогой дядя, увѣрены, что я на вѣчныя времена буду вамъ признателенъ за столь блестящее положеніе, которое вы съумѣли сохранить для Пруссіи въ теченіе всего этого кризиса, и которое было намъ столь полезно. Да воздастъ вамъ за это Богъ!" При такихъ отношеніяхъ къ намъ со стороны Пруссіи, мыслимо ли было для Россіи поступить въ 1870 году иначе, чѣмъ поступило русское правительство?

Коренные недостатки нашей международной политики зависѣли отъ совершеннаго ея несоотвѣтствія съ внутреннимъ состояніемъ и жизненными потребностями Россіи. Государство, страдавшее у себя дома недугами беззаконія и крѣпостничества, брало на себя задачу водворенія законности въ чужихъ странахъ, и притомъ въ такихъ, какъ Пруссія, Бельгія или Франція. Каждый великій народъ имѣетъ свою пору энерги-

[1]) Собраніе трактатовъ, предисловіе проф. Мартенса, стр. VII.

ческихъ внѣшнихъ предпріятій, столкновеній и войнъ; повсюду, въ великихъ центрахъ европейской жизни, бывали увлеченія чисто-идейною, безкорыстною борьбою съ сосѣдними и отдаленными державами, во имя понятныхъ всѣмъ интересовъ и чувствъ. Французы стремились одарить человѣчество новыми политическими понятіями и учрежденіями; они съ оружіемъ въ рукахъ распространяли въ мірѣ свободу. Англичане уничтожали рабство, помогали освобожденію Греціи, содѣйствовали устраненію или преобразованію устарѣлыхъ государственныхъ порядковъ въ различныхъ краяхъ. Германская нація искала единства для себя и достигла своей цѣли. Но во имя чего боролись мы въ Европѣ и какихъ результатовъ добились мы съ начала текущаго столѣтія? Намъ выпадало на долю играть мало симпатичную роль простой физической силы относительно европейскихъ народовъ и государствъ, — роль почетныхъ городовыхъ, исполняющихъ свою безпокойную и самоотверженную функцію великодушно и безкорыстно, изъ одной любви къ искусству. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы поднимались на защиту турецкихъ христіанъ, войны велись какъ будто для чего-то другого, подъ прикрытіемъ постороннихъ дипломатическихъ комбинацій, безъ самостоятельнаго твердаго плана, и дѣло никогда не доводилось до конца и разрѣшалось лишь робкими полумѣрами. Нашею спеціальностью въ европейской политикѣ было — усмирять, водворять наружное благочиніе и тишину, смотрѣть за соблюденіемъ установленнаго договорнаго порядка въ Европѣ; даже освободительныя предпріятія кончались обыкновенно „усмиреніемъ“ или толками объ усмиреніи. Не даромъ въ нашемъ простонародьѣ сложился оригинальный взглядъ на каждую войну какъ на послѣдствіе чьего-либо бунта: воинственные слухи всегда объясняются въ народѣ тѣмъ, что „австріякъ“ или „французъ—бунтуетъ“. Желаніе укрощать чужіе народы, правда, исчезло у насъ со времени крымской войны, и оно не можетъ болѣе руководить нашею внѣшнею политикою, но никакихъ другихъ международныхъ идеаловъ не выработала еще наша дипломатія, отличающаяся вообще крайнею неопредѣленностью своихъ положительныхъ цѣлей.

II. БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА И БОЛГАРСКІЙ КРИЗИСЪ.

XL.

Неудачи въ восточномъ вопросѣ.—Ошибки и противорѣчія въ болгарской политикѣ.—Наблюденія и замѣтки Лаведѣ.—Австрійская оккупація Босніи.

Не много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы взяли на себя освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига, — и въ этотъ короткій срокъ намъ пришлось пережить много перемѣнъ и разочарованій. Положеніе наше на Балканскомъ полуостровѣ кореннымъ образомъ измѣнилось. Освобожденные народы отвернулись отъ своихъ освободителей и отнеслись къ нимъ, какъ къ противникамъ, отъ которыхъ нужно освободиться. Сербія втянулась въ сферу австрійскаго вліянія и австрійскихъ интересовъ; болгары ищутъ поддержки у англичанъ и нѣмцевъ. Бывшіе защитники турецкаго господства дѣйствуютъ подъ знаменемъ свободы и единства Болгаріи; а мы отстаивали формальныя права Турціи и неприкосновенность берлинскаго трактата, направленнаго противъ насъ же. Приверженцы Россіи разсматривались какъ измѣнники и бунтовщики въ предѣлахъ того княжества, которое создано русскимъ оружіемъ. Роли такъ перемѣшались, что мы не узнаемъ теперь ни балканскихъ „братьевъ-славянъ“, ни западно-европейской дипломатіи, ни даже собственной нашей восточной политики.

У насъ отнеслись враждебно къ осуществленію завѣтной цѣли всѣхъ болгаръ—той самой цѣли, ради которой мы приносили столько тяжелыхъ жертвъ, и которой не удалось намъ достигнуть Санъ-стефанскимъ мирнымъ договоромъ. Въ то время какъ весь болгарскій народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ свое національное объединеніе, совершившееся столь легко и просто, русская дипломатія нашла необходимымъ выступить въ защиту правъ султана и требовать возстановленія status-quo даже при помощи турецкихъ войскъ, къ полному недоумѣнію болгаръ и всего славянства. Мы явились въ этомъ случаѣ болѣе непреклонными охранителями берлинскаго трактата, чѣмъ сами авторы его—англичане и австрійцы;

мы гораздо больше заботились о правахъ Турціи, чѣмъ сама Порта. Соображенія, побуждавшія рекомендовать такой образъ дѣйствій, могли быть весьма вѣскими и основательными; но они были недоступны пониманію народныхъ массъ и остались загадкою для большинства болгаръ. Съ этого момента начинается крутой поворотъ въ чувствахъ болгарскихъ патріотовъ относительно Россіи. Мы сознательно оттолкнули отъ себя Болгарію, увлеченную блестящимъ успѣхомъ безкровной филиппопольской революціи 6-го сентября 1885 года. Не примирили насъ съ болгарами и неожиданныя побѣды ихъ надъ войсками короля Милана. Причиною разлада былъ нѣмецкій принцъ, поставленный нами почему-то во главѣ болгарскаго княжества,—и онъ былъ устраненъ со сцены, чтобы облегчить возстановленіе могущественнаго русскаго покровительства. Но эта надежда не сбылась. Удаленіе князя ни въ чемъ не поправило положенія страны; напротивъ, оно привело къ хронической неурядицѣ и къ опаснымъ междоусобіямъ. Болгары добивались назначенія новаго князя, сочувственнаго Россіи; мы твердо отказывали имъ въ этомъ. Второстепенные вопросы о срокѣ выборовъ въ народное собраніе и т. п. казались намъ болѣе важными, чѣмъ скорое и окончательное разрѣшеніе кризиса въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Болгарское регентство не было намъ враждебно на первыхъ порахъ: оно имѣло Каравелова въ своемъ составѣ, и наши требованія объ освобожденіи офицеровъ, возставшихъ противъ князя Александра, и о снятіи осаднаго положенія—были исполнены. Мы не воспользовались этимъ результатомъ, чтобы немедленно предложить подходящаго кандидата на княжескій престолъ; мы долго еще спорили о мелочахъ, возбуждали ненужныя пререканія и упражнялись въ рѣзкостяхъ по адресу регентовъ, которые понимали болгарскій патріотизмъ по своему. Нѣтъ такого оскорбительнаго эпитета, котораго не употребляли бы наши газеты относительно этихъ странныхъ „проходимцевъ“, занимавшихъ уже прежде почетныя должности, основанныя на довѣріи населенія. Конечно, предсѣдатель болгарскаго народнаго собранія или бывшій министръ-президентъ княжества могли казаться ничтожествами съ нашей болѣе широкой точки зрѣнія; мы при-

выкли у себя къ болѣе крупнымъ и выдающимся дѣятелямъ,—но вѣдь Болгарія—государство небольшое, и для нея могутъ быть достаточно хороши и тѣ мелкіе люди, которые выдвинулись на первый планъ и пріобрѣли популярность въ народѣ. Мы порвали сношенія съ регентствомъ и отозвали нашихъ дипломатическихъ представителей, желая этимъ наказать непокорныхъ болгаръ; а въ дѣйствительности мы только очистили мѣсто непріязненнымъ вліяніямъ и оставили безъ надлежащей охраны русскіе интересы въ странѣ. Кандидатомъ на трудный и отвѣтственный постъ правителя Болгаріи называли у насъ кавказскаго князя, не имѣвшаго вовсе случая пріобрѣсть опытность въ политикѣ или въ администраціи: это возбудило протесты даже въ сочувственныхъ намъ болгарскихъ кружкахъ. Антирусскія тенденціи становились рѣшительно преобладающими, по мѣрѣ того, какъ устранялись возможные способы примиренія; въ этомъ же духѣ измѣнился самый составъ регентства, которое дѣйствовало потомъ уже болѣе рѣзко и круто. Поднятъ былъ даже вопросъ объ укрощеніи болгаръ турецкими войсками, и эта оригинальная мысль серьезно обсуждалась въ нашихъ патріотическихъ газетахъ, въ видѣ невиннаго будто бы проекта турецкой оккупаціи. Вообще мы дѣлали все возможное для того, чтобы подорвать существующія симпатіи къ Россіи въ болгарскомъ населеніи и укрѣпить иностранныя связи на Балканскомъ полуостровѣ, а потомъ мы отыскивали виноватыхъ за границею, громили австрійцевъ, англичанъ или нѣмцевъ, жаловались на берлинскую или иную интригу. Въ результатѣ получилось водвореніе въ княжествѣ еще болѣе неудобнаго для насъ правителя, чѣмъ князь Александръ,—принца Фердинанда Кобургскаго.

Въ послѣдніе годы принято было у насъ обвинять Германію за всѣ неудачи русской политики на востокѣ; но это объяснялось лишь обычною нашею скромностью. Русская политика болѣе самостоятельна и свободна, чѣмъ полагаютъ иные патріоты; она не зависитъ даже отъ русскаго общественнаго мнѣнія. „Берлинская дипломатія,—говорили мы въ другомъ мѣстѣ,—не заставляла насъ ни останавливаться у Санъ-Стефано, ни отдавать наши условія мира на усмотрѣніе европей-

скаго конгресса, ни отталкивать Сербію и Болгарію небрежными или ошибочными дѣйствіями; во всемъ этомъ виноваты мы сами. Князь Бисмаркъ не разъ выражалъ недоумѣніе по поводу непонятной легкости, съ какою мы отказывались отъ естественныхъ плодовъ продолжительной и трудной войны, приведшей къ полному торжеству надъ Турціею; мы не держались принципа „beati possidentes“ и добровольно бросали добычу, купленную столь дорогою цѣною, подъ вліяніемъ дипломатическихъ угрозъ Англіи. Князь Бисмаркъ не мѣшалъ Россіи и во время недавнихъ болгарскихъ усложненій; Германія дѣйствовала за-одно съ нами и даже отдалилась замѣтно отъ Австро-Венгріи, на востокѣ, чѣмъ и вызвала горькія нареканія вѣнской печати. Если же мы не воспользовались благопріятными обстоятельствами и возбудили противъ себя вражду Болгаріи, то въ этомъ опять-таки виноваты не нѣмцы и даже не англичане или австрійцы, а мы сами. Наши собственныя ошибки запутали болгарскій кризисъ и сообщили ему нежелательное намъ направленіе; гораздо лучше сознаться въ этомъ прямо, чѣмъ взваливать отвѣтственность на мнимое коварство друзей и недруговъ“ [1]).

Правильное пониманіе восточнаго кризиса можетъ быть выработано только путемъ безпристрастнаго ознакомленія съ политическими стремленіями балканскихъ народностей, съ ихъ общественнымъ развитіемъ и внутренними обстоятельствами за послѣдніе годы. Нужно сознаться, что русская печать сдѣлала въ этомъ отношеніи гораздо меньше, чѣмъ заграничная. Наша литература представляетъ очень мало добросовѣстныхъ описаній современнаго быта Болгаріи или Сербіи, такъ что подробныя свѣденія объ этихъ земляхъ приходится заимствовать изъ иностранныхъ источниковъ.

Западно-европейскіе наблюдатели не всегда сохраняютъ безпристрастіе въ дѣлахъ востока; они слишкомъ часто склонны судить о славянствѣ съ точки зрѣнія существующаго антаго-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, мартъ, 1887, стр. 408—9.

низма интересовъ и традиціонныхъ политическихъ предразсудковъ. Но они имѣютъ одно важное преимущество передъ русскими корреспондентами: они гораздо больше интересуются общими условіями жизни страны и съ любопытствомъ останавливаются на такихъ особенностяхъ въ положеніи и развитіи народа, которыя для насъ кажутся чѣмъ-то привычнымъ и естественнымъ. Какъ бы ни думали иностранцы о восточномъ вопросѣ, они все-таки — только зрители происходящихъ или предстоящихъ событій: для нихъ балканскія племена — нѣчто постороннее и далекое, предметъ наблюденій и дипломатическихъ комбинацій, тогда какъ съ нашей стороны замѣшаны тутъ и внѣшніе государственные интересы, и соображенія національнаго самолюбія, и память о прошлыхъ войнахъ, и ожиданіе новыхъ войнъ. Мы невольно поддаемся чувству раздраженія или безпокойства, когда рѣчь идетъ о придунайскихъ „братушкахъ“; мы не можемъ хладнокровно анализировать явленія, совершающіяся въ этой щекотливой для насъ области. Насъ занимаетъ главнымъ образомъ политическая сторона того сложнаго процесса, которымъ балканскія земли поочередно отчуждаются отъ Россіи; но не менѣе важное значеніе имѣютъ перемѣны въ хозяйственномъ бытѣ этихъ земледѣльческихъ странъ, подвергшихся внезапному напору богатыхъ и жадныхъ промышленныхъ силъ запада. Любопытно прослѣдить, какъ насаждаются и дѣйствуютъ европейскія политическія идеи на свѣжей почвѣ молодыхъ балканскихъ государствъ,—какъ усвоиваются и передѣлываются на туземный ладъ дурныя и хорошія черты европейской правительственной системы. Перерожденіе общественныхъ нравовъ и понятій подъ вліяніемъ иностраннаго покровительства представляетъ такой же глубокій интересъ, какъ и экономическая борьба, могущая привести къ порабощенію освобожденныхъ народовъ заграничными биржами и кредиторами. Въ этомъ отношеніи имѣютъ для насъ особенную цѣнность наблюденія и замѣтки Эмиля де Лавелѐ, изложенныя въ безпритязательной и отчасти отрывочной формѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „La péninsule des Balkans“ (1886, T. I—II) [1]).

[1]) Русскій переводъ этого сочиненія изданъ почтеннымъ К. Т. Солдатенковымъ, подъ заглавіемъ: „Балканскій полуостровъ“ (Москва, 1889), съ обширными

Книга Лавеле посвящена „знаменитому защитнику угнетенных національностей", Гладстону, чѣмъ и опредѣляется общій характеръ ея тенденціи. Авторъ хотѣлъ между прочимъ изслѣдовать, какія перемѣны произошли за послѣднія пятнадцать лѣтъ въ патріархальномъ режимѣ семейной задруги и общиннаго землевладѣнія у южныхъ славянъ. „Не надо пропускать настоящаго момента,—говоритъ онъ,—ибо всѣ эти населенія быстро измѣняются. Подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, новыхъ политическихъ формъ и болѣе близкихъ отношеній съ западною Европою, они не замедлятъ оставить свои мѣстные обычаи и первобытныя учрежденія, чтобы усвоить себѣ законодательство и образъ жизни, которые мы называемъ современною цивилизаціею. Они откажутся отъ своихъ живописныхъ костюмовъ и вѣковыхъ обычаевъ, чтобы одѣваться, мыслить, обсуждать дѣла по-парламентски, ссориться и поучать по образцу Парижа или Лондона". Авторъ остроумно жалуется на чрезмѣрное развитіе промышленности, грозящей „испортить и испачкать нашу планету"... „Химическіе продукты отравляютъ воды; отбросы фабрикъ покрываютъ поля; каменноугольный дымъ грязнитъ зелень растеній и лазурь неба; нечистоты большихъ городовъ превращаютъ рѣки въ помойныя ямы, откуда выходятъ микробы тифа. Полезное уничтожаетъ красоту. И вездѣ то же самое, и иногда это больно до слезъ. На прелестномъ островѣ святой Елены, близъ публичныхъ садовъ Венеціи, устроена фабрика локомотивовъ; церковныя развалины V-го вѣка прев-

---

приложеніями и дополненіями, увеличившими объемъ книги болѣе чѣмъ вдвое. Эти приложенія, собранныя безъ всякой системы, касаются отчасти предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ содержаніемъ книги Лавеле; — напримѣръ, приводятся подробнѣйшія описанія военныхъ дѣйствій болгарскаго ополченія и румынскихъ войскъ (около десяти печатныхъ листовъ мелкаго шрифта), длинныя выписки изъ книги Фадѣева, „Дневника писателя" Достоевскаго и т. п. Притомъ примѣчанія и разсужденія переводчика, г-на Ник. Васильева, отличаются задорнымъ полемическимъ топомъ, въ духѣ „патріотизма", понимаемаго самымъ мелочнымъ образомъ. Переводъ вообще довольно удовлетворителенъ, хотя встрѣчаются неточности и маленькіе пропуски; особенно странно то, что переводчикъ, при всемъ своемъ горячемъ патріотизмѣ, называетъ славянскія племена и мѣстности на нѣмецкій ладъ: онъ говоритъ о „кроатахъ"—вмѣсто хорватовъ, объ Аграмѣ—вмѣсто Загреба и т. п.

ращены въ печи и трубы; и черный дымъ покроетъ слоемъ грязнаго пота розовой мраморъ дворца дожей и мозаики св. Марка, какъ это можно видѣть въ Лондонѣ на фасадахъ св. Павла, покрытыхъ сплошь полосами грязи". Но Лавеле находитъ и утѣшительную сторону въ этой непріятной картинѣ—возрастаніе народнаго богатства, увеличеніе числа зажиточныхъ семействъ; и „если это будетъ такъ продолжаться, то массы будутъ состоять уже не изъ лицъ, живущихъ рабочею платою, а изъ людей, получающихъ прибыль, процентъ или ренту". Съ тѣмъ же легкимъ оптимизмомъ авторъ рѣшаетъ и другіе вопросы, встрѣчающіеся ему на пути; онъ ограничивается остроумными замѣчаніями, приводитъ фактическія данныя и освѣщаетъ ихъ по-своему, безъ всякихъ научныхъ претензій. Упомянувъ о новыхъ университетскихъ сооруженіяхъ въ Германіи, онъ замѣчаетъ: „прикладная наука есть главный источникъ богатства и слѣдовательно могущества; поэтому, о государства! хотите быть могущественными и богатыми? Поощряйте ученыхъ". Проѣзжая черезъ австрійскія владѣнія, Лавеле попалъ въ область жгучихъ національныхъ споровъ. „Пробужденіе національностей—по его словамъ — есть неизбѣжное послѣдствіе развитія демократіи, печати и литературы. Самодержавный монархъ можетъ управлять двадцатью различными народами, не заботясь ни объ ихъ языкѣ, ни объ ихъ происхожденіи. Но все измѣняется, когда наступаетъ царство представительныхъ собраній. Языкъ господствуетъ. На какомъ языкѣ будутъ говорить? Конечно, на народномъ. Занимаясь обученіемъ народа, вы можете дѣлать это только на его языкѣ. Судить людей также нельзя на языкѣ иностранномъ. Чтобы представлять народъ въ парламентѣ и заручиться голосами избирателей, необходимо говорить понятнымъ для народа языкомъ. Такимъ способомъ парламентъ, суды, школы, преподаваніе во всѣхъ его степеняхъ мало-по-малу завоевываются языкомъ національнымъ... Это служитъ источникомъ разногласій и затрудненій, которыя становятся почти неодолимыми въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ... Лучше было бы, безъ сомнѣнія, еслибы въ Европѣ существовало только три-четыре языка или даже одинъ общій для всѣхъ. Но въ ожи-

даніи, пока исполнится этотъ идеалъ единства, всякій освободившійся народъ, призванный управлять собою, будетъ домогаться признанія правъ своего языка и постарается соединиться съ людьми, говорящими на одномъ съ нимъ языкѣ,— развѣ только онъ найдетъ свое полное удовлетвореніе въ избранной національности, соотвѣтствующей его понятіямъ и традиціямъ. Эти именно требованія объ употребленіи національнаго языка и стремленіе къ образованію государствъ, основанныхъ на племенныхъ группахъ, волнуютъ въ настоящее время Австрію и полуостровъ Балканскій".

Въ Вѣнѣ авторъ имѣлъ разговоръ съ министромъ-президентомъ графомъ Таафе, который воспользовался случаемъ для объясненія своей федеральной программы. „Истинное единство,—сказалъ между прочимъ министръ,—будетъ результатомъ всеобщаго удовлетворенія; а чтобы удовлетворить всѣхъ, нужно избѣгать нарушенія чьихъ бы то ни было правъ". Автора удивляетъ только коренное различіе между политикою австрійскаго правительства внутри и тенденціями ея въ дѣлахъ внѣшнихъ. „Внутри славянское движеніе, очевидно, поддерживается. Такъ, въ Галиціи и въ Чехіи ему уступаютъ во всемъ, исключая только возстановленія королевства св. Вячеслава, для котораго однако подготовляется почва. Напротивъ, во внѣшней политикѣ, и особенно по ту сторону Дуная, стараются противодѣйствовать славянскому движенію, рискуя даже увеличить въ тревожной степени популярность и вліяніе Россіи. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что общее имперское министерство совершенно независимо отъ министровъ Цислейтаніи. Общее министерство состоитъ только изъ трехъ министровъ—иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго; оно одно имѣетъ право заниматься внѣшними дѣлами, и венгерцы въ немъ преобладаютъ". Теперь, какъ извѣстно, Австрія поддерживаетъ, славянскую автономію и за Дунаемъ; самыми усердными друзьями Болгаріи оказываются именно мадьяры, такъ что объясненіе Лавелѣ представляется недостаточнымъ. Стремленія балканскихъ народностей вызывали австрійскую вражду только до тѣхъ поръ, пока они совпадали съ предполагаемыми планами Россіи. Графъ Кальноки лично объ-

яснилъ автору свою политическую программу. „На западѣ,— замѣтилъ онъ,—намъ приписываютъ завоевательныя намѣренія. Это нелѣпость. Намъ трудно было бы дѣлать пріобрѣтенія, способныя удовлетворить обѣ половины имперіи, и притомъ мы имѣемъ наибольшій интересъ въ сохраненіи мира. Но есть завоеванія, о которыхъ мы мечтаемъ, и которымъ вы, какъ экономистъ, будете рукоплескать. Эти завоеванія могутъ быть сдѣланы нашею промышленностью, нашею торговлею и нашею цивилизаціею. Для того, чтобы они могли осуществиться, необходимы желѣзныя дороги въ Сербіи, въ Болгаріи, въ Босніи, въ Македоніи, и особенно нужно соединеніе съ оттоманскою желѣзно-дорожною сѣтью, которое окончательно свяжетъ востокъ съ западомъ. Инженеры и дипломаты заняты этимъ дѣломъ. Надѣюсь, что мы достигнемъ цѣли въ скоромъ времени. Я думаю, вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы удобный вагонъ доставилъ васъ въ три дня изъ Парижа въ Константинополь. Мы работаемъ для васъ, людей запада". Болѣе подробныя свѣденія объ этомъ предметѣ авторъ получилъ отъ Каллая, имперскаго министра финансовъ и администратора Босніи. По мнѣнію министра, „Австрія призвана въ занятыхъ провинціяхъ исполнить великую миссію, изъ которой вся Европа извлечетъ свою выгоду: австрійцы должны оправдать оккупацію, цивилизуя край". „Насъ упрекаютъ,—продолжалъ Каллай,—что мы до сихъ поръ еще не разрѣшили поземельнаго вопроса въ Босніи. Но то, что происходитъ въ Ирландіи, доказываетъ, съ какими трудностями сопряжено рѣшеніе подобныхъ задачъ. Въ Босніи вопросъ усложняется еще столкновеніемъ мусульманскаго права съ нашими европейскими законами. Нужно изучить положеніе дѣлъ на мѣстѣ, чтобы понять замѣшательства, останавливающія насъ на каждомъ шагу. Такъ, по турецкимъ законамъ, всѣ лѣса составляютъ собственность государства, и мы придаемъ большое значеніе этому праву, въ видахъ сбереженія лѣсовъ. Съ другой стороны, поссляне настаиваютъ на своемъ правѣ пользоваться государственными лѣсами, въ силу обычая. Еслибы они довольствовались только тѣмъ, что имъ необходимо, мы не видѣли бы въ этомъ никакого зла; но они истребляютъ деревья безъ всякой пощады. Мы издадимъ законъ

для охраны лѣсовъ, столь необходимыхъ въ такой гористой странѣ; но какъ заставить исполнять его? Нужно было бы имѣть армію лѣсныхъ сторожей и вызывать постоянныя столкновенія повсюду". Въ отвѣтъ на замѣчаніе Лавеле о пользѣ соединенія Босніи и Герцеговины съ Далмаціею, Каллай указалъ на вѣроятные результаты „одного изъ первыхъ благодѣяній оккупаціи"—недавно оконченной желѣзно-дорожной линіи, соединяющей Вѣну съ центромъ Босніи, Сараевомъ. Авторъ вообще отзывается сочувственно о дѣятельности австрійцевъ на Балканскомъ полуостровѣ: онъ одобряетъ иноземное господство надъ босняками, установленное съ согласія Россіи на берлинскомъ конгрессѣ и вызвавшее извѣстный возгласъ Гладстона, обращенный къ Австріи: „Hands off"! Очевидно, въ этомъ пунктѣ авторъ не сходится съ знаменитымъ либеральнымъ вождемъ, которому посвящена его книга.

Направляясь въ Боснію, Лавеле остановился на нѣсколько дней у извѣстнаго епископа Штроссмайера, въ Дьяковарѣ. Авторъ превозноситъ личныя качества и общественныя заслуги католическаго архипастыря, которому хорваты обязаны своею академіею наукъ и своимъ университетомъ. Епископъ Штроссмайеръ принадлежитъ къ пренебрегаемой у насъ старой школѣ дѣятелей, считающихъ народное просвѣщеніе единственною основою всякихъ успѣховъ—политическихъ, культурныхъ и религіозныхъ. Результаты, достигаемые этою просвѣтительною дѣятельностью, чувствуются на каждомъ шагу въ возрождающейся національной жизни австрійскихъ славянъ. Авторъ не думаетъ, чтобы былъ возможенъ или желателенъ успѣхъ пропаганды въ пользу Рима; но „дѣло, которому отдалъ свою жизнь Штроссмайеръ,—возстановленіе хорватской народности,—поставлено настолько крѣпко, что оно выдержитъ уже самыя сильныя испытанія и удары". Въ окрестностяхъ Дьяковара Лавеле имѣлъ случай наблюдать патріархальный бытъ земледѣльческихъ семейныхъ общинъ или задругъ, которыя, по его свидѣтельству, пользуются гораздо большимъ благосостояніемъ, чѣмъ прочія крестьянскія хозяйства. Постепенное исчезновеніе задругъ есть фактъ печальный, о которомъ искренно сожалѣетъ авторъ. „Мысль, что всякое нововведеніе есть прогрессъ, такъ овладѣла нашими

умами, что мы склонны осуждать все исчезающее. Любовь къ перемѣнамъ, вкусъ къ роскоши, духъ неподчиненія, вѣянія индивидуализма и проникнутыя ими законодательства, называемыя прогрессивными,—все это убиваетъ задруги. Трудно видѣть во всемъ этомъ истинный прогрессъ". Въ Босніи авторъ нашелъ уже значительные слѣды австрійской культуры; но серьезныя реформы затрудняются еще преобладающею ролью мусульманства въ мѣстномъ населеніи. „Счастіе Сербіи, Болгаріи и Румеліи—въ томъ, что мусульмане, будучи турками, удалились или уходятъ оттуда. Здѣсь же, будучи славянами, они большею частью остаются". Въ Сараевѣ Лавелѣ помѣстился въ роскошной монументальной гостинницѣ, устроенной со всевозможнымъ европейскимъ комфортомъ, и по этому поводу онъ опять благословляетъ оккупацію. При содѣйствіи боснійскаго правителя, барона Николича, авторъ ознакомился съ любопытными особенностями землевладѣнія въ странѣ. „Источникомъ собственности считается трудъ. Деревья, посаженныя на чужой землѣ, или постройки, возведенныя на ней, составляютъ независимую собственность. То же самое существуетъ въ Алжирѣ, гдѣ часто произведенія почвы раздѣляются между тремя владѣльцами: одинъ собираетъ зерно, другой—плоды деревьевъ, а третій—кормъ для скота, въ теченіе лѣта. Владѣлецъ построекъ или растеній на чужой землѣ можетъ пріобрѣсть ее въ собственность, если стоимость его работъ превышаетъ цѣнность почвы. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ, отъ Марокко до Явы, расчистка земли есть одинъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія права собственности, и право утрачивается съ прекращеніемъ обработки. Общественный интересъ ставитъ границы правамъ частнаго владѣльца. Собственникъ можетъ только пользоваться, но не злоупотреблять землею; онъ долженъ сохранять ея производительность. Онъ не можетъ продавать свою землю кому угодно; сосѣди, обыватели села и арендаторъ имѣютъ право преимущественной покупки. Въ Босніи и Сербіи дѣйствуетъ съ давнихъ временъ благодѣтельный принципъ, ограждающій поселянъ отъ разоренія со стороны ростовщиковъ: кредиторы не могутъ отнимать у должника ни его жилища, ни пространства земли, необходимаго для его пропита-

нія. Мало того, если на земляхъ подвергнутыхъ аресту и продажѣ, не оказывается скромнаго жилища, соотвѣтствующаго положенію неоплатнаго должника, то кредиторы обязаны построить ему избу. Множество людей живетъ въ Сараевѣ насчетъ благотворительности; по разслѣдованію обнаружилось, что всѣ эти нищіе владѣютъ домами". Но хорошіе принципы существовали только для мусульманъ, и христіанскіе поселяне были доведены до положенія безправнаго скота или „райи", при турецкомъ владычествѣ. Австрійское правительство довольствуется пока посредничествомъ между землевладѣльцами-бегами и крестьянами-кметами, съ цѣлью установленія обязательнаго размѣра платежей и повинностей. Земледѣліе находится въ довольно печальномъ состояніи; авторъ совѣтуетъ водворять на государственныхъ земляхъ австрійскихъ поселенцевъ, способныхъ служить примѣромъ для туземнаго крестьянства,—хотя, съ точки зрѣнія босняковъ, раздача поземельныхъ участковъ иностраннымъ колонистамъ была бы крайне несправедлива и нецѣлесообразна. Въ Сараевѣ учреждено статистическое бюро, работы котораго отличаются полнотою и добросовѣстностью; подробный поземельный кадастръ составленъ въ теченіе семи лѣтъ, причемъ израсходовано около семи милліоновъ франковъ. „Пока Боснія принадлежала туркамъ, она оставалась областью болѣе невѣдомою, чѣмъ вершины Гималая или даже Памира. Теперь она извѣстна во всѣхъ своихъ деталяхъ: изслѣдована почва, описаны и измѣрены земельныя владѣнія, опредѣленъ составъ населенія по племени, религіи и занятіямъ, изученъ аграрный режимъ. Кто пересмотритъ оффиціальные труды здѣшняго бюро, тотъ будетъ знать эту страну лучше, чѣмъ свою". Число чиновниковъ значительно увеличилось; одинъ учитель приходится на 4.500 жителей; адвокатовъ нѣтъ совсѣмъ, и турки презираютъ ихъ, такъ какъ кораномъ строго осуждены люди, „занимающіеся чужими дѣлами съ хитростью и лукавствомъ, и всякая личность этого рода должна быть изгоняема изъ хорошаго общества". Въ Сараевѣ издаются двѣ газеты—дѣло небывалое при турецкомъ правительствѣ. Австрійская власть, по словамъ автора, старается будто бы сохранить безпристрастіе относительно католиковъ и православныхъ; она устроила православ-

ную семинарію, учредила духовную консисторію при митрополитѣ и даетъ средства на поддержаніе и возстановленіе православныхъ церквей. Православные босняки не поддаются католической пропагандѣ; вѣроисповѣданіе неразрывно связано у нихъ съ народностью. Обязательная военная служба сглаживаетъ религіозныя и національныя различія; представители будущаго поколѣнія обучаются совмѣстно въ военномъ боснійскомъ училищѣ и въ 42-хъ общихъ правительственныхъ школахъ. Въ Сараевѣ послѣдовательно учреждены — средне-учебное заведеніе, особенно для сыновей должностныхъ лицъ, классическая гимназія и высшая школа для дѣвицъ. По отчету 1883 года, въ Босніи числится 132 школы, съ 196-ю учителями и 8.132 учащимися; а если считать мусульманскія училища, то учащихся всего 35.660, или на 100 жителей приходится 3 воспитанника. На пути сообщенія потрачено, со времени оккупаціи, около 14 милліоновъ флориновъ, изъ которыхъ 13 милліоновъ дано имперскимъ казначействомъ. Правительство издало уголовный кодексъ, уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, торговый уставъ и законъ о несостоятельности. Сдѣлана также попытка ввести городское самоуправленіе, которымъ пользуется пока только городъ Сараево. Несмотря на всѣ эти исключительные расходы, австрійцамъ удалось избѣгнуть дефицита въ бюджетѣ Босніи и Герцеговины: за 1884 годъ получился избытокъ доходовъ въ $56^1/_2$ тысячи, при общей цифрѣ бюджета въ $7^1/_2$ милл. флориновъ. Между тѣмъ бремя налоговъ не только не увеличилось, но еще напротивъ—ослабѣло; отмѣнены стѣснительные сборы съ поселянъ, пошлины съ продажи крупнаго скота, денежные взносы лицъ, свободныхъ отъ рекрутчины, и др.

„Что сказать теперь объ австрійской оккупаціи?—заключаетъ Лавелѣ:—Если, забывъ политическіе счеты, имѣть въ виду только прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, то никакое сомнѣніе невозможно; всякій другъ человѣчества долженъ сердечно одобрять оккупацію. Неурядица, съ ея жестокими бѣдствіями и страданіями, все болѣе возрастала подъ турецкимъ господствомъ. При новомъ режимѣ предстоитъ быстрое и общее улучшеніе. Но нельзя ли было рѣшить дѣло иначе и лучше?

Не слѣдовало ли присоединить Боснію и Герцеговину къ Сербіи? Предположивъ великодушную готовность Австріи возсоздать сербское царство Душана, мы наткнулись бы прежде всего на два важныя затрудненія. Во-первыхъ, босняки-мусульмане (448,613 чел.), которые сдерживаются теперь корпусомъ отборныхъ войскъ въ 25,000 человѣкъ, подчиняются Австріи только потому, что она можетъ располагать въ случаѣ надобности полумилліонною арміею; но они едва ли подчинились бы владычеству Сербіи, имѣющей въ мирное время не болѣе 15,000 солдатъ. Это было бы поводомъ къ постояннымъ столкновеніямъ и вызывало бы финансовыя усилія, разорительныя для молодого сербскаго королевства. Другое препятствіе еще болѣе серьезно. Боснія, присоединенная къ Сербіи, оставалась бы вновь отдѣленною отъ далматскаго побережья и портовъ, составляющихъ ея естественное и необходимое дополненіе. Не нужно стремиться къ идеалу, неосуществимому въ данное время. Содѣйствуя развитію благосостоянія и образованія въ Босніи, Австрія подготовляетъ великое будущее для южно-славянской расы. Движеніе національностей столь могущественно и неодолимо, что настанетъ время, когда всѣ славянскія племена на югѣ успѣютъ соединиться подъ федеральною властью, или въ составѣ преобразованной австрійской имперіи, или въ независимомъ союзѣ“ [1]). Но народы предпочитаютъ свое управленіе дурное—чужому хорошему и разсчетливому, такъ что доводы Лавелѐ не могутъ быть убѣдительны для боснійскихъ сербовъ.

XLI.

Замѣчанія Лавелѐ о положеніи дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи. — Идея балканской федераціи въ теоріи и на практикѣ.

Пребываніе въ Сербіи не давало пріятныхъ впечатлѣній путешественнику при запутанномъ политическомъ положеніи страны, существовавшемъ до послѣдняго времени. Лавелѐ го-

[1]) Противъ этого австрофильскаго взгляда Лавелѐ горячо возстаетъ г. Стоянъ Бошковичъ въ брошюрѣ: „La mission du peuple serbe“ (Brux., 1886).

воритъ о сербскихъ дѣлахъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ иронiи. Король Миланъ занятъ былъ своимъ бюджетомъ; онъ радовался, что доходы, составлявшiе 13 милiоновъ въ 1868 году, при вступленiи его на престолъ, возросли до 34 милiоновъ въ 1883 году. „И мы не остановимся на этомъ,—говорилъ онъ автору,—ибо налоги плохо распредѣлены: они могутъ дать вдвое, не разоряя плательщиковъ“. Лавелѐ позволилъ себѣ замѣтить, что „возрастанiе бюджетовъ есть болѣзнь, свойственная всѣмъ современнымъ государствамъ, что нужно бороться съ нею, чтобы она не сдѣлалась смертельною“. Король Миланъ понималъ по-своему задачи правителя; онъ рѣшилъ воздвигнуть рядомъ съ прежнимъ „конакомъ“ обширный дворецъ съ претенцiозными куполами, выступающiй вплоть до самой линiи бульвара. На обѣдѣ у короля, Лавелѐ вторично напомнилъ, что „непроизводительные расходы повсюду разоряютъ семейства и государства“, и что „монархи должны подавать примѣръ простоты и экономiи“. Въ Сербiи хотѣли тогда расширить полномочiя центральной власти, въ ущербъ мѣстнымъ общинамъ, для того, чтобы все было болѣе однообразно и методично; „это прогрессъ навыворотъ, ибо на нашемъ западѣ всѣ признаютъ преимущества децентрализацiи, и мы были бы счастливы, еслибы можно было имѣть общину, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Сербiи“. Бѣлградскiе „государственные люди“ желали искусственными мѣрами создать крупную промышленность; для этого устанавливались монополiи, субсидiи и льготы, обременительныя для казны и для всего населенiя. „Всякая монополiя,—по замѣчанiю автора,—есть преграда, задерживающая развитiе, и ее устраняютъ вездѣ, гдѣ только могутъ. Она имѣетъ еще смыслъ, когда приноситъ доходъ казначейству; но монополiя, которая стоитъ денегъ государству и ложится бременемъ на плательщиковъ, есть вещь нелѣпая и несправедливая. Въ странѣ, гдѣ всѣ владѣютъ землею и обрабатываютъ ее, не наступило еще время для фабричной промышленности; нѣтъ пролетарiата, который могъ бы доставить дешевыя рабочiя руки. Вмѣсто того, чтобы радоваться такому счастливому экономическому состоянiю, позволяющему людямъ вести здоровую жизнь въ деревнѣ и

зарабатывать хлѣбъ земледѣльческимъ трудомъ, сербское правительство хлопочетъ о созданіи искусственной индустріи, противорѣчащей природѣ вещей и болѣе доступной, чѣмъ наша, жестокимъ кризисамъ, отъ которыхъ мы страдаемъ періодически. Какое заблужденіе! Оно вызывается тою идеею, что страна, лишенная крупной промышленности, должна считаться отсталою, варварскою. Видя возвышающіяся фабричныя трубы, эти прогрессисты привѣтствуютъ ихъ, какъ проявленіе западной цивилизаціи. Кто имѣетъ выгоду отъ созданія этихъ учрежденій? Ни государство, дающее имъ всякаго рода льготы, ни публика, обираемая монополистами, ни рабочіе, оторванные отъ деревни и скученные въ мастерскихъ. Нѣкоторые иностранные спекуляторы обогатятся, можетъ быть, насчетъ Сербіи и пойдутъ расходовать въ другомъ мѣстѣ чистую прибыль, доставляемую привилегированными поборами... Почти все нужное жителямъ деревень, т.-е. девяти-десятымъ населенія,—одежда, мебель, хозяйственныя принадлежности и земледѣльческія орудія,—приготовляется на мѣстѣ домашними промыслами. Зачѣмъ уничтожать эти промыслы монопольною конкурренціею, которая взамѣнъ хорошихъ, крѣпкихъ издѣлій, соотвѣтствующихъ климату и столь оригинальныхъ, дастъ дешевыя фабричныя матеріи, по образцу австрійскихъ и французскихъ? Здѣсь нѣтъ еще условій для развитія крупной промышленности: ни городскихъ рынковъ, ни потребителей, ни состава рабочихъ".

Лавелѐ указалъ сербскому министру финансовъ еще на другую опасность, угрожающую Сербіи,—на „постоянное увеличеніе государственнаго долга, тяготѣющаго надъ страною, разоряющаго крестьянство и причиняющаго больше вреда, чѣмъ моръ, война и голодъ". Не существуетъ болѣе вѣрнаго способа обѣдненія; „бѣдствія войны изглаживаются быстро, какъ это видно было на примѣрѣ Франціи послѣ 1870 года; но долгъ вырываетъ хлѣбъ изъ рукъ земледѣльцевъ. Посмотрите на Италію, Россію и Египетъ. Особенно тяжело отзываются долги въ странахъ, отдаленныхъ отъ рынковъ запада,—гдѣ цѣны продуктовъ низки и денегъ мало. Въ далекой провинціи, гдѣ-нибудь въ центрѣ Балканскаго полуострова, семья пользуется достаткомъ; но заставьте ее платить 20 или 30 фран-

ковъ золотомъ банкирамъ Вѣны или Парижа, въ качествѣ ея доли въ платежѣ процентовъ по государственному долгу,—и сколько произведеній должна будетъ продать семья, въ ущербъ своимъ потребностямъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ удобныхъ дорогъ для вывоза и нѣтъ покупателей на мѣстѣ, гдѣ всякій самъ производитъ все, что ему нужно! Легкость займовъ представляетъ неодолимый соблазнъ для правителей. Немедленно получаются громадныя средства, а будущность позаботится объ уплатѣ процентовъ и о погашеніи долга. Банкиры всегда готовы предложить деньги взаймы; они берутъ себѣ премію и оставляютъ рискъ за публикою, участвовавшею въ подпискѣ. Дефицитъ возрастаетъ; для покрытія его дѣлается новый заемъ; населеніе подавляется налогами, пока не наступаетъ банкротство. Такова обычная исторія восточныхъ займовъ. Кредитъ—это язва для странъ, мало развитыхъ въ промышленномъ отношеніи... Дорого стоющія вооруженія, повторяющіеся займы, отдача въ залогъ самыхъ источниковъ дохода,—все это симптомы, вызывающіе безпокойство". Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается до преувеличенныхъ размѣровъ система чиновничества. „Тогда какъ Бельгія, при пяти съ половиною милліонахъ населенія, имѣетъ всего девять провинціальныхъ губернаторовъ, Сербія съ ея 1.800.000 жителей раздѣлена на двадцать-одинъ департаментъ съ такимъ же количествомъ начальниковъ, и на восемьдесятъ одинъ округъ съ соотвѣтственнымъ числомъ чиновниковъ; у каждаго изъ областныхъ и окружныхъ начальниковъ есть секретари, писцы, канцелярскіе служители".

Подавляя народную жизнь чрезмѣрною чиновничьею опекою и жертвуя народными средствами для удовлетворенія своего честолюбія и тщеславія, бѣлградское правительство слѣдовало политикѣ, весьма рискованной и опасной. „Нѣтъ ничего печальнѣе!—говоритъ далѣе Лавелѐ:—вотъ и Сербія, страна свободная и только недавно достигшая независимости, идетъ по стопамъ Турціи и Египта. Она постепенно отдаетъ въ обезпеченіе и въ залогъ всѣ свои доходы, давая этимъ право европейскимъ капиталистамъ вмѣшиваться въ ея внутреннюю администрацію. Она утрачиваетъ свою самостоятельность. Она будетъ платить дань уже не въ Константинополѣ, а въ Вѣнѣ и

Парижѣ, при условіяхъ болѣе суровыхъ. Она направляется по пути, который ведетъ къ банкротству или къ экономическому рабству сербскаго народа. Для такого ли будущаго боролись Георгій Черный и Милошъ!"... „Еслибы могъ быть услышанъ мой голосъ,—замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—я сказалъ бы сербамъ: сохраните ваши общинныя учрежденія, ваше равномѣрное распредѣленіе земли; уважайте ваши мѣстныя автономіи; берегитесь подавлять ихъ тучей регламентовъ и чиновниковъ. Старайтесь имѣть хорошихъ учителей, образованныхъ священниковъ, практическія школы сельскаго хозяйства, удобные пути сообщенія; затѣмъ предоставьте частной иниціативѣ дѣйствовать свободно, и вы сдѣлаетесь притягательнымъ центромъ для образующейся громадной организаціи—балканскаго союза. Но если, напротивъ, вы будете насиловать и давить населеніе, чтобы идти скорѣе и сблизиться съ западомъ въ болѣе короткій срокъ,—вы приведете къ пропасти Сербію и самихъ себя".

Что касается внѣшняго положенія Сербіи, то оно, по мнѣнію автора, опредѣляется отчасти образомъ дѣйствій Россіи. „Русская политика,—говоритъ Лавелѐ,—успѣла обнаружить замѣчательную неумѣлость и достигла того, что потеряла всѣ плоды своихъ жертвъ. Безъ сомнѣнія, Сербія въ значительной мѣрѣ обязана ей не только своимъ существованіемъ, въ качествѣ самостоятельнаго государства, но и особенно новѣйшимъ увеличеніемъ своей территоріи; между тѣмъ Россія, чтобы держать страну въ зависимости отъ себя, противодѣйствовала развитію ея свободы (?) и возбуждала въ ней внутреннія несогласія. Вслѣдствіе этого сербы не сохранили къ ней никакого чувства признательности. Такую же точно политику проводитъ Россія и въ Болгаріи. Она дѣлаетъ вредъ самой себѣ и своимъ протежѐ. Создавая молодыя государства, вы должны соблюдать ихъ независимость и поддерживать ихъ законныя стремленія. Тогда вы можете разсчитывать на нихъ въ минуту опасности". Авторъ вообще не скрываетъ своего невысокаго мнѣнія о нашей политикѣ и о нашихъ дѣятеляхъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Болгаріи Лавелѐ засталъ (въ 1884 году) сильное бро-

женіе, вызванное стремленіемъ къ возсоединенію съ Восточною Румеліею. По обыкновенію, онъ вкратцѣ излагаетъ исторію княжества и даетъ характеристику наиболѣе выдающихся его дѣятелей. Молодой и неопытный князь Александръ „мало довѣрялъ ультра-либеральнымъ учрежденіямъ, которыя приняты были болгарскимъ народомъ". Онъ подчинился вліянію консерваторовъ и, по ихъ совѣту, въ маѣ 1881 года потребовалъ исключительныхъ полномочій на семь лѣтъ. „Русскій генералъ Эрнротъ, назначенный министромъ, съумѣлъ, при помощи жандармеріи и спеціальныхъ комиссаровъ, совершенно уничтожить свободу выборовъ. Либералы, преслѣдуемые какъ дикіе звѣри, воздержались отъ участія въ голосованіи... Консервативное министерство надѣялось водворить спокойствіе, удаливъ вождя оппозиціи, Цанкова: послѣдній былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Но цѣль не была достигнута. Произволъ только раздражалъ оппозицію. Пятьдесять-пять высшихъ чиновниковъ въ Софіи обратились къ государственному совѣту съ петиціею, въ которой ходатайствовали о гарантіяхъ противъ произвола правительства". Въ виду трудности положенія, изъ Петербурга были присланы два весьма способныхъ генерала, которымъ удалось обезпечить консерваторамъ успѣхъ на выборахъ. Началась глухая борьба противъ гг. Соболева и Каульбарса, при участіи консерваторовъ и самого князя. Русская дипломатія поняла тогда ошибочность своихъ дѣйствій, направленныхъ въ пользу реакціи, и русскій консулъ побудилъ князя возстановить конституцію въ августѣ 1883 года. Во главѣ министерства становится Цанковъ, который впослѣдствіи уступаетъ мѣсто Каравелову. „Сколько низложенныхъ министровъ, — говоритъ Лавелѐ, — сколько быстрыхъ перемѣнъ и скачковъ въ теченіи пяти лѣтъ со времени созданія нынѣшней Болгаріи! Духъ послѣдовательности отсутствовалъ совершенно, а онъ необходимъ, когда дѣло идетъ о новомъ политическомъ устройствѣ страны. Въ этомъ прежде всего виноваты князь и его совѣтники, которые, вопреки демократическимъ тенденціямъ народа, желали управлять самовластно. Попытка могла бы имѣть успѣхъ только при содѣйствіи русской военной силы. Русское правительство отказалось поддерживать этотъ опытъ неумѣстнаго деспотизма,

и оно было право, какъ съ точки зрѣнія популярности Россіи между славянами на полуостровѣ, такъ и въ интересахъ европейскаго мира... Россія имѣетъ предъ собою вполнѣ опредѣленную роль на востокѣ: она должна только защищать два великіе принципа, которымъ принадлежитъ будущее, — принципъ національностей и свободу народнаго самоуправленія. Она можетъ тогда не обращать вниманія на неблагодарность правителей, ибо она будетъ въ состояніи разсчитывать на симпатіи народовъ. Что особенно заслуживаетъ сожалѣнія и порицанія въ исторіи этихъ шести лѣтъ въ Болгаріи,—это наклонность честолюбивыхъ дѣятелей опираться на иностранныхъ агентовъ, для борьбы съ противниками и для низверженія ихъ. Общественное мнѣніе должно было бы безпощадно клеймить подобные факты. Вызывать вмѣшательство великихъ державъ— значитъ измѣнять отечеству. Всякій, кто виновенъ въ такомъ оскорбленіи народности, долженъ быть разсматриваемъ какъ измѣнникъ".

Авторъ считаетъ болгаръ весьма благоразумными, осторожными и разсчетливыми; они не поддаются приманкамъ заграничныхъ предпринимателей, стараются вести свои дѣла самостоятельно и не любятъ чужого вмѣшательства, хотя бы и дружественнаго. Внутреннія разногласія были забыты во время кризиса, пережитаго страною. Но русскіе дипломатическіе агенты — по мнѣнію Лавелѣ — „играли въ Софіи роль неловкую и вредную: они хотятъ, чтобы все шло согласно ихъ волѣ, и когда этому противится народное чувство, они усиливаются запутать положеніе, смѣнить министровъ, парализовать князя и доказать, что въ нихъ нуждаются. Единственный результатъ, котораго они достигнутъ, будетъ тотъ, что они заставятъ болгаръ забыть всѣ услуги, оказанныя Россіею, и уничтожатъ всякое чувство благодарности. Русскіе должны бы дѣйствовать совершенно иначе. Они должны покровительствовать, совѣтовать, но никогда не приказывать и не интриговать. Россія создала Болгарію; пусть она поможетъ ей быть независимымъ государствомъ. Зачѣмъ будетъ она мѣшать развитію дѣтища, которое она произвела на свѣтъ? Пусть она сохранитъ за собою роль, доставившую ей нѣкогда сочувствіе всѣхъ славянъ;

пусть она поднимаетъ свой голосъ въ пользу райевъ въ Константинополѣ и въ совѣтахъ Европы, ссылаясь на необходимость прочнаго спокойствія и благосостоянія на Балканскомъ полуостровѣ, не только по соображеніямъ человѣчности, но и ради общаго мира. Только такимъ способомъ возстановитъ она свое вліяніе; въ противномъ случаѣ она утратитъ его въ Болгаріи и Македоніи, какъ потеряла его раньше въ Сербіи и Хорватіи". Авторъ признаетъ объединеніе болгаръ дѣломъ неизбѣжнымъ и въ высшей степени желательнымъ; онъ негодуетъ на дипломатовъ, допустившихъ на берлинскомъ конгрессѣ раздробленіе Болгаріи на двѣ половины и отдавшихъ Македонію обратно въ руки турокъ. Лавелѣ приводитъ много фактическихъ свѣденій о несчастномъ положеніи македонскихъ христіанъ, угнетаемыхъ арнаутами и турецкою солдатчиною; онъ не разъ указывалъ въ англійской печати на вопіющую несправедливость того равнодушія, съ какимъ относятся великія державы къ жалкой судьбѣ населеній, оставленныхъ подъ турецкимъ игомъ. То, въ чемъ лордъ Биконсфильдъ видѣлъ спеціальный интересъ Англіи, является благодарною почвою для дальнѣйшаго русскаго вліянія, матеріаломъ для постоянныхъ усложненій и опасныхъ кризисовъ. Въ этомъ авторъ могъ убѣдиться и въ Софіи.

Между прочимъ, наблюдая ходъ внутренней жизни въ княжествѣ, Лавелѣ не упускалъ случая повторять тѣ же благоразумные совѣты, какіе высказывались имъ и въ Бѣлградѣ. Ему не понравилась чрезмѣрная роскошь княжескаго дворца, сооруженіе котораго стоило болѣе четырехъ милліоновъ франковъ; окрестности столицы лишены растительности, и „здѣсь болѣе необходимо сажать деревья, чѣмъ строить дворцы". Изъ бюджета въ 35 милліоновъ приходится на долю военнаго вѣдомства болѣе 13 милліоновъ; на народное образованіе расходуется около 2 милліоновъ. Въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгаріею первое мѣсто занимаетъ Австрія, второе — Англія, а третье—Румынія. „Русская промышленность, черезъ-чуръ покровительствуемая, не можетъ соперничать съ западною индустріею, и притомъ экономическія условія Болгаріи и Россіи слишкомъ однородны, чтобы торговый обмѣнъ могъ быть зна-

чителенъ". Общее экономическое состояніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. „Нѣтъ ни крупнаго землевладѣнія, ни аристократіи, ни вражды между классами. Почти вездѣ крестьяне имѣютъ землю въ размѣрѣ, вполнѣ достаточномъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Арендные договоры здѣсь неизвѣстны". Любопытна параллель, проводимая авторомъ между сербами и болгарами. „Сербъ обладаетъ болѣе живымъ темпераментомъ; онъ болѣе откровененъ, болѣе расточителенъ, болѣе краснорѣчивъ, болѣе благороденъ и поэтиченъ, но менѣе трудолюбивъ и менѣе настойчивъ. Болгаринъ хладнокровенъ, сосредоточенъ, разсудителенъ и молчаливъ; онъ медленно и вѣрно идетъ къ своей цѣли. Сербы напоминаютъ поляковъ, болгары—чеховъ и саксонцевъ. Первые сдѣлаютъ больше для развитія литературы; послѣдніе—для успѣховъ экономическихъ. Митхадъ-паша устроилъ кафе-шантаны, чтобы ввести западную цивилизацію въ придунайской области; но они не имѣли успѣха. Люди заняты работою и охотно проводятъ вечера среди своихъ семействъ. Въ общемъ — раса солидная, крѣпкая, плодовитая, нравственная. Она даетъ отличный матеріалъ для общества свободнаго и зажиточнаго".

Лавелѣ останавливается затѣмъ на особенностяхъ болгарской конституціи—„одной изъ самыхъ свободныхъ и демократическихъ въ Европѣ". Когда-то говорили о Наполеонѣ III, что для него „свобода есть предметъ вывоза"; то же самое, по мнѣнію автора, примѣнимо и къ составителямъ тырновской конституціи, въ которой однако „можно видѣть доказательство полнаго безкорыстія Россіи". Самыя широкія вольности обезпечены болгарамъ: свободная печать, безъ залоговъ и цензуры; право сходокъ и союзовъ. Всякіе законы и налоги должны быть вотируемы народнымъ собраніемъ; народъ пользуется даровымъ и обязательнымъ обученіемъ. Приговаривать къ какому бы то ни было наказанію могутъ только суды. Конфискаціи не существуетъ. Частная собственность и частная переписка признаются неприкосновенными. Авторъ находитъ, что демократическій строй, установленный въ Болгаріи, требуетъ соблюденія двухъ условій: во-первыхъ, чтобы князь окончательно отказался отъ личнаго управленія и принималъ министровъ,

указываемыхъ большинствомъ; и во-вторыхъ, нужно сохранить старую общинную автономію и не стремиться къ централизаціи, могущей затруднить дѣятельность парламента. Само собою разумѣется, что конституція можетъ имѣть значеніе только при обычномъ мирномъ ходѣ общественной жизни, а не въ эпоху политическихъ столкновеній, переворотовъ и междоусобій. Болгарія пока еще не имѣетъ внѣшняго долга. Даже послѣдняя война велась при помощи свободныхъ средствъ и реквизицій. Это — большое преимущество болгаръ передъ Сербіею, долгъ которой превышаетъ уже 260 милліоновъ франковъ, т.-е. 144 фр. на каждаго жителя, или почти 600 франковъ на семью. Болгарія процвѣтала бы во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы во главѣ ея поставленъ былъ правитель, болѣе свѣдущій и опытный, чѣмъ князь Александръ. „Недостаточно быть лейтенантомъ прусской арміи, чтобы умѣть управлять народами,— писалъ автору дипломатъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Софіи:—князю было не болѣе 21 года, и онъ мечталъ о блестящихъ дворцахъ, объ арміяхъ, объ орденахъ и европейскихъ союзахъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія объ искусствѣ управленія. Онъ вздумалъ поступать по образцу императора германскаго. Болгарскіе министры были ему непріятны, и онъ держалъ ихъ въ сторонѣ, стараясь имѣть съ ними какъ можно меньше дѣла. Онъ хотѣлъ воспитать болгарскій народъ черезъ посредство казармъ; только полковая служба, по его мнѣнію, образуетъ націю. Онъ серьезно заботился о томъ, чтобы пребываніе въ рядахъ арміи пріучало болгаръ къ мясной пищѣ. Въ Софіи воздвигнуты прекрасныя казармы и министерское зданіе для одного только вѣдомства,—конечно, военнаго. Что касается школъ, гимназій и госпиталей, то о нихъ не думали. Князь жалѣетъ, что не можетъ слушать „Лоэнгрина“ въ Софіи. Когда имѣютъ подобные вкусы, то остаются въ Берлинѣ или Дармштадтѣ, а не берутъ на себя управлять болгарами“. Лавелѣ полагаетъ, что населеніе чувствуетъ глубокую благодарность относительно Россіи. „Общность расы и религіи составляетъ могущественную связующую силу. Русскіе солдаты, мягкосердечные, добрые, снисходительные, заслужили общую любовь... Несмотря на все это, болгары не имѣютъ ни малѣй-

шаго желанія быть русскими или имѣть русскихъ начальниковъ". Съ своей стороны, авторъ обращается къ болгарамъ съ цѣлымъ рядомъ наставленій: „Надо избѣгать, какъ чумы, всякаго иноземнаго вмѣшательства въ дѣла внутреннія. Никто не долженъ быть назначаемъ на министерскій или иной вліятельный постъ, не будучи болгариномъ по рожденію или по натурализаціи. Продолжайте быть экономными въ расходованіи народныхъ средствъ; не дѣлайте публичныхъ займовъ. Остерегайтесь иностранныхъ финансистовъ; они васъ развратятъ, доведутъ васъ до разоренія и рабства. Но принимайте безъ узкой зависти и вражды тѣхъ промышленниковъ, торговцевъ, агрономовъ, которые пожелаютъ поселиться между вами. Не торопитесь вводить у себя крупную промышленность при помощи субсидій и покровительственныхъ пошлинъ; берегите свои мѣстные и традиціонные промыслы; сохраните, по примѣру королевы румынской, свои національныя одежды, гораздо болѣе изящныя и удобныя, чѣмъ наши тѣсныя и мрачныя платья". Напрасные совѣты! Подражаніе, привычка смѣшивать форму съ сущностью, національное самолюбіе, личныя слабости правителей,—все это рано или поздно заставитъ болгаръ усвоить, вмѣстѣ съ европейскою культурою, и темныя стороны политической жизни, и внѣшнія особенности чужого быта. Нужно только пожелать, чтобы усвоеніе дурного ограничивалось лишь поверхностью, не затрогивая самыхъ основъ народнаго существованія и развитія.

Равноправный союзъ балканскихъ народностей кажется автору единственно возможнымъ и справедливымъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса. Послѣдняя сербская война освѣтила печальную фактическую обстановку, при которой долженъ осуществиться благодѣтельный проектъ федераціи. Враждебное соперничество сосѣднихъ племенъ, даже близкихъ по вѣрѣ и по языку, не обѣщаетъ скораго примѣненія разумныхъ требованій филантроповъ. Лавелѐ съ понятнымъ негодованіемъ бичуетъ нелѣпую воинственную политику бывшаго короля Милана. „Необходимо,—говоритъ онъ,—задавить въ самомъ зародышѣ эту безсмысленную и ненавистную теорію равновѣсія, недавно придуманную сербами въ видѣ предлога для самаго произволь-

наго, ничѣмъ не оправдываемаго нападенія. Теорія эта не имѣетъ смысла, потому что ни историческіе, ни современные факты не даютъ ей ни малѣйшей точки опоры. Въ Европѣ маленькія государства, въ родѣ Голландіи, Даніи, Бельгіи, Швейцаріи, существуютъ рядомъ съ великими державами. Соединенные Штаты состоятъ изъ громадныхъ государствъ, какъ Калифорнія, Огайо, Нью-Іоркъ, и изъ государствъ очень малыхъ, какъ Мэнъ и Родъ-Айландъ. Въ Швейцаріи 160.000 итальянцевъ Тессина живутъ мирно и свободно на ряду съ 2.600.000 французовъ и нѣмцевъ. Сербія не имѣла никакого основанія противиться объединенію болгаръ, ибо сама она существуетъ только въ силу права народностей располагать своею судьбою. Эта теорія ненавистна, потому что первымъ ея послѣдствіемъ было бы возбужденіе между молодыми государствами полуострова постояннаго антагонизма, который побуждалъ бы ихъ вооружаться и бросаться другъ на друга при каждомъ успѣхѣ одного изъ нихъ. Предположите, что Греція присоединила Кандію или оставшуюся за турками часть Ѳессаліи; Сербія и Болгарія не допустятъ этого, такъ какъ нарушилось бы равновѣсіе въ ущербъ ихъ интересамъ! Или: Сербія получаетъ Боснію и Старую Сербію; тотчасъ Греція и Болгарія будутъ имѣть право объявить ей войну!.. Сербскій умъ отравленъ старинными и ложными идеями равновѣсія, международнаго соперничества и завоеванія... Чувства, побудившія сербовъ (вѣрнѣе, короля Милана и его совѣтниковъ) предпринять войну, непостижимы. Вся южная часть Сербіи очень слабо населена; есть еще бо́льшія пространства земли, ожидающія только рукъ и капиталовъ для произведенія обильной жатвы. Вмѣсто того, чтобы употребить свои средства на колонизацію этой области, Сербія жертвуетъ деньгами и людьми для завоеванія территоріи, освобожденной уже отъ турецкаго ига и населенной другимъ славянскимъ племенемъ. Она разоряется, чтобы вредить другимъ, безъ всякой выгоды для себя. Еслибы, вмѣсто защиты правъ Турціи и преступнаго нападенія на своихъ собратьевъ, сербы соединились съ Болгаріей и Грецією для освобожденія Македоніи, то они въ настоящее время владѣли бы старо-сербскою землею, Греція распространила бы

свою границу до черты своего племенного господства, а остальная область подчинилась бы Болгаріи". Въ этомъ случаѣ все дѣло—въ размежеваніи спорныхъ земель, и крайняя трудность подобной задачи, при смѣшанномъ составѣ населенія, какъ будто упускается изъ виду авторомъ.

Въ книгѣ Лавеле удѣлено также не мало мѣста наблюденіямъ и свѣденіямъ относительно Турціи въ собственномъ смыслѣ и ея безобразнаго режима; но эта часть книги, также какъ и глава о Румыніи, не представляетъ для насъ практическаго интереса. Мы привели лишь весьма немногое изъ того богатаго матеріала, который собранъ бельгійскимъ ученымъ, и это немногое даетъ гораздо больше для уразумѣнія балканскаго кризиса, чѣмъ сотни обычныхъ газетныхъ статей и корреспонденцій по поводу происходившихъ на злополучномъ полуостровѣ событій.

XLII.

Дальнѣйшіе отзывы иностранцевъ о болгарскихъ дѣлахъ.—Католическая пропаганда въ Болгаріи.

Изъ другихъ иностранныхъ книгъ о болгарскомъ вопросѣ заслуживаютъ еще вниманія очерки фонъ-Гуна, Гопчевича и Голубовича.

Сочиненіе фонъ-Гуна о „борьбѣ болгаръ за національное единство" заключаетъ въ себѣ подробный и живой разсказъ о военно-политическихъ событіяхъ въ княжествѣ и въ Восточной Румеліи, начиная съ филиппопольскаго переворота 6-го сентября 1885 года до полнаго торжества надъ сербами. Въ качествѣ корреспондента „Кёльнской газеты", авторъ имѣлъ возможность непосредственно слѣдить за ходомъ дѣлъ и получать всякія свѣденія изъ первыхъ рукъ; но, какъ нѣмецкій патріотъ, онъ слишкомъ односторонне смотритъ на балканскій кризисъ, на его причины и послѣдствія, на его главныхъ дѣятелей и участниковъ. Онъ черезъ-чуръ преувеличиваетъ личныя заслуги и достоинства князя Александра, который кажется ему высшимъ олицетвореніемъ болгарской національной независи-

мости и свободы. Онъ въ такомъ тонѣ говоритъ о князѣ, объ *его* арміи и народѣ, какъ будто принцъ Баттенбергъ былъ прирожденнымъ повелителемъ страны и болгары были всегда его подданными. Фонъ-Гунъ не чувствуетъ симпатіи къ Россіи, хотя онъ увѣряетъ въ предисловіи, что у него нѣтъ вражды къ русскимъ, и что онъ „часто защищалъ русскіе интересы и будетъ еще защищать ихъ при другихъ обстоятельствахъ". Онъ не любитъ также Австро-Венгріи и не скрываетъ своего сожалѣнія о томъ, что Германія поддерживаетъ русскую политику на востокѣ. Взгляды автора во многомъ поверхностны и ошибочны, но фактическое содержаніе книги весьма любопытно.

По мнѣнію фонъ-Гуна, охлажденіе болгаръ къ русскимъ объясняется, прежде всего, неудачнымъ выборомъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣйствовавшихъ въ Болгаріи во время оккупаціи, ихъ высокомѣріемъ и расточительностью, ихъ щедрыми окладами, ихъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла княжества, ихъ привычками и требованіями, совершенно несогласными съ простотою и скромностью болгарскаго быта. Русскіе дипломатическіе агенты не всегда были дальновидными наблюдателями и часто поступали неблагоразумно, раздражая болгаръ безъ надобности и даже безъ намѣренія, вслѣдствіе малаго знакомства съ настроеніемъ и желаніями народа. Они сообщали своему правительству недостаточно полныя свѣденія и повидимому проглядѣли объединительное движеніе, направляемое революціоннымъ комитетомъ; поэтому филиппопольскій переворотъ оказался для нихъ неожиданностью. Князь Александръ объяснилъ автору, что о готовящейся революціи онъ узналъ только за три дня до ея наступленія и тотчасъ поспѣшилъ послать своего агента въ Филиппополь, чтобы предотвратить вспышку, согласно обѣщанію, данному имъ въ Франценсбадѣ; но было уже поздно: посланецъ не успѣлъ еще прибыть на мѣсто, какъ уже получена была депеша объ арестованіи Гаврила-паши и о всеобщемъ желаніи видѣть князя во главѣ единой Болгаріи. Князь колебался, обдумывалъ свой шагъ въ теченіе двухъ часовъ и наконецъ рѣшился взять на себя отвѣтственность за совершившееся, чтобы избѣгнуть анар-

хіи и рѣзни между болгарами и мусульманами. Говоря о военныхъ силахъ княжества, фонъ-Гунъ отдаетъ справедливость русскимъ офицерамъ, которые „въ дѣлѣ образованія болгарской арміи показали себя настоящими мастерами и въ поразительно короткое время успѣли создать хорошо дисциплинированное и готовое къ бою войско тамъ, гдѣ прежде ничего не было". Война съ сербами описана авторомъ весьма обстоятельно и толково; наиболѣ видные герои и подвиги ихъ превозносятся съ истинно военнымъ восторгомъ. Между прочимъ, упомянувъ о храбромъ начальникѣ артиллеріи, Пановѣ, авторъ замѣчаетъ, что „этотъ выдающійся человѣкъ былъ на дурномъ счету у русскихъ, и они давно уже требовали удаленія его изъ арміи, такъ какъ онъ, не безъ основанія, считался однимъ изъ поборниковъ національной независимости въ средѣ болгарскихъ офицеровъ". Очевидно, русскія власти только по ошибкѣ или недоразумѣнію могли заподозривать того самаго Панова, который впослѣдствіи погибъ за свою приверженность къ Россіи. Фонъ-Гунъ полагаетъ, что подорвать авторитетъ и обаяніе русскаго имени въ народѣ было бы не во власти князя Александра или кого бы то ни было другого въ Болгаріи: русскимъ стоило бы только пожелать, и отношеніе къ нимъ болгаръ несомнѣнно измѣнилось бы къ лучшему. Авторъ нисколько не хлопочетъ о нѣмецкихъ или австрійскихъ интересахъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ какъ будто искренно увлекается идеею болгарской самостоятельности, хотя и отождествляетъ эту идею съ личностью принца Баттенберга.

Въ другой книгѣ фонъ-Гуна, вышедшей въ концѣ 1886 года, излагаются событія „бурнаго времени въ Болгаріи", времени потрясеній и замѣшательствъ, послѣдовавшихъ за сербскою войною. Софійскій переворотъ 9-го августа, его предварительные симптомы, его причины и послѣдствія, удаленіе князя Александра и назначеніе регентства, миссія генерала Каульбарса и выборы въ народное собраніе,—все это является передъ читателемъ въ рядѣ живыхъ очерковъ и характеристикъ, подкрѣпляемыхъ фактическими и отчасти документальными данными. Понятно, что авторъ съ негодованіемъ говоритъ о низложеніи князя, который для него олицетворялъ со-

бою Болгарію. Точка зрѣнія фонъ-Гуна весьма несложна: преступные бунтовщики возстали противъ своего законнаго государя и удалили его насильственно изъ предѣловъ страны; ихъ слѣдовало бы казнить безъ пощады, а князю нужно было возвратить законную власть при содѣйствіи Европы. Этотъ взглядъ невѣренъ даже съ формальной стороны. Принцъ Баттенбергъ былъ назначенъ княземъ на извѣстныхъ условіяхъ; онъ не былъ самостоятельнымъ правителемъ, а находился въ вассальной зависимости отъ Порты и подлежалъ контролю великихъ державъ. Если онъ нарушалъ свои обязательства, то его могли смѣнить европейскіе кабинеты, при участіи Турціи; поэтому и болгары не обязаны были подчиняться его смѣлымъ и самовольнымъ дѣйствіямъ, подвергавшимъ опасности внѣшнее положеніе княжества. Авторъ возмущается непостижимою для него суровостью, съ какою оффиціальная Германія отнеслась къ судьбѣ князя Александра. Требованіе германскаго канцлера о недопущеніи военнаго суда надъ участниками переворота представляется фонъ-Гуну крайне несправедливымъ; авторъ даже позволяетъ себѣ выразить сожалѣніе, что арестованные зачинщики не были разстрѣляны немедленно, безъ всякихъ церемоній. Само собою разумѣется, что никакіе смертные приговоры не поддержали бы князя послѣ удачнаго дѣла 9-го августа; они скорѣе вызвали бы катастрофу для него лично. Авторъ заканчиваетъ свою книгу пожеланіемъ, чтобы преемникомъ князя Александра не былъ нѣмецкій принцъ, и чтобы нѣмцамъ не пришлось уже болѣе волноваться изъ-за печальной участи земляка въ Софіи [1]). Такое пожеланіе можетъ быть высказано и въ болѣе широкомъ смыслѣ: правителемъ Болгаріи не долженъ быть иностранный принцъ, чуждый народу по традиціямъ, воззрѣніямъ и интересамъ.

Нѣсколько иныя подробности передаются о тѣхъ же событіяхъ въ очеркахъ Гончевича, печатавшихся въ журналѣ „Unsere Zeit“ и вошедшихъ позднѣе въ объемистую книгу, подъ за-

[1]) *A. von Huhn*, Der Kampf der Bulgaren um ihre Nationaleinheit, Lpz., 1886. *Его же*, Aus der bulgarischer Sturmzeit, Lpz., 1886.

главіемъ: „Bulgarien und Ostrumelien“. Гопчевичъ ближе знакомъ съ мѣстными условіями и дѣятелями; въ качествѣ австрійскаго серба, онъ соединяетъ въ себѣ положеніе незаинтересованнаго зрителя съ преимуществами полнаго пониманія родственной болгарской жизни. Онъ знаетъ быть страны и стремленія ея интеллигенціи не по однимъ лишь внѣшнимъ фактамъ и не по разговорамъ съ княземъ и его сторонниками; онъ поэтому могъ лучше разобраться въ имѣющемся фактическомъ матеріалѣ, чѣмъ нѣмецъ фонъ-Гунъ. Но Гопчевичъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: онъ приписываетъ себѣ значительную роль въ дѣлахъ политическихъ и даже военныхъ, а это обстоятельство вызываетъ невольное сомнѣніе въ правдивости его разсказовъ. По увѣренію автора, болгарскіе министры и офицеры часто слѣдовали его указаніямъ; такъ, письмо князя Александра къ королю Милану, не принятое послѣднимъ, было внушено Гопчевичемъ, который убѣдилъ Каравелова предложить Сербіи союзъ на основаніяхъ, выработанныхъ имъ же, авторомъ; онъ же, Гопчевичъ, далъ министерству остроумный совѣтъ потребовать отъ Порты оффиціальнаго заявленія, что всякое нападеніе на Болгарію будетъ принято султаномъ за враждебное дѣйствіе противъ оттоманской имперіи, которой княжество подвластно; далѣе, авторъ принималъ участіе въ министерскихъ совѣщаніяхъ, являлся на полѣ битвы въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, первый вступилъ, рискуя жизнью, въ городъ Царибродъ, дѣлился своими запасами съ княземъ и совершилъ вообще не мало подвиговъ, о которыхъ ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. Гопчевичъ сообщаетъ, между прочимъ, что переворотъ въ Филиппополѣ былъ устроенъ по плану Каравелова и съ согласія князя, въ чемъ сознались автору самъ министръ-президентъ и одинъ изъ приближенныхъ князя, баронъ Ридезель. Авторъ видѣлъ и слышалъ еще болѣе невѣроятныя вещи: онъ будто бы засталъ бывшихъ министровъ Восточной Румеліи и главныхъ приверженцевъ партіи Крестовича превращенными въ простыхъ рабочихъ и носильщиковъ на филиппопольскомъ вокзалѣ. Малая достовѣрность подобныхъ утвержденій лишаетъ очерки Гопчевича того значенія, какое

могутъ имѣть свидѣтельства очевидцевъ для правильной оцѣнки балканскихъ событій [1]).

Рядомъ съ политикою и независимо отъ нея, продолжается въ Болгаріи внутренняя образовательная работа, содѣйствующая также отчужденію болгаръ отъ Россіи. Мы очень много сдѣлали для болгарской арміи, но очень мало — для болгарскихъ школъ, для интересовъ просвѣщенія и культуры. Нами заведены правительственныя и военныя учрежденія, но мы ничего—или почти ничего—не дали народу въ области тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, которыми питается и поддерживается всякое государственное развитіе. Объ этой духовной сторонѣ болгарской жизни мы находимъ нѣкоторыя поучительныя свѣденія въ книгѣ Іосифа Голубовича, посвященной главнымъ образомъ вопросу о католической пропагандѣ въ Болгаріи. Народъ понимаетъ необходимость образованія и высоко цѣнитъ услуги людей, работающихъ въ этомъ направленіи; и католицизмъ можетъ имѣть тамъ успѣхъ только благодаря тому, что мѣстные представители римской церкви употребляютъ всю свою энергію на устройство школъ и пріютовъ, на воспитаніе и обученіе юношества. Населеніе охотно даетъ свои средства на потребности образованія; въ новѣйшее время основано болѣе 400 народныхъ училищъ, а для снабженія ихъ подготовленными учителями существуютъ двѣ учительскія семинаріи—въ Врацѣ и Шумлѣ. Въ короткій срокъ отъ 1879 до 1881 года, создано 277 новыхъ народныхъ школъ въ предѣлахъ княжества. Страна, уступающая многимъ изъ нашихъ губерній по величинѣ и по количеству жителей, имѣетъ теперь пять мужскихъ гимназій, пять женскихъ, четыре учительскихъ семинаріи, два духовныхъ училища, одну кадетскую школу (въ Софіи) и одну сельско-хозяйственную (въ Рущукѣ).

---

[1]) Слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ французскихъ книжкахъ—доктора Руа и Леона Гюгонне: первая написана въ сочувственномъ тонѣ относительно русской политики и содержитъ въ себѣ интересныя подробности о военно-политическихъ событіяхъ до перерыва нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Болгаріею; а вторая, болѣе поверхностная, проникнута туркофильскою тенденціею. См. *Ch. Roy*, Souvenirs politiques et militaires de Bulgarie, Paris 1887. *Léon Hugonnet*, Chez les Bulgares, Paris, 1888.

Въ Румеліи было уже въ 1881 году около 840 народныхъ болгарскихъ училищъ, съ 48.000 учащихся и 1.000 учителей; среднихъ учебныхъ заведеній было всего четыре — два мужскія и два женскія. Католическіе миссіонеры имѣютъ свои школы въ Филиппополѣ, Адріанополѣ и Монастырѣ: нѣсколько школъ устроено французскими монахинями, прибывшими въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, по приглашенію уніатскаго епископа, Рафаила Попова. Роскошные католическіе костелы въ забалканской Болгаріи поражали поляковъ, принадлежавшихъ къ русской арміи, во время войны 1877 года. Первая деревня, занятая русскою императорскою квартирою послѣ перехода черезъ Дунай, оказалась католическою, и русскихъ встрѣчалъ тамъ ксендзъ. Въ Адріанополѣ есть гимназія и семинарія, единственныя въ цѣлой Турціи, но и тѣ—уніатскія; женскій пансіонъ содержится тамъ католическими сестрами изъ Загреба. Болгары были сильно удивлены, когда убѣдились, что русскія военныя власти вовсе не преслѣдуютъ католиковъ и относятся съ одинаковою терпимостью къ людямъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Руководители католическихъ школъ особенно боялись князя Черкасскаго, при которомъ чаще всего слышались наиболѣе употребительныя и легкія слова стараго административнаго лексикона: „закрыть“, „изгнать“, „запретить“. Подготовить дѣйствительный противовѣсъ чужой учебной пропагандѣ, въ видѣ русско-болгарскихъ школъ, семинарій и пансіоновъ,—объ этомъ мало думали, такъ какъ подобные способы дѣйствія требуютъ гораздо большей выдержки, настойчивости и пониманія. Католическіе миссіонеры нисколько не пострадали отъ присутствія русскихъ войскъ; напротивъ, они имѣли случай выказать свое самоотверженіе, помогая раненымъ, подбирая брошенныхъ болгарскихъ дѣтей и стараясь всѣми силами облегчить бѣдствія войны для мирнаго населенія. Любопытно и пріятно читать у автора—польскаго ксендза—описаніе того восторга, съ какимъ обычные враги Россіи привѣтствовали въ Адріанополѣ вторичное вступленіе русской арміи; всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали русскихъ солдатъ, какъ избавителей отъ анархіи, какъ представителей порядка и

законности [1]). Но то, что̀ спасаетъ въ военное время, является недостаточнымъ при мирномъ ходѣ жизни, ибо не однимъ внѣшнимъ порядкомъ живутъ люди.

XLIII.

Роль русскихъ дѣятелей въ Болгаріи.—Болгарскія дѣла и событія по изложенію г. Матвѣева.—Неустойчивость политики и отсутствіе точной программы.—Воспоминанія генерала Соболева и возраженія генерала Эрнрота.

Если задать себѣ вопросъ, что̀ именно представляли мы собою въ Болгаріи, по окончаніи войны, въ періодъ мирнаго политическаго развитія страны, то прежде всего получился бы отвѣтъ: твердую государственность внутри и солидарность съ Россіею извнѣ. Но отвѣтъ становится весьма неяснымъ и неопредѣленнымъ, если присмотрѣться ближе къ обстоятельствамъ злополучнаго княженія принца Баттенберга. Государственность можетъ быть различная—хорошая и дурная, строго бюрократическая и общественная, съ административнымъ произволомъ и съ строгою законностью, съ свободою хищенія и безъ этой свободы. Солидарность съ Россіею можетъ быть также понимаема неодинаково; — она можетъ установиться на почвѣ одной военной дисциплины, или она можетъ быть основана на духовномъ родствѣ, на живомъ литературномъ общеніи, на единствѣ культурныхъ и политическихъ цѣлей.

Въ весьма добросовѣстномъ трудѣ П. А. Матвѣева, написанномъ какъ бы въ защиту нашей политики относительно Болгаріи, собрано много интересныхъ фактовъ, выясняющихъ истинныя причины неудачъ, противорѣчій и ошибокъ русской дипломатіи. Достаточно только сопоставить эти факты, чтобы придти къ общему выводу, совершенно несогласному съ воззрѣніями мнимыхъ патріотовъ, привыкшихъ винить во всемъ Европу. Говоря о чрезмѣрной уступчивости Россіи послѣ успѣшной турецкой войны, г. Матвѣевъ замѣчаетъ, что „нашъ престарѣлый канцлеръ (князь Горчаковъ), огорченный ходомъ дѣлъ

[1]) *X. Józef Holubowicz*, Bulgarja, jej przeszlosć dziejowa etc., Kraków, 1885.

на конгрессѣ и не имѣя силъ и возможности измѣнить его,— по своему, т.-е. совершенно постарчески, выражалъ свой протестъ, а именно онъ заболѣвалъ всякій разъ, когда на очереди стоялъ щекотливый вопросъ для нашего національнаго достоинства, по которому приходилось дѣлать уступки", — такъ что наши интересы не были даже серьезно защищаемы на конгрессѣ. Зато враждебныя намъ требованія Австріи не только не встрѣчали отпора съ нашей стороны, но еще поощрялись нами, къ удивленію западно-европейскихъ кабинетовъ. Многіе опасались, что „извѣрившись въ австрійскую дружбу, кн. Горчаковъ, по примѣру Андраши (который возставалъ противъ дальнѣйшей русской оккупаціи Болгаріи), выскажетъ съ своей стороны нѣкоторыя сомнѣнія относительно пригодности, въ видахъ поддержанія мира на Балканскомъ полуостровѣ, оккупаціи этихъ областей (Босніи и Герцеговины) австрійскимъ войскомъ. Но этого не случилось, и во время отчаянныхъ протестовъ турецкихъ уполномоченныхъ противъ австрійской оккупаціи, Горчаковъ сначала молчалъ, а въ заключеніе сказалъ даже нѣсколько словъ, поддерживая притязанія Австріи на Боснію и Герцеговину". Само собою разумѣется, что еслибы русское общественное мнѣніе играло какую-нибудь роль въ политическихъ дѣлахъ Россіи, на конгрессъ посланъ былъ бы не престарѣлый, заслуженный инвалидъ дипломатіи, а представитель болѣе энергическій и настойчивый, въ родѣ генерала Игнатьева, автора Санъ-стефанскаго договора, — причемъ ему поручено было бы отстаивать русскія требованія, а не австрійскія.

Устройство управленія въ освобожденномъ краѣ возложено было на князя Черкасскаго, который „вообще не особенно баловалъ болгаръ"; между прочимъ, онъ строго отнесся къ извѣстному приверженцу Россіи, Цанкову, и заставилъ его „смиренно выслушать довольно жесткую рѣчь" (стр. 107). Создавать новые порядки для болгаръ брались люди, для которыхъ интересы и потребности болгарскаго населенія были совершенно чужды; одинъ только профессоръ Градовскій, получивъ приглашеніе участвовать въ пересмотрѣ проекта конституціи для княжества, счелъ долгомъ добросовѣстно заявить, что, „будучи

весьма мало знакомъ съ бытомъ и положеніемъ Болгаріи, считаетъ себя совершенно не компетентнымъ въ разрѣшеніи вопроса, какая форма правленія и организація требуются условіями народной жизни въ этой странѣ" (стр. 26, прим.). Наше посольство въ Константинополѣ, въ лицѣ Е. П. Новикова, мало интересовалось болгарами и относилось къ нимъ пренебрежительно. По свидѣтельству г. Матвѣева, „австро-венгерскіе дипломаты искусно пользовались обстоятельствами для возбужденія антипатій почтеннаго Е. П. Новикова, человѣка въ высшей степени впечатлительнаго, — къ существовавшему въ Болгаріи порядку вещей, хотя нашъ посолъ отнюдь не погрѣшалъ избыткомъ сочувствія къ болгарамъ". Г. Балабанова (болгарскаго повѣреннаго въ Константинополѣ) въ русскомъ посольствѣ „постоянно встрѣчали такіе отзывы о его соотечественникахъ, отъ которыхъ даже ему приходилось морщиться, хотя г. Балабановъ по этой части былъ человѣкъ обстрѣленный". Опять-таки непонятно, почему западно-европейскимъ дипломатамъ, заботившимся объ укрѣпленіи своего вліянія въ княжествѣ, противопоставлялись съ нашей стороны „впечатлительные" дѣятели, не скрывавшіе своихъ антипатій къ болгарамъ.

Первый князь Болгаріи назначенъ былъ Россіею, вопреки желаніямъ болгаръ и интересамъ русской политики. Если бы болгарскимъ депутатамъ была предоставлена полная свобода выбора князя,—говоритъ мѣстный писатель, Драндаръ, цитируемый г. Матвѣевымъ,—„то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княземъ болгарскимъ былъ бы избранъ Дондуковъ-Корсаковъ. Къ нему депутаты обращались съ настойчивой просьбой принять престолъ Болгаріи; но князь Дондуковъ отвѣчалъ имъ, что признано невозможнымъ, чтобы княземъ былъ избранъ русскій, и при этомъ заявилъ, что ему положительно извѣстно, что государь желаетъ, чтобы выборъ депутатовъ остановился на принцѣ Александрѣ Баттенбергѣ, который и былъ избранъ въ тотъ же день". Несомнѣнно также, что еслибы русское общество имѣло какой-нибудь голосъ въ важныхъ политическихъ вопросахъ, назначеніе нѣмецкаго юнаго принца, лейтенанта прусской службы, на постъ правителя освобожденной нами страны—было бы совершенно немыслимо со стороны Россіи.

„Передъ отъѣздомъ изъ Ливадіи—говоритъ г. Матвѣевъ,—Александръ Баттенбергъ былъ снабженъ особыми инструкціями отъ нашего правительства, которыя были составлены министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, въ видѣ трехъ записокъ или нотъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ этими записками и съ удивленіемъ убѣдился изъ ихъ чтенія, что онѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакой серьезной политической программы въ себѣ не заключали. На это обстоятельство впослѣдствіи нерѣдко указывалъ Баттенбергъ, въ своихъ разговорахъ съ русскими, объясняя возникавшія между нимъ и Россіей недоразумѣнія отсутствіемъ точной и опредѣленной политики въ нашихъ отношеніяхъ къ Болгаріи". Не возложивъ на нашего случайнаго избранника никакихъ обязательствъ, мы осыпали его однако финансовыми щедротами и исполняли всѣ его желанія. Въ кассахъ княжества оставлена была почему-то русскимъ управленіемъ громадная сумма въ 14 милліоновъ франковъ; новому князю вручено было еще въ Бриндизи „на первые необходимые расходы 30 или 40 тысячъ рублей золотомъ", а затѣмъ ему давалось „довольно значительное добавочное содержаніе отъ Россіи" (сверхъ 600 тысячъ франковъ въ годъ, ассигнованныхъ болгарскимъ народнымъ собраніемъ!). Позднѣе ему обѣщанъ былъ „милліонъ рублей на свадьбу, когда онъ женится". За что и почему бросались нѣмецкому принцу эти милліоны изъ скудныхъ средствъ русскаго народа —неизвѣстно. Тотчасъ послѣ своего избранія, князь Александръ, съ удивительною для молодого офицера предусмотрительностью, „выразилъ сомнѣніе въ возможности управлять страной, при дѣйствіи Тырновской конституціи, и заявилъ объ этомъ въ Ливадіи покойному государю, указавъ на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ этой конституціи". По разсказу самого Баттенберга, графъ Адлербергъ „телеграфировалъ кн. Дондукову о желаніи князя произвести пересмотръ конституціи, въ трехъ пунктахъ, на что Дондуковъ отвѣчалъ телеграммой, что онъ снесся по этому предмету съ вліятельными дѣятелями Тырновскаго собранія и что желаніе князя будетъ уважено". Впослѣдствіи, принцъ Баттенбергъ „жаловался на князя Дондукова-Корсакова, говоря, что былъ обманутъ послѣднимъ отно-

сительно согласія болгаръ измѣнить нѣкоторыя постановленія Тырновской конституціи". По словамъ г. Матвѣева, князь Александръ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, „съ первыхъ же шаговъ своей политической дѣятельности обнаружилъ желаніе служить дѣлу объединенія Болгаріи. Онъ многократно и съ самаго начала заявлялъ, что цѣль его политики — созданіе исторической, цѣлокупной Болгаріи. Этимъ объясняются симпатіи, которыми пользовался князь Александръ у болгаръ, до переворота 27 апрѣля 1881 года, а равно и то, что онъ усидѣлъ на престолѣ послѣ этого переворота и пользуется до сихъ поръ извѣстною симпатіей нѣкоторой части болгарской интеллигенціи и даже народа. На упреки, дѣлаемые ему европейскими представителями за отношенія его правительства къ политической пропагандѣ и агитаціи въ Македоніи и Восточной Румеліи, князь Александръ, хотя и въ дипломатическихъ выраженіяхъ, но довольно ясно и твердо давалъ понять, что онъ не можетъ держаться во власти, идя наперекоръ національнымъ стремленіямъ болгарскаго народа, и что для него такая національная политика объединенія въ силу вещей обязательна". Въ другомъ мѣстѣ оказывается однако, что принцъ Баттенбергъ „ничѣмъ не заявилъ серьезнаго желанія служить вѣрой и правдой дѣлу развитія болгарскаго народа; напротивъ, цѣлый рядъ его поступковъ несомнѣнно свидѣтельствовалъ, что въ своей власти надъ болгарскимъ народомъ онъ исключительно видѣлъ одно лишь орудіе къ достиженію своихъ личныхъ, не всегда красивыхъ цѣлей". Въ маѣ 1882 года знаменитый истолкователь „истинно-русскихъ" идей (т.-е. своихъ собственныхъ), Аксаковъ, помѣстилъ въ „Руси" восторженную статью по поводу того, что „Москва наконецъ имѣла утѣшеніе (!) привѣтствовать въ стѣнахъ своего историческаго Кремля государя Болгаріи" (стр. 167).

Переворотъ 1881 года, давшій князю неограниченныя полномочія на семь лѣтъ, былъ будто бы „плодомъ коварной политики Австріи" и ея дипломатическаго представителя, графа Кевенгюллера, который, „собственно говоря (!), оставилъ Софію за нѣсколько мѣсяцевъ до переворота". Этотъ переворотъ „былъ въ сущности для нашей дипломатіи сюрпризомъ" (стр. 9), и

въ то же время „поѣздка въ Петербургъ князя Александра имѣла извѣстное вліяніе на приведеніе въ исполненіе задуманнаго имъ переворота“ (стр. 83). Управлявшій тогда нашимъ консульствомъ въ Софіи, г. Лишинъ, „человѣкъ молодой и повидимому довольно легкомысленный (!), игралъ весьма странную роль въ отношеніи къ задуманному княземъ перевороту. Нашъ молодой дипломатъ слѣпо подчинился вліянію князя и обратился въ его послушное орудіе. Явно потворствуя перевороту, онъ упорно умалчивалъ о немъ въ своихъ донесеніяхъ“. Всѣ знали о готовящемся переворотѣ; „ожиданіе и даже неизбѣжность крупныхъ политическихъ кризисовъ въ княжествѣ не составляли секрета для европейской печати, слѣдившей за ходомъ дѣлъ въ Болгаріи; европейскіе дипломаты въ Константинополѣ все это знали еще ближе и, конечно, были весьма довольны такимъ ходомъ дѣлъ“, — а наши представители будто бы ничего не замѣчали и не предвидѣли. Предположеніе о виновности Австріи какъ-то плохо вяжется съ тѣмъ фактомъ, что Россія „поддержала своимъ вліяніемъ требованія князя о предоставленіи ему широкихъ полномочій власти“ (стр. 156) и что дипломатическій агентъ нашъ, г. Хитрово, „оказалъ дѣятельную поддержку князю Александру, висѣвшему, послѣ переворота 27 апрѣля, на волоскѣ“ (стр. 8). Наши спеціально-патріотическія газеты, „Русь“ и „Московскія Вѣдомости“ „отнеслись сочувственно къ перевороту, думая, что все зло и неурядица въ княжествѣ есть дѣло Каравелова; онѣ привѣтствовали переворотъ, полагая, что онъ вызванъ общимъ желаніемъ установить порядокъ и авторитетъ власти, а не личными интригами князя и враговъ Россіи и славянства“. При помощи „интригъ“ удаленъ былъ изъ министерства наиболѣе заслуженный изъ болгарскихъ патріотовъ, Драганъ Цанковъ, и управлявшій нашимъ консульствомъ г. Лишинъ, по выраженію г. Матвѣева, „въ этой неприличной исторіи, какъ и всегда, держалъ сторону Баттенберга, что и дало возможность послѣднему выбросить Цанкова изъ министерства“. Странно, что рѣчь идетъ объ австрійской интригѣ, когда главными дѣйствующими лицами были оффиціальные представители Россіи. „Князь Александръ въ Петербургѣ, въ мартѣ

1881 года, добился того, что русская дипломатія перестала въ принципѣ стоять за Тырновскую конституцію". Болгарскимъ военнымъ министромъ былъ тогда русскій генералъ, „суровый финляндецъ, старый служака"; онъ „относился несочувственно къ болгарскимъ порядкамъ" и особенно къ министерству Каравелова. Переворотъ 27-го апрѣля, по мнѣнію г. Матвѣева, „былъ мѣрой крайне легкомысленною и вредною, особенно потому, что виновники его отнюдь не имѣли въ виду замѣнить Тырновскую конституцію другою, серьезно обдуманною, системою управленія: производя переворотъ, они вовсе не думали о народномъ благѣ и благоустройствѣ княжества, преслѣдуя исключительно свои личныя цѣли, въ надеждѣ наживы изъ казны княжества, послѣ упраздненія Тырновской конституціи и погрома либеральной партіи". Зачѣмъ же эти низменные планы поддерживались русскими дѣятелями? „Вѣроломное нарушеніе княземъ Александромъ принесенной имъ присяги лишало его авторитета и довѣрія въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей; было очевидно, что, начавъ такимъ образомъ играть словами и присягой, князь Александръ неизбѣжно пойдетъ и дальше по этому скользкому пути". Тѣмъ не менѣе, наша дипломатія „приняла сторону князя Александра, хотя такая политика неизбѣжно вовлекла Россію въ цѣлый омутъ политическихъ интригъ, изъ котораго не было другого исхода, кромѣ рѣшительнаго вмѣшательства въ болгарскія дѣла или совершеннаго отказа отъ всякаго вліянія на Болгарію". Принцъ Баттенбергъ былъ бы неминуемо свергнутъ, безъ нашихъ энергическихъ охранительныхъ мѣръ. „Къ сожалѣнію, мы испугались такого исхода, оказали дѣятельную поддержку князю Александру, предоставивъ въ его распоряженіе нашихъ офицеровъ, состоявшихъ на болгарской службѣ, и то громадное вліяніе, которымъ Россія пользовалась въ Болгаріи и которое куплено нами цѣной огромныхъ пожертвованій послѣдней войны. Теперь мы пожинаемъ плоды этой политики"... Болгарскіе патріоты „съ отчаянной энергіей" вели „страстную пропаганду противъ переворота и полномочій, требуемыхъ княземъ"; это „вызвало строгія репрессивныя мѣры со стороны министерства генерала Эрнрота". „Видя, что Россія рѣшительно стала

на сторону князя, Цанковъ и Каравеловъ телеграфировали Гладстону и Гамбеттѣ, который держалъ тогда въ своихъ рукахъ французскую палату и внѣшнюю политику Франціи,—протестуя противъ военнаго деспотизма, нарушившаго свободу выборовъ въ Болгаріи". Прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, Цанковъ обратился съ своимъ протестомъ въ Петербургъ, но получилъ оттуда уклончивый отвѣтъ. И насъ хотятъ увѣрить, что во всемъ виновата коварная политика Австріи!

Положеніе нашихъ дипломатическихъ агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ было какое-то неясное: они назначались не потому, что были компетентны и опытны въ восточныхъ дѣлахъ, а потому, что служебная карьера ихъ требовала временнаго пребыванія въ такихъ второстепенныхъ пунктахъ, какъ Софія и Филиппополь. Каждый изъ этихъ дипломатовъ имѣлъ свои собственные взгляды, которые и проводились ими на практикѣ; притомъ почти всѣ они относились къ болгарамъ пренебрежительно. Въ концѣ 1880 года болгарское народное собраніе, черезъ недѣлю послѣ отрытія засѣданій, было распущено указомъ князя; „согласіе Россіи на такую рѣшительную мѣру привело многихъ въ недоумѣніе". Дѣло объяснялось очень просто: нашъ представитель, г. Давыдовъ, не симпатизировалъ Цанкову и Каравелову, приверженцы которыхъ получили большинство на выборахъ. „Кромѣ того, г. Давыдовъ, мало знакомый съ характеромъ болгаръ, полагалъ, что распущеніе собранія послужитъ полезнымъ урокомъ и предостереженіемъ болгарскому народу, какъ выраженіе того, что Россія не одобряетъ избранія слишкомъ радикальныхъ депутатовъ... Къ сожалѣнію, г. Давыдовъ, человѣкъ образованный и умный, но совершенно кабинетный, не питавшій большихъ симпатій къ болгарскому народу и относившійся довольно брезгливо къ политическимъ людямъ и борьбѣ партій въ княжествѣ, не далъ себѣ вполнѣ яснаго отчета о характерѣ, желаніяхъ и тенденціяхъ Стоиловскаго (консервативнаго) кружка, которому онъ оказывалъ покровительство и который, пользуясь обстоятельствами, рѣшительно забиралъ князя Александра въ свои руки. Графъ Кевенгюллеръ съ своей стороны всѣми средствами поддерживалъ Стоилова и его пріятелей". Между тѣмъ, новые

выборы дали еще болѣе сильное оппозиціонное большинство, и непужное вмѣшательство г. Давыдова только повредило интересамъ Россіи. Этотъ дипломатъ оставался въ Софіи не долго, „тяготясь своимъ положеніемъ въ Болгаріи"; онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Японію. Преемникъ его, г. Кумани, „былъ болѣе расположенъ къ либеральному министерству" и за это былъ въ скоромъ времени отозванъ, по желанію принца Баттенберга. Замѣстителемъ его былъ упомянутый выше г. Липинъ, „человѣкъ молодой и повидимому довольно легкомысленный", какъ опредѣляетъ его г. Матвѣевъ. Послѣ него дѣйствовалъ г. Хитрово, считавшій нужнымъ бороться противъ болгарскихъ патріотовъ во имя личной власти нѣмецкаго принца. „Драганъ Цанковъ рѣшился протестовать противъ вмѣшательства нашего представителя въ борьбу князя съ сторонниками Тырновской конституціи. Цанковъ написалъ къ г. Хитрово открытое письмо, въ которомъ выражалъ сожалѣніе о такомъ вмѣшательствѣ русскаго дипломата во внутреннія дѣла княжества. Это письмо было напечатано въ нѣкоторыхъ болгарскихъ и многихъ европейскихъ газетахъ. Въ этомъ письмѣ заключалась и слѣдующая знаменательная фраза, послужившая какъ бы политической программой для болгарской интеллигенціи: „мы, болгаре, не хотимъ ни русскаго меда, ни русскаго жала". Г. Хитрово возстановилъ противъ себя болгаръ и не удовлетворилъ князя Александра; онъ, по словамъ г. Матвѣева, „рѣшительно не одобрялъ политики генерала Эрнрота". Другіе русскіе генералы, превращенные въ болгарскихъ министровъ, повели другую политику,—хотя министерство Соболева имѣло также „боевой характеръ". Примирительная дипломатическая миссія возложена были на г. Іонина, который, въ виду своего знакомства съ южно-славянскими дѣлами, назначенъ былъ посланникомъ въ Бразилію. Но нѣкоторыя случайныя обстоятельства „раздражили нашего дипломата противъ князя; отношенія между ними съ первыхъ же дней установились натянутыя, и они обострялись и ухудшались съ каждымъ днемъ". Г. Іонина, уѣхавшаго въ Бразилію, замѣнилъ г. Каяндеръ, „дипломатъ, мало знакомый съ Балканскимъ полуостровомъ и служившій долгое время секретаремъ посольства въ Китаѣ".

Наша дипломатія въ балканскихъ земляхъ,—продолжаетъ г. Матвѣевъ,—„представляла довольно оригинальное зрѣлище. У насъ въ Болгаріи было два генеральныхъ консульства—одно въ Софіи, другое въ Филиппополѣ, и каждое изъ нихъ вело свою политику, преслѣдуя различныя цѣли и программы дѣйствія... У нашихъ дипломатовъ не было точной и опредѣленной программы дѣйствій по отношенію къ болгарскимъ дѣламъ, которыя къ тому же въ это время намъ порядкомъ надоѣли (!), и наши дипломаты довольно откровенно сознавались, что весь этотъ болгарскій вопросъ — не что иное, какъ непріятная и тяжелая обуза, навязанная имъ и Россіи славянофилами. Поэтому понятно, что министерство иностранныхъ дѣлъ придерживалось въ отношеніи къ болгарскимъ дѣламъ своей излюбленной системы—laisser faire, laisser passer, и въ своихъ инструкціяхъ дипломатическимъ агентамъ въ Болгаріи предоставляло имъ дѣйствовать по ихъ личному усмотрѣнію. Такимъ образомъ у насъ явились двѣ политики относительно болгарскаго дѣла—одна въ Софіи, другая въ Филиппополѣ“.

Мѣстные дипломаты должны были нерѣдко вступать въ пререканія съ константинопольскимъ посольствомъ, которое смотрѣло на Болгарію по своему. Такъ было въ Восточной Румеліи, гдѣ князь Цертелевъ „доказывалъ несостоятельность даваемыхъ ему инструкцій и дѣйствовалъ даже иногда вопреки этимъ инструкціямъ, на собственный свой страхъ, въ интересахъ дѣла“. Долго и горячо доказывалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ, что „если невозможно получить согласіе султана на назначеніе начальника милиціи изъ русскихъ, то необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ начальникомъ штаба милиціи былъ русскій,—что невозможно допустить, чтобы все начальство милиціи и жандармеріи состояло изъ иностранцевъ“. Эти представленія князя Цертелева оставлялись безъ вниманія. „Наши дипломаты, въ министерствѣ и посольствѣ, отнюдь не раздѣляли взгляда Цертелева и не думали поддерживать съ должной энергіей его представленій. Нашъ посолъ, г. Новиковъ, вовсе не симпатизировалъ Цертелеву, котораго онъ называлъ безпокойнымъ болгарофиломъ, и даже говорилъ, что мы и такъ пользуемся слишкомъ большимъ вліяніемъ въ Восточной Румс-

ліи". При такихъ условіяхъ наше вліяніе естественно переходило къ иностранцамъ, и для этого вовсе не нужно было съ ихъ стороны никакого коварства и никакихъ закулисныхъ интригъ.

Трудный постъ дипломатическаго представителя въ Филиппополѣ занятъ былъ, послѣ князя Цертелева, г. Кребелемъ, о которомъ нашъ безпристрастный авторъ говоритъ слѣдующее: „Продолжительная служба въ Персіи и отличное знаніе персидскаго языка, которымъ обладалъ преемникъ Цертелева, едва ли могли содѣйствовать успѣшному выполненію выпавшей на его долю миссіи. Другими качествами, требуемыми обстоятельствами, нашъ новый представитель не обладалъ,—ему недоставало ни знанія болгарскаго языка, ни умѣнія быстро оріентироваться среди дѣйствительно трудныхъ обстоятельствъ положенія. Кромѣ того, г. Кребель не отличался твердостью характера и политическимъ талантомъ. Человѣкъ мягкій, уклончивый, желавшій, чтобы овцы были цѣлы и волки сыты, онъ запутался въ мелкихъ интригахъ и не съумѣлъ пріобрѣсти авторитета и уваженія въ глазахъ болгаръ и даже подчиненныхъ ему русскихъ". Мѣстное правительство сразу поняло, что „съ новымъ русскимъ консуломъ нечего слишкомъ церемониться". Прежде всего г. Кребель старался „обуздать южноболгарскую печать", но не имѣлъ въ этомъ успѣха. Онъ занялся преслѣдованіемъ Каравелова, изгнаннаго тогда изъ княжества и поселившагося въ Восточной Румеліи. Власти отписывались, ссылаясь на общіе для всѣхъ законы. „Тѣмъ не менѣе, консульство продолжало, и притомъ съ такимъ же успѣхомъ, свои вылазки противъ Каравелова,—оно протестовало противъ назначенія его учителемъ гимназіи, противъ дозволенія ему издавать газету и т. п. Эта полемика продолжалась довольно долго и, конечно, отнюдь не содѣйствовала усиленію престижа русскаго имени въ Восточной Румеліи". Безполезныя ноты „въ концѣ концовъ возбуждали только насмѣшки". Г. Кребель былъ „новичокъ въ политическихъ дѣлахъ Болгаріи; въ Персіи онъ спеціально занимался торговыми дѣлами". Для русскаго консульства настали печальные дни; „болгарская печать стала открыто надъ нимъ глумиться", и на ноты консула даже

перестали серьезно отвѣчать [1]). Противъ этого калейдоскопа мѣняющихся русскихъ дѣятелей, совершенно неподготовленныхъ къ серьезной политической работѣ и случайно, на время, посылаемыхъ въ Болгарію, по пути изъ Персіи въ Бразилію или обратно,—стояли опытные и энергическіе западно-европейскіе представители, съ опредѣленными и точными программами дѣйствій; эти свѣдущіе и толковые заграничные дипломаты остаются на своихъ мѣстахъ въ теченіи многихъ лѣтъ, по мѣрѣ необходимости и возможности; они не относятся презрительно къ болгарамъ и не раздражаютъ ихъ безцѣльно, а напротивъ, стараются пріобрѣсть ихъ довѣріе и расположеніе. Удивительно ли, что намъ не достаются успѣхи въ болгарской политикѣ и что прежнее положеніе, завоеванное нами, все болѣе удаляется отъ насъ? Какой же смыслъ имѣютъ послѣ этого нападки на коварство Австріи и на интриги принца Баттенберга?

Несомнѣнно, что русское вліяніе въ Болгаріи было только внѣшнею силою, не успѣвшею еще опредѣлить свои истинныя задачи и свое будущее направленіе; этою силою ловко пользовался молодой иностранный принцъ, въ ущербъ интересамъ и популярности Россіи. Справедливость такого взгляда признана печатно двумя видными русскими дѣятелями въ Болгаріи, генералами Соболевымъ и Эрнротомъ, хотя воззрѣнія и симпатіи ихъ расходятся весьма существенно.

Въ запискѣ Л. Н. Соболева, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ и изданной также въ нѣмецкомъ переводѣ [2]), ярко обрисовывается неустойчивое и двусмысленное положеніе русскихъ людей, служившихъ въ Болгаріи при князѣ Александрѣ. Почтенный авторъ, повидимому, весьма разумно смотритъ на болгарскія дѣла. Въ княжествѣ введена была конституція, дабы

---

[1]) *П. А. Матвѣевъ.* Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб., 1887. Объ отношеніяхъ нашихъ къ болгарамъ во время послѣдней турецкой войны имѣются любопытныя свѣденія въ книгѣ г. Евг. Утина: „Письма изъ Болгаріи въ 1877 г.“, Спб., 1879.

[2]) Der erste Fürst von Bulgarien. Aufzeichnungen des russischen Generals und vormaligen bulgarischen Ministerpräsidenten *L. Sobolew.* Aus dem russischen. Mit einer Einleitung, Lpz. 1886. Мы пользовались только русскимъ подлинникомъ („Русская Старина“, 1886, сентябрь).

не отдавать страну иностранному принцу „въ вотчинное управленіе“; но и переворотъ 1881 года, упразднившій конституцію, былъ „совершенъ русскими, которыхъ князь увѣрилъ лично и письменно, что дѣлается это по указанію“ русскаго правительства. „Такимъ способомъ князь достигалъ двухъ цѣлей — получилъ неограниченную власть и возбудилъ болгаръ противъ русскихъ; Россія, избавившая болгаръ отъ тяжелаго турецкаго ига, отдавала ихъ въ рабство нѣмецкому князю. У болгаръ явилось сомнѣніе въ устойчивости политики Россіи, и многіе изъ нихъ стали обращаться къ западу“. Въ помощь князю, по его просьбѣ, были назначены два генерала, которымъ князь поручилъ поддержать авторитетъ его власти и обезпечить успѣхъ желѣзно-дорожнаго предпріятія, задуманнаго въ Вѣнѣ и Дармштатѣ. „Этою именно цѣлью и задался генералъ Соболевъ“, по словамъ автора записки. Князь довольно откровенно заявлялъ свои желанія и требованія; русскіе дѣятели добросовѣстно брались за исполненіе ихъ. Допуская созваніе народнаго собранія для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ, князь говорилъ министру-президенту Л. Н. Соболеву слѣдующее: „я требую, чтобы составъ его былъ таковъ, при комъ депутаты вотировали бы какъ рота солдатъ; если нужно будетъ назначить депутатами отставныхъ унтеръ-офицеровъ, то я ничего не буду имѣть противъ этого, лишь бы народное собраніе дѣлало то, что ему будетъ приказано“. Генералъ Соболевъ не возражалъ и повидимому принялъ эту инструкцію къ свѣденію. Болгарскіе министры и депутаты хотѣли уничтожить жандармерію, созданную въ видѣ особаго драгунскаго корпуса послѣ переворота 1881 года. „Во главѣ этой вооруженной полиціи,—поясняетъ авторъ,—какъ всегда дѣлалъ князь при принятіи какой-либо репрессивной мѣры, были поставлены исключительно русскіе офицеры. Жандармерія возбуждала въ княжествѣ крайнее неудовольствіе, ибо въ сущности служила цѣлямъ консервативной клики и, исполняя ея приказанія, самымъ безцеремоннымъ образомъ тѣснила всѣхъ, кто почему-либо былъ несогласенъ съ этою кликою. Русскіе офицеры были поставлены въ унизительное положеніе исполнять приказанія болгарскаго министерства, истинныя цѣли котораго

были отъ нихъ скрываемы". И однако русскіе генералы обѣщали князю сохранить жандармерію, вопреки прочимъ министрамъ и народному собранію,—„ибо не даромъ онъ выпросилъ въ Петербургѣ генераловъ". Послѣдніе, въ концѣ концовъ, побѣдили, при помощи чрезвычайныхъ полномочій. „Генералъ Соболевъ заявилъ собранію, что воля князя заключается въ сохраненіи драгунъ, какъ войска. Депутаты обидѣлись и принесли жалобу князю; этотъ послѣдній сказалъ генералу: „Vous avez froissé la chambre"... Генералы Соболевъ и Каульбарсъ были на сторонѣ князя и были возмущены тѣмъ, что ихъ коллеги-министры, кричавшіе о своей преданности своему государю (?), ни въ грошъ не ставили сего послѣдняго, когда онъ не хотѣлъ сдѣлать того, чего они домогались". По совѣту генераловъ, вопросъ былъ рѣшенъ княземъ самовластно, рескриптомъ на имя министра-президента. Всѣ эти энергическія усилія поддержать произволъ иностраннаго принца могли привести только къ напрасному раздраженію народа противъ Россіи и къ явному подрыву ея дѣйствительныхъ интересовъ. Впослѣдствіи генералъ Соболевъ понялъ странность своей роли въ княжествѣ; но, по обыкновенію, онъ винитъ только самого князя и иностранныя державы, Австрію и Германію. Для насъ не совсѣмъ ясно, почему нѣмцы и австрійцы виноваты въ томъ, что русскіе генералы работали для ихъ пользы и подготовляли почву для ихъ вліянія. Бороться съ народнымъ собраніемъ и съ законами, во имя личной воли князя,—вѣдь это и значило прямо хлопотать объ охлажденіи болгаръ къ русскимъ дѣятелямъ, смѣшавшимъ почему-то авторитетъ власти съ ея произволомъ.

Позднѣе Л. Н. Соболевъ выступилъ противъ такъ-называемыхъ консерваторовъ болгарскихъ, высказывался за возстановленіе законнаго порядка и пріобрѣлъ этимъ большую популярность въ народѣ. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ запискѣ бывшихъ болгарскихъ министровъ, Стоилова, Грекова и Начевича, онъ утверждаетъ уже, что чрезвычайныя полномочія взяты были для того, „чтобы было легче эксплуатировать Болгарію, благо она богата". Князь Александръ оказывается уже не „государемъ", которому надо было подчиняться въ вопросѣ о

драгунахъ, а чѣмъ-то совершенно другимъ. „Князь болгарскій, очевидно, не оцѣнилъ и не понялъ тѣхъ обязательствъ, которыя налагались на него фактомъ выбора его въ князья государства, созданнаго жертвами русскаго народа. Онъ стѣснялся своимъ положеніемъ; онъ хотѣлъ создать себѣ какое-то самостоятельное право. Онъ стѣснялся тырновскою конституціею: она связывала ему руки. Положеніе его казалось ему унизительнымъ, а главное—невыгоднымъ. Переворотомъ 1881 года онъ разрывалъ нравственную связь съ Россіею и сближался съ Австріею и Германіею, которыя видѣли въ немъ проводника германизаціи южныхъ славянъ. Онъ опирался на слабую партію болгаръ, но съумѣлъ ввести въ заблужденіе народъ, заявивъ, что за переворотъ стоитъ Россія". Нравственный разрывъ съ Россіею одновременно съ порученіемъ власти русскимъ генераламъ, сближеніе съ Вѣною и Берлиномъ, посредствомъ русскаго господства,—все это какъ-то плохо вяжется между собою и прямо противорѣчитъ фактамъ, передаваемымъ самимъ же авторомъ. Въ другомъ мѣстѣ Л. Н. Соболевъ замѣчаетъ, что окружавшая князя группа лицъ „окрестила себя названіемъ консервативной партіи, имѣя въ виду, что за одну эту кличку ее будто поддержитъ русское правительство", и что „въ 1881 году она дѣйствительно обманула наше правительство". При чемъ же тутъ Австрія и Германія? Забывая свои хлопоты объ авторитетѣ князя, бывшій министръ-президентъ находитъ уже, что „князь не долженъ вмѣшиваться въ финансовыя дѣла; онъ долженъ довольствоваться своимъ содержаніемъ". „Князь самъ говорилъ мнѣ,—продолжаетъ авторъ,—что короли должны обезпечивать себя, что Карлъ румынскій и Миланъ сербскій обезпечили свою будущность". Отецъ князя, принцъ Александръ Гессенскій, имѣлъ неосторожность жаловаться болгарамъ, что сынъ его бѣденъ, тогда какъ другіе принцы имѣютъ помѣстья, дворцы, капиталы. Насколько авторъ склоненъ обвинять иностранцевъ за русскія ошибки—это можно видѣть, напримѣръ, изъ отзыва его объ избирательномъ законѣ, который былъ имъ же одобренъ и подписанъ. „Выборный законъ былъ составленъ при содѣйствіи Себастіани, француза, участвовавшаго въ знаменитомъ Наполеоновскомъ переворотѣ

2-го декабря. Сей французъ судился впослѣдствіи за мошенничество (!). Въ Варнѣ, гдѣ былъ князь, меня умоляли (?) подписать законъ. Требовалась подпись русскаго генерала. Я его подписалъ, ибо онъ самъ по себѣ, при честномъ его примѣненіи, не могъ нанести большого ущерба народу". Очевидно, ссылка на чьи-то просьбы и на француза, виновнаго въ мошенничествѣ, нисколько не уменьшаетъ отвѣтственности за подписаніе плохого закона. Генералъ Соболевъ не раздѣляетъ того мнѣнія, что неудачныя дѣйствія русскихъ представителей могутъ „посѣять сѣмя раздора и несогласія" между двумя народами, подобно тому, какъ это случилось относительно Сербіи. „Сербы мнѣ говорили, что Россія сама толкнула ихъ къ Австріи, что графъ Шуваловъ на берлинскомъ конгрессѣ будто послалъ Ристича къ графу Андраши. Этого я не оспариваю. Это выражало, быть можетъ, нѣкоторое презрѣніе русскаго государственнаго человѣка къ Сербіи; но развѣ на этомъ можно основывать политику? Развѣ болгарскіе дѣятели могутъ вести дѣло къ охлажденію болгаръ къ Россіи только потому, что имъ кажется, что генералы Соболевъ и Каульбарсъ отнеслись презрительно къ вожакамъ консервативной партіи?.. Готовъ даже сознаться, что я выказалъ имъ это презрѣніе, хотя держалъ себя съ ними очень сдержанно. Но развѣ можно на этомъ строить политику?" На это не трудно отвѣтить вопросомъ: развѣ презрѣніе есть политика? Если мы презираемъ сербовъ или болгаръ, то нечего уже удивляться, что они ищутъ сближенія съ другими, которые ихъ не презираютъ, причемъ плоды нашихъ жертвъ и побѣдъ достаются иностраннымъ державамъ. Такой результатъ едва ли могъ быть желателенъ для Россіи и для русскаго правительства.

Дѣло именно въ томъ, что русскіе дѣятели въ Болгаріи не знали въ точности, что̀ желательно и что̀ нежелательно въ интересахъ русской политики на Востокѣ, и самыя мнѣнія объ этомъ предметѣ измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ. Генералъ Соболевъ считаетъ переворотъ 1881 года враждебнымъ для Россіи дѣломъ, а непосредственный руководитель переворота, генералъ Эрнротъ, держится противоположнаго взгляда и беретъ на себя всю отвѣтственность за событія. Князь, по его

словамъ, никого не вводилъ въ заблужденіе; никакого участія Австріи или Германіи не было и быть не могло. Генералъ Эрнротъ полагаетъ, что въ Петербургѣ отнеслись къ перевороту вполнѣ одобрительно; возражали только „либеральствующія газеты", но до нихъ—прибавляетъ онъ—„мнѣ мало дѣла". О неминуемости кризиса дано было знать русскому правительству заранѣе; но у насъ, „повидимому, не особенно этимъ интересовались". Генералъ откровенно разсказываетъ, какъ произошло упраздненіе болгарской конституціи. „Когда 27-го апрѣля 1881 г.,—говоритъ онъ,—я принялъ на себя составленіе кабинета или, вѣрнѣе, всю исполнительную власть, князь Александръ не передавалъ мнѣ какихъ-либо указаній, будто бы имъ полученныхъ въ Петербургѣ. Не будучи обманщикомъ, я не могъ увѣрять своихъ подчиненныхъ, русскихъ офицеровъ, что мѣры, которыя тогда принимались по моему же почину, будто бы указаны русскимъ правительствомъ; въ этомъ никакой надобности и не было... Непосредственныхъ сношеній по политическимъ дѣламъ я съ министерствами въ Петербургѣ не поддерживалъ и не былъ даже снабженъ потребнымъ для сего шифромъ. Заботясь, прежде всего, о сохраненіи моихъ намѣреній въ тайнѣ, пока не наступила пора дѣйствовать, я не призналъ удобнымъ о нихъ сообщать, посредствомъ дипломатическаго агентства въ Софіи, и имѣлъ на это свои основанія... Приписать вліянію Австріи или Германіи переворотъ 1881 года — столь же вѣрно, какъ приписать его вліянію Бельгіи или Румыніи". Притомъ, „дипломатическій агентъ Австріи, извѣстный графъ Кевенгюллеръ, въ 1881 году, блисталъ въ Болгаріи своимъ отсутствіемъ" [2]).

Выходитъ нѣчто весьма оригинальное: одинъ русскій генералъ видитъ иностранную интригу въ томъ, что̀ совершено другимъ русскимъ генераломъ, и оба они считаютъ себя солидарными съ русскимъ правительствомъ. Что̀ подумать болгарамъ при такихъ коренныхъ разногласіяхъ между авторитетными представителями Россіи въ княжествѣ? Въ данномъ случаѣ, разногласіе имѣло, впрочемъ, только теоретическій характеръ,

[1]) „Русская Старина", 1886, ноябрь, стр. 477—8.

такъ какъ на практикѣ Л. Н. Соболевъ поддерживалъ тѣ самыя „чрезвычайныя полномочія“, которыя были добыты для князя К. Г. Эрнротомъ. Послѣдній ошибался только въ одномъ: онъ упустилъ изъ виду, что грѣхи „либеральствующихъ газетъ“ имѣютъ глубокіе и прочные корни въ Болгаріи, въ ея народномъ чувствѣ, въ ея стремленіяхъ къ національному самоуправленію и къ политической независимости. Кому до всего этого нѣтъ дѣла, тотъ не долженъ былъ бы принимать на себя отвѣтственности въ болгарскихъ дѣлахъ.

Русская политика въ Болгаріи оставалась какъ бы неизвѣстною величиною для самихъ тѣхъ, которые призваны были дѣйствовать отъ имени Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ отношеніи австрійцы, нѣмцы и англичане имѣютъ передъ нами два великія преимущества: во-первыхъ, они твердо знаютъ, чего хотятъ на востокѣ, и стараются достигнуть желаемаго наиболѣе цѣлесообразными средствами, и во-вторыхъ, они опираются, сверхъ всего прочаго, еще и на европейское богатство, на обаятельную силу высшей культуры и цивилизаціи. На этой культурной почвѣ только и была возможна успѣшная борьба съ соперниками. Только духовнымъ, умственнымъ оружіемъ можемъ мы одерживать прочныя побѣды въ средѣ родственныхъ намъ славянскихъ народностей.

III. Внѣшніе союзы и газетная политика.

XLIV.

Идея франко-русскаго союза.—Военно-политическія иллюзіи.—Увлеченія газетныхъ политиковъ.

Неудачи и разочарованія въ восточномъ вопросѣ оживили у насъ недовѣріе къ Германіи и возбудили мысль о франко-русскомъ союзѣ. Симпатіи къ Франціи должны были естественно усилиться у насъ въ послѣдніе годы, въ виду повторяющихся германскихъ угрозъ по отношенію къ побѣжденной странѣ; но это сочувствіе принимало отчасти уродливыя формы, выражаясь въ воинственной готовности нѣкоторыхъ публици-

стовъ помочь французамъ обратно завоевать Эльзасъ и Лотарингію. Во Франціи все болѣе распространялось убѣжденіе, что Россія стремится будто бы заключить съ нею союзъ для совмѣстной борьбы съ нѣмцами; французскіе патріоты высчитывали уже выгоды и неудобства русскаго содѣйствія, нисколько не сомнѣваясь въ нашей самоотверженной рѣшимости воевать для пользы симпатичнаго намъ народа, предпринимавшаго не разъ кровавые походы на Россію. Легковѣсныя разсужденія нашихъ мнимо-патріотическихъ газетъ, восторги какихъ-то русскихъ добровольцевъ по поводу будущихъ подвиговъ генерала Буланже, брошюры о франко-русскомъ союзѣ. подписанныя анонимными „русскими офицерами", — все это принималось въ Парижѣ за несомнѣнное доказательство того, что Россія дѣлаетъ Франціи „авансы" въ видахъ скорѣйшаго заключенія съ нею оборонительнаго и наступительнаго союза.

Въ брошюрѣ князя Любомирскаго: „L'incident de Pagny et l'alliance russe", проводится, между прочимъ, мысль, что союзъ съ Россіею былъ бы невыгоденъ для Франціи, такъ какъ русскія войска не могли бы оказать существенной помощи французамъ въ войнѣ съ Германіею. „Россія, непобѣдимая у себя дома, можетъ, внѣ своихъ границъ, выставить не болѣе 200,000 человѣкъ,—цифра, недостаточная при настоящемъ положеніи военнаго дѣла... Для собственной своей защиты Россія не имѣетъ никакой надобности въ содѣйствіи французовъ. Она сама постоитъ за себя въ томъ невѣроятномъ случаѣ, еслибы на нее вздумали напасть. Что касается защиты Франціи отъ нападенія, то это было бы совсѣмъ невозможно для Россіи, если даже предположить, что Германія не найдетъ союзниковъ для поддержанія русскаго нейтралитета. Между тѣмъ Франція могла бы совершить сильнѣйшую диверсію въ пользу внѣшнихъ интересовъ Россіи, угрожаемой съ этой стороны (т.-е. Германіею). При такихъ условіяхъ союзъ могъ бы осуществиться, но онъ былъ бы полезенъ исключительно для Россіи".

Авторъ „дипломатической" статьи, изъ которой мы заимствуемъ эту цитату [1]), возражаетъ противъ такого мнѣнія

[1]) См. „Revue générale" отъ 15-го іюня 1887 г.

князя Любомирскаго; онъ находитъ, что и 200.000 русскихъ солдатъ—цифра довольно внушительная, которою не слѣдуетъ пренебрегать въ интересахъ Франціи. Французскій дипломатъ ссылается еще на другую брошюру, болѣе авторитетную по его словамъ: „De l'alliance franco-russe, par *un général russe*". Нашъ „генералъ" (быть можетъ, мнимый) говоритъ прямо: „Франко-русскій союзъ есть историческая необходимость; основаніе ему положено Наполеономъ I въ Москвѣ (!) и Наполеономъ III въ Севастополѣ (!!), ибо подъ стѣнами этихъ двухъ городовъ два великіе народа научились понимать и уважать другъ друга". Казалось бы, что непріятельскія дѣйствія подъ Москвой и Севастополемъ всего меньше могли бы оправдывать для насъ стремленіе къ союзу съ тогдашними врагами. Довольно странно видѣть въ прежнихъ французскихъ нашествіяхъ основу для какихъ-либо обязательствъ относительно Франціи. „Русскій генералъ" опасается, что Германія отниметъ у насъ остзейскія провинціи, если мы не поможемъ французамъ въ предстоящей войнѣ. Онъ, повидимому, не раздѣляетъ взгляда Любомирскаго, что „Россія непобѣдима у себя дома". „Наши хорошія отношенія съ Германіею,—поясняетъ онъ,—имѣли свой разумный смыслъ, пока Пруссія была небольшимъ государствомъ; теперь эти отношенія составляютъ грубую ошибку нашей дипломатіи и находятся въ противорѣчіи съ чувствами всего русскаго народа (sic!), который понимаетъ по инстинкту, что нѣмецъ—самый опасный его врагъ" [1]). И французскій „дипломатъ", пишущій въ „Revue générale", добавляетъ отъ себя, что „авторъ этой брошюры имѣетъ за собою милліоны русскихъ, думающихъ одинаково съ нимъ".

[1]) „Люди, мирные у себя дома, среди своихъ, въ большомъ городѣ, гдѣ имъ нечего бояться за свое имущество и за свою жизнь,—говоритъ Лабрюйеръ,—дышутъ огнемъ и кровью, толкуютъ о войнахъ, о разрушеніи, о пламени и убійствахъ, страдаютъ отъ нетерпѣнія, когда войска, отправленныя въ походъ, не встрѣтились между собою или, встрѣтившись, не вступили въ битву, или, начавъ сраженіе, не положили на мѣстѣ по крайней мѣрѣ десять тысячъ человѣкъ". Эта характеристика вполнѣ примѣнима къ современнымъ войнолюбцамъ, храбро сражающимся у себя дома, за письменнымъ столомъ, съ чужими народами и государствами. *Labruyère*, Les Caractères, P., 1819, v. I, p. 279—280.

Такъ вводится въ заблужденіе политическая печать западной Европы. Наше мирное населеніе изображается въ видѣ воинственной массы, жаждущей сразиться съ нѣмецкими войсками ради французской дружбы и для предупрежденія будущихъ германскихъ посягательствъ. Какъ это похоже на дѣйствительность! Отдѣльные голоса политиканствующихъ публицистовъ выдаются за мнѣніе „милліоновъ русскихъ“ и даже „всего русскаго народа“. Правда, крикливые патріоты сами не отправятся въ походъ, а будутъ издали слѣдить за интересными событіями, отъ которыхъ пострадаютъ сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ людей. Погибать придется не тѣмъ, кто увлекается кровавыми призраками, а тѣмъ, кому нѣтъ никакого дѣла ни до „интригъ“ князя Бисмарка, ни до французскихъ мечтаній объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Франко-русскій союзъ не устранитъ отъ насъ сосѣдства 40-милліоннаго нѣмецкаго народа, съ которымъ всегда нужно будетъ считаться такъ или иначе. Никакія политическія комбинаціи не превратятъ французовъ въ нашихъ сосѣдей и не уничтожатъ пограничныхъ отношеній нашихъ съ нѣмцами. Эта азбучная истина забывается только фантазерами, которые всю современную исторію сводятъ къ закулиснымъ подвигамъ и интригамъ отдѣльныхъ лицъ.

Такъ какъ рѣчь идетъ о союзѣ, могущемъ вовлечь насъ въ цѣлый рядъ раскованныхъ войнъ, то любопытно знать, что думаютъ предложить намъ и чего ждутъ отъ насъ предполагаемые наши друзья, французы. Въ этомъ отношеніи намъ кажется поучительною упомянутая выше статья „дипломата“ въ „Revue générale“. Авторъ рекомендуетъ себя какъ человѣкъ высокопоставленный и компетентный. „Я оффиціально посѣтилъ,—говоритъ онъ,—не мало странъ и дворовъ,—хотя и не встрѣчалъ нигдѣ графа Василія,—и нѣтъ страны, откуда я вынесъ бы лучшія воспоминанія, чѣмъ изъ Россіи. Чествуемый петербургскимъ обществомъ, которому подобное найдется только въ Парижѣ въ извѣстныхъ салонахъ, я сохранилъ въ себѣ живое сознаніе качествъ славянскаго народа и научился любить его. Теперь сближеніе между двумя націями, едва намѣченное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выдвигается силою обстоя-

тельствъ и предписывается мудростью двухъ правительствъ". Указавъ на отсутствіе всякихъ поводовъ къ разногласіямъ и столкновеніямъ между Россіею и Франціею, авторъ заявляетъ, что обѣ державы имѣютъ одинаковый интересъ въ ограниченіи могущества Германіи. Въ политикѣ дѣйствуетъ будто бы правило, что успѣхи одного народа равносильны ослабленію другихъ, и поэтому „всякій выигрышъ Германіи есть потеря для Россіи". Нечего и говорить, что такая теорія равновѣсія доводитъ международное соперничество до абсурда. Германія выиграла многое въ области колоніальныхъ пріобрѣтеній, и эти успѣхи ея не могли намъ причинить никакого ущерба; такъ же точно наши послѣдовательныя завоеванія въ Средней Азіи были совершенно безразличны и, быть можетъ, даже желательны для нѣмцевъ. Усиленіе какого-либо государства можетъ представлять опасность для сосѣдей, когда оно затрогиваетъ ихъ реальные интересы; гдѣ интересы не сталкиваются непосредственно, тамъ не должно быть мѣста взаимной враждѣ и зависти. Но оставимъ теоріи французскаго „дипломата" и посмотримъ, какія практическія цѣли приписываетъ онъ русской политикѣ. „Россія,— по его словамъ,—не стремится уже такъ открыто, какъ прежде, къ Босфору; ея притязанія не уменьшились, что бы ни говорили въ Петербургѣ, но они болѣе сдержанны, если не болѣе скромны. Византія не составляетъ уже прямой и непосредственной цѣли. Подвигаясь медленно и твердо, Россія предпочитаетъ дѣйствовать въ Балканахъ посредствомъ системы протекторатовъ: это—замаскированное завоеваніе безъ полнаго овладѣнія и безъ отвѣтственности". Между тѣмъ, въ ожиданіи событій на Рейнѣ, Россія отказалась отъ вмѣшательства въ болгарскія дѣла, чтобы быть готовою дать вѣскій отпоръ воинственнымъ планамъ Германіи. „Развѣ это не авансъ относительно Франціи? – продолжаетъ авторъ:—по крайней мѣрѣ, въ этомъ можно видѣть желаніе войти въ игру нашей политики (?)". По мнѣнію „дипломата", образъ дѣйствій Россіи долженъ побудить Францію вступить съ нею въ соглашеніе, ибо „Россія дѣлаетъ намъ (французамъ) такіе авансы, какіе только допускаются дипломатическими обычаями". Однако французскіе правители не торо-

пятся идти намъ на-встрѣчу; они будто бы не обнаруживаютъ охоты воспользоваться русскимъ настроеніемъ. „Препятствіе къ союзу исходитъ не отъ Россіи; оно заключается въ дурной волѣ Франціи“.

Выходитъ какъ будто, что французы еще намъ сдѣлаютъ одолженіе, если примутъ содѣйствіе 200.000 русскихъ солдатъ для отобранія у нѣмцевъ Эльзаса и Лотарингіи. Намъ нечего отнимать у Германіи, и мы остались бы ни съ чѣмъ въ случаѣ побѣды; мы должны были бы довольствоваться тѣмъ, что ослабили нѣмецкую имперію и самихъ себя, ибо тогда возстановилось бы желанное для автора равновѣсіе въ пользу Франціи. Что касается интересовъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ, то „дипломатъ“ относится къ нимъ, повидимому, отрицательно; изъ словъ его можно было бы заключить, что французы столь же мало расположены поощрять наше стремленіе къ Босфору, какъ и германцы, и австрійцы. Если такъ смотритъ на дѣло человѣкъ, котораго чествовало петербургское общество и который бывалъ оффиціально при европейскихъ дворахъ, то чего же ожидать отъ людей, менѣе посвященныхъ въ политику и не столь преданныхъ идеѣ франко-русскаго союза?

Другой французскій дѣятель, несомнѣнный знатокъ международной дипломатіи, игравшій видную роль во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію мира между Франціею и Германіею въ 1871 году, графъ Шодорди также доказываетъ необходимость франко-русскаго союза [1]). „Между Франціею и Россіею,—говоритъ онъ,—не существуетъ никакихъ преградъ для дружбы и близкихъ отношеній. Устройство этихъ связей не можетъ быть дѣломъ одного дня; всякій, имѣющій во Франціи какое-либо вліяніе на внѣшнюю политику, долженъ трудиться для этой цѣли; всѣ партіи, всѣ направленія должны содѣйствовать этому, ибо въ этомъ спасеніе наше извнѣ. Двѣ великія расы—славянская и французская—прекрасно созданы для обоюднаго пониманія и соглашенія, и обѣ націи найдутъ въ этомъ громадныя выгоды“. Единствен-

[1]) „La France à la suite de la guerre de 1870—1871“, par le comte *de Chaudordy*, Paris, 1887.

нымъ предметомъ разногласій былъ польскій вопросъ, который теперь уже сошелъ со сцены. Восточныхъ дѣлъ авторъ не принимаетъ въ разсчетъ; онъ думаетъ, что Россія не станетъ добиваться того, что̀ непріятно было бы французамъ. „Франція,— утверждаетъ онъ, — имѣетъ свои симпатіи къ Турціи и достаточно доказала это на дѣлѣ. Когда наши интересы не были прямо задѣты, мы сражались за нашихъ давнишнихъ друзей и союзниковъ (турокъ!); но, будучи оставлены всѣми и самою Турціею, мы должны уже заботиться только о нашихъ собственныхъ дѣлахъ". „Война 1856 года,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—была послѣднимъ проявленіемъ великой и гордой политики", направленной „противъ русскаго преобладанія на востокѣ" и основанной на тѣсномъ союзѣ съ Англіею. „Допустивъ разгромъ Франціи, въ силу обдуманнаго рѣшенія, при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ и при полномъ пониманіи дѣла, Англія этимъ громко заявила, что она интересуется только ходомъ своей торговли, своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, своимъ развитіемъ, внутреннимъ и колоніальнымъ. Будущее покажетъ, не совершили ли величайшую ошибку государственные люди, направившіе Англію на этотъ путь, и не подвергли ли они опасности всего того, что̀ думали сохранить". Такъ какъ Англія оставила Францію на произволъ судьбы и не хочетъ быть съ нею въ союзѣ, а Австрія и Италія рѣшительно примкнули къ Германіи, то французамъ остается одна надежда —на Россію. Съ своей стороны, „Франція есть единственная въ Европѣ держава, способная оказать Россіи дѣйствительную и надежную поддержку, безъ опасности для будущаго". Въ чемъ же можемъ мы разсчитывать на французскую помощь? По мнѣнію графа Шодорди, Россія „призвана преобразовать племена, населяющія Среднюю Азію, и открыть прямое сообщеніе между Европою и крайнимъ востокомъ. На этомъ цивилизаторскомъ пути Россія должна имѣть съ Франціею близкое общеніе благородныхъ и практическихъ идей, и изъ этого положенія неизбѣжно образуется союзъ двухъ правительствъ, основанный на общности интересовъ и стремленій обоихъ народовъ. Установленіе этого союза должно быть одною изъ главныхъ цѣлей французской политики". Авторъ совѣтуетъ

правителямъ республики позаботиться о примиреніи и соглашеніи Россіи съ Англіею. „Русскіе не имѣютъ въ виду напасть на Индію. Они ограничиваютъ свое честолюбіе желаніемъ подвигаться медленно между Персіею и Афганистаномъ, къ океану и Персидскому заливу. Взглянувъ на карту, легко понять, что удовлетвореніе этого честолюбія и вполнѣ законно и достаточно для того, чтобы исполнились самыя грандіозныя мечтанія, какія можетъ имѣть Россія. Такимъ способомъ можно было бы устранить ея старыя притязанія на Константинополь".

Итакъ, французскій дипломатъ отводитъ для русской политики одно только самостоятельное поле дѣйствія—*въ Средней Азіи*, около Афганистана и Персіи! Въ средне-азіатскихъ дѣлахъ Франція готова оказать намъ помощь въ видѣ „близкаго общенія идей великодушныхъ и практическихъ", а мы взамѣнъ этого пошлемъ французамъ вспомогательную армію для доставленія имъ торжества надъ нѣмцами. Намъ обѣщаютъ поддержку тамъ, гдѣ она вовсе не нужна и даже неосуществима, а мы обязаны будемъ устроить для Франціи „спасеніе" въ области ея внѣшней политики, цѣною тяжелыхъ кровавыхъ жертвъ русскаго народа. Съ точки зрѣнія французскаго дипломата, завѣтные политическіе планы Россіи не должны идти далѣе Персидскаго залива, а Балканскій полуостровъ останется по прежнему въ распоряженіи западныхъ державъ—Австріи и Англіи. И для этого намъ предлагаютъ союзъ съ Франціею противъ Германіи!

Очевидно, французскіе патріоты далеко еще не освободились отъ опасныхъ иллюзій въ сферѣ международныхъ отношеній. Такой опытный и серьезный дипломатъ, какъ графъ Шодорди, считаетъ возможнымъ вѣрить, что вмѣшательство Англіи могло остановить германскія побѣды въ 1870 году или измѣнить условія мира въ пользу Франціи. Онъ обвиняетъ тогдашняго англійскаго премьера, Гладстона, за миролюбивую сдержанность, обязательную для всякаго англійскаго правительства при подобныхъ обстоятельствахъ. „Еслибы, — говоритъ онъ,—англійское правительство рѣшилось во время войны дѣятельно вмѣшаться въ защиту Франціи, оно было бы поддер-

жано правительствами Италіи и Австро-Венгріи: мы имѣемъ въ этомъ не только личное убѣжденіе, но и доказательства. Тогда, понятно, и результаты послѣдней войны были бы совсѣмъ другіе, даже для будущаго самой Англіи". Въ дѣйствительности, Австрія и Италія едва ли могли бы послѣдовать примѣру Англіи, еслибы послѣдняя сочла нужнымъ вмѣшаться, ибо для континентальныхъ государствъ участіе въ войнѣ сопряжено было бы съ гораздо бо́льшими усиліями и жертвами, чѣмъ для морской державы, обезпеченной отъ нападенія на сушѣ. Притомъ графъ Шодорди забываетъ о Россіи, которая сдерживала Австро-Венгрію своимъ заявленіемъ о сочувственномъ для Пруссіи нейтралитетѣ. Невѣрно также, что интересы Англіи пострадали отъ успѣховъ германскаго оружія; напротивъ, они выиграли во всѣхъ отношеніяхъ: англичане не распоряжались бы теперь самовластно въ Египтѣ, не были бы тріумфаторами на берлинскомъ конгрессѣ и не получили бы Кипра отъ Турціи, еслибы могущественная соперница Англіи не была разбита въ 1870 г. Англичанамъ пришлось бы дѣлиться съ французами-побѣдителями, а намъ нисколько не было бы легче отъ того, что конгрессъ 1878 г. происходилъ бы не въ Берлинѣ, а въ Парижѣ. Графъ Шодорди имѣетъ иллюзіи и въ военномъ отношеніи: онъ думаетъ, что французы, по всей вѣроятности, одержали бы побѣду, еслибы войска не были раздѣлены на семь корпусовъ, а составляли бы три сосредоточенныя арміи, изъ которыхъ двѣ подвигались бы впередъ, а третья была бы въ резервѣ. Первой побѣды было бы достаточно будто бы для того, чтобы разорвать союзъ, заключенный Пруссіею съ государствами южной Германіи Нужно очень плохо понимать тогдашнее настроеніе нѣмецкаго народа, чтобы предположить расколъ между нѣмцами послѣ первой неудачи; и надо имѣть совершенно ошибочное представленіе о тогдашнихъ военныхъ силахъ обѣихъ сторонъ, чтобы допустить возможность прочнаго успѣха для французскихъ армій, командуемыхъ такими полководцами, какъ Базэнъ, при общемъ разлагающемъ характерѣ бонапартовскаго режима того времени. Если такъ ошибается компетентный свидѣтель войны и участникъ послѣдовавшихъ за нею дипломатическихъ переговоровъ, то можно ли разсчитывать на лучшее

пониманіе событій со стороны большинства современныхъ дѣятелей и патріотовъ Франціи?

Болѣе скептическій взглядъ на русско-французское сближеніе высказанъ въ книгѣ Анатоля Леруа-Больё, имя котораго пользуется во Франціи авторитетомъ въ вопросахъ, касающихся Россіи и русской политики [1]). Леруа-Больё находитъ, что внутреннее состояніе республики не позволяетъ ей разсчитывать на заключеніе внѣшнихъ союзовъ и что, съ другой стороны, Россія оказывается не въ лучшемъ положеніи, вслѣдствіе отсталости своихъ административныхъ и общественныхъ порядковъ. Между обоими государствами было всегда мало общаго въ политическихъ симпатіяхъ и традиціяхъ; только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ охлажденія между Россіею и Германіею, русская дипломатія стала смотрѣть на Францію, какъ на возможную союзницу въ европейской политикѣ. Но, по мнѣнію автора, французы увлеклись гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и дѣлали авансы, которые принимались лишь свысока. „Нѣкоторые, въ своемъ увлеченіи сѣвероМъ, желали какъ будто бросить Францію въ объятія Россіи. Доходило до того, что обращались къ русской печати и къ русскимъ представителямъ съ вопросами о кандидатахъ въ президенты или въ министры. Можно было подумать, что русскому посланнику при французской республикѣ хотятъ навязать роль Репнина и уполномоченныхъ Екатерины II въ Варшавѣ наканунѣ раздѣла Польши. Достойны ли эти пріемы такой страны, какъ Франція? Развѣ такимъ способомъ можно заставить цѣнить ея дружбу? Для нашей старой Франціи Людовика XIV и Наполеона многіе демократы ищутъ какъ бы покровителя, а не союзника“. Франція не можетъ отказаться отъ своихъ традиціонныхъ интересовъ на востокѣ, гдѣ сталкиваются противоположныя стремленія Россіи и Австро-Венгріи [2]). Существованіе могуществен-

[1]) *Anatole Leroy-Beaulieu*, La France, la Russie et l'Europe. Paris, 1888. Наиболѣе интересная часть этой книги была напечатана раньше, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ „Revue des deux Mondes“, 1888, № 4.

[2]) Противъ союза съ Россіею въ области восточнаго вопроса высказывается и авторъ обширнаго новѣйшаго сочиненія о дипломатической исторіи французской республики, Эдмондъ Гиньо: „Histoire diplomatique de la troisième Répub-

ной Австріи, по словамъ Леруа-Больё, безусловно необходимо для Франціи. „Въ тотъ день, когда австрійская монархія исчезла бы или сократилась бы до размѣровъ венгерскаго королевства, насталъ бы конецъ французскому могуществу. Предъ лицомъ Германіи, увеличенной нѣмецкими провинціями Австріи, Франція занимала бы меньше мѣста въ Европѣ, чѣмъ Испанія... Разсматривая совокупность континентальной политики, нельзя не видѣть, что первый интересъ Франціи—поддержаніе Австріи, если не въ точныхъ ея нынѣшнихъ границахъ, то по крайней мѣрѣ въ ея историческомъ объемѣ и значеніи. Каждая изъ нихъ можетъ оставаться великою державою только до тѣхъ поръ, пока другая сохраняетъ этотъ же характеръ".

Между Франціею и Россіею, говорится далѣе, не было бы равенства ни въ степени риска, ни въ опасностяхъ военныхъ неудачъ, въ случаѣ совмѣстныхъ дѣйствій противъ Германіи. „До сихъ поръ непріятельское нашествіе ни разу не имѣло успѣха въ Россіи и всегда почти удавалось во Франціи. Чтобы отдѣлаться отъ враговъ, сѣверная имперія можетъ завлечь ихъ въ свои глубины... Она какъ будто лишена органическихъ свойствъ; она не имѣетъ ни мозга, ни сердца, гдѣ можно было бы нанести ей смертельный ударъ". Другое дѣло Франція: послѣ первой же битвы непріятель можетъ очутиться въ Шампани, а послѣ второй — явиться подъ фортами Парижа. Неравны также шансы заключенія выгоднаго мира. Между имперіями — разсчеты совсѣмъ иные, чѣмъ съ республикою; „несчастная война могла бы легко окончиться примиреніемъ трехъ имперій и новымъ священнымъ союзомъ противъ революціи, олицетворенной парижскою коммуною". Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что миръ необходимъ для французовъ, какъ и для русскихъ, и что крайняя сдержанность есть единственная политика, обязательная теперь для Франціи.

Вѣрная оцѣнка чужихъ народныхъ интересовъ и стремленій весьма рѣдко встрѣчается у французовъ, и обычная наклонность ихъ увлекаться въ ту или другую сторону обнару-

---

lique (1870 — 1889), par *Edmond Hippeau*, Paris, 1889 (Chap. XXII, „La Russie et l'alliance française", стр. 562 и слѣд.).

живается и во взглядахъ на франко-русскія отношенія. Приверженцы франко-русскаго союза, разсуждающіе о нашемъ участіи въ будущей великой войнѣ противъ Германіи, упускаютъ изъ виду, что рядомъ съ германской имперіей стоитъ союзница ея, довольно еще могущественная Австро-Венгрія, враждебно къ намъ расположенная и дѣйствительно соперничающая съ нами на Балканскомъ полуостровѣ. Куда же дѣнется Австрія, съ ея 800.000 войска, если мы обратимся противъ нѣмцевъ для поддержки Франціи? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она сыграетъ относительно нѣмцевъ ту же охранительную роль, какую мы сыграли въ 1870 году: Австрія выставитъ свою армію у нашихъ границъ, чтобы обезпечить нейтралитетъ Россіи по отношенію къ Германіи. Тѣ 200.000 русскихъ солдатъ, которыми хочетъ довольствоваться дипломатъ изъ „Revue générale", должны будутъ стоять на готовѣ противъ Австріи, а вовсе не противъ Германіи, — такъ что никакой военной помощи французы отъ насъ не получатъ, даже еслибы мы искренно желали помочь имъ. Если требовалось напряженіе всѣхъ нашихъ военныхъ силъ для разгрома Турціи, то тѣмъ болѣе необходимо будетъ сосредоточиться для борьбы съ Австро-Венгріею. Никто не скажетъ, что мы въ состояніи успѣшно вести наступательную войну одновременно противъ двухъ первоклассныхъ военныхъ державъ, а обороняться отъ Германіи намъ не придется, такъ какъ ей и безъ того будетъ слишкомъ много дѣла на Рейнѣ.

Сближеніе съ Франціею въ высшей степени желательно и полезно; оно фактически уже само собою установилось въ послѣднее время по поводу отдѣльныхъ международныхъ задачъ, въ родѣ египетской и болгарской, — но оно вытекаетъ изъ общности интересовъ относительно Англіи и ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть характеръ союза, направленнаго противъ Германіи. Франція и Россія одинаково заинтересованы въ ограниченіи британскаго преобладанія въ Средиземномъ морѣ, въ Константинополѣ, въ Египтѣ и на Суэзскомъ каналѣ. Отсюда — естественная солидарность дѣйствій на востокѣ, не имѣющая ничего общаго съ франко-германскими счетами. Мы можемъ извлечь большую пользу изъ существующаго соперни-

чества между Англіею и Франціею; по намъ рѣшительно нечего дѣлить съ французами въ случаѣ успѣшной борьбы ихъ съ Германіею: нѣмецкихъ земель намъ не нужно и, помогая Франціи добывать Эльзасъ и Лотарингію, мы только нажили бы себѣ злѣйшихъ и могущественныхъ враговъ, которые у насъ подъ бокомъ подготовляли бы возмездіе. Система крови и желѣза надолго овладѣла бы нашею политическою жизнью и придала бы ей крайне пагубное направленіе, несовмѣстимое съ мирными интересами народа; мы болѣе чѣмъ когда-либо отдалились бы отъ благопріятнаго рѣшенія восточнаго кризиса, имѣя предъ собою враждебную европейскую коалицію. И все это ради чего? Франція не можетъ послать ни одного солдата противъ Австріи и Англіи, которыя противостоятъ намъ на востокѣ. Французы ничего или почти ничего не могутъ сдѣлать для насъ во время общей европейской войны, точно также какъ и мы не въ состояніи были бы принять дѣятельное участіе въ событіяхъ на Рейнѣ, въ виду непріязненнаго намъ положенія Австро-Венгріи. Русско-германская вражда приводитъ къ послѣдствіямъ, одинаково убійственнымъ для Германіи и для Россіи, безъ существенной пользы для Франціи. Оставаясь же въ мирѣ съ германскою имперіею, мы можемъ весьма значительно вліять на рѣшенія ея относительно французовъ, какъ это ясно доказали примѣры 1875 и 1887 годовъ; мы можемъ оказывать давленіе на политику Берлина и послѣ открытія военныхъ дѣйствій на западѣ, оставляя за собою право голоса при опредѣленіи мирныхъ условій. Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія односторонняго франкофильства, нельзя было бы намъ колебаться въ выборѣ между дружбою и враждою съ Германіею.

Можно сказать, что до послѣдняго времени русско-германскія отношенія имѣли всѣ свойства „худого мира“; но государство должно руководствоваться не впечатлѣніями минуты и не порывами мимолетнаго чувства, а твердымъ сознаніемъ высшихъ и постоянныхъ интересовъ страны. Нужно помнить, что бисмарковскій международный режимъ — явленіе преходящее, временное, далеко не совпадающее съ культурнымъ ростомъ нѣмецкой націи. Основатели имперскаго единства сойдутъ со

сцены; не станетъ „желѣзнаго канцлера“, и затихнутъ громы берлинскихъ оффиціозовъ, принимаемыхъ нынѣ за выразителей воли и мнѣнія Германіи. При дѣятеляхъ менѣе геніальныхъ и авторитетныхъ, измѣнится самъ собою характеръ имперской политики, и потребности мирныхъ трудящихся населеній выступятъ снова на первый планъ. Предполагать, что миролюбивый нѣкогда нѣмецкій народъ окончательно переродился въ духѣ прусскаго надменнаго милитаризма и нашелъ свое вѣрное выраженіе въ системѣ безплодной международной вражды —значило бы не понимать исторіи. Быть можетъ, и франко-германскій споръ, столь сильно обострившійся въ послѣдніе годы, найдетъ себѣ со временемъ болѣе разумный и человѣчный выходъ, чѣмъ предполагаемое колоссальное кровопролитіе.

Идея франко-русскаго союза порождаетъ во Франціи напрасныя иллюзіи, которыя отчасти поддерживались разсужденіями и намеками нѣкоторыхъ русскихъ газетъ. При постоянномъ ежедневномъ чтеніи враждебныхъ заграничныхъ органовъ вырабатывается у нашихъ газетныхъ политиковъ какой-то особый взглядъ на Европу: европейскіе народы какъ-будто исчезаютъ, а на ихъ мѣсто ставятся „Сѣверо-германская всеобщая газета“, „Пештскій Ллойдъ“, „Standard“ и „Times“. Предполагается, что каждое слово той или другой газеты внушено дальновидными государственными людьми и что, напримѣръ, князь Бисмаркъ всецѣло занятъ редактированіемъ многочисленныхъ органовъ, имѣющихъ репутацію оффиціозныхъ. Газета „Post“, или „Сѣверо-германская“, или „Кельнская,“ сказала то-то; значитъ, Германія хочетъ того-то, хотя бы это совсѣмъ не соотвѣтствовало мнѣніямъ остальной нѣмецкой печати и дѣйствительному настроенію нѣмецкаго общества. „Пештскій Ллойдъ“ и вѣнская „Presse“ высказываются такъ-то; значитъ, Австрія имѣетъ такіе-то опасные планы. А такъ какъ взгляды газетъ часто мѣняются, то почти ежедневно обнаруживаются перемѣны и противорѣчія въ замыслахъ Бисмарка, Салисбери и Кальноки. Это легкое газетное политиканство, видящее Европу только на страницахъ оффиціозной прессы, создаетъ для нашей читающей публики какой-то фантастическій міръ, полный кровавыхъ призраковъ, угрозъ и интригъ.

Любой газетный намекъ какого-нибудь нѣмецкаго патріота разростается въ нашемъ воображеніи въ цѣлую систему; непріязненный тонъ иностранной журналистики, вызываемый иногда нашею же предполагаемою враждебностью, принимается за очевидный симптомъ приближающейся грозы. Негодованіе по поводу отдѣльныхъ выходокъ печати обращается противъ цѣлаго народа, и великія европейскія націи смѣло привлекаются къ отвѣтственности за неудачныя разсужденія „Кельнской газеты“, „Standard'a“ или „Pester Lloyd'a“. Умы нашихъ политиковъ изощряются до того, что они начинаютъ читать между строкъ и сразу отыскиваютъ нужные симптомы, игнорируя все остальное; тогда они достигаютъ высшей ступени газетной проницательности: они предсказываютъ будущія статьи иноземныхъ оффиціозовъ и совѣтуютъ заранѣе принять мѣры противъ неугомонныхъ враговъ.

Не смотря на тяжелый опытъ 1877—78 годовъ, въ нашей печати поднимается отъ времени до времени горячая полемика по поводу возможныхъ столкновеній Россіи съ иностранными державами. Долго стоялъ у насъ на очереди вопросъ о кровавой борьбѣ съ Англіею; появлялись даже серьезные труды, въ которыхъ доказывалась печальная неизбѣжность этой войны съ соціологической, экономической и культурно-исторической точекъ зрѣнія, причемъ упускались только изъ виду мизерные дѣйствительные интересы русскаго народа. Но кровавый спектакль не состоялся, и англо-русскій споръ уладился мирно. Вѣтеръ подулъ съ другой стороны, и тѣ же публицисты стали съ легкимъ сердцемъ толковать о неминуемой будто бы войнѣ съ Германіею. Вчера намъ предлагали бороться на жизнь и смерть съ Англіею; сегодня проповѣдуютъ то же самое относительно Германіи и Австріи, не заботясь уже ни объ англичанахъ, ни о туркахъ. Можетъ ли быть рѣчь о сознательной политикѣ, когда люди сами не знаютъ, куда имъ идти, съ кѣмъ воевать и ради чего? Воззрѣнія нашихъ политиковъ зависятъ какъ будто исключительно отъ взглядовъ иностранной печати въ данную минуту: англичане усиленно раздували вопросъ объ афганскихъ границахъ, и мы вслѣдъ за ними готовы были распинаться изъ-за афганскихъ дѣлъ; промышленная Англія

хлопочетъ о новыхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній, и мы также толкуемъ о рынкахъ, которые намъ совершенно не нужны; нѣмцы боятся Россіи и относятся къ ней враждебно, и мы вслѣдъ за ними проникаемся мыслью о русско-германской борьбѣ. У насъ нѣтъ, повидимому, собственныхъ политическихъ цѣлей и взглядовъ; случайныя и временныя увлеченія, симпатіи и антипатіи толкаютъ насъ то въ ту, то въ другую сторону, безъ всякаго опредѣленнаго плана.

Нерѣдко въ журналистикѣ повторяются и выдаются за несомнѣнныя истины такія положенія, которыя въ сущности хуже самыхъ вредныхъ заблужденій. „Всѣмъ извѣстно,—по словамъ одного серьезнаго журнала,—что войны велись, ведутся и будутъ вестись изъ-за рынковъ". Такого рода изреченія еще недавно казались очень модными и убѣдительными. Когда дѣло войны сводится къ рынкамъ, къ торговымъ и промышленнымъ интересамъ, то остается только махнуть рукою на послѣдніе остатки человѣческаго достоинства, проявляемые еще въ политической жизни народовъ. Люди, идущіе убивать себѣ подобныхъ ради увеличенія доходности какихъ-то коммерческихъ предпріятій, недостойны званія гражданъ: это наемные бандиты, не имѣющіе ничего общаго съ интересами и понятіями просвѣщенныхъ націй. Правительство, которое бросало бы въ жертву тысячи жизней и разоряло бы свою страну и чужую, ради карманныхъ выгодъ какихъ-то торговцевъ и фабрикантовъ, не заслуживало бы названія правительства; это была бы просто купеческая контора, захватившая власть и не знающая другихъ цѣлей, кромѣ наживы. Англичане предпринимали колоніальныя войны въ интересахъ своей всемірной торговли и промышленности; они руководствовались при этомъ традиціонными идеями о величіи и могуществѣ Британіи, о владычествѣ ея на моряхъ, о пріобрѣтеніи и сохраненіи такихъ колоній, какъ Индія. Но если забота о рынкахъ играла видную роль въ политикѣ Англіи, какъ страны исключительно торговой и промышленной, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что тѣ же рынки должны озабочивать другія государства и народы, у которыхъ преобладаютъ интересы земледѣлія. Нелѣпо было бы возводить купеческую точку зрѣнія англичанъ на степень общаго пра-

вила. Войны, какъ говорится въ томъ же журналѣ, изъ котораго мы привели выше цитату, ведутся будто бы „изъ-за интересовъ капиталистовъ и промышленной буржуазіи и по настоятельному требованію этихъ мирныхъ гражданъ, миролюбивыхъ лишь до тѣхъ поръ, пока не трогаютъ ихъ кармана“. Невозможно приписывать купцамъ такое рѣшающее вліяніе на политическія дѣла въ Европѣ. Въ сѣверной Америкѣ капиталисты и промышленная буржуазія господствуютъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ самой Англіи, и однако великая американская республика не вела и не собирается вести никакой войны изъ-за рынковъ. Не изъ-за рынковъ воевала Германія съ Франціею, не ради рынковъ боролась Россія съ Турціею, и ни одно европейское государство не начнетъ войны во имя интересовъ „капиталистовъ и промышленной буржуазіи“. Отъ народнаго разоренія, вызываемаго войною, не можетъ выиграть и купечество, за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ; только для послѣднихъ война есть дѣйствительно рынокъ. Утвержденія, въ родѣ приведеннаго, могутъ только сбивать съ толку общественное мнѣніе; они даютъ ложную окраску политическимъ событіямъ и предполагаютъ узкіе житейскіе мотивы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, вопросы о рынкахъ не существуютъ для Россіи, ибо даже созданная нами Болгарія не привлекла нашихъ комерсантовъ и производителей; извѣстно, что московскія фирмы упорно отказывались устроить съ ней торговыя сношенія, несмотря на настойчивые совѣты нѣкоторыхъ доброжелательныхъ патріотовъ. О нашей скудной торговлѣ въ Средней Азіи нечего и говорить. Какой же смыслъ имѣетъ у насъ теорія, что „войны велись, ведутся и будутъ вестись изъ-за рынковъ“?

Многіе смотрятъ еще на возникновеніе войнъ съ какою-то непонятною легкостью; они видятъ возможность кровавой борьбы во всякомъ таможенномъ спорѣ, возникшемъ изъ-за интересовъ мирныхъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ. Воинственные толки припутывались даже къ тарифному конфликту между Румыніею и Австріею, вызванному необдуманною запретительною мѣрою австрійскаго правительства (въ 1886 году), и тотъ самый фактъ, который послужилъ для австрійцевъ наглядным

доказательствомъ безцѣльности и вреда слѣпого эгоизма въ дѣлахъ международныхъ [1]), выставлялся для доказательства воинственныхъ тенденцій мирныхъ капиталистовъ и фабрикантовъ. Изъ того, что Австрія могла воспользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы побудить Румынію къ уступчивости, выведено было заключеніе, что дѣло дойдетъ до принужденія; „а если румынское правительство заупрямится,— говорилось дальше,—тогда очень возможно, что изъ-за нѣсколькихъ тысячъ быковъ будетъ убито много тысячъ людей и даже очень много, такъ какъ Россія не можетъ допустить занятія австрійцами Румыніи". Все это было бы „очень возможно" только въ одномъ совершенно невѣроятномъ случаѣ: если бы Австрія какимъ-то чудомъ превратилась въ домъ умалишенныхъ. Не только изъ-за нѣсколькихъ тысячъ быковъ, но и изъ-за сотенъ милліоновъ купеческихъ денегъ немыслимо въ здравомъ умѣ бросать милліарды на европейскую войну и превращать цвѣтъ населенія въ безобразныя груды изуродованныхъ труповъ. Авторъ приведенныхъ нами строкъ несомнѣнно возмутился бы, еслибы предложено было зарѣзать хоть одного человѣка ради какого-либо крупнаго промышленнаго интереса; а между тѣмъ онъ спокойно разсуждаетъ, что изъ-за быковъ „будетъ убито много тысячъ людей и даже очень много", точно дѣло идетъ именно о быкахъ, а не о людяхъ. Это холодное безсознательное равнодушіе къ чужимъ человѣческимъ жизнямъ составляетъ самую печальную черту во всѣхъ обычныхъ разговорахъ о войнѣ.

Нашимъ газетнымъ войнолюбцамъ слѣдовало бы иногда заглядывать въ такія книжки, какъ брошюра бывшаго австрійскаго министра Шеффле о „предстоящей войнѣ въ цифрахъ". Десятки милліардовъ новыхъ государственныхъ долговъ, увеличеніе податного бремени до небывалой еще степени, разореніе народнаго хозяйства и особенно земледѣльческаго, возможность финансоваго банкротства для нѣкоторыхъ государствъ, не говоря уже о человѣческихъ жертвахъ, — все это становится наглядным и убѣдительнымъ въ формѣ сухихъ цифръ. „Пусть подумаютъ объ этихъ числахъ,—говоритъ Шеффле,—

[1]) См. выше, стр. 87—8.

прежде чѣмъ вызывать призракъ „необходимой войны“ и представлять его публикѣ въ видѣ неизбѣжнаго рока. Этотъ призракъ былъ бы страшенъ, еслибы онъ явился. Болгары, которые играли имъ, не настолько возбуждаютъ наше сочувствіе, чтобы изъ-за нихъ намъ враждовать, безъ всякой пользы, съ Россіею... Развѣ собственный интересъ Австро-Венгріи оправдывалъ бы принесеніе громадныхъ жертвъ войны для того, чтобы отдалить Россію отъ Болгаріи или даже чтобы навсегда запереть ей выходъ въ Средиземное море?.. Это я отрицаю самымъ положительнымъ образомъ... Особое политическое вліяніе Россіи въ Болгаріи, освобожденной русскими жертвами, не угрожаетъ интересу настолько значительному, чтобы онъ для Австро-Венгріи хотя бы приблизительно стоилъ 600 или 300 милліоновъ новыхъ налоговъ или соотвѣтственнаго колоссальнаго государственнаго банкротства... Мы не имѣемъ никакой надобности воевать для Англіи противъ Россіи и содѣйствовать англичанамъ превратить Средиземное море въ озеро, а Египетъ— въ провинцію британской имперіи. Кровавая борьба съ Россіею въ Болгарія была бы для Австріи просто безуміемъ, пока Дунай и путь къ Салоникамъ свободны. Война Австріи для пользы Англіи была бы еще болѣе непонятна, чѣмъ вооруженный нейтралитетъ 1854 года, послужившій причиною изолированности Австріи въ 1859 и 1866 годахъ. Кромѣ Англіи, можетъ желать возбужденія такой войны только Франція, въ видахъ болѣе удобнаго возмездія относительно Германіи. Австрія же и Россія совершили бы по отношенію къ своимъ народамъ преступленіе безполезнѣйшей растраты людей и милліардовъ“ [1]).

Мнѣніе нѣмецкаго ученаго соціолога и бывшаго австрійскаго министра имѣетъ, конечно, неизмѣримо больше вѣса— не только теоретическаго, но и практическаго,—чѣмъ пустые возгласы и выходки оффиціозныхъ или quasi-оффиціозныхъ газетъ, которыми преимущественно питается фантазія многихъ нашихъ газетныхъ политиковъ.

---

[1]) „Der nächste Krieg in Zahlen“ von Dr. *Alb. Schäffle* (Tübingen, 1887), стр. 9, 21—24.

Изъ опыта прошлаго и изъ современныхъ политическихъ обстоятельствъ вытекаетъ одинъ существенный выводъ, который слишкомъ часто забывается текущею журналистикою. Для сознательной и послѣдовательной національной политики въ области внѣшнихъ дѣлъ, нужна сознательная внутренняя политическая жизнь. Международная политика можетъ быть національною и плодотворною только тогда, когда она служитъ выраженіемъ дѣйствительныхъ потребностей и интересовъ страны и опирается на живыя общественныя силы народа.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О курсѣ международнаго права, проф. Мартенса.

(Къ стр. 78).

Г. Мартенсъ различаетъ три періода въ развитіи международнаго права въ Европѣ: первый періодъ, до Вестфальскаго мира, характеризуется господствомъ физической силы; второй, до вѣнскаго конгресса, воплощаетъ въ себѣ идею политическаго равновѣсія, а третій, до настоящаго времени, соотвѣтствуетъ преобладанію принципа національностей. Въ будущемъ же предстоитъ господство „идеи права въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова". Изложивъ въ главныхъ чертахъ исторію международныхъ отношеній отъ древности до берлинскаго конгресса, авторъ переходитъ къ исторіи международнаго права, какъ науки, отъ Гуго Гроція и до новѣйшихъ работъ гентскаго института. Послѣ такого значительнаго введенія, начинается „часть общая", занимающая собою весь первый томъ. Во второмъ томѣ или въ „особенной части" излагается „право международнаго управленія" во всѣхъ различныхъ сферахъ жизни народовъ,—включая и право войны, и международное частное и уголовное право. Война разсматривается авторомъ подъ сложною рубрикою, скрывающею нѣсколько ея истинный характеръ;—въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, трезвый практическій взглядъ соединяется съ научнымъ оптимизмомъ.

Авторъ неоднократно высказываетъ мысль, что „внутренняя жизнь и порядокъ государства обнаруживаютъ роковымъ образомъ свое дѣйствіе на международныя его отношенія и политику". „Международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе государственныхъ обществъ въ извѣстную эпоху ихъ существованія, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ

строя... Стоитъ только опредѣлить крѣпость внутренняго государственнаго порядка и степень общественнаго развитія даннаго народа, чтобы опредѣлить, *помимо его внѣшней физической силы*, степень его вліянія и значенія въ области международныхъ отношеній... Если въ государствѣ человѣческая личность, какъ такопая, признается источникомъ гражданскихъ и политическихъ правъ, то и международная жизнь представляетъ высокую степень развитія, порядка и права" (т. I, стр. II—III предисл.). „Чѣмъ болѣе государства сознаютъ свои обязанности въ отношеніи своихъ подданныхъ,—говорится въ другомъ мѣстѣ (стр 20),—чѣмъ болѣе относятся съ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ, тѣмъ менѣе будетъ произвола во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, тѣмъ лучше будетъ обезпечено мирное и правомѣрное теченіе международной жизни".

Логически это кажется совершенно вѣрнымъ; но если мѣрку, предлагаемую авторомъ, примѣнить къ политикѣ отдѣльныхъ государствъ, напримѣръ Англіи и Россіи, то обнаружится нѣкоторая несообразность. Внѣшняя политика англичанъ носитъ на себѣ характеръ насилія, произвола и неразборчивости въ средствахъ; самому г. Мартенсу приходилось не разъ доказывать несправедливость дипломатическихъ предпріятій и притязаній Англіи,—а между тѣмъ станетъ ли онъ утверждать, что такимъ же характеромъ отличается внутренняя политическая жизнь англичанъ, что у нихъ не укоренилась идея права, что англійское правительство плохо сознаетъ свои обязанности въ отношеніи подданныхъ и не относится съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ? Международная роль Россіи имѣла часто руководящее значеніе въ Европѣ; она постоянно усиливалась съ конца прошлаго столѣтія, проявлялась въ самыхъ „великодушныхъ" и безкорыстныхъ формахъ,—то въ видѣ далекихъ походовъ на защиту Австріи или Пруссіи, то въ видѣ спасенія Европы отъ Наполеона. Скажетъ ли г. Мартенсъ, что эта дѣятельная, энергическая, самоотверженная роль русской политики вытекала изъ высокаго развитія внутренней жизни Россіи въ эпоху крѣпостного права? Наша внѣшняя политика издавна славится своею гуманностью, уступчивостью и безкорыстіемъ: она руководится повидимому принципами, болѣе возвышенными, чѣмъ тѣ, которыми проникнута политика Англіи,—а по теоріи г. Мартенса, „международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе государственныхъ обществъ, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ строя". Выходитъ, что общественный бытъ крѣпостной Россіи былъ выше и богаче политическаго строя Англіи,—если считать вѣрнымъ „зеркало" г. Мартенса. Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду

не реальную историческую дѣйствительность, а такой порядокъ вещей, при которомъ настоящіе интересы, потребности и средства страны служили бы единственнымъ мѣриломъ внѣшней политики государства. Въ исторіи бываетъ наоборотъ: при самомъ скудномъ и несостоятельномъ порядкѣ внутри, можетъ существовать самая щедрая и блестящая дѣятельность извнѣ, предназначенная именно къ тому, чтобы внутреннюю бѣдность прикрыть заманчивымъ ореоломъ славы.

Авторъ, вслѣдъ за нѣмецкими теоретиками, приписываетъ государству идеальную цѣль—„всестороннее развитіе силъ и способностей подданныхъ“ (т. II, стр. 2 и др.), а основаніе международной дѣятельности онъ видитъ только въ „недостаточности силъ и средствъ отдѣльнаго народа въ достиженіи своей жизненной цѣли“. Не трудно замѣтить, что этою „недостаточностью“ далеко не объясняется большинство политическихъ дѣлъ и плановъ государственныхъ людей въ области международной предпріимчивости. Взглядъ автора на государство грѣшитъ чрезмѣрною отвлеченностью, которая отражается и въ общихъ разсужденіяхъ его о международномъ правѣ. Иногда эта отвлеченность доходитъ до туманности. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію г. Мартенса, „тамъ, гдѣ общество неограниченно господствуетъ надъ государствомъ, тамъ гдѣ государство поглощается обществомъ и верховная власть есть слѣпое орудіе въ рукахъ какого-нибудь отдѣльнаго общественнаго класса, индійской касты или современной клики (?), тамъ международные обороты могутъ быть только или запрещены подъ угрозою жестокихъ наказаній, или эксплуатируемы для чисто-эгоистическихъ или корыстолюбивыхъ цѣлей. Наоборотъ, при правильной постановкѣ отношеній общества къ государству, когда государственная власть содѣйствуетъ нормальному развитію общественныхъ интересовъ въ предѣлахъ, ею поставленныхъ, соціальныя стремленія теряютъ въ области международныхъ отношеній ту національную рѣзкость, тотъ узкій антагонизмъ, который имъ свойственъ внутри государства“ (т. I, стр. 22). Изъ словъ автора не видно, почему преобладаніе общества надъ государствомъ должно выражаться въ низведеніи верховной власти на степень „слѣпого орудія“ и въ извращеніи международныхъ интересовъ. Государство несомнѣнно поглощается обществомъ въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и отчасти въ Англіи;—однако ни у англичанъ, ни у американцевъ власть не сдѣлалась орудіемъ одного какого-нибудь класса или „клики“ и не мѣшала самому широкому развитію международныхъ отношеній. Неправдоподобнымъ оказывается также приведенное выше замѣчаніе автора, что международное вліяніе и значеніе государства зависитъ отъ степени общественнаго развитія даннаго народа, помимо его внѣшней

физической силы;—стоитъ только вспомнить положеніе нѣмцевъ до и послѣ прусскихъ побѣдъ, или сопоставить внѣшнюю пассивность нынѣшней Франціи съ политическимъ преобладаніемъ Россіи при императорѣ Николаѣ.

Г. Мартенсъ, впрочемъ, признаетъ важность физической силы въ международныхъ дѣлахъ; онъ вводитъ силу въ составъ своей системы, какъ необходимый способъ „международнаго принужденія“ и „возстановленія нарушеннаго юридическаго порядка“. Онъ не раздѣляетъ надеждъ на предотвращеніе войнъ посредствомъ примѣненія началъ третейскаго суда или арбитража. „Для будущности самого третейскаго суда необходимо,—какъ полагаетъ г. Мартенсъ,—избѣгать иллюзій въ этомъ вопросѣ. Во всѣхъ международныхъ спорахъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ политическій элементъ, третейское разбирательство невозможно. Оно приложимо только къ такимъ, по большей части не существеннымъ разногласіямъ государствъ, въ которыхъ замѣшаны главнымъ образомъ интересы юридическаго свойства, когда надо выяснить права, принадлежащія сторонамъ“ (т. II, стр. 451). Какъ средство международнаго управленія (?),—продолжаетъ авторъ,—„*война подчиняется праву*. Непосредственная цѣль войны — возстановленіе права и мира“... (тамъ же, стр. 461—2).

Эта теорія кажется намъ слишкомъ смѣлою. Въ спорѣ между Даніею и Пруссіею право могло быть вполнѣ на сторонѣ датчанъ; но право Даніи должно было подчиниться прусской военной силѣ. Можно ли говорить о возстановленіи права путемъ войны, когда результатъ зависитъ исключительно отъ превосходства силы, которое рѣдко совпадаетъ съ превосходствомъ права? Для слабаго государства самыя безспорныя права и справедливѣйшія требованія остаются безъ всякой охраны, если ихъ отрицаетъ сильный противникъ; а могущественная держава свободно нарушаетъ юридическій порядокъ и игнорируетъ соображенія справедливости, не опасаясь ни „принужденія“, ни „возстановленія“. Если сила и право—синонимы, то можно говорить и о правѣ войны; но зачѣмъ маскировать грубый фактъ господства силы натянутыми фразами объ идеѣ права? Нужно называть вещи настоящими именами, не прибѣгая къ натяжкамъ, спутывающимъ разнородныя понятія въ ущербъ истинѣ. „Право и оружіе чаще всего противоположны между собою“, по признанію Гуго Гроція. Это положеніе имѣетъ силу теперь, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ. Никакое право, хотя бы самое священное, не устоитъ противъ милліонной арміи, направляемой честолюбивыми и безразборчивыми патріотами. Нынѣшняя Германія всегда будетъ права противъ такихъ сосѣдей, какъ Данія; Англія всегда считаетъ себя въ правѣ распоряжаться по своему въ Египтѣ и вездѣ, гдѣ она не предви-

дитъ серьезнаго сопротивленія, не стѣсняясь вовсе вопросомъ о правѣ. Г. Мартенсъ находитъ сходство между принужденіемъ, охраняющимъ законы внутри государства, и употребленіемъ силы въ международныхъ дѣлахъ; но онъ упустилъ изъ виду существенную разницу, уничтожающую всякую возможность параллели между обѣими категоріями фактовъ. Въ спорахъ между отдѣльными лицами принужденіе употребляется только послѣ того, какъ рѣшенъ вопросъ о правѣ посредствомъ суда, на основаніи законовъ; сила дѣйствуетъ противъ стороны, признанной уже неправою,—тогда какъ между государствами война рѣшаетъ дѣло въ пользу сильнѣйшаго, независимо отъ того, кто правъ и кто виноватъ.

Переименовать войну въ „международное принужденіе“ или даже въ „средство международнаго управленія“,—не значитъ еще смягчить существующее понынѣ господство физической силы, которое, по автору, отличало собою эпоху, предшествовавшую вестфальскому миру. Въ средніе вѣка избіеніе человѣческихъ массъ не было еще доведено до такого совершенства и до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ новѣйшее время; средневѣковыя битвы могутъ считаться дѣтскими забавами сравнительно съ сраженіями при Садовой, при Гравелоттѣ или Марсъ-Латурѣ, гдѣ десятки тысячъ людей умерщвлялись въ одинъ день; рыцарскія осады крѣпостей и замковъ кажутся пустяками въ сравненіи съ осадою Парижа нѣмцами или даже съ стоянкою русскихъ войскъ подъ Плевною. Почему же это грандіозное развитіе орудій борьбы и военнаго искусства должно называться мягче и скромнѣе, чѣмъ мелкое „кулачное право“ средневѣковой старины? Очевидно, что нѣтъ никакого основанія помѣщать господство физической силы въ какой-нибудь отдаленный отъ насъ періодъ международныхъ отношеній; это господство, въ болѣе широкихъ и усовершенствованныхъ формахъ, продолжается доселѣ,—оно сопутствуетъ принципу національностей, какъ прежде проявлялось въ теоріи политическаго равновѣсія, оставаясь неизмѣнною основою внѣшней политики государствъ. Такимъ образомъ, признаки, по которымъ проф. Мартенсъ дѣлитъ исторію развитія международнаго права на періоды, нуждаются въ соотвѣтственной поправкѣ.

Благодаря отчасти своему взгляду на войну, какъ на нормальный способъ „международнаго принужденія“, авторъ придаетъ особенное значеніе вопросу о кодификаціи военныхъ правилъ и обычаевъ. Извѣстно, что брюссельская конференція 1874 года, занимавшаяся этимъ вопросомъ, была созвана оффиціально по предложенію Россіи, но что въ самомъ дѣлѣ починъ принадлежалъ прусскому правительству, выступившему горячо въ пользу ограниченія правъ народной обороны, подъ предлогомъ гуманности На

конференціи ясно опредѣлилось различіе между стремленіями военныхъ державъ и интересами слабыхъ народовъ: представители послѣднихъ были всѣ противъ прусскаго проекта, защищаемаго нѣмецкими генералами и русскими дипломатами. Г. Мартенсъ не упоминаетъ объ этомъ раздвоеніи, послужившемъ главною причиною неудачнаго исхода конференціи; онъ утверждаетъ даже, что „брюссельская конференція была одушевлена желаніемъ не стѣснить ни въ чемъ законнаго права народной обороны и обезпечить права добровольныхъ защитниковъ родины", хотя оппозиція мелкихъ государствъ была именно направлена противъ этихъ предположенныхъ стѣсненій. Авторъ съ своей стороны полагаетъ, что „борьба совершенно неорганизованными массами никогда не достигала большихъ результатовъ и даже чаще въ итогѣ приносила больше вреда, чѣмъ пользы. Возбудить народъ къ сопротивленію непріятелю нетрудно, но нелегко управлять его возбужденными силами и заставить подчиниться распоряженіямъ правительства. Въ большинствѣ случаевъ народныя войны приводятъ къ полной анархіи, одинаково нежелательной ни для нападающаго, ни для обороняющагося государства" (т. II, стр. 481). Повидимому, такое мнѣніе не совсѣмъ согласно съ историческими фактами—напр. съ успѣхомъ партизанскихъ дѣйствій испанцевъ противъ французовъ при Наполеонѣ, съ судьбою французской арміи въ Россіи и наконецъ съ исторіею французской національной обороны 1870- 71 годовъ. Послѣ Седана, во Франціи фактически наступила анархія вслѣдствіе взятія императора въ плѣнъ и полнаго разгрома его армій; эта анархія была предотвращена только при помощи энергическаго продолженія борьбы республиканскимъ правительствомъ. Военныя потрясенія и неудачи неизбѣжно приводятъ къ послѣдствіямъ, противъ которыхъ безсильна предусмотрительность правителей. Для того, чтобы народъ не возбуждался ходомъ войны и оставался спокойнымъ зрителемъ катастрофъ,—для этого нужно было бы превратить народъ въ безличную, пассивную массу рабовъ, неспособныхъ отдаваться человѣческимъ чувствамъ и порывамъ. Такого результата нигдѣ и никогда не достигали вполнѣ; а еслибъ возможно было достигнуть, то стремиться къ этому было бы по меньшей мѣрѣ опасно, на случай внѣшнихъ пораженій. Ни одно правительство не заинтересовано въ томъ, чтобы гарантировать себя отъ появленія Мининыхъ и Пожарскихъ въ трудные историческіе моменты. Если Пруссія возставала противъ неудобствъ народной обороны, то только потому, что увѣрена въ достаточности своихъ военныхъ силъ и разсчитываетъ вести успѣшныя наступательныя войны, а не оборонительныя. По поводу брюссельской конференціи можно сказать только одно: человѣческая рѣзня можетъ существовать только какъ грубый, возмутительный

традиціонный фактъ, къ которому непримѣнимы какія бы то ни было правила. Устанавливать систематическій регламентъ, по которому люди будутъ правильно истреблять другъ друга во время войны,—противно здравому человѣческому инстинкту. Когда лучшія здоровыя силы населенія обрекаются на гибель въ составѣ арміи, то хлопоты о неприкосновенности мирныхъ жителей звучатъ лицемѣріемъ. Народная армія не можетъ уже такъ рѣзко отдѣляться отъ остальныхъ гражданъ, какъ прежнія военныя касты и сословія; да и несправедливо обращать всѣ удары и бѣдствія войны на одну лишь часть населенія, одѣтую въ мундиры.

Пусть ужасы войны будутъ чувствительны для всѣхъ и каждаго, не исключая и журнальныхъ патріотовъ, готовыхъ расточать чужую кровь во имя своего патріотизма; пусть будетъ установлено правило, что всякій сторонникъ и проповѣдникъ войны долженъ обязательно идти лично въ ряды войска; пусть кровавый бичъ войны остается въ своемъ настоящемъ видѣ, не прячась въ лживую маску какого-то подобія права,—и война будетъ все болѣе терять своихъ адептовъ, сдѣлается все болѣе ненавистною большинству людей и будетъ все менѣе нуждаться въ истолкованіи со стороны такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ профессоръ Мартенсъ. Тогда, быть можетъ, идея права дѣйствительно послужитъ основою отношеній между государствами и внесетъ новый смыслъ въ темную область международной политики.

II. По поводу полемики о войнѣ.

(Къ стр. 82).

Когда главы о войнѣ печатались въ „Вѣстникѣ Европы“ (1886, іюнь и іюль), въ нашей журналистикѣ замѣчалась наклонность къ оправданію военныхъ столкновеній болѣе или менѣе правдоподобными мотивами международнаго соперничества. Обострившійся тогда болгарскій кризисъ давалъ обильный матеріалъ для воинственныхъ предположеній и опасеній. Мы считали долгомъ указать на странный характеръ политическихъ теорій, которыя излагались въ то время въ такомъ „симпатичномъ и добросовѣстномъ“ журналѣ, какъ „Сѣверный Вѣстникъ“ (см. нашу замѣтку въ сентябрьской книгѣ „В. Е.“ за 1886 г., стр. 393).

По этому поводу появился въ названномъ журналѣ крайне рѣзкій отвѣтъ г. Южакова, приправленный чисто-личными выходками, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, не обходится у насъ полемика даже объ отвлеченныхъ предметахъ. Перетолковавъ нашъ отзывъ по своему, г. Южаковъ возсталъ противъ обвиненій, о ко-

торыхъ у насъ и помину не было,—что будто бы онъ „*рекомендуетъ* войны и взаимное истребленіе великими народами другъ друга и почитаетъ подобное явленіе не только не печальнымъ и не безчеловѣчнымъ, но желательнымъ, благодѣтельнымъ, должнымъ и вдобавокъ неотмѣнимымъ, вѣчнымъ“ („С. В.“, 1886, № 9, стр. 146). Почтенный оппонентъ нашъ успѣшно опровергнулъ эти собственные свои комментаріи, не имѣющіе ничего общаго съ дѣйствительнымъ смысломъ сказаннаго нами. Такъ какъ намъ пришлось въ текстѣ коснуться теоріи г. Южакова по вопросу о войнѣ, то мы считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь слѣдующее:

Во-первыхъ, проводить идею о томъ, что война есть неизбѣжный фактъ въ жизни народовъ,—вовсе не значитъ „рекомендовать“ войну, считать ее желательною, благодѣтельною и т. д. Это двѣ вещи, совершенно различныя и иногда прямо противоположныя. Можно признавать извѣстное явленіе неминуемымъ, законнымъ при данныхъ условіяхъ, и въ то-же время смотрѣть на него, какъ на великое бѣдствіе. Только въ первомъ смыслѣ приписывали мы „воинственныя *теоріи*“ г-ну Южакову: о желательности для него войны у насъ и рѣчи не было. Личныя желанія не имѣютъ значенія въ подобныхъ случаяхъ; гораздо важнѣе и опаснѣе теоретическіе выводы, дающіе какъ-будто научное оправданіе нежелательнымъ фактамъ.

Во-вторыхъ, г. Южаковъ находится въ странномъ заблужденіи, полагая, что мысль о неправильности прямого примѣненія дарвинизма къ общественнымъ явленіямъ составляетъ какъ бы собственность г. Михайловскаго и его, г. Южакова. Это притязаніе кажется намъ просто смѣшнымъ. Въ громадной литературѣ соціальныхъ наукъ, попытки примѣненія дарвинизма занимаютъ пока еще довольно незначительное мѣсто; поспѣшныя и поверхностныя обобщенія подобнаго рода отвергаются большинствомъ западно-европейскихъ ученыхъ. Утверждать, что всѣ, возражающіе противъ односторонникъ идей Гартмана, Бэджгота и другихъ, высказываютъ чужія мысли—мысли гг. Михайловскаго и Южакова,—это верхъ литературнаго самомнѣнія.

Въ-третьихъ, г. Южаковъ совершенно напрасно отыскивалъ какіе-то особенные личные мотивы въ неоднократныхъ замѣчаніяхъ нашихъ по поводу его взглядовъ на войну. Внесеніе личнаго элемента въ обсужденіе серьезныхъ вопросовъ казалось намъ всегда неумѣстнымъ и даже противнымъ. Мы указывали на статьи г. Южакова просто потому, что идеи, проводимыя въ нихъ, имѣли непріятный реакціонный оттѣнокъ (по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ) и что мы придавали серьезное значеніе появленію такихъ статей въ журналѣ, который по общему своему характеру принадлежитъ къ направленію вполнѣ либеральному.

Нашъ краткій отзывъ, выраженный въ немногихъ строчкахъ (въ упомянутой выше замѣткѣ сентябрьской книги „В. Е." 1886 г.), могъ быть слишкомъ категориченъ; но онъ только передавалъ общее впечатлѣніе, которое статьи г. Южакова должны были производить на каждаго читателя. У насъ оказалась только одна неточность: не имѣя въ данный моментъ подъ рукою книжекъ „Сѣв. Вѣстника", мы сдѣлали невольную фактическую ошибку, упомянувъ о соціологическихъ терминахъ, которые будто-бы примѣнены г. Южаковымъ къ объясненію фактовъ войны. Хотя вообще г. Южаковъ и шагу не можетъ ступить безъ дифференціаціи, интеграціи и „дисинтеграціи", но въ данномъ случаѣ онъ этимъ соціологическимъ жаргономъ не пользовался.

Отвѣтъ на полемическія замѣчанія г. Южакова по поводу его воинственной статьи о Болгаріи (въ „Сѣв. В.", 1886, № 9) см. въ „Вѣстникѣ Европы", 1887, августъ, стр. 875—77.

III. О книгѣ проф. Градовскаго.

„Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Томъ первый. Часть историческая". Спб., 1886. — Книга Гнейста о конституціонномъ правѣ Англіи

(Къ стр. 198).

Обширный курсъ профессора А. Градовскаго посвященъ предмету, имѣющему тѣсную связь съ вопросомъ о народномъ представительствѣ и парламентаризмѣ. Ознакомленіе съ государственнымъ устройствомъ сосѣднихъ народовъ необязательно, по новому университетскому уставу, для нашихъ будущихъ юристовъ и администраторовъ; но оно несомнѣнно сохраняетъ свой прежній интересъ для русской образованной публики вообще. Недостатки и достоинства иностранныхъ порядковъ могутъ быть поучительны, независимо отъ идеи о какомъ-либо подражаніи западу; замѣтное сходство учрежденій существуетъ и тамъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о сознательномъ заимствованіи, — ибо потребности человѣческихъ обществъ болѣе или менѣе однородны на извѣстныхъ степеняхъ культурнаго развитія. Вездѣ люди стараются достигнуть условій хорошаго управленія: эти условія имѣютъ много общаго въ разныхъ государствахъ Европы, и неудивительно, что выводы получаются нерѣдко одни и тѣ же, несмотря на различіе путей, которымъ слѣдуютъ люди въ своихъ поискахъ.

Въ книгѣ проф. Градовскаго излагается съ большими подробностями исторія возникновенія и распространенія представительныхъ учрежденій въ западной Европѣ, причемъ главное мѣсто

отведено политической исторіи Англіи, начиная съ англо-саксовъ. Въ небольшомъ введеніи авторъ объясняетъ сущность конституціоннаго движенія и высказываетъ свои взгляды на политическіе и соціальные вопросы новѣйшаго времени. Проф. Градовскій относится критически къ старой либеральной доктринѣ, хотя и признаетъ ея значеніе въ развитіи европейскаго парламентаризма. „Въ борьбѣ съ отжившими учрежденіями и съ злоупотребленіями „стараго порядка",—говоритъ онъ,—либеральная доктрина соединяла въ общемъ дѣйствіи всѣ образованные и вліятельные классы общества. Для разрѣшенія политическихъ, общественныхъ и національныхъ вопросовъ, она предлагала формулу, которая могла быть принята вліятельнѣйшими классами, отвращавшимися и отъ абсолютизма, и отъ радикальныхъ принциповъ демократіи... Провозглашеніе и обезпеченіе извѣстныхъ правъ личныхъ, имущественныхъ и общественныхъ, которыхъ государственная власть не могла бы нарушать произвольными мѣрами; распредѣленіе отдѣльныхъ функцій власти между особыми и различно устроенными органами, которые могли бы сдерживать другъ друга въ законныхъ границахъ и тѣмъ обезпечивать законность и свободу; участіе народа въ отправленіи законодательной, судебной и отчасти административной власти для обезпеченія общественныхъ интересовъ и для контроля надъ дѣйствіями властей правительственныхъ, — таковы главныя начала этой программы. Ими опредѣляется и черта, отдѣляющая новое государство отъ установленій стараго порядка. Но не ими могло быть опредѣлено содержаніе и направленіе государственной дѣятельности. Провозглашеніе и утвержденіе новыхъ формъ имѣло значеніе перваго шага на новомъ пути. Обновленное государство встрѣтилось съ трудными и важными задачами, разрѣшеніе которыхъ заставляетъ себя ждать, что и вызываетъ критическое отношеніе къ государственнымъ формамъ, привѣтствованнымъ въ свое время, какъ залогъ лучшаго будущаго" (стр. 16—17). Роль буржуазіи на западѣ характеризуется авторомъ немногими чертами, болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства. „Изъ всѣхъ формъ правленія — по его словамъ—меньше всего устойчивости имѣетъ та, въ которой власть дѣлается достояніемъ одного класса и является орудіемъ его своекорыстныхъ стремленій. Противъ нея будетъ народное чувство, и она часто находится въ опасности отъ происковъ честолюбцевъ, стремящихся къ высшей власти и обращающихъ въ свою пользу народное неудовольствіе. Въ неограниченной монархіи имѣется власть, независимая отъ классовъ и имѣющая возможность пользоваться своимъ могуществомъ для общей пользы. Въ ея могуществѣ всѣ классы общества, въ особенности же классы низшіе, могутъ видѣть опору и защиту отъ конечной зависимости ихъ отъ

другихъ классовъ. Вотъ почему, несмотря на злоупотребленія органовъ власти, возможныя въ неограниченной монархіи, она представляетъ больше условій устойчивости, нежели государственная форма, опирающаяся на господство одного класса. Она или гибнетъ отъ взрыва народнаго неудовольствія, или становится жертвою счастливаго честолюбца, при равнодушіи массъ. Судьба многихъ (?) конституціонныхъ формъ на западѣ Европы доказываетъ это; сверхъ того, буржуазія не имѣла за собой условій, поддерживавшихъ авторитетъ двухъ высшихъ сословій стараго порядка — силы преданія и нравственной власти. Она есть часть народа и въ свое время выступила отъ имени цѣлаго народа... Господство буржуазіи имѣетъ чисто фактическія основанія, и не на нихъ, конечно, могли быть поставлены преграды для успѣховъ демократіи".

Разсужденія почтеннаго автора могутъ однако показаться не совсѣмъ ясными и не убѣдительными, такъ какъ они не подкрѣпляются достаточными доказательствами. Всякія государственныя формы терпѣли крушеніе, когда онѣ рѣзко расходились съ требованіями и интересами народной жизни; въ этомъ отношеніи едва-ли можно сказать, что конституціонныя правительства чаще другихъ подвергались риску коренного разлада съ большинствомъ населенія. Подъ „многими" примѣрами, на которые намекаетъ авторъ, слѣдуетъ вѣроятно разумѣть главнымъ образомъ паденіе іюльской монархіи, опиравшейся на господство богатаго „мѣщанства"; но февральская революція вызвана была скорѣе ошибками Луи-Филиппа и его министровъ, чѣмъ своекорыстіемъ того класса, который, въ лицѣ своихъ передовыхъ дѣятелей, настоятельно требовалъ реформы. Судьба Карла X въ 1830 г. и гибель второй имперіи свидѣтельствуютъ также противъ тезиса проф. Градовскаго; то же самое относится и ко многимъ другимъ случаямъ подобнаго рода въ исторіи западной Европы. Владычество высшихъ классовъ въ Англіи не мѣшаетъ замѣчательной устойчивости режима, основы котораго все болѣе расширяются постепеннымъ ростомъ демократіи. Съ другой стороны, неизбѣжное господство придворной аристократіи и чиновничества въ неограниченныхъ монархіяхъ едва ли можетъ считаться гарантіею и опорою для низшихъ классовъ населенія.

По замѣчанію автора, право всеобщей подачи голосовъ есть только средство для разрѣшенія общественныхъ противорѣчій. „Однако, простое провозглашеніе всеобщаго избирательнаго права, —говорится далѣе,—не обезпечиваетъ качества и достоинства выборовъ. Послѣдніе зависятъ отъ уровня образованія массъ, отъ степени развитія ихъ политическаго смысла, отъ ихъ экономическаго достатка, словомъ, отъ многихъ условій, коими опредѣ-

лется сознательность голосованія и пользованіе имъ къ выгодѣ государства, какъ цѣлаго. До настоящаго времени и при современныхъ условіяхъ народнаго образованія, достатка, политическаго образованія и воспитанія, начало всеобщей подачи голосовъ, какъ напр., во Франціи, въ Германіи и въ Америкѣ, остается проблемою, разрѣшеніе которой не предвидится и въ близкомъ будущемъ". Авторъ указываетъ на односторонность „ученія либеральной школы" о невмѣшательствѣ государства въ область экономическихъ отношеній; онъ возстаетъ и противъ такъ называемаго государственнаго соціализма. „Слово „государственный соціализмъ" —объясняетъ онъ, — есть боевой лозунгъ, брошенный во время борьбы партій, для привлеченія на свою сторону одной части населенія и для устрашенія и устраненія другой. Но если государственное вмѣшательство будетъ имѣть своимъ предметомъ серьезныя мѣры помощи рабочимъ классамъ и огражденіе ихъ интересовъ, въ видахъ предотвращенія ихъ физическаго и нравственнаго вырожденія, для распространенія между ними знаній, нравственныхъ понятій, для улучшенія ихъ гигіеническихъ условій, для возможнаго обезпеченія ихъ на случай несчастій и отъ послѣдствій промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ,—то подобныя мѣры получатъ значеніе мѣръ государственныхъ, безъ посторонняго предиката, обыкновенно затемняющаго дѣло". Нельзя отрицать, что либеральная буржуазія „заслуживаетъ многихъ упрековъ за свою безпечную, во многихъ отношеніяхъ своекорыстную экономическую политику"; но какъ устранить своекорыстіе сословій и отдѣльныхъ лицъ въ сферѣ государственныхъ дѣлъ? Указанія автора въ этомъ отношеніи не довольно опредѣленны. „Упадокъ или повышеніе общаго благосостоянія, —разсуждаетъ онъ,—зависитъ отъ мудрой международной политики, не ввергающей страну въ непрерывныя войны, влекущія за собою промышленные и торговые кризисы; отъ общаго направленія торговой и промышленной политики, отъ состоянія путей сообщенія, отъ количества и качества народныхъ школъ, отъ справедливаго и разумнаго распредѣленія податей и бережливости въ ихъ расходованіи, отъ удовлетворительнаго состоянія администраціи и судовъ,—словомъ, отъ всей совокупности условій, при которыхъ благосостояніе создается и поддерживается само собою, дѣйствіемъ всѣхъ производительныхъ силъ страны". Все это совершенно вѣрно; но вопросъ именно въ томъ, какими способами достигается мудрость въ политикѣ, въ финансахъ и въ общемъ управленіи. Западно-европейскія попытки рѣшенія этого вопроса освѣщаются весьма слабо дальнѣйшимъ содержаніемъ книги проф. Градовскаго.

Историческая часть „курса" заключаетъ въ себѣ, прежде всего, подробную исторію королей и государственныхъ дѣятелей Англіи

отъ V-го до конца XVII вѣка. Военныя и семейныя дѣла различныхъ царствованій, обиліе именъ и годовъ, разсказы о династіяхъ и герояхъ, о столкновеніяхъ и подвигахъ,—оставляютъ, къ сожалѣнію, мало мѣста описанію общественныхъ и политическихъ учрежденій въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Масса подробностей невольно затемняетъ иногда изложеніе главнаго предмета книги. Описывая могущество средневѣковой англійской аристократіи, авторъ говоритъ слѣдующее: „Изъ обычая жаловать служилому человѣку прокормленіе и одежду, развилось учрежденіе гербовой одежды (livery—ливрея), которою обозначалась принадлежность лица, ее носившаго, къ дому магната, подъ покровительствомъ котораго онъ состоялъ... Ливрея и покровительство были двумя средствами, черезъ которыя магнаты не только поддерживали свое вліяніе на мѣстахъ, но и пользовались имъ для незаконнаго воздѣйствія на мѣстные суды и мѣстное управленіе; въ смутныя эпохи, „ливрейные люди“ были главнымъ подспорьемъ для мятежей и междоусобныхъ войнъ. Напрасно статуты и распоряженія королей, начиная съ Ричарда II, старались ограничить право магнатовъ раздавать ливреи“ (стр. 154 — 5). Въ другомъ мѣстѣ сказано, что въ Лондонѣ „право активнаго гражданства сосредоточилось въ самопополняющейся корпораціи лицъ, коимъ дано было право носить одежду (livery) разныхъ гильдій; „ливрейные люди“ (liverymen) избирали лорда-мэра, шерифа, различныхъ другихъ должностныхъ лицъ города и представителей въ парламентѣ“ (стр. 163). Съ одной стороны, идетъ рѣчь о ливреѣ въ смыслѣ одежды, — и тогда не совсѣмъ понятна важность, придаваемая этому факту „статутами и распоряженіями королей“; съ другой стороны, говорится о ливреяхъ въ примѣненіи къ свободнымъ членамъ городскихъ корпорацій. Но слово „livery“ означаетъ кормленіе, содержаніе; сверхъ того, оно означаетъ еще *цехъ*. Мѣры королей направлены были не противъ „учрежденія гербовой одежды“ (какъ выражается авторъ), а противъ права лордовъ имѣть многочисленные штаты служилыхъ людей, считавшихся у нихъ на содержаніи. Что касается лондонскихъ гражданъ, то они были цеховыми (liverymen), а не какими-то „ливрейными людьми“. Авторъ замѣчаетъ также, что „первые спикеры нижней палаты были изъ слугъ лордовъ“; такъ „Петръ де-ла Маръ былъ steward графа Марча, Томасъ Гунгерфордъ былъ steward'омъ герцога Джона Ланкастерскаго“ (стр. 155). Между тѣмъ, „steward“—едва ли слуга, это—управляющій, гофмейстеръ и т. п.; кромѣ того графъ Марчъ и герцогъ Джонъ были не простые лорды, а близкіе родственники королей, при которыхъ занимать какую-либо должность не было постыдно для вліятельныхъ гражданъ. Поэтому выводъ, что названные выше „спикеры палаты были изъ *слугъ* лордовъ“, не вполнѣ точенъ.

Говоря о королевѣ Елисаветѣ, авторъ высказываетъ мысль, что „фанатическія проповѣди пуританъ и ихъ нападки на церковь и правительство являлись только рѣзкимъ диссонансомъ среди чувствъ общаго довольства умнымъ и заботливымъ управленіемъ обожаемой Queen Bess". Къ числу заслугъ королевы онъ относитъ и то, что „англійская литература была представлена Спенсеромъ, Шекспиромъ и др.; новые пути для философіи раскрывались Бэкономъ". Однако самъ же авторъ разсказываетъ, какъ усиливалась оппозиція въ обществѣ и въ парламентѣ; а такія явленія едва ли совмѣстимы съ „чувствомъ общаго довольства". Противъ пуританъ принимались рѣшительныя мѣры; печать была подчинена строгой цензурѣ; типографіи были оставлены только въ трехъ городахъ; устная проповѣдь сектантовъ „вела къ жестокимъ наказаніямъ и даже къ смертной казни". Когда въ парламентъ внесено было предложеніе объ улучшеніи судебной процедуры, то „королева, призвавъ къ себѣ спикера, напомнила ему, что она постоянно запрещала парламенту вмѣшиваться въ дѣла, превышающія его пониманіе; что она удивлена непокорностью палаты и повелѣваетъ спикеру не допускать подобныхъ предложеній до обсужденія". Самъ авторъ предложенія „потерялъ свое мѣсто, былъ вычеркнутъ изъ списка барристеровъ и подвергнутъ заключенію"; но какъ ни печаленъ былъ для него этотъ случай, — прибавляетъ проф. Градовскій,— „онъ показывалъ, однако, въ какія сферы проникало недовольство" (стр. 302 — 3). Эти свѣдѣнія противорѣчатъ, очевидно, вышеприведенному отзыву о чувствахъ общаго довольства умнымъ и заботливымъ управленіемъ королевы Елизаветы.

Вторая половина книги посвящена обзору событій и перемѣнъ въ остальной Европѣ, особенно во Франціи, съ конца прошлаго вѣка до нашихъ дней. Исторія Англіи остается доведенною до 1688 года; о позднѣйшихъ англійскихъ дѣлахъ говорится только мимоходомъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 562—4), и ничего не сказано о важныхъ избирательныхъ реформахъ 1867 и 1884 годовъ.

Сводъ догматическихъ свѣдѣній по конституціонному праву представленъ авторомъ въ другомъ сочиненіи: „Общее государственное право". Лекціи проф. А. Д. Градовскаго. Спб. 1885.

Почти одновременно съ выходомъ „исторической части" курса проф. Градовскаго, появился въ русскомъ переводѣ капитальный трудъ извѣстнаго спеціалиста по англійскому государственному праву, профессора Гнейста,—„Исторія государственныхъ учрежденій Англіи" (Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею С. А. Венгерова. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1885). Хотя проф. Градовскій пользовался, между прочимъ, указаніями нѣмецкаго изслѣдователя, но

онъ не придерживался его системы. Въ трактатѣ Гнейста мы не находимъ особенныхъ подробностей династической исторіи, которыя встрѣчаются въ книгѣ проф. Градовскаго. Гнейстъ даетъ намъ весьма сложную и постепенно развертывающуюся картину послѣдовательнаго роста общественныхъ и политическихъ учрежденій Англіи; за то онъ освобождаетъ читателя отъ хронологіи, обилія именъ, и пріуročиваетъ свое изложеніе къ извѣстнымъ эпохамъ внутренняго развитія страны, независимо отъ калейдоскопа событій, смѣняющихся на поверхности политической жизни. Гнейстъ приводитъ внѣшніе историческіе факты только въ той мѣрѣ, въ какой они дѣйствительно связаны съ судьбами націи и въ какой они необходимы для пониманія взаимной связи явленій; оттого исторія конституціи не загромождена у него постороннимъ балластомъ и выступаетъ предъ нами въ видѣ живого цѣльнаго зданія, воздвигаемаго исподоволь энергіею многихъ поколѣній.

Профессоръ Гнейстъ ясно и точно опредѣляетъ существенныя особенности англійскаго политическаго быта. „Въ Англіи,—говоритъ онъ,—свобода общества и лица не была принесена въ жертву политической свободѣ, какъ мы это видимъ въ древнемъ мірѣ. Здѣсь впервые въ исторіи мы видимъ идею свободы въ примѣненіи къ большому государству и притомъ примѣненіи полномъ, а именно: въ видѣ *соціальной* свободы, т.-е. закономѣрной возможности, предоставленной каждому, какъ бы скромно ни было его происхожденіе, достигнуть собственными заслугами и талантами почестей и имущественнаго обезпеченія; въ видѣ *личной* свободы, которая, безъ ущерба полнотѣ государственной власти, гарантируетъ личную и имущественную неприкосновенность отдѣльныхъ гражданъ; въ видѣ *политической* свободы, т.-е. способности народа издавать самому для себя законы и приводить ихъ въ исполненіе путемъ свободнаго самоуправленія... Не права парламента и не формы парламентскаго управленія, а личная дѣятельность, проявлявшаяся какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, въ ежедневной работѣ на пользу государства, создала величіе Англіи“.. (стр. 841). Коснувшись соціальнаго недуга, разъѣдающаго экономическій бытъ страны, авторъ обращаетъ вниманіе на новѣйшія реформы въ духѣ демократіи и на добросовѣстныя усилія законодательства улучшить положеніе низшихъ классовъ. Законодательство,— по его словамъ,—серьезно и систематически приступаетъ къ тому, чтобы наверстать все упущенное до сихъ поръ государственною властью въ дѣлѣ защиты слабѣйшихъ классовъ общества. При этомъ образуется обновленная консервативная партія, которая, проникнувшись сознаніемъ истиннаго своего назначенія, благоразумно отказывается отъ принципіальной неподатливости старыхъ торіевъ и, соперничая съ вигами на почвѣ соціальныхъ реформъ, не только принимаетъ уча-

стіе въ осуществленіи послѣднихъ, но и присвоиваетъ себѣ мало-по-малу починъ во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ соціально-политическаго характера. Фабричное законодательство, все глубже и глубже проникающее во всѣ подробности быта рабочихъ, начиная съ защиты женщинъ и дѣтей и кончая постановленіями, направленными противъ всевозможныхъ пагубныхъ вліяній фабричной работы; серьезная заботливость объ улучшеніи санитарной и строительной полиціи, о жилищахъ и пищѣ трудящихся классовъ, болѣе гуманная система призрѣнія бѣдныхъ,—болѣе гуманная, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ системою восемнадцатаго столѣтія, построенною на строгой замкнутости; серьезныя и цѣлесообразныя мѣры для поднятія народнаго образованія,—все это свидѣтельствуетъ, что правящій классъ умѣлъ достойнымъ образомъ понять лежащія на немъ обязанности".

Гнейстъ предвидитъ наступленіе кризиса, угрожающаго вѣковому политическому устройству Англіи: „Потокъ непосредственныхъ общественныхъ стремленій, который теперь размываетъ фундаментъ англійской конституціи, остановится лишь тогда, когда дойдетъ до всеобщей подачи голосовъ и до полнаго уравненія избирательныхъ округовъ, что̀ повлечетъ за собою еще большее разложеніе избирательныхъ корпорацій"; но „ходъ англійской государственной жизни можетъ служить ручательствомъ въ томъ, что имущіе классы въ Англіи примутъ эту борьбу и поведутъ себя въ ней иначе, чѣмъ то дѣлали имущіе классы во Франціи". Авторъ съ довѣріемъ смотритъ на будущность англійскаго народа и совершенно не раздѣляетъ пессимизма тѣхъ, которые боятся грозныхъ катастрофъ въ виду усиливающагося сознательнаго раздраженія массъ. „Основныя черты англійскаго національнаго характера,—замѣчаетъ Гнейстъ,—личное мужество, осмотрительность и политическая опытность правящаго класса, добрыя традиціи парламентской практики,—все это служитъ ручательствомъ въ томъ, что и этотъ кризисъ будетъ пережитъ Англіею безъ серьезной опасности для цѣлости государства и безъ ущерба для существеннѣйшихъ началъ парламентскихъ учрежденій... Народамъ, такъ же какъ и отдѣльнымъ личностямъ, суждено переживать подобные періоды испытаній; но, насколько мы можемъ судить изъ опыта прошлаго, это еще не даетъ намъ права сомнѣваться въ благополучномъ конечномъ исходѣ. Тѣ тысячи лѣтъ англійской исторіи, которыя лежатъ позади насъ, вполнѣ оправдываютъ надежду, что нація эта устоитъ въ предстоящей борьбѣ, и лучшіе матеріалы для возведенія своего новаго государственнаго зданія найдетъ въ собственномъ же прошломъ, какъ сдѣлала это и германская нація" (стр. 857).

Ссылка на примѣръ Германіи, очевидно, не можетъ быть признана основательною въ данномъ случаѣ; это только обычная дань

нѣмецкому патріотическому чувству со стороны почтеннаго автора, давнишняго поборника идей свободы и самоуправленія въ нѣмецкомъ обществѣ,—идей, не особенно процвѣтающихъ подъ руководствомъ князя Бисмарка и графа Мольтке.

(Къ стр. 260).

Примѣчаніе.—Ученіе Н. Я. Данилевскаго, изложенное въ книгѣ „Россія и Европа“, разобрано было весьма дѣльно и обстоятельно въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1877 г., № 1, стр. 121—150, за подписью „профана“.

Цѣна 2 руб.

Складъ изданія въ кн. магазинѣ типографіи М. Стасюлевича
Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.

2007058730